

ББК 84 (2Рос-Рус) 6—49 П
968

Редактор
Ф. В. ШПАКОВСКИЙ
Художник
А. А. АМИРХАНОВ

Автор благодарит за помощь в издании книги Пермскую общественную организацию пенсионеров «Нефтепереработчик», Пермский филиал некоммерческой организации «Благотворительный фонд «ЛУКОЙЛ» и лично генерального директора ООО «ЛУКОЙЛ-ПНОС» Жукова Владимира Юрьевича.

Если всю жизнь ходить в лес, то постепенно в тебе скапливаются невидимые силы, как в дереве, которое расцветает весной, в довольстве и неге проживает лето, а под осень, умудренное опытом жизни, роняет отшумевшие листья, и листопад этот бесконечен...

Листья летят, подставляя бока осеннему солнцу, и оно высвечивает их разноцветную суть: рыжую, оранжевую, фиолетово-пурпурную, желтую — всех оттенков не перечесть. Каждый лист своеобразен, и если ты внимателен и равнодушен, он навсегда останется в памяти во всей своей красе. Надо не пропустить в жизни этот листопад, лететь вместе с ним, отгадывать его для себя и других и никогда не увядать в чувствах.

Вот и мои мысли о лесе, подобно листьям, рождаются, зреют и отлетают, готовые к восприятию их другими людьми. Но, оторвавшись, они не уносятся безвозвратно в небытие, а становятся достоянием тех, кто больше других желает увидеть, услышать и почувствовать. Именно им — равнодушным, любознательным и терпеливым — адресуется эта книга. Хочется верить, что тот, кто ее для себя открывает, научится у деревьев, зверей и птиц тому, что долгое время было от него сокрыто.

Эти лесные заметки служат продолжением двух предыдущих книг — «Мои лесные бессонницы» и «Перелески». Идея, заложенная в основу новой книги, продолжает прежнюю: мысли, когда-то представляющие еся мне «лесными бессонницами» и «перелесками», теперь, не теряя своей сути, переименованы в «листья», «листопад» из них, которым не перестает одаривать нас природа.

Когда мысленно просматриваешь эти казалось бы обыкновенные лесные мелочи, мысли-листочки, то постепенно понимаешь, что именно через них входил в желанный мир, где твое маленькое «я» заполняется большой неведомой душой леса... Я храню множество таких мелочей и очень хочу, чтобы они стали частицей души всех читателей. Ведь в мире правды нет ничего чуждого, и при внимательном рассмотрении все почерпнутое в лесу может стать общим, если кто-то пожелает сделать его своим.

Лес — кладовая жизненных сил, и листья-мысли не уми рают: заботливый ветер уносит их к человеку. Это только кажется, что если листик оторвался от родимого дерева, то с ним надо распрощаться, он по гиб, — на самом деле он только начинает жить... Всякий листочек, если его вовремя увидит и подобрать, не пропадет и станет маленьким открытием.

Листья-мысли созревают, падают, а ты собираешь их, и так постепенно слагается урожай знаний. Сердце твое, как и весной, наполняется радостью, и радость эта рождает близость всего живого с человеческим миром, призванным реализовать свое истинное «я» в соединении с лесом. Осенний листопад в нем — это плод долгих размышлений, дождь мыслей, предназначенный сыпать для людей неустанно, чтобы они, не переставая, взглядывались в вечность и поверили наконец во всемогущего Бога.

Осенний листопад — это еще и дождь чувств. Зарождаясь зимою, они копятя весну и лето, вспыхивают, угасают и вновь, с новой силой, возгораются, даря человеку надежду. Сама книга «Листопад» — это прощание с дорогими сердцу воспоминаниями, своего рода окончательное освобождение от накопившихся мыслей и чувств, порожденных общением с удивительным миром природы.

Автор.

Я лежу на нарах в лесной избушке и слушаю, как за стеной подкрадывается вечер. Неимоверная тоска не одолевает мое сердце, потому что ночь в лесу к тебе вовсе не равнодушна. Среди глухой неизбывности она натягивает синие сумерки на черные ели, окружает совершенным покоем и тишиной, и оттого одиночество становится желанным и неувязимым для всего плохого.

Кажется, что если я усну, ночь вместе с чем-то, что давно меня ждет, пропадет бесследно и больше никогда не вернется. Мне хочется, чтобы она все время была со мной, пела над моей головой, убаюкивала своими тихими сомнениями, но в то же время не давала забыться. Так всегда бывает в лесу: ты становишься будто оторванным от всех, долго не можешь уснуть и все о чем-то думаешь...

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, и в такт их шуму рождаются мои неотступные спасительницы — мысли...

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека еще не насту-7

пил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва...

Только в первый зазимок так обворожительно, до головокружения, пахнет палым листом и отмирающими в земле корнями. Эти запахи пронизывают все насквозь, и кажется, что они жили в тебе всегда, но пробудила их осень...

* * *

Живя в клетке, птицы теряют яркую, красивую окраску, а вместе с нею и голос, в отличие от человека, которого неволя учит песням.

* * *

Где-нибудь за дальним перелеском застрекочут растревоженные кем-то сойки, и почудится, будто там собрались неведомые музыканты. Они настраивают на разные лады свои диковинные инструменты, и по лесу разносятся обрывки незнакомых и очень приятных мелодий.

* * *

Живет человек на земле не год и не два, и кажется, все ему давно известно, но только не приходит он в лес для потаенного с ним разговора до тех пор, пока не обнаружит в душе истинную боль, пока не произнесет про себя всерьез слова о

смерти и не почувствует жгучую потребность любить. И безвозвратно проплывают мимо напоенные легкой радостью облака, холодные речные струи чуть слышно нашептывают присмирившим берегам что-то удивительно важное, сдержанно покачивают упругими верхушками гибкие сосны, величественно и мудро расходуя скрытый в их телах свет,— все в лесном царстве дышит полной жизнью, в спокойном ожидании внимательного прикосновения человека.

Заострять свое внимание на неуловимой черточке в природе может лишь человек спокойный и мудрый, достойный предпочесть общему ликованию тихую вкрадчивую радость. Такое всматривание под стать глубокому чувству или единственно верной мысли, высказанной не впопыхах, на бегу, а наедине с природой, ее голубыми легкими небесами и зелеными сочными нивами.

Тихо, почти неслышно плывешь на лодке вдоль берега глухой речушки, а навстречу высовывают из чащи головы лоси, пришедшие на водопой, и, кажется, дружески кивают, приветствуя тебя, и улыбаются.

Замечено, что хорошо поют именно малоприметные птицы: соловьи, славки, жаворонки... Природа, обделив их оперение яркими красками, наградила взамен звучной и звонкой песней. Но почему бы отменному певцу не быть еще и красивым?

Обрекая птиц на невзрачный вид, природа, наверное, таким образом позаботилась о их сохранении.

Осуществляя однажды у себя в деревне горловое пение как одну из практик древнетибетской дыхательной гимнастики, я неожиданно обнаружил, что исходящая при этом звуковая вибрация отрицательно воздействует на... комаров. Только что надоедливые насекомые кружили по всему дому, мешая мне сосредоточиться, как вдруг куда-то все исчезли, будто их и не было. А может быть, наоборот, необычная звуковая тональность так зачаровала насекомых, что они, словно околдованные, просто замерли, безропотно внимая пронизывающей воздух мелодии... Комары, видимо, были не в силах пошевелиться от этой охватившей все пространство оцепеняющей музыкальной дрожи, почему-то предпочитая ее своему заунывному жужжанию. Горловое пение человека оказалось более глубоким, гармоничным, совершенно повергнувшим своей силой и мелодичностью неугомонных насекомых, и я решил впредь непременно воспользоваться им, оказавшись в летнем лесу.

Правда, при этом меня самого не покидало ощущение, что моя внутренняя мелодия исходит не из меня, а из Вселенной, и реакция комаров будто открывает во мне неведомое око возрождения, благодаря чему ты постигаешь, какое важное значение может играть в мире лишь одна растущая душа, черпающая силы из неистощимого источника...

Вскоре я действительно очутился в июльском лесу и вынужден был заночевать в маленькой избушке у реки. Усевшись, поджав под себя ноги, у костра, я принялся сосредоточенно производить горловые звуки, которые лились над водой низко, сочно и полно. Вокруг тихо качали головами сосны и ели, зудящие комары будто замерли в воздухе, и я стал замечать, что мой сознательно пониженный тембр голоса, как это ни удивительно, постепенно изменяет течение струящейся рядом жизни... Мантры, со своим особым вибрационно-резонирующим строем, вызвали в окружающей природе еще большую гармонию, будто возвращая ей нечто молодое, мощное, но однажды почему-то утраченное. А комары, кажется, только радовались предоставленной им возможности побездельничать, восторженно приплясывая на одном месте в мягко роящихся над землей летних сумерках...

Иной раз ждешь от весны или лета очень многого и оттого теряешь самое чудесное время впустую, пропуская настоящие, порой совсем неяркие, но истинные возможности перед пустым величием воображаемого...

Лесная дорога человеку не чужая и не близкая... Наполняя нашу жизнь недостающим смыслом, в напарники к нам она не просится, душу свою исхоженную и, тем не менее, никем до конца не понятую, не открывает. Радоваться или печалиться дорога может лишь в том случае, если человек ее собственны-11

ми чувствами пытается измерить, причисляя ей, незаметно для себя, свои переживания.

Но не измерить ее ни шагами, ни ежеминутно сменяющимся настроением. Неторопливо бежит она, за каждым лесным поворотом открывая новое только тому, кто неутомим в поисках нового.

* * *

Перенова — какое замечательное лесное слово! Оно означает только что выпавший снег, случающийся обычно под утро весною, когда душа приноравливается получше обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

* * *

Из всех певчих птиц русского леса только у клестов самка откладывает яйца и выводит птенцов зимою. Во время кладки яиц и высиживания птенцов она не слетает со своего глубокого гнезда, сидит терпеливо в январскую и февральскую стужу, стараясь сохранить тепло, а самец заботливо кормит ее, сидящую в гнезде, и, чтобы как-то облегчить ее самоотверженную материнскую заботу, усаживается на вершине дерева, на котором свито гнездо, и услаждает подругу бодрой красивой песенкой...

* * *

Ничто так не трогает, как первая нежная зелень, первое дуновение теплого ветерка, первые птичьи трели. И хотя каж-12

дую весну, с одной и той же последовательностью, все неизменно повторяется, как ни странно, оно никогда не надоедает. С годами ты еще более проникаешься особой важностью поры, когда жизнь только пробуждается. Не богатую осень, не мудрую зиму, не радостное и полное тайн лето принимает твое сердце прежде всего, а весну.

Выросшие за ночь на пнях бравые папахи придают им притягательную неукротимость минувшего снежного бурана и, обретая красоту и силу, стоят, лихо подбоченясь, пристально вслушиваясь в потаенные шорохи замершего леса.

Многих неудержимо тянет к непознанному миру животных, птиц и деревьев. Человек всегда стремился узнать о нем как можно больше, стараясь заглянуть в неизведанное и обязательно открыть при этом то, что помогло бы ему самому в жизни, подсказало долгожданный ответ и единственно верный путь.

Чисто инстинктивно ищет человек контакта с животными, а обретя вдруг их язык, сможет ли содержательно сформулировать свои вопросы? Спросит ли он о вечных законах бытия, о том, как ему жить, или же ограничится частными сторонами их замкнутого существования? Да и допустят ли звери такие разговоры, даже если человек обратится к ним на их собственном языке?

Скорее всего, так и оставят в неведении, удалившись по своим неотложным делам. И нужно положить много сил, неутомимости и добра, чтобы зверь не отринул тебя, а хотя бы на мгновение заглянул в твои глаза.

* * *

Вдохи земли явственно ощущаются весной, когда она вбирает в себя весь дух зарождающейся жизни, и происходит это шумно, восторженно; выдохи же вкрадчивы и случаются только осенью, отчего воздух полнится еле улавливаемым перешептыванием, полунамёками и угасающей надеждой.

* * *

Таинственность в природе на деле до такой невероятности проста и реальна, что порой это обескураживает, и потому не всегда следует без усталости добиваться раскрытия природных тайн.

* * *

Летом над тихой уютной заводью в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, что хочется жить, пытаясь угадывать его и больше ни о чем не думать!

* * *

Много лет не мог я нарадоваться на подснежники, что дружно высыпали каждую весну у меня в огороде вдоль забора. Прямо за забором, у бабушкиного дома, росла раскидистая че-

ремуха, в кроне которой всегда вили гнезда птицы и весело распевали всю весну и лето. Под осень на черемухе появлялись крупные аппетитные ягоды размером чуть ли не с ноготь. Бабушка Нюра готовила из них чудесное черемуховое вино и угощала своих родных и знакомых, которые между собой всегда называли ее просто Анютой.

А летом, особенно поутру, черемуха бросала на мой огород большую тень, в которой умещалась вся посаженная картошка. Было приятно в этой тенистой прохладе окучивать картофельные гряды, слушать пение садовых горихвосток и чечевицы, тогда как тень долго не уходила и лишь медленно перемещалась по огороду до самого полудня. В такие утра бабушка любила приходить ко мне в огород, усаживалась в тени душистого дерева на чурбачок, который я ей приносил, и думала о чем-то своем, лишь изредка спрашивая меня о совсем несущественном, но почему-то всегда очень приятном и дорогом. Помнится, я даже загадывал: придет она или не придет, и если бабушка появлялась, одной рукой опираясь на свою старенькую палочку, а другой — с достоинством подбоченясь, на душе у меня становилось радостно...

Весной под черемухой держалась ароматная сырость, благодаря чему здесь в обилии и произрастали подснежники, и первые из них появлялись еще до полного схода снега. Раньше я не догадывался, почему первые цветы широкой полосой высыпают именно вдоль забора, и только радовался происходящему, особо над этим не задумываясь. Помнится, даже похвалялся перед знакомыми таким счастливым стечением обстоятельств: ни у кого в огороде подснежников нет и в помине, а у меня — цветочное раздолье!

Все подснежники, как на подбор, были высокие и крупные, будто их кто-то специально подсевал и выращивал, следил за ними, и я никак сначала не мог взять в толк: что способствует такому обильному и пышному росту трогательных первоцветов? В начале мая, к дню рождения бабушки, я обычно собирал букет цветов и шел к ней в гости. Часто в эту пору уже показывались из земли крохотные бутончики тюльпанов, желтый гусиный лук и нарциссы, которые я тоже добавлял в букет. Но бабушке больше всего нравились подснежники. Она осторожно брала их в натруженные руки, так же тихонечко подносила к подслеповатым глазам, и ее морщинистое лицо озарялось ласковой улыбкой. В такие минуты мне всегда казалось, что Бог тоже ее не забывает.

А черемуху эту давным-давно посадила сама бабушка, когда была еще молодой. Сейчас ей уже перевалило за восемьдесят, но черемуха до сих пор пышно цветет в мае и, кажется, только еще более разрастается, а вместе с ней тянутся головками к свету чудесные подснежники. И вот совсем недавно сын бабушки, уже сам ставший дедушкой, вдруг взял и срубил прекрасное дерево, отчего в огороде сразу стало пусто...

Зимой бабушка сильно разболелась и вскоре умерла, не дожив до своего восьмидесяти шестого дня рождения двух месяцев. Как ни странно, через короткое время парализовало и ее сына, срубившего дерево. Он не в силах был двинуть ни рукой, ни ногой, да к тому же потерял способность говорить...

С нетерпением ожидал я весны, но когда в середине апреля появились первые проталины и прилетели зяблики с гори-16

хвостками, подснежников под забором, к своему удивлению, я не обнаружил. Именно старая черемуха давала рядом с собой приют цветам, и когда ее не стало — исчезли и подснежники.

Правда, редкие цветочки все же местами проклюнулись сквозь влажную землю, но их нельзя было сравнить с теми первоцветами, что радовали нас в прошлые годы. Подснежники измельчали, их как будто подменили, а главное — что-то неуловимо нарушилось в этой части огорода: пропала радость... Собрал оставшиеся подснежники в маленький букетик и перевязав его травинкой, я положил цветы на крыльцо заколоченного бабушкиного дома, а на ее могилке посадил анютины глазки... Доброму — добрая память!

Я бы женился на весне, навсегда влюбившись в запах ее шелковисто-дымчатых волос, зеленые лучистые глаза и воздушную улыбку.

Наша любовь к лесу вырастает, наверное, из постоянного мудрого отношения к нему наших предков.

В осеннем прозрачном воздухе будто живет нечто, появившееся после пролета птичьей стаи, медленно растворяющегося дыма или падения только что оборвавшегося листа...

Отзвучали голоса пролетающих птиц, а это нечто осталось в воздухе. Не эхо, а послезэхo, то, что уже не слышимo, а чувствуемо нами. Это осень... Ее неподвижные тени, запахи, ощущения... Осень полна следов недавно истаявших событий и звуков.

Шоколадного цвета бабочки-траурницы летом ни за что к себе не подпускают, а под осень успокаиваются, и их можно брать руками — не улетают. Но вот летом, когда отправляешься в лес за грибами, они кажутся совершенно неутомимыми, летают быстро и высоко, поднимаясь даже к верхушкам деревьев, и поймать их почти невозможно.

Отдыхая однажды после удачной грибной охоты, я с наслаждением снял отсыревшие сапоги, поставил их перед собой и стал наблюдать за тремя траурницами, что без устали кружились в воздушном танце над поляной. Бабочки скоро почувствовали привлекающую их соль и начали смело присаживаться на голенища сапог. Как только какая-нибудь из них исчезала внутри, я тотчас набрасывал на сапог портянку и бабочка оказывалась моей пленницей. Отпуская одну, я таким же нехитрым способом ловил следующую, но бабочки, не боясь темного плена, все возвращались и возвращались.

Мой самый любимый месяц в году — апрель. Он смотрит на мир ласковыми глазами любви, в которой, кроме пронзи-18

тельного солнечного света и разомлелой усталости обессиливающих снегов случаются и жестокие снегоvei...

* * *

Человек не может быть подобен птицам, в том смысле, в котором для них целиком заключена вся жизнь. Полет человека — это вполне реальное и необходимое воспарение над самим собой, вернее, достойное только его, человека, продвижение в познании. А поскольку последнее невозможно без совершенствования, то рано или поздно у него появляются крылья.

Единственное превосходство человека над животными — его разум, в действительности может и не быть лучшим качеством, но именно он в силах оставить перелетных птиц позади, как бы высоко и далеко они ни залетали.

* * *

Тяжела ноябрьская жизнь леса, который стоит, замкнувшись в себе, согбенный, но без надрывной тоски и плача.

* * *

Звери неправдоподобны для людей именно своей реальностью.

* * *

Нередко бывает так, что кукушонок, быстро подрастая, выталкивает из тесного гнездышка маленьких птенцов и остается

в гнезде один. Родители погибших птенцов продолжают его усердно кормить, пока он не вырастет и не улетит. Так природа, принося в жертву множество птичьих душ, заботится о своем здоровье: его призваны хранить прожорливые кукушки. Уничтожая во множестве самых вредоносных мохнатых гусениц, которых не трогает ни одна птица, они приносят несоизмеримо большую пользу, чем загубленные ими славки, мухоловки или пеночки-теньковки...

* * *

За все твои слабости нередко достаются тебе в лесу только заячьи хвосты, да и их надо еще заслужить. Лес наполняет твою душу тайнами только в том случае, когда шел ты к нему путем достойным. Слившись же с лесом воедино и ощутив в душе, хотя бы на короткий миг, его покой и мудрость, можно быть уверенным, что жил ты на земле до сих пор верно. И тогда окончательно пропадут границы, разделяющие лес и тебя, и, надолго оставив его, ты уже не рискуешь потерять связующую с ним живую нить.

* * * В апреле солнце целует

более нежно, чем в июле.

* * *

Если придется побывать зимою в глухом хвойном лесу, то обязательно откроется тебе какая-нибудь чудесная тайна.

И воздух, и вода, и деревья в лесу словно состоят из мыслей, которые они, время от времени перебирая, меняют.

Весной в лесу начинается такая большая мудрая жизнь, что никак не хочется верить, что она когда-нибудь окончится смертью.

* * *

Как сладко иногда почувствовать свою беспомощность в объяснении природы и готовность удовлетвориться лишь сказкой.

* * * Шум деревьев в

лесу — это тоже его тишина.

* * *

Глядя на цветы, мне иной раз кажется, что они желают стать женщинами, сохранив при этом свои чудесные имена: вероника, маргаритка, астра или гортензия... В них живет какая-то иная нежность, может быть более трогательная, чем у женщин. А женщин, наоборот, прельщают восхитительные соцветия, и они думают о том, какими бы они стали неотразимыми красавицами, если бы распространили над землей такой же непревзойденный аромат.

Добившись совершенства в созидании растительного и животного царства, Творец, однажды удовлетворившись содеянным, вознамерился создать бессмертную душу, которая бы в разных воплощениях своих не уставала расти от жизни к жизни, стремясь достичь состояния самого божественного... Творцу, наверное, страшно интересно, что из этого получится, и у него для этого давно заготовлено неиссякаемое терпение. Давайте не будем его разочаровывать, потому как нет в жизни ничего более достойного, чем дело созидания, и оно так увлекательно!

Пришла весна, и мысли мои, как ласточки в небе, неуловимо и радостно замелькали и вырвались на волю.

Увидишь, бывало, как на фоне пылающего зарева заката неистово мечутся воронье и галки, будто наматывая своими черными стремительными телами затейливо-зловещий узор, и поверишь, что вездесущие птицы пророчат нелегкий день; но утро выдастся удивительно спокойным и ясным, без какой-либо птичьей суеты, и ты с радостью еще раз убедишься: чудесна природа, мудро предоставляющая человеку возможность бесконечного выбора своего отношения к жизни.

С марта, особенно в дни оттепели, лицо обдувает не сильный, но приятный сыроватый ветер, в сером небе изредка появляются голубоватые пятна, напоминающие чьи-то нежные задумчивые глаза, и сердце мягко вспыхивает радостью: пришло тепло, а вместе с ним — глубокое чувство удовлетворения от полноты жизни.

Во всякое время года в природе совершается перелом и рождение нового. Зима, например, имеет ровный, уверенный почерк. Ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время.

Весна — самая дружелюбная пора года, в ней раскрывается высшая откровенность природы.

Летом все окружающее создано для того, чтобы подчеркнуть, выявить каждое в отдельности во имя общего жизнеутверждающего, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается.

Осенью же повсюду пробивается удивительная ясность. Она постепенно раздвигает пространство, которое с каждым днем ширится, но сам воздух словно сжимается, и от этого стук дятла далеко за рекой как будто совершается рядом, в двух шагах от тебя.

Уверенный и открытый, очищенный и просветленный, тянешься невольно еще к какой-то неизведанной стороне жиз-23

ни, что, может быть, вознесет к такому времени, в котором все пережитое ранее покажется полузабытым отголоском бесконечно утраченного, но дорогого детства.

В ожидании глухариного тока, скорчившись возле огня на еловом подстиле, никогда не удастся уснуть. Зато видишь, как радостно вздрагивают в небе разноцветные огоньки апрельских звезд, словно торопятся воспользоваться недолгой весенней темнотой. Из темноты наплывают черные силуэты елей и сосен, похожие на древних старцев, склоняется над тобой и овеивает теплым дыханием душистый ветер... Тихо в лесу, но сон не идет, и то и дело кажется, что кто-то бесшумно бродит возле костровища, но не хочет тебя беспокоить.

Весной я становлюсь восторженным апрелем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех обнять, осчастливить... Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие и оттого становится моложе. Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты пресытился роскошным июлем, а осенью ощутил себя умудренным ноябрем. Пронизанный искрящимся светом своевольный январь отзовется тогда в твоей душе предчувствием вновь повторяющейся юности мира.

Жизнь в лесу приучает ничему не удивляться, но всегда наблюдать, радоваться и самому жить мыслями о происходящем.

Мирно перекликаются в ночной весенней тиши маленькие сычи, не давая впасть в полное забытие огромному старому лесу, и лес только дремлет, от удовольствия невидимо улыбаясь в косматую хвойную бороду.

Липа — красивое и, может быть, самое нежное лесное слово...

В состоянии ли человек долго наслаждаться красотой в природе? Сила гармонии в ней так велика, что одного дня обычно хватает, чтобы утомленная человеческая душа наполнилась ею до краев. Большого человек выдержать не может, ибо вольный лесной дух неумолимо опьяняет сознание и чрезмерно пресыщает всякое восприятие.

Человек берет от природы ровно столько, сколько требуется для восполнения в нем недостающей жизни. Чем чаще происходят такие сокровенные соприкосновения в мире леса, тем нерасторжимее у человека связь со своей душой. Редко повто-25

ряющиеся, пусть даже яркие и поразительные открытия, постепенно стираются, не упражняя необходимое для жизни душевное здоровье. Но выпить день до дна, не пролив ни капли, сумеет далеко не каждый. На это способен лишь тот, кто сам, подобно могущественной врачевательнице-природе, наполняет сердца людей неизбывной радостью и надеждой.

* * *

Насытившись солнечным раздольем и красками июня, только в конце месяца вдруг, к своему удивлению, обнаружишь, что сердце лета хранится в каком-нибудь тенистом уголке сада, где когда-то весной пощелкивали соловьи, а теперь глухое затишье и тайна.

* * *

Лес для людей что книга: для кого-то нет ее ничего дороже, а кому-то — лучше бы и не читать! А между тем всякому несет она на своих страницах знание и покой, умиротворение и усладу.

* * *

Идешь, бывало, по лесу и день, и другой, а вокруг одна и та же картина: за сосняком — ельник, а за ельником — сосняк, под ногами — еле уловимая тропка, после очередного поворота — следующий... Нужно бы остановиться, передохнуть, да

место неудобное, хочется выбрать получше. И только с возрастом, начиная по-настоящему чувствовать преданность лесу, заставляешь себя сделать привал где угодно, чтобы еще более проникнуться своеобразием самого обыкновенного места, а потом отправляешься дальше, и так — до бесконечности.

Весенней ночью почему-то всегда чудится, будто мутное пятно луны в небе — это твоя неродившаяся любовь, которая ждет своего пробуждения.

Только в лесу узнаешь цену времени, что течет бесконечно в сменяющих друг друга деревьях, и тогда уже пренебрегаешь своей усталостью.

Обследуя глухариные тока, бывало, бредешь целый день на давно отсыревших лыжах. К ним постоянно липнут комья подтаявшего снега, пальцы на ногах сбиты, спину ломит, шапка намозолила вспотевший лоб, но, заведя на краю лога черный лоскут старого сосняка, все равно повернешь к нему и любой ценой тщательно обследуешь. Там, в глубине вековой чащи, из каких-то неведомых источников вливается в уставшее тело крохотными долями невероятная сила.

Музыка человеческих поступков идет несомненно от души, ни на миг не перестающей трудиться. Именно в поэзии ее движений рождается то понимание, когда изначальную мелодию следует услышать сначала в окружающей нас природе, а затем отыскать в себе.

* * *

Волчица, преисполненная заботой о сохранении своего потомства, чувствует присутствие человека, едва он вошел в лес.

* * *

Весенний сумрак быстро окутывает лес, в темноте стирается разница между березами, соснами и елями, но ты чувствуешь каждое дерево, цепляясь взглядом за их еле уловимые очертания, и путь твой совсем не тяжел, а только становится невероятно чутким и радостным: ты идешь по земле вместе с весной!

* * *

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов — это румяные яблоки, кем-то щедро высыпанные на белую скатерть зимы.

* * *

В первобытной животной силе, которая может быть страшна, есть нечто удивительно красивое.

Густым праздничным тестом ползет туман над долиной таежной реки, и вода в ней тоже постепенно становится тягучей и домашнему уютной.

Замечал ли кто, как улучшается настроение после того, когда побываешь в лесу?! Вся злость в душе сразу исчезает, хочется быть добрым, перестать лгать и подличать, более справедливо относиться к старшим и детям, достойно развить собственные возможности. Не всякий труд способен открыть для человека подобное состояние.

Сродни общению с лесом в пробуждении здорового душевного настроения пробежка с ведрами на колодец... Стоишь над уходящим в холодную темноту срубом, смотришь, запыхавшись, на колышущуюся в ведре студеную воду и чувствуешь себя счастливым. А идя обратно и стараясь не расплескать ни капли, здороваешься с каждым встречным, пусть даже и незнакомым, человеком.

Ни следа какой-либо лени или печали в себе уже не чувствуешь. Дверью впустую не хлопнешь, при виде первых капель дождя за окном не скривишься и до беспричинного крика ни за что не опустишься... Так велика власть окружающей человека природы, с ее пушистыми облаками, грибным дождем и первозданной в своей чистоте колодезной водою.

В лесу открывается внутреннее зрение, и ты начинаешь различать в себе то, что никогда бы не ощутил в городе. Увидев

и поняв себя, мир другого увидеть и понять не так уж сложно, а разобравшись во всем достаточно хорошо, можно встать с кем-нибудь рядом. Например, с выпавшим из гнезда птенцом, которому нужна твоя помощь. Все в природе оказывается для тебя родным и близким, будто ты вместил в себя полноту ее мира.

* * *

Ждешь весну, стремишься к ней всей душой, и когда она подступает, понимаешь: весна — больше чем жизнь, она — любовь.

* * *

Только ночью слышно, как тяжело опускаются на землю опадающие листья.

* * *

Дует ледяной ноябрьский ветер, продувает насквозь, чуть ли не впиваясь холодным жалом в душу, а на душе спокойно и радостно, потому что ты живешь в согласии с природой.

* * *

Если в капкан попадает волк-самец, он обычно бывает съеден своими оголодавшими соплеменниками, почуявшими кровь. Когда же в капкане оказывается волчица, особенно во время течки, волки кормят ее и этим долго поддерживают ее силы.

Буровато-розовые клесты усаживаются исключительно на верхушки елей и поют свои незамысловатые песни для зимы неожиданно переливчато: «уить-трюиу-трюиу, уить-трюиу-трюиу, уиить...» Звук птичьих голосов преобразается сильно перехлестнутыми половинками их клюва, предназначенного расправляться с застывшими шишками.

Иногда в душе возникает нечто лучшее, чем просто добрые мысли о природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

Прежде чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с приветствием. Войдя — следовать его законам. Открывая — познавать и радоваться. Прощаясь — благодарить, петь песню и никогда не прерывать с ним внутренней связи.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ

Здравствуй, ОТЕЦ-ЛЕС!

Здравствуйте, лесные обитатели, видимые и невидимые... Вступая в ваш дом, обращаюсь к вам с добрым сердцем и открытой душой, с желанием только смотреть, чувствовать и постигать лесную мудрость. Не присваивать слепо то, что ты, лес, можешь великодушно подарить, а быть терпеливым учеником

и брать только с твоего соизволения и с чувством искренней благодарности. Прими меня в свои объятия, ОТЕЦ-ЛЕС, научи, сохрани и поддержи как в трудную минуту, так и в минуту радости. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

ОТЕЦ-ЛЕС!

Искренне произношу тебе слова благодарности и любви за то, что снял усталость с моей души, освободил от ненужной обузы мое тело, даровал истинную радость и ощущение слитности с твоим удивительными миром. Обещаю нести в своем сердце только любовь и преданность тебе, и как бы далеко ни занесла меня судьба, я не потеряю внутренней связи с тобой. Твоя необъятная лесная душа — это и моя душа, твои печали и радости — мои печали и радости. Наши жизни слиты воедино.

Как я привязан к тебе, ОТЕЦ-ЛЕС, как близка мне твоя величественная тишина! В разлуке с тобой я скучаю по твоим зеленым чертогам, а возвращаясь к ним — безумно радуюсь. ОТЕЦ-ЛЕС, прими и отпусти меня с пониманием и верой в то, что я искренне предан твоей непостижимой тайне, которая притягивает к себе с такой силой. Только ты, ОТЕЦ-ЛЕС, способен по-настоящему успокоить сердце и принести то ощущение радости жизни, что было утрачено в борьбе с ее трудностями. Только твоя неиссякаемая мощь в состоянии снять с плеч и души усталость, давая возможность почувствовать себя

об-32

новленным и чистым. Именно чуткая жизнь под твоим пологом, ОТЕЦ-ЛЕС, делает человека счастливым, и только в окружении дикой природы он начинает чувствовать себя человеком.

Благодарю тебя за подаренный день, за общение с тобой. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

Так я всякий раз вхожу в лес и выхожу из него — всего лишь десять лет после того, как отказался от ружья, но до сих пор не могу избавиться от чувства вины перед лесным богом, которую вынужден нести в себе вечно.

* * *

Голодная весна страстно, во всеуслышанье провозглашает себя в лесу, сытое же лето лениво молчит и в благодушном довольстве своего огромного разнеженного тела сладко дремлет.

* * *

Самая высокая елка, растущая посреди дремучего леса, похожа на зеленую таинственную колокольню. Своим бесшумным звоном она собирает вокруг себя все деревья и не дает им потеряться.

* * *

В жизни случается такое, что все, кажется, умерло для тебя. В памяти не осталось ни добрых воспоминаний, ни мест, где

ты был счастлив, и весь твой путь представляется мучительным, ничемным,— какая еще беда стряется с твоей израненной душой? Но стоит только слышать шум леса, просто увидеть его издали, пусть даже мысленно — и все сразу изменится в лучшую сторону.

* * *

Крепко спят старые ели, а только прошумит легкий ветерок, они тотчас просыпаются и тихонько шушукаются...

* * *

Иной раз начинает казаться, будто осенняя луна не случайно подсказывает человеку, как нужно достойно следовать завораживающим путем ночной жизни!

* * *

Цветут липы, пахнет липовым медом, и на душе так хорошо и празднично, что ты даже не в силах дать происходящему отчета и больше ничего не замечаешь.

* * * В ласковое весеннее

утро и дикие звери целуются.

* * *

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга. Им, после свадебных боев, остается

самый матерый. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную свободу выбора. Волк понимает: только добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, так же надежно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободен. Свобода не дает ему удовлетворения и покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он, отказываясь от нее, старается поскорее найти более легкий путь следования. При этом человек еще посягает на свободу других людей, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь людей, потому как является самым обыденным естеством всего сущего. В отсутствие извращенного разума, то есть разума с расчетом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надежнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой ее недостает для поддержания жизни.

Как вкусно грызть в лесу сухарь, когда другого ничего не находится, причем, усевшись на пенек у какого-нибудь говорливого ручейка... В душе сразу вспыхивает огонек любви ко всему, что живет безрадостно.

Легкий ветерок коснулся головы ненароком, как бы невзначай, но будь уверен: он никогда не бывает случаен!

Искусство людей на деле может оказаться лишь восхитительным обманом, но в лучшем случае корни его стоит искать в волшебных ритуалах птиц и животных.

* * *

Уже к концу января солнце пробует светить по-весеннему, но получается это у него еще не в полную силу, а с легкой задумкою на яркое будущее.

* * *

Никогда не упустишь возможности купить маленький букетик незабудок у какой-нибудь старушки, стремясь, наверное, вернуть какие-то очень приятные, но давно утраченные воспоминания... Однажды теплым майским днем тебе вдруг неудержимо захочется такой неожиданной встречи с прошлым, и именно небесно-голубые цветы успокоят твое сердце...

* * *

В жизни более всего раздражает отсутствие веры у многих людей в собственные безграничные возможности, безразличие к своим судьбам, которые можно было бы такое же бесконеч-

ное количество раз устроить по-другому, несравненно лучше. Вот что по-настоящему разочаровывает: равнодушные люди, не желающие роста, а ведь и у них в детстве горели глаза, когда они с изумлением обнаруживали в чашечке цветка мохнатого шмеля!

* * *

Тревожный зов осени никогда не удовлетворяет, хотя и разочаровывает своей печалью.

* * *

Запах у распускающейся яблони не пронзительный, как у черемухи, и не сильный, как у сирени, он — очень скромный, едва ощущается, но, мягко смешиваясь с воздухом, незаметно проникает в душу и неотступно куда-то манит.

* * *

В конце октября устанавливается великая пустота леса, с будто коваными тропинками, пронизанная тишью, подернутая непрозрачным темным ледком, и над всем этим — холодное безжизненное небо... Лес — весь в себе, но почему-то хочется закричать от появившегося в нем именно сейчас и переполняющего всего тебя ощущения свободы, так что лес сразу будто оживет и отзовется каким-то необыкновенно раскатистым долгим эхом, подтверждая это неожиданно открывшееся, совершенно обнаженное пространство...

Когда густые ели вдруг сменяют могучие сосны, неожиданно вырастающие перед тобой нескончаемым бором, лес на короткое время становится привлекательнее, но потом скучнеет. Однообразие безукоризненных корабельных стволов и пышного благородства сосновых крон почему-то утомляет.

В соснах редко услышишь щебет птиц, хотя сами по себе деревья очень красивы. Чем пристальней вглядываешься в эту убегающую ввысь розоватую недостижимость, тем больше в душу закрадывается скорее задумчивое равнодушие, нежели радость. А чуть позже — затаенная убежденность, что сказочную таинственность придают лесу все-таки дремучие ели. Именно в них более всего хочется всматриваться, чего-то всегда остерегаясь, и тихо радоваться тому, как еловый лес загадочно красив.

В гнетущее предзимнее время солнце оборачивается полумертвым совиным глазом, подернутым пленкой, что изредка вспыхивает над безликим горизонтом и быстро потухает, но, между тем, зорко следит, как бы кто-нибудь раньше времени не восстал против суровой грядущей поры, а в почтении смирился.

По-особому бывает уютно в лесу, когда стонут деревья и ветер завывает в старых дуплах.

Проснулся однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания и сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями. Стрекошет и стрекочет без малейшего перерыва битый час... Слушаешь и удивляешься: сколько же их у нее?!

Жарко горит снег в мартовский полдень, но его еще так много, что на первый взгляд кажется, будто он молча подремывает.

Лес имеет самостоятельную, никем до конца не понятую душу. Человек всегда с затаенной завистью это отмечал и почему-то не шел дальше своих ощущений. Как будто в полной мере обходился тем малым, чем уже обладал в общении с лесной чащей.

Но душа леса не переставала тревожить человека, и он с замиранием сердца все же иногда стремился наблюдать протекающую мимо лесную жизнь. Лес в таких случаях чуть-чуть приоткрывал в себе то самое важное и необходимое, что определяло смысл его существования для неуспокаивающегося человека.

Смотришь в апрельский ветреный день на небо, стараясь заглянуть выше жемчужно-серебристых, быстро сменяющих

друг друга облаков, и представляешь в них огромные цветы недостижимой Вселенной...

Русские люди, может быть, тем и сильны, что более внимательно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

Стремление человека понять природу — это, может быть, неосознанное желание опять найти то хорошее, что он однажды потерял.

* * *

Трудно представить себе море без бури, а лес — без шума ветра и звериного гонного рева. Именно эти грозные звуки подчеркивают красоту и мощь природы.

* * *

Для каждого человека очень важно ощущение самого себя, а чтобы пробудить собственные ум и сердце, ему надлежит войти в лес. Жизненные примеры природы при этом могут легко завоевать его сердце, и он научится жить, не боясь собственных чувств и мыслей.

Настоящая святая вода — это апрельские ручьи.

От натуги горбятся спины старых сосен, скрипят стволы берез и елей, а на душе у тебя все равно хорошо и покойно.

* * *

Когда с берез и осин начинает быстро утекать лист, хвойные деревья стоят молчаливо насупленные, словно разделяя грусть лиственных деревьев и прощаясь с ними до весны.

* * *

Не на шутку может растревожить сердце по весне душистая черемуха... Разухабистая и белопенная, всего в ней в достатке, а больше — приворотного дурманящего зелья, от которого голова идет кругом. Упаси Бог напиться ее красой вволю — навек тогда в душе своей заплутаешь.

Но как не встрепенется сердце при виде зацветающей черемухи! Не невеста уже, а вся в белом. Неимоверной чистотой окрыляют ее тонкие кружева. Раньше всех других деревьев расцветает черемуха, но делает это не спеша, как бы желая убедиться: не опередил ли кто ее в наряде?

А уж прическою и вовсе нет ей ровни: распустит свои пышные пряди — будто одеколоном обдаст! Манит тебя с головой окунуться в эти ароматные пряные кудри и насладиться белым

пьянящим теплом. Так пахнет только черемуха, но описать ее аромат невозможно.

* * *

В удивительной стройности и чистоте березняка почти никогда не отмечаются темные полосы, как-то по-особенному разбросанные по белоснежно-матовой коре, но и они необыкновенно хороши в своей четкости на светлых стволах... В них постепенно проглядывает отдельная, скрытая красота...

* * *

Сила в мужчине должна непременно сочетаться с нежностью... Именно из такого сплава отливались мечи самураев, на которых были выгравированы хризантемы...

* * *

В сущности, вся жизнь человека представляет собой очень медленное, порой достаточно мучительное и во всяком случае требующее глубоких неустанных размышлений открытие самого себя в природе...

* * *

Бесполезно пытаться подчинить себе природу, потому что ее величественная замкнутость никогда не позволит приблизить к себе уничтожающую силу, которая, скорее, погубит самого человека.

Когда зажигается в небе первая звезда, люди и не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в нелегкий ночной путь...

* * *

При всей своей видимой неприступности, лес иногда способен глядеть на человека с особенным доверием, отражающим трепет его огромной таинственной души. Правда, человек часто этого не воспринимает, и лес, огорченный невниманием, надолго закрывает свои глаза. И тогда человеку становится одиноко, и он начинает замечать в чистой воде отражение летающей стрекозы, и как от каждого растения исходит особый свет, и что над головой его проносится случайный ветер... А лес упорно молчит и не спешит дарить человеку свою великодушную улыбку...

* * *

В волчьем вое, доносящемся из лесной тьмы, слышится и бессильное отчаяние, и жалоба, и необыкновенная сила.

* * *

В начале июня в воздухе держится нечто до боли знакомое с детства, чего уже, как ни старайся, ни за что, наверное, не вспомнишь.

Полные снега овраги и живут полной, неспешной жизнью. Она глубока, округла и очень загадочна.

* * *

Зимой приятно вести записи... Успевая запечатлеть на бумаге как можно больше, с жадностью стараешься выговориться до наступления масляно-сонной весны.

* * *

После долгого, надоевшего всем ноябрьского непогодья особенно радостно бывает увидеть на небе свежие декабрьские звезды, похотейски раскинувшуюся бархатную ночь и, наконец, ошеломляющее движение молодого месяца, что взбегаёт наверх с такой удалью, будто готов светить не уставая всю зиму, весну и лето, пока опять не подступит самое беспросветное время, когда никто почему-то не будет противиться однообразию промозглых дней и безысходной скуке.

* * *

Как хорошо, что человек не в силах одомашнить диких зверей... Благодаря этому возможна жизнь суровой и дикой природы.

* * *

Когда случается злое ненастье — круго гнутся ели и надрывно завывает ветер, приятно думать, что можно все это уви-44

деть и, несмотря ни на что, отправиться в лес, не дожидаясь хорошей погоды.

В отличие от обыденной жизни, лес быстро и просто воспитывает привычку: чего не понимаешь — сразу спрашивай.

Если апрельским днем все время смотреть только вверх, покажется, что на земле всегда одно время года.

* * *

Наблюдая как-то за сорокой, я вдруг подумал: птица эта всегда доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

* * *

Бесшумен снегопад, и с ним все в мире становится еще тише.

* * *

Лес к весне оживает только после того, как солнышко заглянет в самую глухую ложбинку, где не бывало едва ли не с осеннего равноденствия... Вот когда в природе наступает настоящая радость!

Не может инстинкт у животных быть звериным в том понимании, в котором его привыкли воспринимать люди. Всюду в живой природе парность — наиболее высокая форма отношений, при которых самец никогда не предаст подругу, а она, в свою очередь, ни за что не оставит детей. Нравственность применима, скорее, к животным, нежели к человеку, и это их замечательная тайна. Все же темное порождено социальной природой человека — ничего такого в живой природе, вероятно, никогда и не существовало...

Волк ничему и никому не доверяет: ни тишине, ни ночи, ни кустам, ни подвернувшейся было добыче, ни самому себе.

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать,— сало его за долгие зимние месяцы остается почти не израсходованным, а на период весеннего бескормья, когда зверь поднимается из берлоги голодный и может отыскать в пустом лесу только самую малость личинок, муравьев или кореньев, в лучшем случае — горсть кедровых орешков в разоренной норке бурундука.

В апреле непрерывно спорят солнце, снег, ручьи и вьюга, но выходит это у них без всякой злобы, задорно.

Как было бы хорошо для человека не вмешиваться в дела природы, а только наблюдать и учиться!

* * *

Из всех деревьев только сосны умеют перешептываться между собою вершинами и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

* * *

Тонко чуют приближение весны спрятавшиеся под глубоким снегом букашки, многие из них, когда солнце особо пригревает, уже выбираются наружу, и часто, еще в марте, можно увидеть, как они ползут куда-то по мартовскому снегу и вроде бы ничего уже не боятся.

* * *

Ландыш — один из немногих цветов, чей аромат, кажется, никогда не забывается. Неназойливый, легкий и в то же время устойчивый, он уже не прерывается в тебе, если ты его хоть однажды изведал. Аромат ландыша что-то вещает и неотступно манит, но встреча с ним всегда неожиданна и происходит только тогда, когда ты совершил над собой усилие.

Жил ты напряженно, не замечая даже весны, и вдруг захотелось тебе остановиться и ощутить тайну. Не подозревая, что она может находиться совсем рядом, отправился однажды в распускающийся лес, приподнял нижнюю еловую ветку и онемел... Словно легкий небесный призрак в тихом блаженстве воскрес перед тобой.

От него пахнуло ароматной прохладой, вмиг опьянило невидимым вином. Благоухающая воздушная струя ударила в голову и закружила, как музыка, что сначала стесняет дыхание, а затем вынуждает лететь, питая неумное сердце огнем неистраченной природной любви.

Счастье тотчас охватывает тебя при виде этого скромного цветка. Не зря его свернувшиеся листья напоминают уши лани, а в трогательном имени слышится ее девичья пора — ланка, и ты почему-то не решишься завладеть цветком: ландыш предпочитает одиночество. Лишь неунывающая незабудка в соседстве с ним не вянет, а чувствует себя даже лучше и дольше живет.

Что меня поражает во все времена года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

* * *

По осеннему хмурому небу величественно проплыла клином стая журавлей, и за ними вдруг открылась потрясающая синь...

Природа красоты всегда желает своего проявления.

Чтобы увидеть зверя или редкую птицу, лучше всего ходить по лесу одному, неспешно, терпеливо вслушиваясь и всматриваясь в окружающую чащу. Если ничего не помешает, какое-либо животное обязательно объявит себя, и тогда нужно, замерев, слиться с лесом. Очень возможно, что зверь даже не почувствует твоего присутствия, приблизится почти вплотную и, может быть, не заметив, пройдет совсем рядом. Полный радостного открытия, ты будешь стоять, охваченный волнением, с трудом сдерживая свой охотничий пыл...

Так, однажды, отрешенной походкою проследовал мимо меня сильный лось, у которого я разглядел цвет глаз и длинные ресницы, а один сохатый, не обращая никакого внимания на мое близкое соседство, спокойно обдирал молодые веточки осины, изредка всхрапывал, как лошадь, и шумно шевелил толстыми губами...

Разве можно назвать такую охоту бесплодной, когда после всего увиденного возвращаешься осенним вечером в нагретый дом и по-особому приятно воспринимаешь его тепло и уют!

Казалось бы, как легко ни во что в лесу не вмешиваться, но попробуй прожить так хотя бы один день, и ты поймешь: быть

учеником неизмеримо тяжелей, чем признавать себя всезнающим хозяином.

Иной раз какая-нибудь птаха поет на вершине высокой ели, а песня ее не достигает земли... Видно только, как раскрывается клювик и распушаются перышки на горле, но ты почему-то не уходишь, терпеливо вслушиваешься, пытаешься разобрать тоненькие птичьи трели, и все же ничего не слышишь. Ухо улавливает лишь общий весенний рокот, то ускользящий, то нарастающий, в который, ты вдруг понимаешь, внесла свои мелодичные нотки и эта маленькая птичка... Гул звуков опускается до земли, возносится над ней, и ты невольно улетаешь вместе с ним, пытаешься тоже привнести в него хотя бы стук своего растревоженного сердца...

В морозные зимние ночи снег словно прислушивается к шороху, который издают на небе звезды, и чутко впитывает их свет.

Сколько, интересно, нужно осуществить человеку в жизни полезного, чтобы полностью отработать и оправдать пребывание на земле? Чем определяется этот долг? Какими делами и знанием? Что должна представлять из себя жизнь: с одной стороны — обыкновенная, с другой — возвышенная?

Наверное, на это уходит несколько его жизней, которые вмещаются в одну общую, и, понимая это, все предстоящее уже не видится человеку таким неосуществимым. Ему лишь следует правильно распорядиться своей единственной, длиною в бесконечность, жизнью: дорогой, неповторимой и обязательно счастливой...

Счастье — когда найдешь в жизни для себя самое важное. Вот это важное и следует, несмотря ни на что, осуществить. Если ты не справишься с возложенным на тебя, то придется вновь насладиться восхитительной несправедливостью этой земной жизни в лице другого человека, волка, папоротника или чечевицы, обретая недостающее знание и переживая не менее интересные открытия.

Ни за что бы не догадался, что обычный апрельский ледок имеет свойство фокусировать свет, как увеличительное стекло: если его вовремя не разбить внизу ствола, он напрочь сжигает корневую шейку плодовых деревьев.

Легко шагается на лыжах по застывшему насту мартовским утром, и на душе бодро и радостно от морозного утренника, неторопливо пробуждающейся весны и ожидания новых впечатлений от встреч с родными сердцу глухарями...

Очень важно жить по велению сердца, ибо жизнь необыкновенно хороша, если ничего не бояться и принимать все с открытой душой.

* * *

Случится, набредешь в лесу на замшелый медвежий череп, уложенный кем-то на полусгнивший старый пенек, и будто соприкоснешься с неведомым лесным духом... Череп чуть ли не врос, осев в древесину, и ты пытаешься разгадать его историю, олицетворяющую тайну большого зверя, и по каким-то еле заметным знакам угадываешь ее: какой был этот медведь, отчего череп его оказался именно здесь, на твоём пути, и куда улетела его дремучая душа...

* * *

Любая птица, если к ней приглядеться, сказочна и так и просится на картинку.

* * *

Тончайший дивный цвет и прохлада нежных листьев изливает божественная фиалка... Небесным провидением, наверное, уготован фиалке земной свет, что обронила однажды дочь Зевса — Прозерпина...

Фиалка — символ неизбывности девичьих страстных сил, терпеливо копящихся в природе и выплеснутых весной.

В имени ее — великая нежность, изысканность, ароматный пыл. Фиалка — девушка, слегка вкусившая любовного напитка: с невинностью уже простилась, а броситься опрометью в водоворот любви — сладостная жуть!

Удивительные предания витают над ней, любовные видения, муки — как все это превозмочь молодому, жаждущему любви сердцу?! Терпения набраться? Или священными запретами все же пренебречь? Недаром фиалку нарекают кроткой и застенчивой, скорее скромной, чем роковой.

Божественный цветок свят и в изъяснении своих чувств. Лишь изредка позволит себе сладкую игру, которую никто и не заметит. И так все пленены нежным ароматом, который фиалка никогда не теряет.

Заложённая когда-то мужчиной между страницами книги, давно высохшая, фиалка не перестает изливать горячий и пряный запах своей сохранённой юности. За вереницей бесконечно сладостных утех ее первый и последний любовник, тот, кто ее сорвал, уже забыл подаренную ему фиалкой прелесть восприятий, а она все надеется, ждет и, как и прежде, во мраке ли ночи или чутком утреннем пробуждении, своим ароматом погружает мужскую душу в благоговейную сосредоточенность, окрыляя. Тем и живет.

Поллюбить фиалку легко, завоевать же ее любовь непросто. Будь ты хоть гиацинтом, маком или тюльпаном! Фиалка выбирает своего возлюбленного сама.

Им может стать и не цветок, а просто ветер, разбрасывающий семена цветов. Как Гете, что не выходил из дому, не насыпав их в карман. Шел и сеял семена вдоль дорожек в окрестностях Веймара, где тогда жил. Фиалка бы, наверное, влюби-

лась именно в него — божественно-задумчивого, милого и неземного.

И все же более всего фиалки благосклонны, вероятно, к женщинам. Для них покачивают цветы поутру головками, им распускают свои хрупкие лепестки. Без женщин, кажется, фиалки скоро бы увяли, и они ласково глядятся в их глаза, тянутся к ним и в восхищении трепещут, а женщины не в силах им чем-либо ответить...

* * *

Что может быть прекраснее, чем, взявши за руку сына или дочку, малиновую зорькою выйти с берестяным кузовком в лес по малину!

* * *

Сколько зимой ни броди в округе, а не сыскать столько лисьих набродов, как вблизи деревни... Так привлекает рыжую кумушку куриный и гусиный дух, что она пренебрегает главной опасностью — встречей с человеком!

* * * До боли в

сердце мрачнеют дали в октябре.

* * *

В природе, как и в человеческой жизни, все происходит не так гладко, как это на первый взгляд кажется. Чтобы вырас-

тить спелый лес, ей требуются тысячелетия, слагаемые из бесконечного множества сменяющих друг друга поколений деревьев, из года в год неудержимо тянущихся к небу, падающих от старости и перегнивающих затем в долговременных завалах, образуя новые лесные массивы или прокладывая с помощью ветров в древних глушинах прогалины, открытые свету... Благодаря этой невидимой для глаз работе природных сил земля когда-нибудь родит необыкновенный сосновый бор под облака, вековечную раскидистую дубраву или несравненную по красоте рощу белоснежных берез, налитых ее живительными соками.

Никогда не увидишь, а только почувствуешь, как сладостно настаивается терпкий запах весны, ее зеленовато-прозрачный пьянящий аромат.

В старину пользовались шкуркой ежа, чтобы отучить телят от материнского вымени: с убитого зверька сдирали шкурку и привязывали ее теленку на лоб. Когда теленок хотел пососать корову, он утыкался ей в вымя. Иглы кололи ее, она отпихивала теленка от себя и больше не подпускала.

В томной испарине весеннего дня незаметно отходит от зимы безмолвный лес, будто переводит дыхание, и ты вдруг

чувствуешь, как он благодарен пришедшей поре. О своем настроении лес сообщает лишь запахом набухших почек, подтаивающего ноздреватого снега и упрямого ветерка, приятно дурманящего голову.

* * *

В лесу всегда хочется одним долгим, запоминающим взглядом разом охватить всю его красоту, и ты охватываешь ее, постигаешь постепенно, и в какое-то мгновение она становится понятной и родной.

* * *

Зимой все время кажется, будто она тихонько стоит за твоей спиной и не дышит... Не то что весной, когда во весь дух бежишь за ней, хочешь коснуться, а догнать не можешь.

* * *

Иной раз день, проведенный в лесу, бывает так хорош, что не знаешь, как его пережить.

* * *

Проснутся зеленые лягушки, запоют озабоченные дрозды, потянет над березками лесной кулик-вальдшнеп, разломится на груди апреля весна, вернется на землю долгожданная для всех радость... «Ква-ква», — скажет она и во весь рот улыбнется.

Человеку должно вернуть зверей и птиц на расстояние глаз и с этой точки начать свое открытие так до сих пор до конца непознанной их жизни.

Ароматней земляники в июльском лесу могут быть только воздух и жемчужная роса.

Однажды весной я понял, что самое приятное для меня — возвращаться с глухариного тока в натопленный деревенский дом, который когда-то был подарен судьбой.

* * *

Душа ждала снегопадов, а как только они зачастили, она загрустила о первых капелях.

* * *

Выдалось мне однажды стоять в ограде своего деревенского дома перед распахнутыми в сад воротами и в полной растерянности глядеть на длительную непогоду, что напрочь приостановила в то лето рост картошки и овощей... В деревне такого давно не помнили, тем более что стоял июль, и необычность лета связывали с предшествовавшей ему небывало суровой зи-57

мой, когда морозы доходили до сорока пяти градусов и держались в течение всех зимних месяцев. Лето как будто повторяло необычную зиму, сводя на нет затраченные по весне усилия, и кажется, больше ничего не обещало. Жалко было неуродив-шихся огурцов, кабачков и свеклы с морковью. Они давно прекратили свое развитие и выглядели жалко, тогда как лето близилось к концу.

Я стоял, не зная, за что взяться: все было бесполезно и как-то безрадостно. Над огородом задувал холодный ветер, рвал пустые, без ягод, рябинки, и сеялся противный, промозглый дождик. Земля так насытилась влагой к этому времени, что на нее больно было смотреть. Лишь ветви крыжовника гибались под тяжестью зеленых ягод, и упрямый укроп растопырил в серое низкое небо свои нахохленные зонтики. И было бы счастье, да одолело ненастье.

И тут в ограду неожиданно запорхнула горихвостка, уселась прямо напротив, на верстачке, и взмахнула пару раз хвостиком — будто поприветствовала меня. Потом склонила набок головку и взглянула вострым глазком: мол, не отчаивайся, не все быть непогоде, будет и у тебя праздник. Ровно для этого и прилетела, чтобы подбодрить, затем опять взмахнула хвостиком и вмиг упорхнула, а на душе сразу стало тепло. Я вдруг остро почувствовал, что все будет в порядке, и птичка эта появилась не зря: такая махонькая, вроде бы совсем незащищенная, да еще в холод, она все-таки окрылила меня надеждой.

И действительно, вскоре что-то переломилось в природе, через пару дней повеяло теплом, а ночи перестали быть промозглыми. Еще через день выглянуло солнышко, легкий вете-

рок разогнал серые тучи, и стало совсем хорошо. Весь август простоял погожим: подсох и вырос лук, подтянулись свекла с морковью, зажелтели круглыми боками кабачки, и к концу месяца появились первые огурчики... Жизнь окончательно наладилась, в лесу пошли грибы, и все постепенно даже думать забыли о случившейся посреди лета непогоде.

Горихвостка же никуда от меня не улетала, по-прежнему держалась в огороде, перепархивая с грядки на дерево, с карниза на забор. Изредка она подлетала совсем близко к воротам, усаживалась на ближнюю веточку ирги и заглядывала в ограду, будто проверяя, здесь я или нет. А может быть, просто хотела напомнить о себе, как бы успокаивая: я — твое маленькое счастье, которое будет всегда рядом и никогда тебя не оставит.

Лесу суждено учить человека разумно пользоваться всем, что может воспитать в нем хозяина собственной жизни.

Беззащитен бывает заяц, пуглив и осторожен, но всегда рад зимнему солнышку, сиянию голубых снегов и сладкой осиновой коре.

* * *

Попад в лес, человек почему-то не терпит в нем присутствия другого человека и любым образом его избегает.

* * *

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосающейся ржи, не помышляешь о чудесной жар-птице, что тайком прилетает сюда покормиться, и только к началу осени под прохладной золотой луной вдруг вообразишь весь жар ее перьев, царственное достоинство и ту единственную ночь, когда птица его теряет, отчего-то доверяясь человеку...

* * *

Шелест трепещущих листиков сердце по-настоящему переживает только весной, летом оно успокоенно затаивается, а осенью будто бесшумно обрывается и куда-то улетает.

* * *

Никогда не подумаешь о воробье как о глупом, наглom или прижимистом, а скорее назовешь его умным, неунывающим и бесстрашным!

* * *

Важно ощутить гармонию взаимоотношений в природе, которая быстро проникает в тебя и великодушно вводит в свой мудрый круговорот, что в полной мере недостижимо среди людей.

* * * В морозный солнечный день

снежинка иной раз так брыз-

нет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе, а потом в один миг отдала.

Ловкий шмель, с возбужденным жужжанием залетевший в распутившийся цветок, сразу замолкает и, опьяневший от нектара и удовольствия, уже с трудом выбирается, долго приходит в себя и еле-еле поднимается в насыщенный ароматами июльский воздух, что вскоре опять наполняет озабоченного шмеля неопишуемой легкостью...

Обычные полевые васильки так трогательны и чутки, что легко переливаются в глаза женщины, наполняя их небесной чистотой, когда она, бросившись в траву и широко раскинув руки, готова обнять все цветы. Подставив лицо солнцу, женщина поначалу даже не заметит, что медленно впитывает их аромат, и пронзительная приподнятость цветов входит в нее благословенным теплом, проявляясь в глазах синевой. Она, скорее, причислит это счастье только небу и будет невольно теревить махровые лепестки василька в руке, чему-то улыбаясь. Цветок тогда сразу отдаст всего себя, и женщина наконец почувствует это, поднесет его к губам и поцелует.

Весной в окружающей природе всегда ощущается именно весеннее, а осенью — осеннее, отчего и переживаешь непередаваемое счастье.

Основу творчества составляет притяжение энергии из Вселенной... Именно творческий человек становится источником знаний и самым мощным претворителем космических сил.

* * *

Наши лебеди — это пример того, как заслуженно приходят в жизни мудрость и красота... Молодые птицы — серые, неказистые, а взрослые — царственно-белоснежные красавицы, что вызывают только ощущение законченного совершенства...

* * *

Время твоей жизни не пропадает бесцельно, если весной, с запахом проснувшейся земли, ты ощущаешь не растерянность, а причастие ко всему происходящему в природе.

* * *

Милые пушистые белки, лишь изредка доводящие себя до озорства, в апреле просто преображаются, когда затевают брачные схватки. Их гибкие тельца неумолимо сталкиваются, хвосты переплетаются, встревоженно летят по воздуху клочья шерсти... Взметаясь упругими комочками к самым вершинам высоких елей, белки тотчас скатываются вниз, на снег, ошалело бегают между валежин и возбужденно цокают. А потом —

короткая возня, жалобный писк, и вновь, стремглав, наверх, где победителя уже встречает другой разъяренный соперник. Белки так забываются в этой схватке, что ничего не замечают. Маленькие бусинки глаз грозно горят, тельце то и дело вздрагивает, а хвост бессильно бьет по веткам, так что вниз сыплется мелкая шелуха. Где уж тут, кажется, до самки, которая сидит тихонечко на нижнем суку, почти у самой земли, и даже не решается принять какую-либо сторону. Бесшумно переживает она бой самцов, лишь изредка издавая протяжный ласковый звук, как будто призывая их прекратить всякие распри и наконец обратить на нее внимание...

В любое время года раньше всех звезд загорается на небе Венера и позже всех потухает, так что ее яркий огонек тешит душу постоянно и при этом никогда не надоедает.

В зимней чаще с восходом загораются бесчисленные алмазы, яхонты и рубины — вся тайга вспыхивает яркими драгоценными блестками, восторженно сверкает... А это всего лишь замерзшие на веточках с вечера капельки влаги, которые на короткое время оживили первые лучи солнца.

Шевельнется опавший желтый лист под легким порывом ветерка, привстанет на цыпочки, а то и перевернется через

себя, но сколько тихой надежды и жизни всколыхнет в сердце это его неловкое движение, после которого, быть может, он уже уляжется и замрет навсегда.

* * *

Человек, если захочет, всегда может услышать голос природы, потому что она говорит с ним на языке чувств.

* * *

Удивительным покоем и равновесием в мире деревьев веет от освещенных солнцем стволов сосен, среди которых удаляется в глубь леса человек... Их неподвижные, словно светящиеся изнутри розовые стволы, кажется, останавливают время. Великое умиротворение снисходит тогда на землю...

* * *

Даже в самых справедливых словах человека может быть все так и не так, и только в природе живет одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

* * *

В городе борьба весны с морозом уже давно закончилась, но в деревне солнечные лучи не в силах одолеть крепкие утренники, которые по-прежнему красочно разрисовывают оконные стекла, а лес за околицей никак не приходит в гости.

Глядя, как проносятся над головой быстрые птицы, никогда не завидовал их независимому счастью, а только любовался ими.

Если человеку постоянно везет, значит, он не отпугивает от себя счастье, верно выстраивая свои отношения с миром, общение с которым невозможно без природы.

* * *

В лесной избушке и во сне видишь тайгу, птиц, зверей и дальнюю дорогу...

* * *

Человек безрассуден, если в расцвете сил не предполагает возможного наступления смерти. Он должен жить так, чтобы всегда быть готовым к ней. Способность оставаться спокойным и мудрым сближает его с достоинством существования зверя.

* * *

Не мудрено, что при своих значительных размерах лось, прежде чем появиться на открытом месте, сначала осторожно высовывает из пасти голову, даже когда пересекает небольшую

просеку... Какое-то время он стоит так, замерев, и чутко прислушивается ко всему, что происходит вокруг. И только затем неспешно трогается, уже без боязни преодолевая любое открытое пространство, но лишь до следующего, где опять осторожно высовывает голову с большими ушами, которые улавливают любой посторонний шум за километр и более...

* * *

Зимой леса стоят совсем черные, весной голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: каким бы цветом еще разгореться напоследок, при этом даже не замечая, что, переполненные жизнью, незаметно гаснут...

* * *

Идет весна... И все кругом — земля, птицы, деревья, небо — в восторге от происходящего.

* * *

Тонет лиса по уши в рыхлом декабрьском сугробе, а никуда не деться — это ее лесная обитель: холод, голод и курятная лавочка.

* * * Вошел в лес

охотник — и все насторожилось.

Из всех хвойных деревьев почему-то только пихта отдается огню с большой неохотой, долго бережет плотную гладкую кору, подгорая исподволь, и все, кажется, надеется сохранить себя для какой-то неведомой ей самой жизни.

* * *

У каждого человека есть свой тайный узелок, который в лесу обязательно развяжется.

* * *

Солнце июньским вечером нехотя опускается за горизонт золотой красногрудой птицей, толкается в малиновых облаках, будто влюбленное рыжее сердце, и все машет своими огненными крылышками, машет, даже на короткое время не желая оставлять только было очнувшегося от весны и вновь позабывшего себя в летней роскоши человека... В преддверии скорого солнцестояния ему совсем не хочется поворачивать на зиму, что кажется сейчас такой недостижимой!

* * *

Линии сугробов никогда не выглядят замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадываются и роль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махоньякая дудочка-жалейка...

Дружно снимаются с заснеженных верхушек сосен большие черные птицы — глухари, но идут над лесом не одна к одной, а каждая в свою сторону.

В мире животных разумность гораздо более универсальна и отшлифована природой до недостижимой человеком простоты. Щепетильность принимаемых человеком мер по усовершенствованию своего рода выглядит очень невыгодно и убого на фоне жизни животных. Так, право называться птицей обретает только перелетевший океан и породивший затем здоровое потомство. Перелет — экзамен для духа и плоти, и тот, кто не преодолеет это испытание, не оставит потомства. Своей уязвимостью он уже не будет обременять сородичей.

Человек, обнаружив в себе порок, из общего движения не выпадает, а старается путем зла достигнуть своего желаемого сохранения и даже превосходства. Изошренность и ущербность человеческого разума потенциально усиливаются при этом, а способность быть мудрым не развита в нем в той степени, чтобы предотвратить насилие, предполагающее вырождение.

В отличие от человека, птицы поражают и восхищают своим совершенством, но даже эти неограниченные возможности они используют очень рационально. Часами парящий над лесом коршун обычно не машет крыльями, а использует силу и скорость ветра, умело лавируя в бескрайних потоках воздуха.

Весной у человека пробуждается надежда, но она может пропасть в течение следующих времен года, если не относиться ко всему серьезно. Серьезной должна стать твоя собственная жизнь, в которой ты не будешь позволять себе обманывать людей, в первую очередь обманывая при этом себя, когда пренебрегаешь постоянно возникающими перед тобой возможностями. И еще не нужно забывать, что радостную весну в твоей душе и природе предопределяют строгая зима, ее холод и сумерки, морозы и снежные бури, пронизывающие ветра и кажущаяся нескончаемость происходящего... Но на самом деле зима любит весну, потому как они сестры, и зима уступает своему родному существу то, что не уступила бы никому другому: возможность просто появиться, чтобы каждый мог воспользоваться ее преимуществами. Весна улыбается вашей жизни!

Даже когда листья опадают, они не находят себе покоя: кружатся, вихряются, поднимаются до самых верхушек деревьев и опять укладываются на холодную землю, а то опрометью мчатся над опушкой, беспомощно застревают в густых еловых ветвях и все рвутся и рвутся куда-то: не успокаиваются... Куда-то им еще, должно быть, надо долететь, чего-то успеть, и ты никак не можешь постигнуть: в каком листе больше жизни — в растущем или в оторвавшемся, уже совершенно от всего свободном?

Природа поступает очень мудро, компенсируя возможность беспрепятственной деятельности человека его расплатой за поступки, осуществленные им вопреки здравому смыслу. Чем ниже на эволюционной ступени находится живое существо, тем сильнее должно быть воздействие, чтобы болевая реакция стала очевидной. Боль, которая ожидает человека, может оказаться для него невыносимой.

* * *

Да, я — апрель, но почему я стремлюсь к тому ноябрьскому ветру, что однажды ночью поднял меня от земли?

* * *

Медведица, когда ее сильно напугают в берлоге, оставляет медвежат одних и уже не возвращается.

* * *

В человеке собрана вся природа, но ее не так просто различить, так же как и растерять.

* * *

В лесу иногда забываешься и идешь туда, куда несут тебя ноги... А потом вдруг обнаруживается, что лес во всем понимал тебя, направляя в неясных устремлениях в нужную сторону и ты подчинялся ему беспрекословно, потеряв счет времени и

ощущение пространства. Лес выводил тебя именно к тому, о чем ты больше всего мечтал и чего даже не решался попросить у него.

* * *

Вот и распустилась сирень, и сразу стало ясно, что дух весны уже улетел куда-то далеко-далеко, может быть, совсем растворился, а лето еще не наступило, хотя повсюду разрастаются травы и появляются все новые цветы, и тебе вдруг отчего-то становится так грустно, что хочется превратиться в маленькую бледно-голубую фиалку и, как весна, затеряться под каким-нибудь низеньким кустиком...

В доме тепло, уютно, а березовые дрова так весело потрескивают в печи, что морозная зимняя ночь за окном кажется маленькой мышкой, которая острым коготком осторожно царапает застывшее стекло и время от времени в растерянности затихает.

Охотничья страсть пробудилась во мне еще в раннем детстве, когда отец принес домой огненную лису, тяжело покоящуюся у него на плече... Мать поцеловала отца, перегнувшись через подоконник, а я никак не мог отвести глаз от пушистого хвоста, свисающего до самой земли, и зажмурившейся острой морды, так что казалось, будто лиса вот-вот встрепенется и ускользнет с нашего двора...

В апреле бывают такие сильные утренники, что и на быстрине схватывает ручей.

Все, что я узнаю в природе, было в ней всегда, нужно только это знание время от времени открывать и обязательно передавать другим.

* * *

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской замети и знать, что завтра снова выглянет солнце!

* * *

Люди и не подозревают, что Господь даровал им жизнь на равных правах со зверями и птицами. Те немногие, кто догадывается об этом, минутами живут мудро, хотя и ходят подолгу разочарованными. Разочарование их — от осознания того, что минуты эти не способны изменить мир. Но имея все необходимое для постижения таинств звериной жизни, человек всегда оставляет за собой возможность духовного возрождения.

* * *

Когда в глухом лесу отсутствует солнце и ты немного заплутал, лес, кажется, замыкается в себе, охваченный глубоким равнодушным сном. Человек невольно поддается этому

сумрачному настроению, не замечает времени, которое тянется удивительно медленно, и начинает спешить, а следовательно путаться. Лучше всего не поддаваться подобному состоянию и противопоставить ему спокойную волю, когда вся окружающая обстановка должна восприниматься как неотъемлемая часть твоей жизни. Нужно помнить, что у тебя всегда имеется неистощимый запас энергии и знаний, позволяющих жить в мудром согласии с лесом, каким бы отчужденным он ни представлялся. Меньше паники, больше доверия и любви к лесу — и ты непременно достигнешь с ним гармонии и выйдешь к людям.

* * *

В пору первой молодой зелени, когда природа еще достаточно оголена, все в ней находит свое место, каждый может смело заявить о себе и даже какое-то время покрасоваться у всех на виду.

* * *

Перед самым заходом солнца оранжевая заря на западе иной раз замыкается на короткий миг в себе, стекленеет, и весенние лужи на дорогах горят от нее, как окна в неизвестность: и умиротворенно, и до непостижимости безучастно.

Забить бы все и поселиться с орлами на черной высокой скале у какой-нибудь таежной реки...

Потаенную суть лесной жизни постигаешь и в непроходимых сугробах января, и в небесной лазури апреля.

* * *

Устройство природы таково, что она обязывает человека в первую очередь к обыкновенному терпению.

* * *

Охваченный переполняющими впечатлениями, присядешь где-нибудь на пеньке с записной книжкой и в какое-то мгновение вдруг поймашь себя на ощущении своей ненужности здесь, в лесу... Пораженный, долгое время не можешь прийти в себя, а потом, успокоившись и переборов это осознание ненужности, во всей простоте совершающегося постигнешь: лес потому и существует, чтобы ты пришел к нему, присел на пенек и записал все то, что он с таким упорным трудом веками готовил для встречи с тобой.

* * *

Обычно безболезненно переживаешь пору сенокоса, когда в лесу полно людей, не видно зверя и птицы, да и грибы с ягодами еще не поспели, но так захочется иной раз открыть свою душу лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес и, забывшись там, вдруг прямо-таки заболешь

этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

* * *

Для любого человека лес хорош еще и тем, что в нем можно свободно выбирать для себя самое нужное, без чего не обойтись именно сейчас: или сказочную жуть потаенной чащи, или светлую земляничную поляну, а кого-то увлечет нескончаемость тропы, хранящей на себе радости и печали дикого звериного мира.

* * *

Весенняя молодая зелень постепенно скрывает старую прошлогоднюю траву, и все плохое незаметно забывается, а новое, хорошее уверенно прокладывает себе манящую вдаль дорожку.

* * *

Природа еще никогда и никому не отдавала все без остатка. Она умеет хранить свои тайны, чтобы не растратить накопленное величие и богатство: иначе бы ее давно и бессовестно опустили.

* * *

С конца апреля, и еще почти весь май, стоит по лесу упрямый шорох обрывающейся капли, которую роняют порезан-75

ные и переломленные березы, но шорох этот никогда не надоедает, а мокрые от сока стволы хочется нежно обнимать.

Старый охотник рассказал мне о занятом способе охоты на барсука с помощью капкана. Необработанный и невзведенный капкан привязывается на веревке к дереву или вбитому неподалеку от барсучьей норы кольшку (для того, чтобы барсук не утащил капкан так далеко, что его нельзя было бы найти) и забрасывается в норное отверстие. Чистоплотный и хозяйственный барсук обязательно вытолкнет капкан наружу. Через какое-то время капкан следует опять закинуть в нору, чтобы барсук еще раз вытолкнул его. Повторять эту процедуру следует неоднократно, и зверь постепенно привыкнет к капкану. Лучше всего приучать барсука к нему в течение лета, пока животное будет нагуливать жир. К осени, когда барсук станет упитанным, шерсть его приобретет густую подпушь и красиво залоснится, капкан уже можно будет поместить в нору взведенным. Привыкший за лето к виду капкана и его металлическому запаху барсук непременно угодит в него при очередном выталкивании, став для охотника ценной добычей.

Но не лучше ли просто наблюдать в течение лета за тем, как барсук воспитывает своих малышей, радуется отпущенной ему лесом жизни и ни о чем другом не помышляет? Именно таинственное обитание барсука в глубокой лесной норе, где-нибудь неподалеку от чистого ручья, струящегося на дне укромного лога, такие чудесные полоски на его морде и известное всем

трудолюбие — гораздо более ценны для человека, нежели добытая шкурка. Только живой зверь поможет человеку воспитать неравнодушных детей.

Далеко разносится в майском лесу голос кукушки, но сколько ни идешь до нее — никогда не достигнешь.

Человек стареет только от несчастий, от ощущения собственной невозможности никогда больше не стать молодым. И еще от необходимости идти дальше, оставаясь сильным в жизненных бурях... Вот отчего деревья, переживающие лишь подлинную радость и цельность от взаимодействия с окружающей средой, существуют неизмеримо дольше человека и, даже когда оказываются покалеченными, не прекращают роста.

Потаенная нежность маленькой лесной гвоздики сродни прикосновению девичьих губ или взмаху ресниц, в мгновение вспорхнувших и вернувшихся к своему покою. Цветы так же неожиданно вспыхивают в траве, обдавая своей восхитительной невинностью. У нее, конечно, есть запах, вернее, еле уловимый аромат, и он, наверное, становится присущ молодым девушкам, когда они, сидя в траве, составляют для себя из этих цветов маленькие букеты...

До чего осторожен, чуток животный и растительный мир: ласточка никогда не прилетит даже в июне, если опасается холода, деревья так и простоят голые, с набухшими почками, чуть ли не весь май, не поверив раннему теплу... И действительно, заморозки ударяют аж в третьей декаде первого летнего месяца и длятся целую неделю, а в конце мая выпадает снег, так что утопаешь в нем по щиколотку, и не прекращается он три дня кряду...

* * *

Вся печаль мира заключена в том, что самое крохотное живое подвергается угрозе быть истребленным, но тем не менее пытается уцелеть, любыми путями защищая свое появление на свет.

* * *

В старину «противный» ветер, дующий человеку в лицо, называли «встречей»... Как это хорошо и верно!

* * *

В отличие от сытых лесных голубей — вяхирей, которые любят подремать и погреть свои нежно-пурпурные грудки на ласковом солнцепеке, удобно расположившись на какой-нибудь одиноко стоящей сушине, глухарь набирает краски в сумраке потаенной лесной чащи...

Если по весне не вспоминается твоя горячая молодость, значит, ты ее еще не отгулял, а только ждешь, как бы поверней, подобно одинокому селезню, броситься на крик любви и не промахнуться.

* * *

Поздней осенью опустишь ладонь в лесную лужицу и, к своему немалому удивлению, не ощутишь холода: это давно опавшие черные листья, разлагаясь на дне, копят тепло, прогревая воду.

* * *

Порой создается впечатление, что зимняя тишина очень долго и вкрадчиво обдумывает любое родившееся в ней движение, но так ни к чему, кажется, и не приходит.

* * *

Глаза весны в апреле, не в силах сдерживать нахлынувших чувств, полны безудержными ручьями любви...

* * *

В лесу всегда хорошо и просто вокруг, но это лишь видимый мир, а внутренний, глубинный, наимоверно насыщен и сложен.

Майский свет уже не назовешь ярким, как мартовский или апрельский, который ослепляет, свет этот не такой проникновенный, и он уже не врывается в твоё восприятие, зато благодаря ему душа начинает все видеть, становясь огромной.

* * *

Гаркнет в морозный зимний день старый ворон, и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких хрусталиков.

* * *

Обычная жизнь человека вполне достаточна для свершения всех мыслимых и даже самых немыслимых дел, чтобы успеть стать в ней по-настоящему неуязвимым, то есть свободным, когда достигнутое тобой благо надежно защищено и ты сам ощущаешь в себе силу, которая бессмертна.

* * *

Чудные слова переполняют меня более всего осенью и зимой, еще — ранней весной, и пишется мне тогда легко, а на душе все это время — покой, радостное возвращение к самому лучшему в себе, невозможного без природы.

* * * Вот и ушло это лето... До чего же хорошо было в нем! Как-

то неторопливо, но скоро пронесло оно перед нами свое прекрасное тело, и душа тонко прочувствовала все его ароматы, цветы и песнопения и запомнила их. И, конечно, восхитилась роскошному жару, проникновенной светоносности нескончаемых дней, томительному ароматному духу, тихо пробирающемуся каждую ночь через окно прямо к тебе в постель... А как прекрасно было в саду поутру!

Жизнь же людей за все это время воспринималась несравненно упрощеннее, скучнее, почти условно, как некое достаточно обременительное и вынужденное действие, без которого, к сожалению, не обойтись...

...С великой радостью и печалью несу я в душе ушедшее лето, думаю счастливо о приключившемся в нем, принимаю всем сердцем его ласковое засыпание, и сам, незаметно, становлюсь покойнее, чище...

С вечными поисками цели своего существования, человек есть явление не противоестественное, а наоборот — правое, причем более, чем любое дерево или цветок, ибо он один в природе способен развивать себя бесконечно.

Можно годами уходить в лес, довольно часто натываясь на волчьи следы, и ни разу не увидеть серого разбойника. Так устроен этот зверь, в отличие от лисы, лося и медведя, которых хоть изредка да посчастливится наблюдать. Волк держится совершенно обособленно, скрытно, заведомо предугадывая малейшую опасность и тотчас исчезая из поля зрения. В этой

удивительной способности проявляется ум животного, призванного лесом к сохранению своей жизни более, чем какое-либо другое животное.

* * *

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что могу рассмеяться и заплакать одновременно.

* * *

В каждом из нас живет чувство природы. В одном — неудержимым волчьим воем, в другом — трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то — таинственной глухариной песней... Счастлив тот, кто отгадал это чувство в себе и принял его до конца.

* * *

Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, нести в себе и благодаря ей черпать желание жить.

* * *

В мае всего много и так неопишимо чудесно, но душа не чувствует себя пресыщенной и жизнь, все время переливающаяся через край, не утомляет.

* * * Если бы человек не только

загадывал свои праведные жела-

ния, но и добивался их осуществления, что невозможно без тесного единения с природой, он был бы поражен тому, как можно измениться, становясь подобным Богу.

* * *

Как на южном склоне лога, под елью, закипит муравейник — со дня на день подыметя из берлоги лесной воевода-медведь...

* * *

Красота — это не инстинктивно воспринимаемое ощущение целообразности сущего, а как раз сама сущность — никем не объяснимая и ничем не прерываемая, простая по своей сути и не роскошествующая излишними свидетельствами и причинами, она есть язык сверхсознания, на котором с нами разговаривает Творец и которому мы должны неустанно учиться.

* * *

Только в октябре, который ничего не обещает и, кажется, не дает и тени надежды, так зелена совсем неувядающая трава — отава, выросшая после последнего августовского сенокоса.

* * *

Любая погибель жизни во Вселенной не есть что-либо страшное и незаконное, совершенно не содержащее в себе

какого-либо смысла и бесповоротно и навсегда скрывающее от тебя свет, если принимается эта погибель достойно.

Ни с чем не сравнить эту силу весенних ночей, которой и не хочется искать объяснения.

Увидишь в траве крохотные незабудки — и сразу вспомнишь про высокое небо. Не выгорает их цвет на солнце, ничуть не тускнеет, и всегда они смотрят мягко и доверчиво, переполненные своей скромной любовью.

* * *

Столько воли отмерено Вселенной человеку, и до чего же он беспомощен и несчастен!

* * *

Апрельская дорога раскисшая, черная, и пока бредешь по ней, на душе, несмотря на весну, становится муторно... Но только войдешь в лес — и сразу угодишь в зернистый чистый снег, который отрезвит резким запахом уже надломленной стылости и заставит оглядеться: ведь вот она, весна, пришла, а ты ее не замечаешь, и след твой очень скоро расплывается и мало-помалу вовсе исчезает...

Промозглый октябрьский день подарил мне огромного глухаря, с пугающим хрустом сорвавшегося с высокой сосны, стремительного тетерева, пронесшегося прямо над головой, пушистую белочку, легко перебежавшую дорогу, но только маленькая стайка вездесущих чечеток по-настоящему развеяла осеннюю скуку.

* * *

В неведомой глубине леса находится неведомое чувство природы. Это чувство лишь иногда улавливается человеком, но всегда является постоянным сюжетом его неясных домыслов. Человеку очень хочется верить, что когда-нибудь он преодолет свое незнание.

* * *

Даже если ошибешься в своей любви — апрель все исправит.

* * *

Я рано понял то, что должен был понять в отношении моих частых поездок в лес: в таких случаях следует оставаться непременно одному. Только тогда наступает спасительное обретение.

* * *

Мартовские утренники такие сияющие и жгучие, что готовы, кажется, превзойти все торжество просыпающейся приро-

ды, но и они неудержимо поглощаются все более нарастающими в апреле праздничными потоками воды и ароматом первых, только что пробудившихся цветов.

* * *

В иной год сосульки вырастают толщиной в хороший березовый ствол, но и ими не дорожит весна.

* * *

На первый взгляд, для леса вроде бы неважно личное каждого человека, а важно нечто общее, входящее во всех... Но принимая под свой покров всех людей, лес каким-то образом выделяет составляющее каждого, совершенно точно угадывая то, что важно и для него и для себя, а человек этого даже не замечает.

* * *

В мае, как никогда объединяющем все живое, душа особенно ждет счастливой встречи, на деле ничего не предпринимая.

* * *

Чутко прислушивается к неугомонной жизни весеннего леса таинственный глухарь и, наверное, совсем не мечтает о лете.

* * * Преисполненный довольства
августовский вечер от избыт-

ка радостных ощущений часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

* * *

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать ее задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда даже не отсияли рождественские звезды, но к весне не истрачиваю себя, а, наоборот, становлюсь более определенным в желаниях.

* * *

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное в нем становится привычным, оно просто надоедает. Но невозможно вытолкнуть из себя природу: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как она живет.

* * *

Больше всего на свете мне нравится собирать из общеизвестных слов музыку мыслей. Апрель, как никакой другой месяц, помогает в этом.

* * *

Под моим окном в деревне уже долгие годы растет сирень, и порой начинает казаться, будто она подстраивается под меня.

Это очень приятное, загадочное и доброе дерево. Оно всегда будто улыбается, правда сдержанно, но мило, а когда в мае его ветви сплошь покрывают белые, голубые и лиловые цветы, от сирени словно исходит мелодичное звучание...

Работая в огороде, я иногда смотрю на сирень и радуюсь. Сирень опять распустилась после суровой зимы, она жива и рукоплещет весне... Вернее, своим чудным сиреневым образом удивительно точно ее дополняет, и в моей душе рождается праздник.

В начале лета огромной лиловой охапкой-кустом пенится сирень посреди набухающей и еще не утомившейся листвы, но не гордится и не повелевает, только нежно убажает торжественно нарождающийся июньский пейзаж. Все бы плыло над землей сиреневое цветенье, никогда не кончалось... Погружаешься взором в это сиреневое пышное благолепие и не чувствуешь под собою ног: сирень-душа будто возносит тебя, отчего и твоя душа точно так же распускается сиреневым цветом и не ведает, куда ей лететь...

Почти весь июнь сиреневый дух душными волнами прокрадывается в дом... Все спят, окна растворены в сад, и стоит такая тишина, что слышно, как дышит каждый листик. Легкий шепоток создает какое-то невидимое движение, которое ничуть не мешает, и даже приятно.

Но шорох этот перебивают настырные волны, исходящие от сирени, замершей там, под окнами, у покосившегося серого забора... Волны по-кошачьи мягко проникают в сонную темноту комнаты и так же потаенно закрадываются под твою кровать... Может быть, именно этой ночью сирень намекнет тебе

своим запахом о том прекрасном, чего еще не было в твоей жизни, но обязательно вскоре сбудется.

А в конце июня сирень осыпается, и происходит это неожиданно, как-то разом... Еще совсем недавно такая пышная, белопенная, шальная, она уже не дурманит сочностью своих снежно-фиолетовых девичьих соцветий и будто в мгновение стареет. Молодость ее начинает казаться непрочной, а затишье после буйного цветения — печальным и нескончаемым. Думается почему-то, что упоительные сиреневые дни больше не повторятся и это будничное однообразие после пышущей ароматом сирени не прекратится. Сирень так бурно цвела, благоухала, что больше не верится в ее возрождение, и отчего-то на сердце наваливается необъяснимая печаль, которая, впрочем, быстротечна...

Знающие люди утверждают, что сирень нужно как можно чаще укорачивать, то есть ломать. От этого она растет лучше, а самое главное — необыкновенно распушается. И без того прекрасная, сирень становится еще богаче.

В доме от запаха сиреневых цветков у людей приятно кружится голова, а в саду, где растет сирень, воздух всегда чистый. Пьянящий аромат сирени бывает прохладен и сладок особенно после дождя, и тогда хочется окунуться в это сиреневое буйство запахов и красок, уже ничего не желая.

Когда сирень в самом цвету, она будто простирает свои бело-фиолетовые пахучие длани, щемит сердце острым ароматным счастьем, и всякий человек чувствует — он словно выходит за свои пределы, чего на самом деле редко кому удастся... Сиреневый туман клубится в солнечном свете и вырастает во всем таком же переливающимся сиреневым благом.

А бывает, сирень нахлынет на тебя упругой душевной волной, наполнит сладостными мыслями и настроением, и ты вдруг почувствуешь себя до краев заполненной сиреневым вином чашей, которую при всем желании не боишься расплескать. Вино переполняет тебя, но не выливается, и ты радостно несешь его в себе, насыщаясь нескончаемо чудным духом. Лишить сознания может только отсутствие подобных впечатлений, но никак не сиреневый дурман, его чарующая желанная истома...

...Распустила свои лиловые султаны главная весенняя обольстительница — сирень, и вокруг все еще более преобразилось. Какая-то мимолетная и шикарная в своем дурмане, не без некоторого благородства и совсем не кокетливая, она словно раскрывает в себе окно весной, и быстротечные дни упоенно уплывают в блаженную даль. Никто из деревьев с таким обаянием не проживает их, как это совершается у сирени.

Пышность белоснежно-лиловых султанов придает сирени особое величие и торжественность. В ней — роскошь, не стремящаяся скрыть свое обилие, в то же время полная легкости. Пышное празднество сирени — ее каждодневное состояние, но, в отличие от черемухи, неудержимо навязывающей себя всему весеннему свету, она скромна... Черемухе, говорят, пышно в цвету, а сирень будто утопает в своем пушистом цвете... Ей хорошо и уютно с самой собой, и если черемуха — красавица, то сирень — прелесть!

При всем своем очаровании сирень не ставит себя наперед других деревьев, а сохраняет кротость. Скромное дерево своих заслуг словно не ведает, хотя и необыкновенно красиво. Ее тихая, незатейливая жизнь чудесна сама по себе, сирень нико-90

го не обманывает, не охмуряет, и эта скромность ей удивительно к лицу.

Сирень благоухает в душе каждого человека в самую сладкую пору весны. Женщина может подарить ее сама себе когда захочет, и лелеять сиреневый аромат ночами напролет. Ночи эти такие теплые, благосклонные к ней и ее чувствам. А мужчина мысленно преподносит сиреневые букеты всем женщинам, потому как на деле не в силах их всех одарить. Сирень так естественна, легкодоступна, и, кажется, нет женщины, которая бы не желала прижать к груди душистый сиреневый букет, с наслаждением погрузив в него милое лицо...

В чудный месяц май пробуждает сирень все эти ошеломительные переживания и, наверное, не желает умирать. Вероятно, она даже не помышляет об этом и только мечтает жить долго. Сирень дарит и восхищение, и радость, и покой без всякой тревоги, вместе с белым цветом облаков, синим небом и золотистым солнцем. Смешавшись с бархатным теплом весенней ночи, ее запах передает невольное беспокойство мерцающим звездам и всей тишине, что распростерлась над благоухающей землей. Не идет сон в такую сиреневую ночь, и душа полнится каким-то сладостным ожиданием.

Трепетное дыхание сирени в этот ночной миг горячо и душисто, оно плывет от самой земли, когда она, девственная и чистая, еще не проснулась под лучами солнца и не отдалась ему без остатка. Горячи и душисты пухлые сиреневые цветы, источающие терпкий аромат. Нет, кажется, ничего блаженней, чем слиться с ним в едином дыхании...

По-весеннему благостно и грузно свисают в саду сиреневые ветви, чем-то неизъяснимым тревожат душу, но и вдохновляют на редкую красоту. Столько надежды, тепла, внутреннего света таится в каждом лиловом букете! Ждешь весной встречи с любимой женщиной и в опьянении сиренью гадаешь: осыплет ли тебя дождем из ароматных лепестков какое-нибудь нежное создание?!

Как безукоризненно точна и чудесна в своем восприятии времени сирень: в самую благодатную майскую пору зацветает, почти весь июнь ненавязчиво и мило предлагает всем дурманящий цвет и вроде бы совершенно себя не истрчивает. Впечатление такое, что это ей ничего не стоит, и даже когда сирень отцветает, она не замыкается и не грустит. В полном удовлетворении от совершенного только незаметно притихает, но живет тем не менее интересно, чутко вслушиваясь и глядяваясь во все происходящее в природе... Недаром под осень листья сирени еще более зеленеют.

Сирень — очень жизнелюбивое растение и действительно дольше других деревьев сохраняет зеленые листья. Бывает, стоит уже глубокая осень, выпал снег, а она все еще зеленая. Глядя на нее по осени, всегда думаешь о внутренней силе дерева, о его негибкости.

Но откуда сирень черпает силы? Наверное, она такая сильная сама по себе... Вдобавок, ее ветви полнятся силою ветра, солнца, дождей и воздуха, и, впитывая эти силы, сирень оказывается еще более неистребимой. Сирени отчего-то дана такая природная власть силы, которая никого не ломит, а, наоборот, нежно всех осияет, насыщая своей душистой кипе-92

ню, благодаря которой и в душе человека закипают весной чудесные жизненные волны.

Да и увядает ли сирень вообще? Вернее, она просто бросает на землю лист, не успевший пожелтеть. Сирень, по-видимому, не желает блекнуть и до самого конца не теряет изумрудную свежесть, ожидая своего ветра. Лишь поздней осенью прилетает к сирени такой ветерок, окружив ее неприятзательным вниманием, забирает оставшуюся листву, и сирень успокоенно засыпает...

Но какая радость увидеть зацветающую сирень погожим весенним днем, когда она густо усыпана вживкающими воробьями! Воробьев — тьма, все они необыкновенно оживлены, а сидят до того плотно, что не протиснуться меж ними самой маленькой птахе, но при этом они нисколько друг другу не мешают и только еще более возбуждаются от такого тесного соседства. Весна на дворе — полное довольство тепла, запахов и света, сирень священнодействует сейчас посреди всего этого совершающегося буйства, и маленькие воробьишки не в силах скрыть своего восторга.

Их волнение, кажется, только усиливается от зарождающегося над землей сиреневого аромата, и оно вот-вот перехлестнет через край: напыжившиеся тельца дрожат, голоски беспрестанно журкают, захлебываются, ты даже замрешь напротив сгрудившихся птиц — как страстно они воодушевлены всем происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий сиреневый дурман и торжество жизни, в котором воробьи — не самые последние!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с березового листа, и сразу по прилете занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек, в деревьях же выбирает чаще всего черемуху и сирень... Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди голубовато-фиолетовых факелов и вовсе остается незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поет всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения — и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Соловей поет, сидя на какой-нибудь ветке сирени невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне до нескольких десятков колен — и как тут не забыть, почти весь день провозглашая весну!

Пение соловья очень богато пересвистами и пощелкиваниями, в которых с удивительной прелестью нежные звуки сменяются громкими, восторженные — печальными. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует еще более очаровывающая... Причем, все торжество издаваемых звуков льется неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом — неповторимость соловьиной песни, которая всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой, а в опьяняющем сиреневом аромате соловьиная песня — маленькое чудо в удивительном празднике-94

ке весны. Безотчетно хочется окунуться и в соловьиную песню, и в это сиреневое буйство, скорее даже — броситься в закипевшую сирень как в море, в мгновение пропитавшись влекущим голубовато-белопенным духом...

А иногда украшением сирени оказывается чечевица! Как хорошо в саду, когда цветут яблони, вишни и сливы, от них не отстают черемуха с сиренью,— сыплется на землю мягкий душистый снег из лепестков... Белые «снежинки» залетают в раскрытые окна, ограду... И вот среди бело-сиреневых цветов красуется ярко-красная грудка самца чечевицы, и над огородом разносится его проникновенно-восторженная песенка: «Витю видел? Витю видел? Уйти-уйти, уи-ить!»

Все лето снуют в ветвях сирени горихвостки и их быстро подрастающие слетки... У меня в огороде гнездо горихвосток располагается прямо над сиренью, под карнизом дома, и сразу после прилета, расположившись на макушке дерева, птички дают о себе знать несколько монотонной, но мелодичной и звучной песенкой. Приведя в порядок гнездо, горихвостки распевают свои милые песенки, и при этом всегда очень оживлены, непоседливы и непрерывно трясут хвостиком, демонстрируя оранжевое подхвостье... Сердобольные птички успевают вывести за весну два потомства, и вылупившиеся птенцы громким писком непрерывно требуют есть, заставляя заботливых родителей сотни раз в день приносить им корм — бабочек и гусениц, клопов, жучков и прочих насекомых, а когда устают — присаживаются на распутившиеся веточки сирени, радостно оглашая округу коротенькой нежной трелью: «Фюить-фюить-ти-ти-тик, фюить-95

фюить-ти-ти-тик, фюить-ть!» И так всю весну и лето, оживляя своим присутствием садовое пространство, напоминают о себе эти милые птички, но предпочитают почему-то заросли колокольчиков, малину и сирень, хотя она давно облетела. Работая в огороде и поглядывая на перелетающих горихвосток, я всегда успокаиваюсь. Птички порхают под окнами маленькими оранжевыми комочками, трогательно трясут хвостиками, и сердце мое незаметно наполняется силой, которой ему не доставало...

Не минует притихшее под осень милое дерево и воронье... Суматошные птицы, по-смешному раскорячившись в глубине сирени, без устали надкусывают сухие ветви и бросают их оземь. Причем, ветви сирени крепкие и не сразу поддаются, но это обстоятельство не останавливает ворон. Они всецело погружены в захватившее их занятие, не замечая, что делается вокруг.

Я осторожно наблюдаю за птицами из окна и никак не могу понять, для чего они это делают: то ли свой клюв оттачивают, чистят, то ли просто от нечего делать забавляются? Наломанные ветви валяются под деревом, так и оставаясь непригодными, другие деревья птицы не трогают и знай упорно пытаются надрать поболее веток именно с сирени... Когда воронам надоедает изводить себя странными силовыми упражнениями, они в мгновение ошалело срываются куда-то, и к сирени подлетает наконец белобокая сокунья-сорока... Усевшись на вершину, она начинает без устали накручивать хвостом, тоже пытаюсь чем-то отметить свое присутствие на полюбившемся всем де-96

реве, но так и не обнаружив для себя ничего занимательного, вскоре с криком покидает сирень. Потревоженная веточка сирени приветливо качается ей вслед, будто прощаясь с давно минувшим весенним цветением, умиротворенным благостным летом и незаметно истаивающей осенью...

И даже когда лист опадает и землю укроет первый снежок, на обнажившиеся веточки сирени прилетают красногрудые снегири. Оживляя собой ее замерший вид, птицы домовито толкуются под самыми окнами, мягко посвистывают, но покидать сирень не спешат. Поздней осенью они с удовольствием расклеивают засохшие ржавинки былого сиреневого цвета, неторопливо теребят его, и если день выдался тихий, пасмурный, эти потрепанные птицами семена издают тонкий пряный аромат, нежно истаивающий в прохладном воздухе. Кажется, что так начинают пахнуть влажные листья сирени, ее серовато-белые ветви и сами красногрудые снегири, а ты понимаешь до конца богатую суть сирени, которая очаровывает даже под осень...

...В сирени много любви ко всем, и она — дерево-душа, что несет окружающему миру ароматное добро. Одна сиреневая душа — а как хороша!

Как глубоко надо понимать и любить жизнь, чтобы она — и дневная и ночная, и несчастная и счастливая, и беспечно-сонная и яркая, живая — одинаково бы серьезно просилась на бумагу.

Только радуга в земном мире не имеет оборотной стороны, она не отбрасывает даже тени, но, находя прелестные отзвуки лишь в наших душах, не перестает радовать именно тогда, когда мы менее всего ожидаем ее чудесного появления.

Увидишь без удержу токующего в февральскую оттепель косача, но и не подумаешь усмехнуться, а заглядишься на него и тоже непроизвольно вовлечешь себя в этот радостный и, может быть, немножко глупый предвесенний обман.

Еще вчера, несмотря на позднюю осень, лес жил какими-то скрытыми приготовлениями, был широк и неустрашим, а сегодня он уныло свернулся серым звериным клубком и затих. И ты понимаешь: это последние птицы покинули свою родину, что в одну ночь стала для них чужой и холодной.

Из всех времен года старинный геральдический герб применим, наверное, только к зиме, где может быть отображено благородство ее здоровых помыслов, верность данному ей крепкому слову и необъятность волшебной силы, перед которой всякий неверующий перекрестится.

Горечь хвойной иголки глухарю слаще любой ягоды.

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всем теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

Природа никогда не отдает человеку душевный покой даром, а только так, чтобы он непрерывно работал над собой, расцветал изнутри и когда-нибудь узнал свое подлинное счастье.

* * *

Любоваться и не принимать природу сердцем — невозможно, но только немногим, кто понимает ее силу, удастся почувствовать в ней свою собственную жизнь.

* * *

В непроглядную студеную заметь, случающуюся нередко в конце марта, почему-то всегда знаешь, что под утро ветер успокоится, небо прояснит, и глухари неспешно выйдут на припорошенный снегом наст, чтобы подарить всем чудесную лесную сказку...

Иной раз сквозь сон чувствуешь, как тоскливо за окном вьюге... Поуютнее свернувшись под одеялом, думаешь, как одинока и беспомощна она в бушующем море снегов, даже несмотря на свою разгульную удаль.

Можно представить себя ясным месяцем, изредка посверкивающей в холодном небе звездой или даже голодным волком, но никак не вьюгой. Знаешь наверняка, что сердце не выдержит ее безжалостно-стылого крошева и лопнет от невыразимой тоски, когда закружится, как и она, в безудержном танце зимы.

* * *

Временами, очень редко, я ощущаю, как лесной бог обращает на меня свое внимание, смотрит ясно, очищающе, но при этом полностью доверяет мне проявить себя самому, даже в мелочах, которые на деле оказываются самым главным...

* * *

Человеку всегда следует помнить: лес — источник той огромной силы, которую ничем нельзя заменить.

* * *

Все время ждешь весну, отмечаешь еще с конца января ее неприметные вехи, надеясь, что она ворвется в тебя и захватит целиком, а весна прокрадывается в твое сердце с последними,

слетающими с небес в начале мая трогательными снежинками, которые незаметно распахивают свои голубые чарующие глазки и нежно ими околдовывают.

Трагедия каждого человека заключается в невозможности или чрезвычайной сложности установления подлинных взаимоотношений с другими людьми. Она основана на серьезной ограниченности веры в себя: человек в состоянии быть собой пока только в уединении. Редко кто способен преодолеть собственную отрешенность и выйти за ее рамки, открыв свою душу, но рано или поздно он должен их превозмочь, и в этом ему постоянно помогает природа.

Почти у самой деревни наблюдал любопытное зрелище: ворона, во много раз превосходящая по размерам дрозда, спасалась от него бегством. Что вынудило ее к этому, а дрозда, наоборот, окрылило? Должно быть, только наглое воровство, при том, что дрозд наверняка бесстрашно защищал свое гнездо...

Зима была бесснежная, морозная, и все так и думали, что земля в этот год обойдется без привычной для нее талой влаги, но к началу апреля все в развивающейся было весенней природе повернулось и обдало студеным метельным жаром: началась ослепительная весна... снега!

Не знаю, как объяснить, но я всегда ощущал связь с лесом. Даже маленьким мальчиком, когда меня пугали дедушкиной охотничьей плетью, что тяжело свисала с ржавого гвоздя в темном чулане...

* * *

Только в апреле постигаешь: в тебе есть все для того, чтобы стать Богом...

* * *

Летним утром на приятном солнышке никогда не помыслишь о пронизывающей метели, и только наслаждаешься раздольем этой жизни, которая как будто остановилась в продвижении вперед и всю свою силу сосредоточила на росте вверх, к солнцу... Все радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращая душой к солнечному свету, в сто крат отражающему ее тепло для всех живущих на земле...

* * *

Свист рябчика морозным утром — будто неожиданно пробившийся из-под гнета зимы ласковый ручеек.

* * * В январские оттепели, первые предвестники весны, души

людей неожиданно так обнажаются, что не ведают, куда себя деть.

Удивительно мне теперь вспоминать, что в детском возрасте я прекрасно чувствовал и понимал природу, хотя и не мог еще этого объяснить, а вот отец, который рано начал брать меня в лес и не зря слыл в своем кругу отменным стрелком, сам, не без оснований, считавший себя заправским охотником, ее так тонко не воспринимал... Мало того, он был очень удивлен, даже поражен, когда десятилетним мальчишкой я вывел его, заплутавшего вместе со мной, из чащи, да еще, в подтверждение своей правоты, указал ему на глухаринные наброды, которые мы миновали несколько часов назад, оставив рядом и свои следы. И это в совершенно незнакомом лесу, вообще оказавшись в нем в первый раз! Как будто вышло так, что лес зачем-то, еще тогда, забрал меня в свои недра и так и не выпустил, а я жил в нем в разных образах, узнавал все больше и больше и постепенно приближался к тому, что я сейчас из себя представляю... Куда-то приведет меня эта таинственная лесная душа!

Как бы ни было развито твое воображение, по-настоящему его будят только беспрестанные и, кажется, совсем обыденные наблюдения леса.

Тихо слетают с неба снежинки, со всех сторон лишь они и душистый апрельский воздух, но как надежно, благодаря только им, утверждается в своих устремлениях к будущему твоя мятущаяся душа!

* * * В особо лютые зимы в гайно
собираются по две-три белки.

* * *

Раньше я думал, что мир природы в безлюдье становится только прекрасней, а теперь убежден: без человека он, наверное, недопустимо дичает...

* * * Мала синичка, а своим
тоненьким голоском утро будит.

* * *

Приходит весной такой день, когда всякому живому существу в лесу хочется показать себя с лучшей стороны, и оно так забывается в этом неудержимом стремлении, что на время теряет свою природную суть... Зайцы, к примеру, начинают ошалело носиться по окраинам полян и в перелесках, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается истощным верещанием, так что заяц, в порыве

страсти, совсем теряет осмотрительность и даже может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав. Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, он порой доходит до такого состояния, что уже ничего, кажется, не боится, а вернее — не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом, да свистнешь изо всех сил чуть ли ему не в ухо, то зверек сначала оторопееет, затем с него слетит вся весенняя бравада и мигом сделается он опять робким заюшкой-горностаюшкой, обретя тем самым свое истинное лицо...

Как бы человек ни стремился ублажать свою жизнь оборотительными тайнами леса, а не выходит у него с ним согласия: собственное неустройство не позволяет.

Береза ободряюще шумит, осина неутомимо трепещет, а липа ненавязчиво нашептывает и нежно овеивает.

Медведь не спеша переходил лесную просеку, старый заброшенный волок, а вокруг было так тихо, что казалось — это сон. Усталые листья неслышно сыпались на мокрую землю, бледно-голубое небо безмолвно перевернулось в зеркальных

лужах, а ночная сырость стерла даже запахи... Царственная осень ненавязчиво расположилась у самых твоих ног и тоже как будто замерла.

Но вдруг луч солнца высветил лоснящийся густым мехом бок зверя, и сразу все всколыхнулось, задвигалось и... проснулось.

* * *

Невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесет с собой аромат чистых апрельских дождей...

* * *

Как это ни странно, но сколько ни бываю в лесу — чаще всего просто доверяюсь ему, а не пытаюсь его осмыслить и понять.

* * *

Когда терпеливо, в течение долгих лет, выискиваешь, чем живет лес, то сила его уже не подавляет, а спасает.

* * * Яркая луна скучна в окне

нелюбознательного человека.

* * * Даже в жестокую январскую

заметь снегири не перестают

издавать нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно заметишь и тоже про себя улыбнешься.

* * *

Дивному снегу все чудеса доступны.

* * *

С улыбкой выглянув из-за туч, августовский месяц так же весело скатился с неба, искупался в деревенском озере, прислонился к раскидистой сосне, затем взобрался на бабушкину избу и, присев на коньке, свесил ножки... Был бы он человеком, то непременно бы еще и прошептал всем перед сном: «Спите, крещеные, но не просыпайте... Скоро осень...»

* * *

Неисчислимыми поколениями зверей, цветов и птиц лес копит в себе воспоминания о днях своей молодости и никогда не стареет.

* * *

Зимой не хочется говорить много и громко возможно оттого, что она продолжительна: все успеешь обсудить в ней и научишься быть внимательным и немногословным.

Человек читает великую книгу природы, а видит в ней только свое, человеческое.

Кто не ходил морозной апрельской ночью на глухариный ток, тот никогда не узнает, как весело и жгуче прихватывает за щеки крепкий весенний утренник, как обрадованно, словно зазывая в гости, посверкивает в алмазах бархатное предутреннее небо, как таинственно крадется рядом лунная апрельская ночь, как гулко ударяются в ней об наст лыжи, и снег, будто сыпучее серебро, стелется под ними увлекательной и все время ускользающей куда-то дорожкой, которая здесь, в глухом, отдаленном от людского жилья лесу, становится самой дорогой и желанной...

Каждому времени года присущи свои черты... Зима, например, имеет ровный уверенный почерк, ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время. Весна — самая доброжелательная пора, в ней — высшая откровенность природы, когда все раздается, поет, ширится. Лето до предела насыщено невидимой жизнью, создающей общее настроение удивительной радости и покоя, оно с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копящимся вокруг запа-

хам... Осень приносит ясность дальнего видения, что не отрывает от земли, а только приземляет и делает чувство родимой земли еще более родным и глубоким.

Цветы — незабвенные знаки памяти земли, хрупкие символы преданности самому лучшему, что она хранит в своих недрах.

* * *

Только по весне вдруг замечаешь, каким смелым стал маленький лесок, всю зиму окруженный бескрайними заснеженными полями...

* * *

Всем хорошо известны белые кувшинки. Они целыми днями красуются на поверхности озера, придавая ему особое обаяние и загадочность. Но лишь немногие знают, что с наступлением вечерних сумерек таинственные цветы сворачивают лепестки в тугой бутон и погружаются под воду на всю ночь, оставляя после себя только тонкий аромат.

* * *

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится еще крепче.

Не надо забывать, что как бы тяжело природе не приходилось, она никогда не перестанет быть нашей защитницей.

По тенистым лесам, низменным лугам или в оврагах часто встречаются заросли пушистых цветов с белыми пахучими шапками: это любимая лосями таволга, которая для них и самый желанный летний корм, и душистая мягкая постель...

Кажется, нет ветра, а высокие ели вдруг закачаются, будто приветствуя кого-то невидимого, и ты не в силах понять, что и кому они пытаются рассказать. Или, может быть, о чем-либо предупреждают?

* * *

Надо очень дорожить лесной жизнью, что приоткрывается порой лишь на мгновение, которое и побуждает к творчеству.

* * *

Неимоверной силой и гармонией наполняют меня мои сокровенные бдения в лесу. Но трудно бывает сохранить и употребить это недолгое волшебство могущественных лесных сил.

На ласковом мартовском солнышке коричневые сережки доверчивой березы невидимо набухают докрасна и... теряются, не зная, как передать себя обманщику апрелю.

Трудно объяснить, но всегда почему-то чувствуешь, отправляясь по грибы, что именно здесь искать сегодня нечего, а вот под той разлапистой веточкой дожидается тебя твой зернистый масленок или яркий подосиновик...

* * *

Гаичка-пуховичок так легка и воздушна, что не перестает без усталости работать, даже повиснув на веточке вниз головой!

* * *

В отличие от хозяйственных домовитых пчел, все лето усердно переносящих пыльцу и нектар в ульи, шмель не имеет своего дома и, лениво нагулявшись в свое удовольствие за нескончаемый летний день, засыпает под вечер где придется: внутри лилового колокольчика или в закрывшемся бутоне ароматного шиповника.

* * *

В канун весны, когда вся природа еще молчит, мое нетерпеливое сердце уже трепещет маленькой птичкой, изредка за-

мирает, словно пугаясь своей смелости, и в этой полной, на миг обретенной чуткой тишине устремляется к большой и еще не сбывшейся любви...

* * *

Придя в лес, необходимо оставаться в нем умудренным зверем, но не человеком. Начинаешь кому-то что-либо показывать, объяснять — тотчас теряешь понимание, слух, зрение, и в конце концов — жди неприятностей. Человек, если он не случайно оказался в лесном мире, должен сам дойти до всего. Быть незаметным, взвешивать каждый шаг, восхищаться увиденным только в душе — таков лесной закон.

* * *

Как сонно и сладко длится зимою жизнь, как до жути замечательно и просто берегут ее покой волки...

* * *

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся вешней порой ежик, может быть нежнее шелеста самого первого ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их и ничего никому не обещает... А когда еж еще и засопит, мило зафыркает блестящим носиком, то невольно улыбнешься и позабудешь, какой беспощадно затяжной выдалась надоевшая всем зима...

Все в лесу кажется необыкновенным, даже самые обыденные вещи... Вот и грибы, хорошо известные каждому с детства и чаще всего появляющиеся на одном и том же месте, на самом деле перемещаются в зависимости от погоды: в сухое лето гриб тянется к стволу — там побольше влаги, а в сырое — как бы отбегаёт погулять на полянку, где почва суше, так как прогревается сильнее, чем под деревом.

Сколько бы ты ни мечтал унести в звездное небо зимой или весной, помочь в этом способен лишь ночной ноябрьский ветер... Удивительно, но только с ним почему-то можно ухватить часть звездной жизни, быть там сколько захочешь и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

Зимний рассвет льется зеленовато-перламутровыми отблесками на укатанную дорогу, прямо под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

К середине апреля лес наконец-то пробуждается и оторопело смотрит вокруг зеленовато-мутными глазами. Множество

запахов кружат в нем голову, первые цветы решительно раздвигают подстилку из слежалого прошлогоднего листа, а березы наливаются соком, так что из каждой надломленной ветки летит на оживающую землю сладкая капель...

Набухают почки, густо течет по стволам елей чистая смола, сдвинувшийся неведомо куда воздух слезит глаза... Тронулась вроде бы весна, пошла-поехала по потаенным лесным суземкам, но самый час преобразования в природе подступает неувидимо: вчера, ввечеру, лес стоял еще совсем голый, буровато-серый, а уж под утро весь окутался нежной зеленой дымкой...

* * *

Долгую зиму копишь сокровенные желания и духовное здоровье, знания и усталость, а пришла весна — и забыл про все!

* * *

Перед самым рассветом в лесу наступает такой час, когда становится особенно темно, и это надо знать, потому как если ты заплутал по жизни, но не отчаялся, будь уверен: за самой страшной тьмой, как бы долго она ни продолжалась, всегда ожидает тебя большой свет.

* * *

До первой пороши стоят в своей неприкосновенной ядовитой красе красношапочные, с белыми пуговками, мухоморы...

Родившись мальчиком-октябрем, юношей стал я в июле, мужчиной почувствовал себя в апреле... Старость, наверное, попытается занести меня февральскими метелями, но именно в апреле я окажусь на краю крыши...

Жить стоит ради того, чтобы накапливать и записывать мысли, любить женщин, вдыхать звуки и запахи леса.

* * *

Каждый зверь в лютую пору хоть как-то устроен, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от беды к беде.

* * *

Свежо в весеннем распустившемся лесу, густ и покоен ароматный воздух, и вдруг закружится в нем иссохший прошлогодний листочек — падает медленно, долго. И так тебя это тронет, что позабудешь и про весну, и про богатую вальдшне-пиную тягу накануне, и про то, как горят раздавленной клюквой брови у старых петухов-чернышей, чья страстная песня все утро разносится над подернутой душистым парком речной долиной...

* * * В народе издавна

воспринимали березу как самую жен-

ственную и скромную красавицу леса, но вот осина, несмотря на ее дурную славу, не менее обаятельна и лишена не нужного женщине жеманства. В отличие от целомудренности березы — качества, которое в женщине нередко мужчинам претит, осина, дрожа листом и обнажаясь, совсем не выглядит вызывающе и не менее желанна.

* * *

Дикие животные прекрасно понимают голоса друг друга, чего не скажешь о людях.

* * *

Как замечательно сидеть в лесу у костра и спокойно думать обо всем, что произошло с тобою за день, но еще лучше вообще ни о чем не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим миром...

* * *

Удивительно наблюдательный и сметливый русский крестьянин, не пропуская мимо ни единой мелочи, и в суевериях своих оставался обаятелен, ярок. Так, в неумелом полете коростеля с несуразно вытянутой шеёй, висящими длинными ногами и коротким хвостом, он готов был углядеть способность птицы пешком совершать далекие путешествия: осенью — на юг, а весной — на север, хотя виною тому служили ее ночные перелеты, которых видеть никто не мог. За то, что мертвые

клесты долго не разлагаются, простой человек считал птиц святыми, и это народное поверье подтверждал их крестообразно устроенный клюв, которым они якобы вытаскивали гвозди из креста с распятым на нем Христом, тогда как на деле клесты просто всю жизнь питаются смолистыми семенами сосны и ели и тельца их оказываются сильно пробалзамированными, а перекрещивающимися половинками клюва птицам сподручнее управляться с замерзшими шишками. По убеждению мужика, даже обычный удод признавался не иначе, как зловещей птицей, предсказывающей человеку смерть, но все опять же по причине того, что птицы эти исконно живут в глухих лесных местах, нередко облюбовывая старые, заброшенные кладбища с покосившимися крестами, да помимо всего, именно благодаря стараниям того же находчивого крестьянина, еще издают голосом звуки, напоминающие недобрые слова: «Худо тут! Худо тут! Худо тут!»

Войдешь в июньский смешанный лес с еловым подростком и ужаснешься от обилия в нем комара, слепня и гнуса, но стоит вступить под своды соснового бора, выросшего на какой-нибудь песчаной высокой гриве, и ничего этого там, к своему удивлению, не обнаружишь, а вскоре вообще забудешь о надоедливых насекомых, как будто их никогда и не было.

Немало о жизни леса знает тот, кто его своим видом не

озадачивает, усталости и чрезмерному веселью в нем не предается, а смотрит вокруг спокойно, в полной и незамутненной ничем определенности своего присутствия среди лесной тишины.

Лес замирает при появлении такого человека и если принимает его, то сразу оживает, оглашая сонмом звуков и представляя частью себя. Когда же что-то в человеке становится лесу не по нраву, он, затаившись, ждет долго, пока шаги человека не растворятся вдалеке.

Невзрачны галки, мало кто обычно этих птиц замечает, но каждый звук их голоса всегда означает что-нибудь особенное, и человек, слышав его, непроизвольно обращает на него внимание, постепенно обнаруживая то, чего сам, наверное, никогда бы не приметил.

Не зря шоколадного цвета бабочек с торжественно-желтой каймой по краям крылышек и строгими голубыми мазочками вдоль нее называют в народе не иначе как «траурницами», ибо именно они провожают красное лето...

Всем известен клен благодаря разлапистым листьям, напоминающим ладони. На первый взгляд действительно кажется,

будто он все время куда-то пытается дотянуться и что-то удержать, а может быть, так дерево охорашивается... Но если посмотреть повнимательнее, то листья его не воспринимаются как лапы, и это неожиданное открытие приводит к видению в нем иной сути: клен, скорее всего, остается равнодушным к тому, что его окружает, и просто всех дружелюбно приветствует. Оставаясь в домах людей неугасимым отголоском уходящей осени, он своими листьями-опухалами ласково урезонирует наше разыгравшееся за лето воображение, а утихомирив его — неожиданно обескураживает незавершившейся жизнью.

* * *

Ворона всегда сидит головой к ветру — это для нее самое выгодное положение: ветер скользит по перу и птица не зябнет так, как если бы повернулась к нему боком или задом.

* * *

В короткое бабье лето еще не поникшие цветы, травы и не успевшие облететь деревья благодарно славят землю, последние теплые дожди и щедрое солнце, и от этого в природе все становится краше.

* * *

Всегда меня настораживало строгое и какое-то неуютное название беличьего дома — гайно, которое как будто не под-

ходило всему, что было связано с обаятельным и милым зверьком, но как однажды услышал, что в народе его переименовали по-своему — «гаюшко», где белочке не дуется и где ей тепло и уютно пересидеть жестокие холода, так сразу всем сердцем и принял.

Бог для меня — вера, которая постоянно укрепляется благодаря духовному опыту, приобретаемому в совершаемых делах. По ним-то и видна вера каждого. Дела могут касаться чего угодно: и литературы, и взаимоотношений с людьми, и обыденной жизни... Например, однажды у меня выкопали яблони, а я взял и, несмотря ни на что, посадил другие... Или, случилось дело, сломал я как-то при весенней посадке хрупкий саженец груши, но не выкинул его, а осторожно перевязал, посадил и поливал сухую веточку два с лишним месяца, пока она не выпустила листочки... Решаясь в своей душе на определенные усилия, мы непременно обретаем знания, с которыми к нам приходят необходимый опыт и вера в божественное, в то, чем мы обладаем с рождения, но никак не можем воспользоваться для достижения подлинной жизненной мудрости.

Только в апреле, в пору обильного снеготаяния, воздух в лесу так насыщен свежим смолистым духом, что невольно хмелеешь, голова идет кругом, и, присев на пенек или поваленное

дерево, еще долго не можешь придти в себя, ошарашенно оглядываешься, но все равно с жадностью впитываешь, вбираешь в себя весну.

* * *

С первой порошей прибавляется белого чистого света, вроде бы раньше зажигается робкое розоватое солнце и еще ярче искрится на легком морозце прозрачный воздух. Даже вездесущие чечетки, снегири и синицы, и без того, кажется, никогда не унывающие, приободряются и без устали перепархивают с дерева на дерево. Но более всего в эту пору, как ни странно, оживляет лес залиvistый лай гончих собак, что целыми днями разносится по округе, наполняя лес необыкновенным весельем!

* * *

К лиловым крупным колокольчикам у меня почему-то всегда особое отношение, но спроси отчего — и не скажешь...

* * *

Посадил я в начале мая лук... Как водится, с утра ненадолго замочил его, вскопал заранее удобренную грядку и разровнял ее. Уже проклюнувшиеся хвостики луковичек выглядывали из земли несколько настороженно, будто присматриваясь к тому, что их сейчас окружало: к набухшим веточкам черемухи, свисающим сверху, к молодой травке и головкам

распускающихся нарциссов, к суетливо перепархивающим от грядки к грядке черно-беленьким вездесущим трясогузкам, ко всему весеннему пробудившемуся пространству, что вдруг радостно ожило, двинулось и распростерло над оживающей землей свою необъятную душу... Похоже, маленькие луковые перышки еще не знали, как себя вести в этом огромном чудесном мире, они только угадывали свое неукротимое стремление к росту, но все происходящее вокруг несомненно радовало их.

Удовлетворенно осмотрев ухоженные грядки и полив из лейки посаженный лук, я отправился в дом за семенами редиса и моркови, пересыпал их в глубокую чашку и набрал в подполье опила, а когда вернулся в огород, то обнаружил, что большая часть луковичек кем-то выкопана из земли и тут же брошена: ни одна луковка не была утащена, причем на грядке отсутствовали какие-либо следы. «Что за незадача,— подумал я.— Кто же это мог напакостить?»

Так и не разрешив для себя этой загадки, уехал я тем же вечером домой, воткнув все луковицы обратно, а когда через пару дней вернулся в деревню, то обнаружил, что луковицы опять выдернуты и разбросаны и многие из них порядком иссохли. Ничего не оставалось, как отобрать пригодные и посадить вновь с надеждой, что они приживутся. Очень я огорчился, потому как ничего подобного раньше не случалось, и я никак не мог взять в толк: кто бы это мог быть?

Решив подстеречь непрошеного «помощника», я ушел в дом и стал наблюдать в окошко за происходящим. Через какое-то время на грядки припорхнули две сороки-белобоки.

Помахивая зелеными переливающимися хвостами, они поначалу важно расхаживали между грядок, своим независимым видом демонстрируя равнодушное ко всему отношение, но вскоре одна из птиц неловко прыгнула бочком к торчащим из земли стрелкам, ухватила клювом ближнюю к себе луковицу и выдернула ее на поверхность, тотчас бросив рядом. То же самое она проделала со следующей, затем еще и еще, тогда как другая сорока всюду орудовала на соседней грядке.

Стало ясно: проказницы сороки пересаживали лук по-своему, можно даже сказать — вовсе его выкапывали. Наверное, птицы совершали подобные действия из чистого любопытства: чего это я там от них прячу? А когда обнаруживали обыкновенные луковицы, тут же теряли к ним интерес.

Ведь давно известно, что сорока охоча на пакости и увертки, потому как зачастую изнывает от безделья, и для нее, видать, большое удовольствие придумывать себе какую-нибудь немудреную затею, тотчас воплощая ее в дело. Как говорится, и себе на потеху, и белому свету на диво. Что уж тут поделаешь: не живет сорока без белого бока, и когда она пером вся побелеет, только тогда, наверное, всюду совать свой долгий нос перестанет!

Смотреть — значит стараться понять, думать — значит стараться проникнуть в любое время и в любую точку Вселенной...

В каком бы настроении ни приходил в лес — всегда стережет тебя в нем мгновение, когда дыхание непроизвольно учащается и ноги сами несут навстречу неизведанному. На этом пути все вокруг проникнуто тайной и красотой. Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и видение. Околдованный красотой, человек обычно забывает, что ни одно откровение леса не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания.

* * *

Все в лесу имеет свою душу, и если прислушаться как-нибудь к тому же ветру, то сразу отличишь: он сам заводит с тобой разговор о том, что и почему для тебя наиболее важно, но пока почему-то недостижимо...

* * *

Я всю жизнь шел к солнцу, но, ощущая его тепло, мне всегда было совестно оставить холодную тьму...

* * *

Утренние и вечерние сумерки в природе абсолютно схожи, однако о первых говорят поэтически возвышенно и проникновенно — сиреневые, а о последних — с налетом необъяснимой грусти: темно-синие... Виною тому — разделяющий их день.

Утром наше отдохнувшее восприятие переполнено радостью; к вечеру же, уставшие, мы не ждем ничего, кроме успокаивающей темноты и отдыха от забот.

У птиц и зверей от вольной жизни вырабатывается особый ум, которого недостает закрепощенному в собственном «я» человеку...

Только холодный месяц морозными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

Ни одна черта в образе оляпки не выдает ее пристрастия к воде, однако как ловко бегают она по дну ручья, выбирая при этом стремнину!

Чтобы быть свободным, достаточно почувствовать себя им, и для этого лучше всего отправиться в лес.

Осенний лист падает с ветки безжизненным, но, оторвавшись, будто обретает недостающую ему после долгой неволи

свободу и наслаждается возможностью закружиться и улететь.

* * *

Когда наталкиваешься в лесу на границу понимания чего-то, по-видимому, так никогда и не преодолимую, становится неописуемо грустно и хочется превратиться в глухаря, медведя или волка, чтобы их внутренний мир сделался и твоим.

* * *

Белый снег так одинок в своей всеохватности, что никто не может ему помочь, и он пускает холодные белые стрелы в воздух, как будто силясь добиться чьего-либо расположения, но ничего у него не выходит: обессиленный, отрешенно кружит он, не находя приюта, покорно ложится на землю и замирает, в мечтах, наверное, уносясь к равнодушному небу, которое однажды обрекло его на неразделенность необъятной печали и тотчас о нем позабыло.

* * *

Осенью, как и весной, чутко вбираешь в себя все происходящее и слухом, и дыханием, и глазами, но тебе все-таки недостает чего-то особенного, что так отчетливо проникает в душу в мае, а в сентябре утекает из нее.

Жалко до слез поваленную под Новый год зеленую красивую елку.

* * *

Чем больше хочется увидеть какого-либо зверя или птицу с целью узнать о них нечто неизвестное, тем реже это удастся. Человеку надлежит вести себя в лесу естественнее, поскольку чуткие животные на расстоянии улавливают исходящую от нас энергию мысли и остерегаются. Как тут не вспомнишь случаи, когда по разным причинам мы забываемся, не концентрируя внимание на обитателях леса, и именно в такие моменты неожиданно совершаем для себя удивительные открытия!

* * *

Белые грузди — словно лебеди среди грибов, с присущим только им разлетом плавных линий шляпки.

* * *

Постоянно удивляться природе — значит, открывать в ней новое.

* * *

Наивысшая сладость ягоды — не в лукошке, которое усталый и довольный ты приносишь домой, а в том, что ешь ее в

лесу, прямо с куста, может быть, под слепым июльским дождем или в разомлелый августовский полдень... Все свое волшебство любая ягода теряет в тот момент, когда ее срывают и выносят из леса.

* * *

Иной раз по каким-то необъяснимым признакам угадываешь, что вот именно в этом лесном месте должен выйти тебе навстречу какой-либо зверь, и он действительно появляется.

* * *

Выдастся в конце февраля оттепельный день с размытой неопределенностью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нем окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в самом себе.

* * *

Ничто не приносит такого блаженного покоя, как летнее солнце!

* * *

Природу отличает непрестанное очищение, ему подвержено существование всех птиц, зверей и растений. Итог же

развития человека таков, что он не испытывает чувства преклонения перед лесом...

* * *

Забредешь за чем-нибудь июльским утром в прелые заросли крапивы, что притаились в укромной тени за баней, и вдруг обнаружишь там совсем иную жизнь, которая никак себя не проявляет, и, бывает, пройдет все лето, а ты о ней так и не узнаешь.

* * *

Как замечательно хоть раз в жизни справиться с собственными недугами и ленью, встретить в деревне дружную весну и прошуметь вместе с ней от начала и до конца, пережив ее головокружительные всплески!

* * *

Снежные сугробы за зиму так уходят в себя, что их спокойствие не возмущают даже стремительные апрельские ручьи!

* * *

По весне земля — будто желторотый птенец, переполненный жадной жизни. К осени же она незаметно вырастает в огромную диковинную птицу, которая не ведает, куда и зачем ей лететь.

Любой животный или растительный организм, переживая смерть, болезнь или нежелательное воздействие посторонних, неминуемо создает вокруг себя чувствительное поле, оказывающее влияние на находящиеся рядом другие организмы. Если человек рубит живой кедр, то стоящее рядом дерево обязательно должно реагировать на это, невероятно переживая и мучаясь. Человек же, как правило, ничего не чувствует, в лучшем случае изредка переживая в душе необъяснимый дискомфорт, который, впрочем, скоро исчезает.

Возможно, оттого, что я очень люблю глухарей и давно наблюдаю за ними, они в последние годы и стали жить в каких-нибудь полуторадвух километрах от нашей деревни.

Густую еловую ветку в народе издавна называли «ведьмина метла», потому как никакое другое дерево не могло подарить настоящую сказку про лес.

Укромно и незаметно живет земляничная поляна, но только подует легкий ветерок — обдает ароматом всю округу...

Август с сентябрем — родные братья, они идут рука об руку, однако высокое сентябрьское небо, в отличие от низкого, чистого, с большими лебяжьими облаками августовского, становится строгим и недоступным.

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелета.

Осенняя роса неприметная, серовато-прозрачная, и, бывает, пройдет целый день, а ты ее так и не разглядишь в сердцевине лопуха... Только принимая всю природу близко к сердцу, мы не рискуем ничего пропустить.

Как поступаем мы при виде зверя вблизи нас? Сначала оцениваем то, как его поведение может угрожать нашей безопасности. Затем принимаем свои выводы за намерение действий животного и приписываем ему обладание такими качествами, которые на самом деле, может быть, отсутствуют. Ну а если зверь проявляет видимую агрессию, что в его положении вполне естественно, то наше восприятие принимает ее за основу его дикого нрава...

Так, неминуемо и сразу, мы заблуждаемся относительно природы медведя, волка или рыси, тогда как должны были оставаться для себя и для них высшим мериллом блага, сохраняя право проявлять в поступках и мыслях только доброжелательный интерес.

* * *

Когда научишься принимать жестокою декабрьскую метель как движение своей души, все невзгоды незаметно отпадают, и остается твердое желание быть любимым и любить, и ты веришь, что желание твое обязательно сбудется.

* * *

Человеку невозможно пропустить весну, особенно — вне города, потому что именно этой порой он становится необычайно восприимчив.

* * *

Любовь у зверей, прежде чем перейти в яростный гон, всегда начинается безобидной игрою.

* * *

Что грезится в стране деревьев тем, которые еще достаточно не выросли по сравнению с великанами, упирающимися макушкой в небо? И замечают ли их эти великаны, достающие

по ночам до звезд? Все деревья, независимо от возраста, сосредоточиваются, наверное, только на себе, и нет предела их устремленному подвижническому терпению...

* * *

Самое трогательное проявление весенней поры — робкий подснежник, который пробивается в недрах сугроба сквозь ледяную жесткую крупку.

* * *

В лесу иногда встречаешь на деревьях узлы самой невообразимой формы... Эти наплывы — неясные для человека движения души деревьев, их горестная память и скрытая боль, которые они всегда преодолевают и не перестают тянуться ввысь.

* * *

Страшно оставаться в ночном лесу одному, хочется с кем-нибудь разделить свои опасения, но только в одиночестве можно открыть в себе что-то важное.

* * *

При особой опасности матерый волк может покинуть стаю, но это и сигнал для других волков: каждый заботься о себе сам!

Может быть, из-за привычки видеть каждое лето наши обыкновенные цветы мы и не замечаем их истинной прелести, а все больше восторгаемся надменными розами и дикими орхидеями!

Когда ты молод и не нашел в жизни ни одного глухариного тока, душа твоя томится неизъяснимой тоской... Кругом журчат ручьи, зяблики оживленно перебегают по первым проталинам у крыльца лесной избышки, солнце без усталости жарит бока оплывающим сугробам, а тебе не сидится на месте. Все не то и не так, чего-то главного не хватает в этом восторженном празднике света, где всюду тебе чудится какой-то подвох. Душа тянется к самой важной тайне весны — к недостижимым глухарям, которые таятся в глубине лесной чащи и величественно провозглашают в предрассветной темноте нескончаемость земной любви. Где и как отыскать ее в многоголосом весеннем лесу?!

* * *

Так хочется понять язык горихвосток и пчел, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой древняя птица величественно роняет весенней порой, но более всего почему-то завораживает холодящий душу вой волков, его неизбывная таинственная тоска...

Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим... Отрепанным, делающим все непроизвольно, но точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное.

А однажды неожиданно открываешь, сколько в тебе существует звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу. Это, несомненно, врожденное умение вести себя в привычной и, между тем, давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке тотчас просыпается, как только ты в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

Полночной порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещенность исходит от луны, что ее околдовывающая гармония, перетекая в душу, незаметно усыпляет все чувства.

Тем необыкновенно сочинение лесных рассказов, что, передумывая однажды произошедшее, ты повторно переживаешь свои удивительные путешествия, открывая в них ранее не замеченное...

Со всей очевидностью иной раз представляется, что лес по-человечьи думает, дышит и так же, как человек, на время забывается.

Как красная тетеревиная бровь, горит над лесом узкая декабрьская зорька, а самим тетеревам еще спать да спать.

* * *

Ночью, к вёдреной погоде, река или ключ всегда шумят в низовьях, а если вверху — жди дождя и ненастья.

* * *

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать все это бесконечное пространство как глубину души гигантского существа, как ни странно, похожего на человека...

* * *

Инстинкт у детенышей животных просыпается в определенное время с помощью взрослых. До этого зверята могут еще играть между собой, ничего о себе не подозревая,— рысенок с медвежонком, а волчонок с лисенком... Но как только родители начнут уделять своим щенкам больше внимания, связанно-136

го с обучением малышей охоте и сложностям хищной жизни,— дружба прекращается.

Каждый волчонок незаметно вырастает во взрослого волка, и плохо придется тому вчерашнему игривому лисенку, если он не поостережется. По мере их взросления всякие контакты между зверями в лесу пропадают, уступая место инстинкту самосохранения. Так бывает всегда, когда хищный род неизменно будит в потомках природные инстинкты, не заботясь о сохранении дружеских уз, связывающих малышей.

Души зверей, конечно, не похожи на человеческие. Они менее сложны и принимают окружающую среду такой, какой она является. Но тем не менее звери тоже, как и человек, должно быть, испытывают потребность в свободе выражения, и хочется верить, что иногда, даже будучи взрослыми, все же склонны отказаться от дикой свободы, чтобы обменяться с другим живым существом проявлением своей заинтересованности и, может быть, даже любви...

Кругом лежит снег, а на вытаявших пригорках загорелись желтыми головками первые цветы мать-и-мачехи... Всегда спешишь дотронуться до них, опустившись рядышком на колени, и даже не обращаешь внимания на то, что штаны намокают от липкой глины... Обо всем готов позабыть в охватившем тебя удивлении: так нежно пахнут скромные первоцветы медом!

На первый взгляд кажется, будто сучок на дереве глядит в тебя равнодушно, не проявляя интереса, на самом деле это — мудрое око чащи, которое по-медвежьи, исподтишка внушает преклонение перед неизменной лесной древностью и тайной.

Обаяние увиденной тобой лесной жизни обычно возникает благодаря какой-нибудь мелочи... Может, это будет кучка наваленных дятлом сосновых шишек, утерянное тетеркой еще теплое перо или изгрызенный белками и мышами лосиный рог... Что угодно может попасться на глаза, но всегда это вдруг обнаруженное тихо поражает, и ты долго размышляешь о замечательной находке. Радуешься незаметно, сам с собой разговариваешь, а то и рассмеешься,— счастливее сейчас на всем белом свете никого, кажется, не сыскать...

Поначалу это просто подсмотренная у леса тайна. От обладания ею на душе становится радостно. Затем неожиданно рождается мысль, постепенно складывающаяся в удивительно простую и замечательную фразу. Тебе уже хочется написать рассказ, и ты мучительно подыскиваешь к неожиданно возникшей фразе или мысли сюжет, чтобы он был краток и наполнен поэзией леса...

Лихорадочно подбираешь название своему еще не обретшему формы рассказу, а мимо неслышно проскальзывают удиви-138

тельные лесные картинки, будоража воображение... Но название никак не приходит, что, впрочем, не расстраивает. Просто ты по-хорошему уже заболел всем, что тебя захватило в лесу, и лечиться никакого желания не испытываешь...

* * *

Во сне мне часто снятся одни и те же лесные места, в которых я вроде бы неоднократно бывал, но вот что странно: наяву ни одно из них мне не встречалось...

* * *

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

* * *

Множество созвездий может сыпаться в ладони страждущего человека драгоценным подарком, но осторожно, с трепетом снимаешь с неба лишь одну бриллиантовую подвесочку, а то и вовсе, не прикасаясь к этому небесному сокровищу, любишься какой-нибудь еле приметной звездочкой и ощущаешь себя самым богатым.

* * *

Сон в лесу — лучшее средство против телесной усталости и душевных огорчений.

Весной на глухарином току мне всегда кажется, что давно утерянное счастье возвращается.

* * *

Многим людям стоит поучиться предусмотрительности у зверей. Волки, оставляя информацию о себе, стараются подвесить помет на ветку куста. Делают они это по весьма уважительной причине: на земле жуки-навозники быстро уничтожают такую «визитную карточку», а на ветке она для них недоступна.

* * *

Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо природа безошибочно угадывает, когда человек этого достигает.

* * *

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в нее, чтобы непревзойденной песней извещать и приманивать самочек, которые возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомек, что восхищенный певец всю ночь напролет провозглашает не только любовь, но и сообщает нам о долгожданной встрече. В природе все подчинено продлению жизни, а значит — работе, но с каким очаровательным восторгом она

воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными черными глазами!

В поисках понимания всего живого человеку может помочь только его сердце.

* * *

Верное направление в лесу можно определить по мху на ветках... С какой стороны мха больше — там и север. Чаще всего мох растет на елях...

* * *

Сколько раз я находил в лесу старые лосиные солонцы с обветшалыми корытами, выдолбленными когда-то из мощных осин, куда уже давно никто ничего не подкладывал... Солонцы эти устраивались обычно в ложках у ручьев — местах достаточно сырых и долго держащих запахи, и потому следы зверей хорошо отпечатывались во влажном грунте, а подсохнув, надолго сохранялись. Запах же, особенно в летнее время, стоял и слышался в воздухе за сто шагов. Лоси, как ни странно, продолжали из года в год посещать заброшенные солонцы, опять устраивая там лежки, где оставались на отдых и словно чего-то терпеливо ожидали... Велика оказывается привязанность зверей к человеку, который их однажды приманил лакомой солью, но безответственно забыл об этом.

Птица рано просыпается — к доброму дню.

* * *

Всякий человек невольно забывает себя в лесу и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить, как и почему это происходит...

Светило яркое солнце... Вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют и вот-вот прекратят жестокую игру. Но все же волки доканали косоного, как это обычно происходит у зверей,— просто, с хрустнувшими позвонками, брызнувшей на снег кровью...

И навалилась вдруг на сердце тягостная безысходность, спеленала так, что трудно было жить весь тот день и еще всю ночь, и даже под утро забывался я в рваном полусне, не в силах преодолеть в неуспокаивающемся сердце необъяснимую и дикую тоску...

* * *

Лучезарный восход, роскошный закат, а между ними — ослепительное золото целого летнего дня, который так и не успевает отгореть и остается в душе до следующего, еще более ослепительного восхищения разомлелой роскошью летней жизни...

Лесной человек все видел и все знает.

Времена года проходят сквозь меня, и каждое оставляет в душе или искристый налет инея, вязко похрустывающий от мороза и поэтому приятно осеняющий ее зимними ясными картинками, или вкрадчивый шорох опадающей листвы, навевающий тихую неизъяснимую грусть, либо роскошный жар середины лета с еле угадываемым в нем ароматом васильков и ромашек... Все времена года созданы для того, чтобы, научив человека хранить память о жизни, помочь ощутить ему на земле истинную свободу.

Люди не зря привыкли вкладывать в состояние природы собственные настроения и, сами того не замечая, наделяют неодушевленные предметы и явления присущими себе свойствами. По нашему разумению, ветер должен быть щекаст, и он непременно дует, солнце не иначе как ласкает своими лучами, резвый ручеек бежит меж камней, а дождь идет. Человек, не утруждая себя необходимыми догадками, желает, чтобы все было так, как он хочет! Разве это не пример того, как природа помогает нам оставаться самими собой, как она дорога нам своим неповторимым своеобразием и простотой!

Как старая медведица вытаскивает за собой из берлоги молодого пестуна, так и Большая Медведица вытягивает за хвост Малую, указывая ей на небе ее звездное место...

В начале декабря трудно представить, что обычный белый снег может сверкать всеми цветами радуги, которые он незаметно копит в течение долгой зимы и так же непринотливо дарит нам к началу весны.

* * *

Вскрикнет в свете потухающей зари ночная птица, землю обнимет тишина, а в лесу словно кто-то чуть слышно заплачет, и тогда вдруг дрогнет твое сердце... Долго потом не спишь и все думаешь: что бы это могло быть и отчего на душе становится так невыразимо тяжело?

* * *

На местах лесных пожарищ в первую очередь появляется кипрей, или иван-чай, обладающий колоссальной энергией прорастания. Именно кипрей залечивает ожоги земли, укрепляя ее поверхностный слой и вдыхая в него своим появлением жизнь.

* * *

Не раз убеждался: можно годами терпеливо искаживать бесконечные километры, по крупицам собирая знания о лесе, и только однажды, в какой-то один Богом избранный день, по-настоящему повезет, и ты увидишь то, о чем мог только мечтать... Причем увидишь все от начала и до конца, как это про-

исходит в дикой природе, когда никто зверей и птиц не тревожит или же они не знают, что за ними подглядывают.

Мы с товарищем в течение нескольких лет наблюдали за одним глухариным током в десяти километрах от деревни и повидали за это время немало интересного. Мы этот ток очень долго искали, чувствовали, что он где-то рядом, потому как глухари постоянно держались здесь и весной, и осенью, и зимой, но каждый раз нам не удавалось определить эпицентр токовища. И все же мы его нашли...

Помню, глухарь токовал на нижней ветви старой ели, подпустив нас почти вплотную. Мы обошли его с обеих сторон и долго, почти до самого рассвета, слушали, усевшись на старую колоду. Это был первый глухариный ток, найденный нами, и от такой удачи мы чувствовали себя по-настоящему счастливыми.

После я бывал на этом току не однажды. Мне удалось понаблюдать, как глухари слетаются к токовищу с заходом солнца, тяжело усаживаясь на верхушках елей, и тихонько пробуют голоса — «распеваются» перед долгожданным утром, как копа-луха подбегает к поющему петуху. Как-то глухарка налетела на меня в роящихся утренних сумерках, с лету ударивши прямо под колени, и тем изрядно напугала, но, разгоряченная весенним игрищем, не оставила своих попыток и продолжала атаковать меня все утро, вплоть до наступления рассвета. Наблюдал я здесь и то, как глухарь, слетев в морозное мартовское утро с сосны на наст, проехался по нему, как на лыжах. Видно было, что ему это понравилось, и он даже подпрыгнул, словно бы от удовольствия. Однажды вокруг меня токовало

целых три мошника, и я попеременно подходил то к одному, то к другому, то к третьему, пока они мне не надоели... Был еще случай: старый глухарь токовал на окраине токового участка, прямо у меня над головой, на самой высокой ели, под которой я стоял, прислонившись к стволу спиной, и я никак не мог определить, откуда доносится песня...

Сталкивался я на этом току и с медведем. Он не хотел уступать дорогу посреди узкой просеки. Мы стояли друг напротив друга, объятые темнотой весенней ночи, и я умирал от страха. Мне почему-то хорошо запомнились круглые уши медведя, которые четко вырисовывались на фоне взошедшей оранжевой луны... По той же просеке, где мы не сумели разойтись с медведем, раз крался за мной одинокий волк: с рассветом по следам я восстановил картину происходящего. Как-то все утро перебежали у меня под ногами ошалевшие от своих весенних свадеб зайцы, а за рекой совсем рядом призывно курлыкали журавли...

Много занимательного привелось пережить весенними ночами на любимом глухарином току, но долгое время никак не удавалось увидеть, что происходит на нем у глухарей. Хотелось узнать, как же глухариный ток протекает с начала и до конца, чтобы на токовище присутствовали и старый токовик, и взрослые птицы, и обучающаяся молодежь, и копалухи, и непременно бы ток сопровождался боями петухов...

И вот, только однажды, мне все же посчастливилось оказаться на знакомом глухарином току именно той апрельской ночью, когда все в ней предполагало настоящий лесной спектакль — ток загадочных древних птиц. Это была редкая удача, поскольку все глухари, прилетевшие с вечера, рассредоточи-146

лись по деревьям вокруг маленькой токовой полянки в ожидании главного токовика. Обычно птицы рассаживаются в отдалении друг от друга, и приходится подходить, выбрав какого-нибудь одного петуха и боясь подшуметь остальных.

Ночь выдалась морозной, на небе высыпало несметное количество звезд. Лыжи гулко ударялись о наст, в такт им выстукивало разгоряченное напряженной ходьбой сердце. Когда же я останавливался, лес тотчас обнимала настороженная тишина, в которой, кажется, было слышно, как шевелятся и шуршат в вышине звезды. Я шел к глухарям интуитивно, чутьем угадывая, где птицы нынче будут наверняка.

Не доходя до поляны сотню метров, снял лыжи и пошел по насту в валенках. Во всем теле ощущалась удивительная приподнятость. С одной стороны просеки чернели ели, с другой — светлели березы. Меня не покидало чувство, что я нахожусь в родном доме, где все давно понятно и известно, но за каждым новым поворотом кроется долгожданное открытие тайны.

К месту я угадал затемно. Встал на краю лога за елочками и замер в ожидании. И тут же услышал, как где-то внизу по смерзшемуся насту будто рассыпались алмазные горошины... Глухарь уже лил над заснеженной землей загадочную песню, — точил, скиркал и тоже, как и я, замирал на несколько мгновений, будто прислушиваясь к произведенному им эффекту, а затем вновь продолжал самозабвенно тэкать, охваченный любовной страстью.

Восток начинал алеть, в воздухе что-то сдвинулось, и над землей крадучись начали расплзаться, редеть утренние сумерки. На полянке вдруг появился токовик... Распушив щитом

огромный хвост и вытянув шею, он застыл, приподняв ногу. Потом, гордо выпятив грудь, будто поплыл по насту, как парусный корабль. Вздрагивая бородой и величаво поворачиваясь то влево, то вправо, красуясь перед копалухами, глухарь явно вызывал на бой невидимого соперника. И тот незамедлительно появился, слетев с ближайшей ели.

Копалухи же давно прибыли к месту токовища и находились поодаль от самцов-глухарей, сосредоточившихся у токовой поляны. Более молодые петухи сидели тихо по деревьям, не смея обозначить свое присутствие, и молча наблюдали за происходящим.

Два красавца-великана закружили друг подле друга, потом ударились грудь о грудь и загремели мощными крыльями, так что на снег полетели выбитые перья... И лес очнулся... Глухарки коткали возбужденно, перелетали с места на место, подбираясь ближе к заветной поляне. Розовая мякоть восхода все более заливала небо, березы тоже зарозовели стволами, розовыми стали казаться снег и воздух, а темно-сиреневые тени быстро сползали на дно лога...

И вот победитель определен. Подбитый петух смешно и торопливо убегает в глубь леса, а к нашему герою тотчас сваливаются откуда-то сверху три переполненные чувствами копалухи. Глухарь тут же начинает их обхаживать, причем топчет всех трех, и они не улетают, а наоборот, ластятся, квохчут нежно и страстно, и каждая терпеливо ждет, когда глухарь окажет внимание именно ей.

Копалухи при этом между собою не сталкиваются, будто не замечают друг дружку. Одна уселась на наст, как на гнездо, вся

раздулась, нахохлилась; другая в волнении то побежит по полянке, то подпрыгнет, а то перейдет на крадущийся, выжидательный шаг; третья, распростерши крылья, лежит перед петухом, который не замедлил взгромоздиться ей на спину и бесцеремонно теребит клювом перья на шее. Голова у самочки болтается из стороны в сторону, но она все это сносит, видно, даже получая от такого проявления чувств наслаждение! И что интересно (это выявилось позже) — молодые петухи, находящиеся в непосредственной близости, за все время не проронили ни звука и на глаза не показывались. Зато науку обхождения взрослого самца с самочками, видимо, тщательно запоминали. Только когда все закончилось и ярко-красное солнце поднялось над горизонтом, они закопошились и стали тоже пробовать несмелыми голосами роящийся морозный воздух...

А глухарь-токовик словно опомнился, оставил последнюю глухарку и насторожился, гордо повернувшись к востоку. Потом наклонил голову набок, так что я хорошо разглядел его острый коричневый глаз, и, тэкнув пару раз напоследок, мощно сорвался с места, и вскоре шум его крыльев смолк, будто несколько минут назад на поляне ничего не происходило. Следом один за другим (всего я насчитал четырех) поднялись молодые глухари. Им сегодня так и не удалось поучаствовать в токовище, но они, несомненно, причастились к древнему таинству продолжения рода и понесли в себе недостающие знание и опыт.

Я подошел к тому месту, где сидел глухарь, и не обнаружил на твердом насте никаких следов. Лишь несколько выбитых во время драки перьев лежали, темнея на искрящейся поверхно-149

сти наста, да маленькое перышко копалухи воздушно покоилось на зернистом снегу. Я поднял его, осторожно положил на ладонь и, полюбовавшись нежно-кремовым рисунком, подбросил вверх. Перышко на мгновение зависло в воздухе и устремилось в морозную вышину, вскоре затерявшись в темных верхушках елей...

А как-то, уже на исходе зимы, мне посчастливилось увидеть, кажется, совершенно неправдоподобную картину — вороний суд... В народе издавна ведется поговорка, суть которой я долго не мог взять в толк: «Ворон ворону глаз не выклюет, а хоть и выклюет, да не вытащит, но уж коли выклюет и вытащит — так оба!» Как нужно рассердить птиц и что такого, по птичьим понятиям, должно произойти, чтобы они, достаточно сплоченные в своем врановом семействе, решились на подобное? По-видимому, нужно очень провиниться, по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили и, мало того, жестоко расправились!

Я и раньше слышал, что у птиц вороньей породы, как и у некоторых других, есть своего рода общественный суд, хотя сам с этим явлением никогда не сталкивался. А однажды, почти уже выходя из леса неподалеку от деревни, вдруг слышал оглушительное воронье карканье и стал подкрадываться. По тому, как птицы надсадно и возбужденно кричали, стало понятно, что среди ворон происходит нечто необычное...

И действительно, вокруг большой поляны на берегах сидели полчища воронья, а внизу по снегу бродили еще несколько птиц. Правда, одна из них находилась почти без движения,

чуть поодаль от других, и только крутила головой, тогда как остальные оглушительно каркали и даже шипели, вытянув головы в сторону притаившейся вороны. Не покидало ощущение, что эта одинокая птица чувствует себя... виноватой.

Где-то я читал, что перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остается на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, тербя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, а если подвергнутая суду ворона ведет себя как-то неправильно или за ней числится большая вина, то все вороны в конце концов слетают с деревьев и набрасываются на нее, заклеывая порой до смерти. Но случается это крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут столь грозному наказанию когонибудь из собратьев.

И тем не менее все происходило именно так, как я когда-то слышал от старого охотника. Это было удивительно! Я бы раньше никогда не поверил, что такое вообще возможно, если бы не пришлось столкнуться с вороньим судом самому. Причем прямо рядом с человеческим жилищем!

Птицы дружно облепили нижние сучья деревьев с одной стороны поляны и чуть ли не сваливались с них от охватившего их возбуждения. «Подсудимая» же ворона (это, по-видимому, была именно она) одиноко замерла в недобром предчувствии: что-то сейчас будет? Я притаился за маленькими елочками, внимательно наблюдая за происходящим.

Вороны надсадно кричали, перелетали с дерева на дерево, как будто распалая себя, и вот-вот готовы были броситься всей стаей на несчастного изгоя. Одинокая ворона сиротливо вжимала голову в плечи и только беспомощно разевала клюв. Ей было страшно, она уже, видимо, смирилась со своим незавидным положением, но все последующее произошло так стремительно, что я даже не успел среагировать.

Ближние к вороне птицы, проваливаясь в талый снег, неожиданно ринулись к ней и вмиг накрыли своими телами. За ними тотчас спустились с деревьев остальные, так что вокруг «приговоренной» вороны образовалась куча мала. Крик стоял невероятный, вороны, казалось, совершенно обезумели, и это уже был не суд, а натуральная бойня. Но, как говорится, всяк судит по-своему, по своим понятиям, и то была воронья правда.

Птицы судили своего собрата, видимо, за дело, хорошо представляя, в чем он провинился. Но поскольку рассуждать не умели, то, громогласно осудив проштрафившегося соплеменника, тотчас надавали ему изрядных тумачков. Мне стало жаль бедную ворону, которая в своих вороньих устремлениях вряд ли чем отличалась от своих собратьев, и я вышел из-за кустов на поляну...

Воронья стая всполошилась. Птицы еще оглушительнее загалдели и начали взлетать. Но две-три все же остались на снегу. Распалившись не на шутку, они не могли вот так сразу оставить свою жертву, несмотря на то, что та уже еле-еле двигала ногами, перевернувшись на спину. Крылья ее распластались и только изредка вздрагивали, тем более что другая во-152

рона уцепилась клювом за одно из них и неистово тянула на себя, тогда как еще одна то и дело клевала поверженную беднягу, выдирая клочья перьев. Не в силах сопротивляться, несчастная ворона полностью отдалась на волю судьбы. Взъерошенная, похожая скорее на измочаленную швабру, выглядела она плачевно.

Пока я шел к растерзанной вороне, то и дело проваливаясь в сырой снег, ее обидчицы наконец отступили, причем с неохотой, но совсем не улетели, а уселись неподалеку на березах.

Стоял ослепительно солнечный февральский день, с ярко-синим чистым небом, и только что произошедшее на моих глазах никак не укладывалось в голове. Но это была дикая природа, со своими суровыми законами, по которым одними поклонами не отделаешься. Лесной суд приговорил несчастную ворону платить, и ей никак нельзя было отсудиться, кроме как лечь костью перед безжалостным вороньим племенем за свои неведомые провинности. Нужно ли было мне вмешиваться в это воронье судилище, в котором все вершится не человеческим умом?

Когда я подошел к побитой птице вплотную, ворона ворохнулась, привстала и неловко скакнула боком в измятый и окропленный ее кровью снег. Она сидела нахохлившись, недобро воззрившись на меня карим глазом. Пуганая ворона, говорят, куста боится, но эта, несмотря на только что перенесенную взбучку и весьма потрепанный вид, вовсе не выглядела жалкой. В ней угадывалась, как ни странно, какая-то напористость, несгибаемая непримиримость со своим незавидным положением, и я, рассмотрев еще немножко бедную ворону, отступил.

Удалившись от вороньего побоища, я еще раз оглянулся. Пострадавшая птица, приволакивая крыло, все-таки добралась до раскидистой ели у края поляны и забралась под нижние ветви. «Всякому своя судьба»,— подумал я... Меня вот она привела на это место, и я оказался свидетелем произошедшего, о чем несколько не жалею, потому как немало сил затратил в лесу на то, чтобы встретиться с подобным. А ворона, если ей это суждено, может быть, оправится, выживет и еще не раз провозгласит свое громогласное «карр». Только однажды выпадает счастье увидеть в природе такое, ибо премудрые судьбы здравствуют Божьей волей и собственными молитвами!

А теперь — несколько слов о кунице... Довольно длительное время я ставил на этого зверька капканы и разного рода ловушки, пока не отказался от всего, что могло нанести кунице какой-либо вред. Я вообще однажды раз и навсегда прекратил охоту на зверей и птиц, больше не находя в этом никакого смысла. Поначалу мне казалось, что охотой я приближу к себе через добытого зверя его тайну,— увы, этого так и не произошло. Однажды мне стало совершенно очевидно: для того, чтобы понять и разгадать удивительный мир природы, совсем не требуется убивать. Нужно лишь быть неутомимым и наблюдательным, терпеливо постигая лесные секреты, и лесные тайны рано или поздно обязательно откроются, потому как покой пьет только воду, а беспокой — мед. Тем более если ты не несешь угрозы лесному миру и живешь с ним в согласии.

На памяти моей немало интересного, что было связано в лесу с куницей... Возвращаясь как-то с глухариного тока и

присев отдохнуть на пенек у небольшого соснового бора, я увидел, как куница охотилась на белку, идя «верхом» и ловко перепрыгивая с верхушки одного дерева на верхушку другого... Часто бывая в лесу, я наблюдал следы куницы, которая обычно печатает парные продолговатые ямки, расположенные наискосок друг от друга, будто кто-то неведомый в мягких башмачках пробежал по снегу и скрылся. Всегда приятно представлять при этом, как ловко передвигается зверь по рыхлому снегу, колесом выгнув спину: все в облике куницы соответствует ее охотничьей сути.

Однажды в начале ноября куница перебежала передо мной лесную дорожку... Выйдя тихонько из-за поворота, я увидел, как впереди, на середине глухой просеки, остановилась куница. Привстав на задние лапы, она ударила передними по снегу, подняв фонтанчики искристых брызг... Видимо, почуяла мышь и среагировала на ее присутствие...

Был случай, когда мне удалось понаблюдать за куницей, которая выглядывала из дупла, видимо, утепляя его перед непогодой. Выбрав место под гнездо где-нибудь в полости старой липы, куница всегда держит его в чистоте и порядке. Свернувшись теплым клубком, она сладко забывается в нем в лютые морозы.

Привелось как-то раз даже напугать спящую куницу. Я проходил мимо нее по густому мху, охотясь на рябков, и куница подпустила меня почти вплотную, а когда проснулась — с испугу брякнулась наземь с еловой ветви, на миг ощерилась, выпустив из пасти облачко пара, и исчезла в валежнике...

Всего не упомнишь за долгие годы хождения по лесу, но всегда при встречах зверьки убегали от меня. Происходило это

потому, что я старался их преследовать. А нужно было почувствовать себя со зверьми на равных, относясь с достоинством и неподдельным интересом к их лесной судьбе. И только однажды, когда я был без ружья и уже давно не ставил капканы, куница прибежала ко мне сама...

В тот сентябрьский солнечный день я стоял под лиственницами и слушал, как мягко осыпается на землю порыжевшая игла, ожидая, когда на деревья прилетят кормиться глухари. Мне просто хотелось понаблюдать, как птицы будут подлетать на вечернюю кормежку, усаживаясь в оранжевых верхушках лиственниц, как неспешно начнут расхаживать по толстым веткам, склеывая сладкую иглу, и изредка замирать, настороженно вытянув бородатую голову. Прислонившись плечом к небольшому дереву и впитывая все запахи, которые источал чудесный осенний день, я совершенно перестал замечать все, что происходило вокруг. Душа моя была полна воспоминаниями о том, как когда-то я разыскивал в здешних местах глухариные и тетеревиные тока, и, только случайно нагнув голову, заметил куницу, которая неспешно направлялась прямо к моим ногам...

Зверек семенил тихонько по узенькой тропке, ловко огибая пеньки и валежины. Было похоже, что он бежит по давно известному маршруту по каким-то своим не очень важным делам. Нас разделяло каких-нибудь три-четыре метра, но куница не замечала и совершенно не чувствовала меня. Мало того, через мгновение она просто ткнулась мне в сапоги, обнюхала их и что-то начала раскапывать рядом, под корнями лиственницы, а я стоял, не шелохнувшись, и не мог поверить в реаль-156

ность такой встречи. Стоило протянуть руку — и я бы прикоснулся к маленькому лесному чуду...

А куница, по-прежнему не обращая на меня никакого внимания, стала взбираться по стволу дерева, растущего возле лиственницы, и через мгновение достигла уровня моего лица. И тут наконец заметила человека. Мое присутствие, как ни странно, ее нисколько не напугало. Куница лишь насторожилась, цепко вглядываясь прямо мне в глаза, и продолжала оставаться на одном уровне с моим лицом. Что-то ее во мне здорово заинтересовало. Она чуточку оскалилась, показав острые желтые зубки, но по-прежнему не убегала и смотрела, будто стараясь заглянуть в самую душу. В какой-то момент мне вдруг показалось, что это вовсе не куница, а сам лесовик, воплотившийся в обличье хищного зверька. Так он, видимо, пожелал предстать передо мной и проверить, достоин ли этот человек его внимания и стоит ли допускать его к своим тайнам.

Мне стало почему-то не по себе, но я выдержал цепкий взгляд куницы и даже попытался сказать ей что-то, чувствуя, впрочем, свою растерянность. Не зря в народе ведется поговорка: «Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в санях дрожит». Кунья мордка хищно вздрогнула, чуть отпрянула, а глазки остро загорелись двумя неистовыми угольками. Я вдруг понял, что со мной произошло нечто очень важное, лес будто проверял меня на прочность и мое отношение к его обитателям.

Глаза куницы не льстили и не бранили, они не пугали и не просили, не насмехались и не заигрывали, а только свидетельствовали о дремучей лесной тайне, выражая жгучую не-157

примиримость ко всему, что может эту тайну нарушить. Своим взглядом куница не выражала, что ты ей враг, в нем лишь светилась глубокая лесная правда, которая заключала в себе переживание полной свободы. Вся правда леса для куницы состояла в том, что ей было просто предназначено стремительно догонять и повергать, во имя здоровья лесной чащи и блага самой природы. Эта никем не обузданная жажда первенствовать и отобразилась во взгляде зверя, который никого и ничего не боялся...

...Всё в лесу рано или поздно выходит наружу для любознательного человека, и открывать для себя бывальщину куда лучше любой сказки!

* * *

Когда застигнет тебя в лесу ночь, нужно улечься спать, где бы ни пришлось: в еловом шалаше, в стогу, у горячей нодьи или под снеговым надувом.

* * *

Первые ноты скворца — будто зажженные спички, которые он поспешно швыряет в зернистый снег, и они с шипением гаснут.

* * *

Пока осень не доскажет человеку все до конца — ни за что его не оставит.

В весеннем лесу никогда не бывает тихо, даже ненастной ночью... Еще до пробуждения глухаря под монотонный холодный дождь вдруг запоет встрепенувшийся дрозд и не умолкает до самого рассвета... Часа в три лениво протянет над самой твоей макушкой невидимый вальдшнеп и утробно прохоркает свое недовольное «хор-р-хор-р, цвиг-г-цвиг-г...» Промозглый туман медленно ползет из глухолесья на поляну, а глухарь гомозится на суку и никак не может уразуметь: петь ему или не петь? Все его переживания тоже торопит серое весеннее утро...

* * *

Зимнее солнце, кажется, не приносит в природу ничего живого: лишь изредка холодно посверкивает из-за туч и тотчас исчезает, но его острые искорки все же вонзаются в сердце, и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг по-солнечному вспыхивает и уже до самой весны не угасает.

* * * Шум весенней воды

наполняет сильнее, чем любовь.

* * *

Когда в лесу со всех сторон тебе откликается звонкое эхо — погода будет хорошей. В предпасмурном воздухе звук вязнет.

Работал в море — и мечты носились в воздухе серебряными чайками, крачками и поморниками, теперь живу лесом — и все мои мечты превратились в мысли. Какие-то из них незаметно потянули свои стволы к солнцу, другие обратились корнями вглубь, в землю, а особо любознательные побежали, как за волшебным колобком, по тропинке, но ни одна не взлетела.

* * *

С ломким хрустом, так что в сладком испуге замирает сердце, снимаются с сосен потревоженные глухари. Копалухи же слетают почти неслышно и, отталкиваясь от воздуха несколькими быстрыми взмахами, красиво замирают в планирующем полете, пока не исчезнут за краешком леса.

* * *

Человек ничего не изобрел такого, чего бы не было в природе.

* * *

Некоторые звери, например зайцы или рысь, любят использовать найденный человеком лыжняк, но вот лисица, только перейдя такой след, редко когда по нему пойдет, даже если снег будет пушной, убродный...

Многие думают, что береза плачет, сгибаясь под тяжестью снега, а она просто безропотно принимает на свои плечи лесную ношу.

* * *

Можно годами быть связанным с лесом, постоянно наткаться в нем на волчьи следы и ни разу не встретить их — одних из самых осторожных и таинственных зверей.

Неся в миру свое одиночество, которое на деле оказывается естественным и очень благотворным для человека состоянием, он не всегда способен преодолеть себя и верно распорядиться им в течение всей жизни. Из года в год подвергая себя этой нелепой обреченности, человек, может быть, именно поэтому часто стремится к лесному уединению, которое оказывается для него поистине одухотворяющим. К счастью, человек еще остается достаточно близок к природе, откуда черпает знания о мире, и ему сподручнее оставаться наедине с собой в окружении нерушимой лесной тишины. Она, пожалуй, наилучшее и наиболее мудрое состояние, в котором человеку чаще всего надлежит находиться, чтобы в полной мере постигнуть истину: одиночеством мир силен!

* * *

Голос неутомной кукушки в звонком весеннем лесу завораживает, но ничего не разрешает в твоей душе.

Издали лес представляется сплошь черным, немного приблизишься — он голубовато-синий, еще ближе — почему-то становится серым, с бура, вот уж рукой подать — густая темная зелень, а прикоснешься рукой к хвойной ветке — чистый изумруд! Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем перемочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаиваться, не потеряв чуткости видения и интереса — возгореться еще большим желанием овладения его тайной, не растеряться при прямом столкновении и уж потом осторожно подойти вплотную...

Ночуя в лесной избушке или у костра, я замечал, что всегда происходит так: разумная часть твоего существа сразу засыпает, но другая, неведомая, свободно уносится в окружающее пространство, летает там и только под утро возвращается.

Метель может быть жестокой, испытывающей, неодолимой, но никогда — страшной.

Иногда представляется, будто природа допускает огрехи, трудно соизмеримые с широко распространившимся мнением

о ее гармоничности. Многие животные, питающиеся в основном растительными кормами, вынуждены испытывать потребность в соли, без которой состав крови у них нарушается, заметно ухудшается пищеварение и которую они в лесу не находят.

Так, лоси и зайцы с удовольствием приходят на подготовленные человеком солонцы... Столь предупредительная природа почему-то не позаботилась о нормальной жизнедеятельности растительноядных зверей, и они вынуждены сами отыскивать способы утоления соляного голода. Зато полностью удовлетворила в этом ценном продукте хищников, поглощающих соль из мяса и крови своей добычи, тогда как растительноядным, соответственно, стоит немало труда накопить ее в себе.

Но, может быть, все-таки это только кажущаяся недоделка в природе, объясняющаяся очень просто... В отличие от хищников, обреченных на вечный поиск пищи, растительноядные животные при обилии корма оказываются более свободными от него, и именно поэтому природа предопределила им хотя бы немного двигаться. Человек же однажды подглядел звериную мороку и решил им помочь.

С нетерпением ожидаемое цветение садовых кустов и пение соловьев — есть на деле самое тяжелое дыхание весны, когда она просто душит ароматом жасмина, черемухи и сире-163

ни, которые перешептываются в ночи, как заговорщики, и незаметно всех одурманивают.

Ольху, способную заполнить собой все свободное пространство, не зря прозвали в народе «вражье племя». Нахрапистое дерево неутомимо надвигается сизокорыми полчищами на все живое и душит без разбору, не замечая при этом ничего вокруг. Мало кого из-за этого привлекает ольха, и поэтому ее неприглядная сорнячная жизнь протекает скрытно, невыразительно. Но есть в ольхе нечто такое, без чего невозможно представить все живое,— это ее непоколебимое стремление к свободе.

Когда бредешь на глухариный ток весенней ночью, ее темнота ослепляет.

Из последних сил светит ущербный месяц, подобно боевому быку загибает кверху истонченные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смиренно опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

Окружающее людей богатство красок животного и растительного мира, а также многообразие его положительных примеров создают для человека исключительную возможность в достижении более достойного существования.

Так, не склонного к самопожертвованию в любви природа отсылает к стремительным и бесподобным в эротической страсти лососям, изо всех сил рвущимся каждую весну к местам былого рождения, чтобы, несмотря ни на какие преграды, продлить древний род. Верность в человеке воспитывают белоснежные лебеди, которые объединяются не на один сезон, а на всю жизнь, и если один из пары погибает, другой остается одиноким навсегда и не делает никаких попыток вступить в новый союз. Взаимное проявление нежности между супругами представляет собой трогательный пример для многих людей. А разве не могут не вызывать уважения упорство и основательность барсука при рытье новых нор после того, как прежние, в который раз, заняла хитрая лисица?

Природа как бы подсказывает человеку не отрываться от нее. Оставаясь верной своим законам, она безмолвно оделяет уже тем, что просто существует поблизости. Всегда можно собраться и отправиться в путешествие к ее тайнам, тем более что тайны эти являются достоянием каждого человека в отдельности. Каждый поэтому должен когда-нибудь задуматься над происходящим вокруг, в конечном итоге — над тем, что мешает ему стать сильным и счастливым.

Звук глухариной песни настолько не похож на все когда-либо слышанное, что ухо не всегда его улавливает, даже если находишься недалеко от птицы.

Увидишь в ноябрьском лесу запорошенную снегом красную рябину и вдруг поймешь, что не сломлена твоя любовь, а только на время склонилась и терпеливо замерла.

Порой звери объявляют себя совершенно открыто, вроде бы даже не замечая человека. Так, однажды выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил огромную поляну... Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул и мчался во всю прыть прямо мне под ноги. Остановившись, я стал наблюдать, чем все это закончится. Заяц тоже замер, чуть приподнявшись на задних лапах. Когда я шевельнулся, зверек как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать кругами по поляне, словно бы и не замечая моего присутствия. Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без устали носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно и почему он меня не боится?

Сумерки — время более волнительное и тревожное, нежели сама ночь...

* * *

На окраине маленькой лесной деревушки, возле заброшенной дороги, неожиданно наткнулся я поздней осенью на старого глухаря. Глухарь, видимо, был болен и, потеряв всякую способность ориентироваться, выбрался напрямик к людям. А может быть, этого он и хотел?

* * *

При всей видимой простоте и очевидной устремленности дерева к росту, человек почему-то не чувствует его жизни так, как он догадывается о секретах существования неувеличиваемых животных.

* * *

Не раз примечал, что сосна, на которую глухарь чаще всего присаживается и у которой обрывает верхушки веточек, почему-то уже не чувствует себя так привольно, а как бы замыкается и живет более настороженно, чем другие деревья.

* * *

Много чудес встречает тебя в лесу, и самое запоминающееся — когда, обнаружив его, ты обо всем забываешь.

Бывает, перед закатом солнце как будто взбунтуется. На миг шевельнется в нем последний живой луч, взметнется ввысь и тотчас потухнет, но долго потом рдеет успокаивающаяся заря, а душа почему-то не перестает тянуться к этому солнечному всплеску...

* * *

От солнца кора деревьев светлеет, а от тени — темнеет, и потому светлая сторона, если дерево растет в редколесье, всегда смотрит на полдень.

* * *

Все в лесу принимает невидимое, но чрезвычайно внимательное участие в рассвете. Даже темнота неотступно преследует его по пятам, порой настигает, но в какой-то момент все же затаивается, некоторое время наблюдает и с удовлетворением от исполненного долга погружается в сон...

* * *

Вымокшие после сильного ливня молодые глухари, тетерева и рябчики становятся легкой добычей медведей, которые стряхивают их с деревьев.

* * *

Из всех умирающих времен года жалеешь почему-то только золотую осень...

В мечтах всегда почему-то стремишься к какому-то неведомому, скрытому от глаз людей лесному озеру, к которому они обычно испытывают суеверный страх... По берегам его живут дикие звери и птицы, бесконечным ковром расстилаются морошка с клюквой, а вокруг витают злые и добрые духи... Никто не знает его названия, озеро защищено дремучими лесами, и вода в нем всегда черная и спокойная. В этом озере водятся пудовые старые щуки и караси с локоть, но никому еще не удавалось их поймать...

Хорошо бы побывать там, взглянуть хоть одним глазком и ничего не тронуть. А потом вспоминать и рассказывать о том, как это далеко и туда почти невозможно добраться, но вот тебе каким-то чудесным образом все же удалось...

Я давно заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нем однажды увидеть, ведь не просто так часами брожу я по его неведомым тропинкам...

После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком свербит тягучая боль, на душе становится как-то неопратно и пусто. Все, что ты видел и слышал, кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в даль-169

ною дорогу, что именно заставляло тело напрягаться,— словом, вразумительных для себя объяснений не находишь.

Так обычно думал я, возвращаясь из лесу разбитым, и не верил, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огня мне вдруг сможет открыться нечто удивительное... Но со временем заполнившие тебя усталость и пустота постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй бы, хватило не на одну лесную прогулку. В расслабляющем тело и мысли домашнем тепле начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесных тайн и что цена каждого, даже самого маленького, секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается и выхаживается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

* * *

Можно иметь от рождения какую-то младенческую слитность с лесом, чувствовать его нутром, не испытывая к нему недоверия и страха, но он все равно будет проверять тебя своей пугающей дремучей глубиной, в которую не всякий зверь сунется, а заглянув — отпрянет.

Апрельский дождь мочит распахнутую по весне душу так незаметно и чисто, что она и не думает запахиваться, а только еще более открывается и расцветает.

Природа может обойтись без человека, но человек без природы быстро истратится и изживет себя.

* * *

Только весной можно одержать победу над временем, позабыв обо всем...

* * *

Довольно-таки мирный зверь барсук на деле оказывается злым, когда сцепится с собаками, и невероятно хитрым, если человек застанет зверя в невыгодном для него положении: барсук с поразительным терпением и выдержкой прикидывается... мертвым. Бывали случаи, когда зверь никак не выказывал своего отчаянного положения даже в рюкзаке охотника, «оживая» у самого дома, когда ему уже не уделяли никакого внимания. К великому удивлению человека, барсук исчезал из-под самого носа, а человек и помыслить не смел, что зверь был жив и обвел его вокруг пальца.

* * *

Когда тебе хочется поймать птицу, чтобы ощутить ее трепетное тепло, ты забываешь, что и сам являешься ею... Всем, чем природа наделила жаворонка или соловья, она наделила и человека.

От холодных ветров северные ели опускают нижние лапы к самой земле, и образуется еловый шатер — уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

Если не сумел с детства войти внутрь природы, то куда потом ни пойдешь в лесу — все везде будет не так и не твое... Чтобы действительно научиться замечать лесные звуки и запахи, принимая их как свои, нужно жить ими с самого рождения.

Поведение многих животных и птиц люди воспринимают почему-то только как карикатуру на самих себя и так же охотно подмечают в человеке животные черты.

Природа и жизнь всегда обещают, что горсть заботливо посеянных семян даст мешок, так же, как не раз атакованная, но все выдержавшая правда привлечет к себе нестигаемую духовную мощь... То, что мы получим больше, чем сажаем,— вселенский закон, и необыкновенно радостно сознавать, что он безошибочен.

Каким же чистым надо быть, чтобы, встретившись в лесу лицом к лицу со зверем, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, давно не виденным другом!

Прекрасная летняя ночь — благодатное время для счастливого ветра, который всегда забывается в эту пору на ложе со своей божественной зарей...

Развевая зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощенным длительными холодами. Сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе тоже нелегко чувствовать себя стесненной, она не находит себе места и рвется наружу... Успокоиться ей суждено только под осень, когда от нее потребуется вдумчивая проницательность. Весной же все помыслы души оказываются чуть ли не распяты, когда она возносится к ослепительно синим волнующим небесам...

Как хорошо, когда в ночном лесу гукает большая и невидимая птица филин... То налетит, то надолго пропадет, а потом

опять неожиданно появится, и все гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может найти. Сам ты тогда тоже невольно начинаешь отыскивать в себе утерянное и не замечаешь, что ночь, как мать, потерявшая ребенка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

* * *

Надежно скрытый в глухой чаще глухариный ток — забота природы о сохранении древних таинственных птиц.

* * *

Ни за что не заметишь, как загорается первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую...

* * *

Говорят, что ворон кричит — горе вещует, но значит ли это, что он — худая птица?

* * *

Страдает ли уставший от жизни волк, которого отринула полная сил молодая волчица? На что волк решается в этой, казалось бы, потерянной для него жизни, если волчица находит более привлекательного и сильного самца? Обезумев от горя, он, наверное, уходит далеко-далеко, идет, сбивая лапы,

спотыкается и постепенно обретает в этой беспросветной чаще неожиданную свободу, в которой его уже никто и никогда не сможет предать...

Только в августе неожиданно замечаешь, как утомлен пронизанный светом лист... Так, незаметно и во всем, растворяется многообещающее буйное лето, а ты и не знаешь, как и зачем тебе жить дальше...

Пойдешь, бывало, в лес, задумаешься о чем-либо хорошем и не уставая незаметно уйдешь далеко-далеко, а когда спохватишься — бредешь обратно уже тяжело, и кажется, что не будет конца этой изматывающей дороге.

Веками находясь на полном лесном пансионе, человек способен возместить понесенную природой утрату только вновь посаженным им лесом.

* * *

Еще совсем недавно мне так хотелось подстрелить глухаря, подержать его в руках, принести домой и похвастаться перед ближними редкой добычей. А теперь я и в мыслях не допускаю

убийства и только расплачиваюсь за былое невежество, моля лесного бога о великодушном снисхождении.

Сорвавшийся в тиши сентября лист не спешит ложиться на землю и долго кружит в воздухе, будто выбирая место, куда лучше упасть. Октябрьский листопад в этом смысле уже не имеет никаких желаний: березовый и осиновый дождь сыплет без удержу, потому как ветки спешат избавиться к зиме от лишнего веса, а ветер разносит безжизненные листья куда придется... Хорошо в такую пору ощутить себя одиноким порыжевшим листом, уносимым непогодой в необозримые осенние дали...

Не помню дня, чтобы над моим огородом в деревне не появились вороны, то и дело без устали прочерчивающие воздух. Зима ли на дворе, весна или осень, вороны неизменно держались рядом, и при этом всегда слышалось их карканье, которое они только, кажется, и знают. Деревенская жизнь без надоедливой воронья, наверное, не была бы такой интересной!

С воронами у меня в огороде происходило немало очень занятных историй, и я привык к их существованию как к неминувому, но приятному неудобству... И тем не менее птицы никогда не устраивали свои гнезда поблизости от жилья, устраивая их обычно в лесу. А тут вдруг по весне обосновались на

одном из тополей возле самого дома, прямо у меня над головой, каждый день в возбуждении оглашая округу безудержным граем. Этого только не хватало!

Приздумался я о таком беспокойном соседстве: что вынудило птиц завести гнездо рядом с человеком, которого они раньше сторонились, все же до конца не лишая его своего присутствия? Отчего выбирали тополя только как временное пристанище, тотчас срываясь при обнаружении любого движения в доме или ограде? Какое препятствие оказывалось для птиц совсем недавно непреодолимым, а сейчас им ничего вроде бы не препятствует, и они у всех на виду соорудили свое нехитрое обиталище?.. Трудно было сразу понять такое необычное поведение ворон, и стал я за ними наблюдать.

Сосед Кирюха, завидев в развилине тополя воронье семейство, будто даже обрадовавшись, при встрече расплылся передо мной в ехидной улыбке: «Ни яблочков теперь тебе, значить, ни клубнички... Кха-а!» А я еще более загрустил, недобро взглядывая на незвано появившихся под боком гостей. Ничего хорошего подобное соседство явно не сулило.

И все-таки, думал я, почему вороны поселились именно над моей крышей, ничуть меня не опасаясь? Как это всегда бывает, решение пришло неожиданно, но только после того, как я сам явился свидетелем небольшого переполоха в вороньем стане...

Уже не однажды приезжал я той весной в деревню, и всегда ненадолго, так что топить печь мне не приходилось, но вот в последний раз пришлось задержаться. Давно не топленная печь разгоралась нехотя, беспрепятственно дымила, а когда нако-177

нец пламя взялось и радостно заиграло, над самой крышей неожиданно раздался хрипый вороний ор: «Кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р, кар-р-раулл!» От неожиданности я даже поднял голову и присел,— так отчетливо, будто под самым потолком, послышалось недовольное карканье. Ворон, конечно, вывел из себя едкий печной дым, который валил из трубы густым столбом, упираясь прямо... в гнездо.

Выйдя из дому и задрав голову, я не без интереса поглядывал, как беснуются раздосадованные птицы, и мне сразу стала понятна причина их бывшего отсутствия и недавнего неожиданного появления. Вороны долго не занимали тополя, потому как просто не решались. Во всей округе эти деревья были самые высокие, очень удобные для обозрения, так необходимого любопытным, неугомонным птицам, но мои постоянные приезды в течение нескольких лет настораживали ворон, и они остерегались присутствия человека, а главное — топящейся печи, так неуютно для них дымящей... Едкий дым тревожил вороньё, мешал им наслаждаться беспечным существованием. Но последний год я почти не ездил — держали дела в городе, и вороны пообвыкли без меня, осмелели и к весне, видать, решили устроить новые хоромы, облюбовав, наконец, подходящее для себя место. Тополя явно пришлись им по душе: и высокие, и кустистые, и все огороды как на ладони. Но дело, как говорится, не ворона: не каркнет, а скажется, и принялся я потихоньку наводить в огороде порядок.

Вскоре в гнезде появилось прибавление, и все семейство сразу еще более оживилось. Вороны то и дело вскрикивали, шипели, хрипели — в общем, издавали самые невообразимые

звуки, по-видимому, обсуждая свои нехитрые заботы, беспокойно ворошились, родители не успевали подносить прожорливым вороньятам корм, а те еще более обеспокоенно требовали добавки, прибавляя в весе, кажется, не по дням, а по часам. Работая в огороде, я с тревогой поглядывал на всю эту воронью кутерьму, вороны же при виде меня необыкновенно возбуждались, наверное, по праву считая себя полноправными хозяевами. «С воронами по-вороньи и каркать», — невесело подумалось мне.

К началу сенокоса воронята здорово подросли, я насчитал их пять штук, и все как один оделись в аккуратные серовато-черные сюртучки. Обычно они слетали бесшумно вниз, присаживались на маленькие стожки или важно расхаживали в траве под яблонями, не обращая на меня никакого внимания. Даже при моем приближении не улетали, а только перескакивали боком подальше и опять принимались степенно разгуливать у меня под носом. Ворон будто подменили, они и кричать перестали, лишь иногда выражали чем-либо свое недовольство. Но я почему-то стал постепенно чувствовать, что это недовольство не относится ко мне, к тому же птицы, как ни странно, ничего не трогали...

К этому времени по склонам овощной ямы высыпала алая земляничка, на грядках успела поспеть ароматная клубника, но вороны словно не замечали ягод, даже не приближались к ним. Они по-прежнему держались в огороде, что-то выискивали в траве, поклевывали, и созревающие плоды, как ни странно, совершенно их не интересовали.

Иногда вороны куда-то исчезали, и за заботами я успевал о них позабыть, а появлялись, кажется, только за тем, чтобы навести порядок, может быть, даже попроведовать меня... Они прогуливались в траве под деревьями, порою настороженно замирали, забавно повернув голову набок, и, как чуткие часовые, издавали странные тревожные звуки, будто кого-то предупреждая... В народе говорят: «Первые детки — соколятки, а последние — воронятки», эти же молодые птицы были какими-то особенными, вроде бы как даже и не воронами...

Так незаметно прошло лето. Вороны, между тем, даже не попробовали ни клубнику, ни землянику, ни малину с облепихой, ни вишню, за которую я почему-то особо опасался. К яблочному Спасу яблочк народилось так много, что ветви не выдерживали и ломались. Под некоторые деревья пришлось ставить подпорки, но и это не помогало... Яблоки падали, почти беззвучно утопая в изумрудной отаве, и лежали там тихо, словно чего-то ожидая, но и их никто не трогал, разве что мыши...

Правда, порой на деревьях мне все же попадались поклеванные яблоки, но вскоре оказалось, что в саду безобразничают дрозды... Вездесущие полчища этих птиц еще не успевали примоститься на яблонях, как на них темной тучей слетало с тополей дружное воронье семейство, и дрозды тотчас обращались в бегство, после чего я только разводил руками... Как могло случиться, что вороны отчего-то превратились в моих спасителей? До сих пор эта загадка не дает мне покоя, и, видно, верная ведется среди людей поговорка, что на своей стороне и ворона — родня!

Если на току стоишь прямо под поющим на дереве глухарем, то кажется, что песня его исходит неведомо откуда.

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, а только прислушиваются друг к другу и ждут всеобщего пробуждения... Но иногда, где-нибудь в глубине января, налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут и долго еще будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому, что потревожили их величественный покой. А потом опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание...

* * *

Урчит котелок на костре — и это уютное клокотание напоминает какую-то диковинную лесную песню, которая смешивается со звездами и дымом и, убаюкивая, безвозвратно утекает.

* * *

Что лучше: звездная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека — быть частицей этого многоликого мира...

Природа только тогда наделит нас всей своей силой, когда наша душа придет в полное соответствие с ней.

* * *

Когда в ясную апрельскую пору встречаешь в лесу весну, всегда думаешь: с кем бы поделиться этим счастьем?

* * *

Как замолкнет кукушка — из тенистой лесной чащи начинают осторожно выступать на солнечную опушку озорные бесенята, а их батька — старый лешак — так и сидит в потаенной глуши, но не пропускает мимо своего внимания ни одного человека.

* * *

Порой вся жизнь человека пройдет без пения соловья, а он никак не может уразуметь: отчего она не сложилась?

* * *

Весеннее солнце всегда будто посмеивается над тобой, играет в вымытом апрельскими дождями небе, вовсю брызжет разноцветными лучами, и ты сам становишься, как игривый ручей, что звонко переливается вдоль раскисшего большака, по которому ты бредешь, еле передвигая отяжелевшие от налипшей грязи ноги... Именно весной, в самую распутицу, охва-

тывает неукротимое желание странствовать, тогда как солнце веселыми кругами расплывается в небесной синеве, и невозможно удержаться от улыбки, то и дело взглядывая на него и от удовольствия щурясь...

Вечерние звезды заывают в гости, утренние — провожают в добрый путь.

Ниточка глухариного наброда потихонечку затянула меня на давно разыскиваемый ток.

Когда цветы отцветают, они уже пахнут не собой, а тем, ради чего жили.

Сколько бы не ожидал, не лелеял в душе весну, а она все равно приходит для всех как неминуемое тепло и благо.

А так ли высоко на самом деле небо? Оно соприкасается с землей везде, где жив человек... Совсем не обязательно дотрагиваться до него вздернутыми ладонями: небо всегда лежит на плечах человека и незаметно перетекает в его душу.

Из всех самых крупных животных, обитающих в наших лесах, лось, пожалуй, самый загадочный в своей отрешенной задумчивости. Другой бы зверь при непосредственном соприкосновении с человеком уже давно ретировался, растворился в чаще, но лось, даже обнаружив человека рядом, часто никуда не убегает, недоуменно косит большим глазом, а если и удаляется, то величественно и неспешно.

Старое, давным-давно поломанное грозой дерево в своей борьбе проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое.

Всегда памятна и очень радостна обычная деревенская картина: зимний морозный день, крыши домов укрыты богатыми снежными шапками, над которыми лисьими хвостами тянутся в небо сизые дымки, скрипит под валенками смерзшаяся узенькая тропка, ведущая к колодцу, а вода в ведре не колышется — стоит стылая, тягучая и такая чистая, что от одного вида ее начинает приятно ломить в затылке... Переминаясь с ноги на ногу, долго смотришь в эту прозрачно-выпуклую, переливающуюся на солнце чистоту и думаешь про себя о простом и хорошем.

* * * В лесу постепенно

обнаруживаешь в себе какую-то не зна-

кому-то раньше звериную повадку и совершенно забываешься как человек.

Иногда можно опьянеть от апрельской лесной дороги и задремать прямо у обочины, на снегу, под открытым синим небом и ярким солнцем!

Так ярко, зазывисто играют звезды всю зиму, что к концу весны постепенно старятся, бледнеют и вскоре становятся совсем немощными.

* * *

Чудесен старинный сосновый бор, в который вступаешь, непременно перекрестившись...

* * *

Когда молодая зелень еще не закрыла собой прошлогодний мусор в лесу и он неприятно цепляется и хрустит под ногами, всегда почему-то и в себе обнаружишь ненужное, оставшееся после долгой зимы, и дашь себе слово как можно быстрее избавиться от него.

* * *

Огонь в весеннем костре гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда я смотрю на небо, то вижу искры, летящие, словно из

трубы, вверх,— они смешиваются там со звездами. Не разберешь, где — на мгновение вспыхнувшие искры, а где — вечный свет далеких миров...

Жгучие утренники грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли ключья промозглого тумана, предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костер неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и не дает затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт поддерживаемому неизвестными силами живому огню, и хочется лететь к неумирающему звездному свету и не угасать душой.

Жизнь состоит из темного и светлого, но никогда это сочетание в ней до конца не смешивается. Рано или поздно светлое тянется к солнышку, а темное убирается в тень...

Случается, буря повалит ель прямо поперек тропы, и вывернутые вместе с дерном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъяренный медведь... С опаской обходишь такой выворотень и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул в душу и предрек нечто ужасное.

Сон у зверей, должно быть, очень чуток и в то же время чрезвычайно глух...

Мучают ли зверей во сне не покидающие их видения, одолевают ли не разделенные ни с кем переживания? Снится ли им бессмертие или беззаботное щенячье детство? Видятся ли зверям вообще сны?

В отличие от человека, сны у зверей, наверное, не ложатся им на сердце ровным тихим светом, а наваливаются темными тревожными глыбами или туманными наваждениями. Вряд ли сон зверей безмятежен... В нем — ком невыразимых звериных смятений, вынужденных пока только взалкать чужую жизнь.

В природе почему-то преобладает золотой цвет, составляющий суть солнца, луны и звезд, волшебного грозового огня, низвергаемого с неба, ослепительной осенней листвы, скошенных трав, плодов и отражающей весь этот золотой мир воды...

Мой самый дорогой апрельский день смотрит на меня, как преданная собака,— глаза расширены от переполняющих чувств, они несут в себе всё то замечательное, что между нами было, и никогда этого не забудут, оставаясь со мной навсегда.

Копалуха на току может неожиданно, со всего лёта, удариться человеку прямо в ноги, отчего сразу опешишь: что вдруг

почудилось в тебе возбужденной весенней страстью птице?! Может быть, сам царь лесов — глухарь?

Иногда в январе над лесом повисает такая беспросветная холодная ночь, что глядеть в нее, даже из деревни, жутко. И все же твоя душа не задумываясь отправляется туда, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на помощь.

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далеким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца.

Ученые обнаружили у животных целую гамму чувств с очень большой общественной значимостью: потребность в общении, самоутверждение, лидерство, подчинение авторитету сильного... Есть еще и соперничество с подражанием, и любознательность. Допустимы, вероятно, и биологические корни справедливости, даже определенной доли склонности к искусству... А у детенышей, например, наблюдается потребность в игре, и она, разумеется, включает в себя зачатки воспитания будущих чувств и поступков...

...Не переставая трудиться, природа на примере животных словно готовит существование нового человека, способного

более достойно оценить прошедшие до него судьбы и не пропустить настоящей.

Токующий глухарь обычно сидит вполдерева, ближе к стволу, будто боясь, что ветка его не выдержит.

В ноябре лес еще не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли, из зеленого постепенно превращаясь в черный.

* * *

Люблю лето за потаенность тенистых аллей и опушек, где никого нет, но все-таки кто-то присутствует...

* * *

Белое зимнее солнце то и дело ныряет в серых облаках и, кажется, совсем не светит, но если не упускать случая понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

* * *

Сойка, как и сорока, очень беспокойна и криклива, что само по себе порой неприятно, но все же песня ее отличается от сорочьего стрекотания неожиданной мелодичностью.

От света зари шишки на елках приобретают сказочный малиновый вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки...

Ночные снежинки падают на землю словно бы из ничего, радостно переливаются, играют и, отражаясь от собственного волшебного света, устилающего землю, так же по-волшебному просто зажигают в невидимой вышине живые звезды.

Просто посмотришь на бесконечное пространство русских лесов и полей, а к себе вернешься уже с новым, углубленным взглядом.

Отсутствие необходимых знаний о природе порой создает у человека не совсем верное отношение к жизни животных.

Характеризуя, например, взгляд сов как пристальный, не многие догадываются, что это основано на их способности видеть предмет одновременно обоими глазами.

Кровожадность волка принято путать с постоянно присущей ему потребностью неумоимо покрывать большие рас-190

стояния в отыскании добычи, которую он находит далеко не сразу.

Чиж, по неизвестной причине, наиболее дружелюбен в отношении к человеку, нежели другие птицы. Даже пойманный во взрослом возрасте, он способен быстро установить с ним контакт. Что побуждает его к этому?

Когда наблюдаешь высоко кружащего в небе ворона, складывается впечатление, что он, в основном, летает, чтобы доставить себе удовольствие, с радостью используя всю полноту предоставленной природой свободы. Но ведомо ли человеку, что на самом деле занимает таинственную птицу?

У всех зверей и птиц способность чувствовать находится в прямой зависимости от уровня развития потребностей, и потому самые высокоразвитые живые существа напоминают в этом смысле человека. У многих из них глубина переживаний, вероятно, неизмеримо выше и пока по большей мере недоступна для нас.

Лист срывают с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великан лось или присевшая на ветвь птица... Зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья... Но иногда у листа хватает сил оставить дерево самому. Без чьей-либо помощи он вдруг отчего-то шевельнется, оборвется и полетит, принадлежа теперь только себе.

В лесу, особенно после достаточно длительного общения с ним, иной раз приходит такая ясная мысль, от которой начинается новый, более интересный путь.

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол лиственницы и не можешь поверить, что это мощное древесное тело соиздано невидимым воздушным пространством!

* * *

Красотой и мудростью природы можно насыщаться бесконечно, только нужно на время остановиться, попытаться переварить вмещенное и обязательно от него избавиться, в чем-либо выразив.

* * *

Под темным еловым пологом идет своя замкнутая, неторопливая и мудрая жизнь, и утомленная от постоянного отчаяния душа человека здесь со временем делает его лицо кротким, а поступки — небоязливими.

* * *

Заяц хоть и труслив, но всегда разберет, треснул ли лед под ногой лошади и человека или сам по себе...

Сырой апрельский туман не рассеивается обычно до тех пор, пока не напитает живой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим ароматом проникнется и человеческая душа, из-за тяжелых туч покажется наконец-то радостное солнце.

Добродушным кажется лесной боярин-топтыга, когда спит целую зиму в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель. И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потемках апрельской тишины скрипнул под кем-то наст, поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун...

Не красота поражает во встреченном в лесу зверьке, а какая-нибудь удивительная особенность жизни, отличающая его от других животных.

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете не солнце, не вода и не ветер, а человек.

Огонь и ветер не любят напора, хотя это и составляет их суть. Вот и от человека они скорее всего ждут благонравия в поступках и благодаря своей нестигаемости время от времени подсказывают, как ему надлежит поступить...

Когда все деревья в лесу сбросят свой наряд, рябина алеет яркими круглыми бусами...

В жизни, как и в лесу, человеку хорошо бы как можно раньше отложить всякие надежды на чью-либо помощь и надеяться только на самого себя.

* * *

Весенняя луна восходит обычно крадучись, осенняя — взгромождается над судьбой.

* * *

Осенью почему-то всегда думаешь, как бы побыстрее пережить зиму и обрадоваться весне, но приходит зима, и ты вдруг проникаешься ее вдумчивой неторопливостью и уже не мечтаешь о ее скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от жажды незаслуженных приобретений.

Ночная пороша лежит легко, воздушно, весело переливается в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая поземка — подымется вдруг целой тучей мятущихся звездочек и ну всех жечь да колоть без разбору!

* * *

Силу волку дает голод.

* * *

К человеку приходят именно те звери и птицы, которые ему нравятся, а привлекает он их своим теплом, вернее — духовной энергией.

* * *

Чуждо и омертвело разносится по лесу охотничий выстрел, так что всё сразу притихает и, насторожившись, вглядывается своими зелеными глазами в то, как бьется во мху, теряя выдрванное дробью перо, раненая птица...

* * *

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух наполнился самыми разнообразными звуками, и вскоре стало совсем тепло.

От солнца, ветра и поблескивающего наста молодой березняк вроде бы отрывается от земли и плывет над ней нежно-розовым вздрагивающим облачком.

* * *

Коротка медвежья любовь, длится от силы неделю-другую, и оттого медведица, пролежав в берлоге чуть ли не полгода и поднявшись из нее с прибылыми медвежатами, которые не отстают от матери всё лето, оставляет при себе летошника-пестуна в качестве няньки. И еще на тот случай, чтобы не оказаться по осени холостую, если ей не повезет встретить взрослого самца.

* * *

Каждая птица, дерево или лист тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и будто подсказывают, что всё в них уже давно есть и ничего не надо выдумывать.

* * *

Случайные впечатления в лесу бывают более весомы, нежели длительное и кропотливое изучение природы.

* * *

Ночные березы излучают какой-то странный свет, сокрытый в дневную пору.

Для каждого человека жизнь устроена так, чтобы нельзя было насладиться ею до конца, и оттого мир природы, даже в своей повторяемости, одаривает нас удивительным разнообразием и увлекает в недостижимую бесконечность.

Нередко случалось мне встречать в лесу медведей, но ни один из них ни разу не повел себя агрессивно, а стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе память лишь мелькающим маленьким хвостиком...

Если лес с рождения живет в тебе, то, попав туда, достаточно раз все увидеть, чтобы полностью принять его.

Нет ничего милее ночевки у костра в весеннюю тихую ночь перед выходом на глухариный ток... В такую ночь любишь всех людей, весь лесной мир, глухо окруживший тебя, и всегда почему-то чувствуешь, что ты не одинок...

Меня всегда необыкновенно занимали повадки дикого лесного зверя, но еще более усиливали чувство жизни бесшумность грациозного полета птицы и ее безграничная воля...

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает сон, радостно перешептывается, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек его не замечает.

Как звери, так и мы, но только мы не перемогаем себя, как они, и убегаем от своих человеческих обязанностей.

Выкопали у меня как-то по осени на огороде яблони, которые хорошо принялись, дружно разрослись и радовали уже не один год. Поначалу я даже не понял, что произошло,— так это было дико. Все равно что потерять детей, которых ни с того ни с сего отобрали у тебя, и ты не знаешь, как жить дальше. Сидишь у окна, смотришь на зияющие в земле ямы и никак не можешь поверить в то, что подобное возможно.

Но делать нечего — надо жить, а значит — давать жизнь другим, и я решил: постепенно успокоюсь за зиму и опять посажу плодовые деревца. Ведь чем больше живешь на свете, тем больше видишь, и жить следует не как хочется, а как Бог велит. И вот привез я весной в деревню восемь яблонь и махонькую грушку, которую подсунула мне на рынке одна бабка, напутствуя: «Посади ее, милоч, последняя осталась. Отдаю задаром!»

Грушка эта была действительно какая-то худосочная, с крохотными корешками, и не верилось, что из нее может вырасти

большое красивое дерево. Но я взял саженец, поблагодарил бабушку и мне даже стало интересно: что-то из всего этого получится? Благо, казалось, само шло мне в руки, и, видно, неспроста!

Стояла середина мая, и в природе еще не произошел тот невидимый поворот, после которого окончательно приходит тепло, земля покрывается травой и деревья одеваются листом. Но когда я в очередной раз приехал в деревню, то уже к полудню что-то неуловимое тронулось в воздухе, заиграло, и из-за леса донесся легкий раскат отдаленного грома... А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыпался теплый радостный дождь, и всё вокруг ожило в считанные минуты.

Дождь пополам с солнышком, примечают деревенские люди, сеется либо по утопленнику, либо праведник помрет... Только глядя на ласковые светлые струи, что поливали лежащие на земле саженцы — а они будто стряхнули с себя обморочный сон и заметно встрепенулись, — не хотелось верить в старинные народные приметы. Тем более что солнце, как ни странно, разгоралось еще ярче, по небу прокатывался раскатистый гул, и все сильнее и настойчивее прибавляли теплые дождевые потоки. Они вскоре не оставили на мне сухой нитки. Дал Бог дождю в толстую вожжу!

Нужно было сажать деревца, пока ливень окончательно не промочил земляные холмики возле выкопанных заранее ям. К тому же первая гроза и теплый чистый дождь вселяли надежду на доброе продолжение всего дела. Ну а коли вымокнешь насквозь — ветерок с солнышком все быстро просушат.

Садить одному не совсем удобно, да еще дождь поливает как из ведра, но с яблонями я все же управился довольно легко.левой рукой придерживаешь тоненький стволик, а правой, прихватив лопату пониже, осторожно нагребашь грунт, уминая его то одной, то другой ногой. Когда очередь дошла до груши, дождь стал стихать, звонко запели птицы, но земля так отяжелела и слиплась, что ее уже невозможно было сдвинуть с места. Рука у меня неловко подвернулась, лопата выскользнула, и ком глины вмиг переломил маленький грушевый стволик... Я только ахнул.

Медленно разогнув спину, я выпрямился и замер с двумя переломленными кусочками в руках, а сам думаю: «Брошу их, и дело с концом! Не особо-то я на эту грушу и надеялся». Мысль избавиться от несчастливого саженца крутилась в голове, и я совсем был готов избавиться от него, но что-то остановило меня. Я стоял весь мокрый, последние капли дождя ласково касались моего лица, и я никак не мог отбросить переломленный стволик — руки словно одеревенели.

Бережно положив кусочки деревца на ладонь, зашел в ограду дома, нашел в сенях садовый вар, смазал концы груши, соединил их, перебинтовал и еще для верности обмотал изолентой. Затем вернулся в сад, прикопал грушевую хворостинку, воткнул рядом палочку и в двух местах прихватил ее бечевкой к бедному деревцу. Помнится, даже посмеялся над собой: затея спасти таким образом грушу казалась никчемной. И все же я почувствовал удовлетворение от того, что не отступил, пускай даже деревце не приживется, думал я, душа моя останется спокойной.

Вернувшись через несколько дней в деревню, я увидел, что яблоньки пустили листочки. Они все как одна оправались, захорошели, и только грушка засохла. И без того тонюсенький стволлик совсем сжался, кора на нем сморщилась, а крохотные веточки отвалились. Жаль было деревце, оно так и не обрело жизни, но все-таки я щедро полил его после яблонь да тут же и забыл о нем до следующего приезда. Какая-то необъяснимая сила, наверное, не позволяла мне отказаться до конца от деревца, надеясь однажды увидеть грушу ожившей.

Не всегда в жизни выразишь, что чувствуешь, и порой нами руководит еле угадываемое ощущение, но именно оно в конце концов оказывается самым верным. Так выходило и у меня: с каждым приездом в деревню я заботливо поливал деревья, не минуя и засохшую грушку. Даже привык к этому, не в силах отказаться от заведенного обычая: яблоням — по два ведра воды, а грушке — три. Как говорится, знает сила жизни правду, да не всегда ее сказывает.

Работы без заботы нет, особенно летом. А вот забота и без работы живет и доброго слова рано или поздно добивается. Два с половиной месяца поливал я яблоньки, а вместе с ними — грушу, и однажды, уже в конце июля, обнаружил на самой ее макушке два свеженьких листика, напоминающих ушки ланки. Всё вокруг — деревья, травы, цветы — давно вовсю бушевало и приносило плоды, деревце же груши только обретало жизнь, и эти крохотные листики, появившиеся во второй половине лета, необыкновенно тронули мое сердце.

Опустившись рядом с грушей на колени, я внимательно рассмотрел листочки, погладил их, и мне показалось, что они

шевелинулись, будто поприветствовали меня. Выходило, что вместе с деревцем мы преодолели неверие в собственные силы и раскрыли свои души навстречу друг другу. Борьба за жизнь не ожесточила нас, а, наоборот, укрепила в вере, что любая жизнь сильна настойчивостью, стремлением стать лучше, так же как силен и Бог, благодаря которому все души, подобно деревьям, могут расти. Давно известно: от доброго дерева и плод добрый, и счастлив тот, кто это однажды понял.

С тех пор прошло семь лет, груша давно переросла меня, раздалась высь и ширирь, раскудрявилась, а в прошлом году впервые зацвела. Белые лепестки у грушевых цветов не такие округлые, как у яблони, они — продолговатые и изящно загнуты на конце, словно любознательно вздрагивающие реснички над чистыми детскими глазенками. Правда, и осыпается груша быстрее, намного раньше других деревьев, стоит только налететь крепкому ветерку. Потому для меня особенно дорого сейчас ее белоснежное трогательное цветение после долгой зимы, в мае, когда весна улыбается всякой жизни, но счастье ожидает только тех, кто учится отыскивать чудесное в обыденном.

Всю зиму держишь в голове мысли и про зайцев, и про волков, и про лосей, и про куниц с лисицами, и про медведей, а придет весна — и занимает только своя собственная душа, которая полнится светом, водой и цветами.

Пока стылый апрельский дождь — хотя он тоже заметно съедает последние следы зимы,— не сменится на теплый, движение сока в березах не начнется.

Порой почему-то кажется, что среди всех лесных деревьев одна ель постоянно спит, ничего не видит и все пропускает мимо, но именно она у людей пользуется особенной любовью.

Страшен разъяренный лесной исполин — медведь, но если удастся однажды неожиданно для зверя хлопнуть в ладоши в непосредственной близости от него да еще при этом пронзительно крикнуть или свистнуть, с медведем может приключиться известная болезнь, а при сильном испуге — даже смерть.

Натолкнувшись на звериную тропу в каком-нибудь глухом ложке с укромным ручейком, первым делом почему-то подивисься: что тут делали люди? И уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны лоси, и здесь же водил на водопой свой выводок старый барсук.

Множество икринок в рыбе или семян в отдельной шишке не есть свидетельство того, что в будущем каждая из них станет особью, а есть только стремление к объединению и умножению, подтверждающее невероятную мощь природы.

Собираясь накануне в лес, все думаешь: надо бы завтра, натолкнувшись на свежий след рыси или лисицы, обязательно пройти по нему в пята, ни на что другое не отвлекаясь, до самого конца... Но как только окажешься поутру за околицей, на мгновение замрешь в ознобе восторга от увиденного и... будь здоров, позабыв обо всем, куда глаза глядят... Так увлекательны и благословенны бесчисленные лесные дорожки!

На южном склоне холма по весне весело и снега уже почти нет, на северном же он лежит нетронутый, и всё вокруг хмуро. Но даже когда снег стает и наступит лето, здесь по-прежнему изредка будет пробегать холодок...

Торчащие из сугробов кустики полыни и репейника не радуют глаз идущего по зимней дороге человека, пока не выгля-204

нет солнце и от их стебельков не упадут на снег голубые радостные тени...

К началу октября погода в наших местах обычно выдается тихая, сухая. В лесу всё в постоянной суете: двигается, перелетает, скачет и бегаёт. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики на манок летят плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький рябчик на оголенных деревьях бывает скоро замечен, и остается только хладнокровно выцелить его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Многое тут зависит от выдержки, терпения и успокоенной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, омертвело затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами и обнаруживаешь у самых ног. Полубовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, а также ощутив в руках приятную тяжесть от тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное — его потаенная лесная жизнь — больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склеывая перезревшие ягодки ряби-205

ны. Но невероятно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и еще большее, пока научишься любоваться красивой статуей лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться ее жизнью.

* * *

Выдастся осенью такой день, когда оранжевые сыроежки попадают под ногами, как бесчисленные осиновые листочки — яркие, притягивающие, живые, и ты бредешь среди них и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился поначалу, а грибов с каждым шагом становится еще больше, и все они кажутся радостнее и краше...

* * *

Звезды на небе сверкают как бы из одной плоскости, на самом деле — из разных точек бесконечности. Ночная земля — самое удобное место для созерцания их зримой беспредельности.

* * *

Давно сошел в полях снег, но навоз, в обилии оставшийся на дорогах после зимы, до сих пор предохраняет от таяния лед, по которому можно ездить на санях.

* * * Когда листья на деревьях

закрыли собой оголенное весен-

нее пространство, на душе становится покойно, и ты уже, кажется, не способен на какое-либо безумие, как это было совсем недавно...

* * *

Осенние холодные цветы за окном, как бы робко они ни смотрели, чаще всего вызывают в душе надежду, что любовь обязательно придет к тебе, если даже упустил ее буйным летом.

* * *

Стремление бабочки на свет — соблазн неосознанного постижения ею своей природы.

* * *

Листья падают, шепчутся, а заяц, слушая, замирает и дрожит.

* * *

Подчас защитные уловки некоторых насекомых, птиц и зверей бывают доведены до такой художественной изощренности, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг угрожающего им вида. Так, у некоторых бабочек сложенные крылышки создают не только удивительное подобие сорванного с ветки осеннего листа, его сухих про-

про-207

жилок и окраски, но даже дырочек, в точности воспроизводящих прокусы личинок жуков.

Зачем природе понадобился столь утонченный обман, если в нем нет острой необходимости? Может быть, она, заранее предчувствуя катастрофические для себя изменения в будущем, готовится к ним, стремясь во что бы то ни стало сохранить жизнь? Любопытно, что в этом созидательном стремлении природа до совершенства оттачивает свою красоту.

Несомненно, что красота должна нести в себе определенные функции. Так же, как белый снег убаюкивает сознание, давая ему возможность передышки, красота наполняет сердце радостью жизни. Но может ли красота, развившаяся как результат воссоздания защитной реакции, вдохнуть в душу весну?

Наверное, красота рождается для того, чтобы в окончательном варианте на земле восторжествовал мир и не исчезло удивление от его неповторимости.

Расцвет зари продолжается каких-нибудь четверть часа, но как нескончаемо радостно горит рожденный ею свет!

Снег падает бесшумно, но когда поднимается ветер — слышится шепот снежинок, как неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес...

Весной налетают совершенно голые, неприкрытые запахи, лыжи гулко колотятся о застывшие края лесной колеи, и голова идет кругом. Утренней весенней порой представление о мире выходит из берегов и расширяющимися беспокойными кругами уводит воображение в далекие, неведомые уголки познания. Возрождающаяся в тебе жизнь как будто устремляется к кому-то с восхищенной благодарностью, но благодарить некого...

* * *

В осеннем воздухе иной раз мелькнет нечто, что копилось в нем с самой весны, но недоговорив и недодумав, вдруг угаснет... Посмотришь туда и подумаешь: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени и, не в силах противостоять, без особого сожаления уступило...

* * *

В последний миг рассудительной и серьезной зимы ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться, полететь куда угодно и ни о чем больше не думать...

* * *

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются белые лилии, но он пропускает это важное

движение Вселенной, без которого ему ни за что не подступить к осознанию своего счастья.

При видимом однообразии зимней повести никогда не устает листать ее заснеженные страницы...

Ночью проснулся от чего-то непонятного, вошедшего в меня... Открыв глаза, долго лежал, вслушиваясь в расprostертую над землей ночь. Потом до меня дошло, что вошедшее было тишиной, в которой слышались вкрадчивые шорохи чьих-то шагов, еле уловимое шуршание ветвей и непрерывный блеск звезд.

Я еще подумал, что именно так, незаметно, наверное, и рождается гармония. И тогда я вновь уснул, теперь до самого утра.

Во сне к моему затухающему костру приходил зверь, постоял возле и удалился неслышно, а я даже не открыл глаза,— так мне было хорошо и покойно. Уже проваливаясь в какие-то неведомые глубины, я подумал, что это была рысь, но такая мысль почему-то нисколько не растревожила. Она только слегка коснулась моих висков, так что я почувствовал теплое дуновение, и тотчас отлетела потаенной ночной птицей... Шорох ее крыльев поглотила темнота...

А потом наступило утро.

Без удержу играет глухарь в ночи, все уверенней раздается его песня и неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку и изредка зобает горлом, а ты, не в силах постичь мотивов ее поведения, вдруг с какой-то неизбежной горечью осознаешь свою полную ненужность в этом удивительном лесном мире.

Ива, выворачивая листья под ветром, неожиданно становится... серебряной. Эта сторона жизни дерева, чаще остающаяся невидимой, удивляет и несколько озадачивает. От нее веет приятной и уверенной в себе тайной.

Ворона всегда сидит на гнезде так, что с одной стороны, если хорошенько приглядеться, у нее виднеется нос, а с другой — хвост, и всё вместе представляется удивительно смешной и толстой птицей, вот-вот готовой разродиться какими-то невиданными птенцами, которые с неслыханным доселе криком скоро разлетятся по лесу и разбудят его.

Скрытые весенним туманом, громко перепархивают в ельнике рябчики, от звука их крыльев тревожно вздрагивает в гру-211

ди сердце. Чистый призывный свист пронизывает лес неожиданно и ошеломляюще откровенно. Доступность безбоязненно привлекающих к себе внимание птиц — есть признак совершенства лесной жизни, и рябчики — ее восторженные и тонкие провозвестники.

* * *

Осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-либо лесной колее, наполненной водой, но никогда не додумаешься взглянуть в весеннюю лужицу...

Из всех певчих птиц, пожалуй, самая близкая к человеку — скворец. Скворцы прилетают ранней весной, когда еще лежит на полях снег. Прилет скворцов — верный признак близкой надежной весны. После прилета птицы тотчас начинают устраивать гнезда, выводят птенцов. В это время скворцы поют звонкую и радостную песню.

Чем больше подрастают птенцы, тем короче становится песня скворца. Когда молодые скворчата начинают летать, вся семья покидает домик, заблаговременно приготовленный человеком, и песни скворцов прекращаются. Летом скворцов становится очень трудно увидеть: они стаями кочуют в густом лесу и на отдаленных полях.

Что вынуждает птиц разрывать соседство с человеком, в непосредственной близости с которым они выводили совсем недавно своих птенцов?

Мороз сердито кует, а тоненький месяц радостно светит ему и чему-то улыбается.

* * * Весенняя ночь

светла долгожданной надеждой.

* * *

Сорока обклеывает спелые вишни и клубнику, выбирает самые сладкие яблоки, но получается это у нее так весело, что почти не сердиться на вредную птицу...

* * *

Как легко, должно быть, жить, не ставя себе никаких целей! Но сможет ли жить подобным образом человек без ущерба для своего душевного здоровья? Наверное, душа — есть неосознанная потребность трудиться в отыскании верного пути, а в лесу она не может себя не обнаружить и будто впервые появляется на свет, испытывая ко всему окружающему неподдельный интерес.

* * *

Вода в ладошках человека — это не только чистый глоток, но и отражение колыбели всей его жизни.

Понимая, что люди из-за собственного несовершенства всегда обоготворяли слабых зверей, наделяя их только добрыми свойствами, а сильных и приносящих, по их мнению, беды — глупыми, хочется не обращать лесную жизнь в красивую сказку, а честно показать ее удивительную быль.

Раньше, покупая лошадь, обычно смотрели, какие она оставляет следы... Если на следах недоступ — лошадь плохая, ленивая или больная, если переступ — хорошая.

Только лесные звери ставят задние ноги на след передних. Никогда не сбиваются они с тропы, не теряют ритма бега... Легкие их дышат свободно, сердца не думают устать, и не удостоенные внимания людей звери не позволяют себе быть хорошими или плохими.

* * *

Когда зима еще тужилась январскими морозами, душа желала ослепительного марта, когда же в лесу потеплело и во всем почувствовалась весна, в ней уже совершился счастливый переворот на лето... Теперь на дворе стоит бабюшка июль, и я не знаю, наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый сентябрь...

* * *

Нет в лесу ничего страшнее, чем раскачивающиеся в бурю деревья.

Наступает весна, и птицы, подкопив силы, готовятся к перелету... Скоро они будут дома: впереди — самые сильные и выносливые, принимая на себя основную тяжесть нелегкого пути, молодые — несколько отставая и теснясь боязливо к середине, где воздух более разрежен от махания сотен крыльев их старших товарищей.

Полет птичьей стаи — не хаотическое взмахивание крыльями, а строгая внутренняя организация, не в пример человеку, справедливая и жизнеутверждающая.

Весной особенно досадно становится оттого, что мало знаешь о жизни леса, и начинаешь с большим пристрастием вглядываться в него, постепенно постигая: чувство жизни и память у человека несоизмеримо меньше, чем у долголетней чащи...

Утверждают, будто пристально смотреть зверю в глаза не следует. В стае такой взгляд испокон веков выражал не дружеские чувства, а откровенную угрозу, демонстрацию своей неприязни и силы. Но глаза зверей неотступно притягивают мой взгляд к себе и не отпускают, словно втайне я давно жду этого и ничего не могу с собой поделать.

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и наоборот, в мае, когда все расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется — уже не бывать рассвету.

Порой встретишь свежий отпечаток медвежьей лапы, оставшийся после дождя, и почему-то захочется его запомнить и унести с собой...

В городе можно весну не заметить и прожить ее впустую.

В начале ноября по утвердившемуся снежному покрову шел я краем жнивья и вдруг увидел цветок... Скрытый от снега маленькими пушистыми елочками, цветок отнюдь не выглядел робким и тянул свою лиловую головку кверху довольно уверенно. Лепестки его тоже не выглядели поникшими, и, если бы не снег, он бы, наверное, не привлек моего внимания. Было похоже, что цветок, несмотря ни на что, жив, и это меня озадачило...

Я остановился, присел на корточки и внимательно его рассмотрел. Цветок отдаленно напоминал астру, только более

утонченную и загадочную. Стройный стебелек имел красноватый оттенок и был довольно высокий, с продолговатыми удлиненными листочками. Сам же венчик представлял из себя множество нежно-лиловых пушистых нитей, сливающихся в изящный хохолок...

Пришедшая непогода, кажется, не особенно обременила цветок, и все же это было странно: кругом лежал снег, было холодно, и даже травы давно пожухли... Что помогало цветку выстоять совсем одному и при этом сохранить живые краски? Как вообще могло случиться, что после двухдневной метели и крепких ночных холодов цветок не угас?

«Наверное, он просто негибачаемый,— подумал я,— потому что подобные ему существуют всегда. Они встречаются среди людей, зверей, деревьев, и почему бы им не быть среди цветов?» Мой цветок оказался именно таким — непокорным судьбе. Он выстоял вопреки всему, что могло его убить, но не убило. Может, цветок остался цел благодаря какой-то одной ему известной истине, которую обретает только самый сильный, а значит — свободный.

В последний раз глянув на цветок и осторожно коснувшись его рукой, я понял: самое настоящее в жизни до такой степени просто, что о нем никто не в состоянии серьезно думать, и чаще всего оно остается незамеченным. Но это настоящее просится на язык и бумагу, причем делает это ненавязчиво, как бы заведомо предугадывая непонимание. Оно все терпит, чего-то ждет и еще более очищается в понимании того, что

лучше честного и достойного восприятия окружающей жизни ничего не существует.

Когда перестаешь охотиться на птиц и зверей, природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

При общей схожести жизни, звери и птицы, между тем, значительно различаются... Без назойливости настойчиво кы-чет в ночной чаще сова. Отрешенно-задумчивый, ходит по окраинам затягивающихся мелколесьем вырубок лось. Неотступно преследуя кого-то, пакостливо шляется по лесам россомаха. Медведь неторопливо ступает. Озорно метнется в высоких ветвях белка. Тронет легким галопом по полю весь подобранный изнутри заяц. Кажущийся понурый, бредет пробитой в глубоком снегу тропой нестигаемый волк. Крадучись, тянется под утро к деревенским задкам след рыскающей лисицы...

Всем им суждено в близком соседстве друг с другом существовать свои неповторимые жизни, не отдаляясь и в то же время не мешая друг другу своим присутствием, а человеку надлежит разгадать эту скрывающуюся под темным еловым пологом разнообразную звериную тайну, познать которую ему

всегда недоставало терпения и от которой его безнадежно отдаляло собственное невежество.

* * *

Мартовской ночью стоит такой хруст, что кажется, будто это звездам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями и никак не могут расцепиться...

Как важно увидеть природу правильно в первый раз, суметь не привыкнуть к ее красоте и не переставать всему в ней удивляться!

Даже в самый тихий, безветренный летний день листья осины дрожат... Долго эта загадка оставалась для меня неразрешимой, пока я не обнаружил, что виной тому — длинный и сильно сплюснутый с боков черешок листа, вращающийся из стороны в сторону при малейшем дуновении ветра.

Но найденное объяснение, как ни странно, не обрадовало, а скорее обескуражило досадной незамысловатостью. Втайне почему-то верилось, что необыкновенное дерево не раскрыло до конца всех своих секретов и только снисходительно подрагивает приветливыми листьями, словно осеняя твое неугасающее стремление к правде.

Словно забавляясь, беззлобно тешит людские души весенний бог... С укоренением лета в лесах начинает дурить леший, обходя незадачливого путника или грибника... «Черт ногу сломит»,— можно сказать про осень... Но ни в какую другую пору, кроме как зимой, нечистая сила не действует на человека с такой одурманивающей тайной и мраком.

Никогда не различишь в густоте еловых веток беличье гай-но, сколько его не высматривай, а белка появится всегда неожиданно и своей доступностью развеет желание во что бы то ни стало отыскать ее скрытое жилище.

Хотя березы и осинки с началом зимы одеваются в воздушные пелерины и балетные пачки, а елочки торжественно расправляют на себе накрахмаленные кружева и воротнички, они не спорят и не хвастаются друг перед другом нарядною белизной.

* * *

Будет лучше, если, оказавшись в лесу, ты сразу преодолешь неудержимое желание завладеть зверем, сделав его только своим.

Бывает, в одну ночь всё вокруг застигает белое остолебенение пришедшей зимы, и именно тогда возвращается всем известная, но забытая новизна радостного отношения к жизни.

Только весной, когда всё распускается и набирает аромат, можно сидеть рядом с женщиной до самого утра, смотреть на нее и молчать.

* * *

Рад старый мошник лесной тишине, когда его никто не беспокоит... Бродит между заснеженных деревьев в ожидании скорого тока, неспешно щиплет опавшую сосновую иглу и не ведает, как он таинственно красив.

* * *

В предрассветном зимнем сумраке волки после ночной охоты спешат на лёжку в мрачные крепи. Человеку трудно вообразить, что звери с удовольствием укладываются там прямо на мерзлый снег и сладко дремлют в лучах еле пробивающегося сквозь частые ветви скупого морозного солнца...

* * *

Редко кто видит махонького крапивника, чья мелодичная песенка то и дело доносится из густого кустарника у изгороди.

Только на миг прошмыгнет он рыжевато-бурым мышонком среди ветвей, у самой земли, и опять его не видеть. Нужно немало терпения, чтобы хорошо разглядеть крохотного певца. Но при всей своей осторожности и скрытности крапивнику не занимать совершенно бесшабашной повадки, когда он низко склоняет головку, а рыжеватый хвостик залихватски топорщится кверху,— вот-вот, кажется, перевернется и упадет. По этой позе его можно безошибочно отличить от других птиц, если, конечно, удалось подкараулить бравого удалыца, которому по удали и его имя: не всякая птица способна в крапиву садиться, а только этот маленький молодец, и потому глядеть на него всегда любо!

* * *

Всю зиму в нескончаемые метели и стужи ждал я того, как положу на ладошку не проснувшуюся до конца бабочку, дохну на нее, а она встрепенется, качнет крылышками и вмиг улетит...

Полная луна легко скользит в чуть замутненном морозном небе. Всё в природе околдовано ее пустынным светом, а вокруг совершенно безлюдно. Сверкающие сугробы подчеркивают залегшие между ними таинственные тени. Ни единого звука не доносится с укромно замерших поблизости деревень... Стоит чудесная зимняя тишина, и синие рассыпающиеся морозной

пылью колеи дорог убегают в неведомую глубь заснеженной России...

* * *

Очень важно не расплескать себя за весну и, когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

* * *

Бывает, человек так возгордится, что оставляет всякие попытки хотя бы изредка сдерживать себя. Жизнь в таких случаях тотчас напоминает ему о своей божественной сути, низводя его до положения обыкновенной полевой мышки, которая скатилась в глубокую колею лесной дороги... Края у этой колеи крутые, подняться по ним мышка не в силах, и, чтобы выбраться, зверьку приходится бежать к самой деревне, а до нее верст пятнадцать...

* * *

Все заботы весеннего леса умещаются и в твоём сердце, потому что главная из них — любить.

* * *

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлелым жаром, но пе-

ред глазами почему-то встают промерзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие порыжевшие стрелки иссохшей осоки...

* * *

Как завораживающе потягивает весной острой сыростью из темных оврагов, представляющихся бездонными! Их ледяная прохлада и сковывает, и манит, и не позволяет что-то до конца постигнуть... Она насквозь пронизывает ускользящим дыханием зимы, которая хочет еще многое сказать, но уже не может.

* * *

Когда пыльца цветущих растений засыпает поверхность лесного озера и оно уже не отражает зажигающихся над ним звезд, распустившихся веточек деревьев и веселых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной пленкой и, уютно завернувшись в нее, с благоговением замирает.

* * *

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной.

* * *

Многие названия птиц, зверей и растений произошли, вероятно, от подражания человека их голосам и шорохам. На-224

звания эти, конечно, не точны, поскольку изобразить голоса и песню природы звуками человеческой речи просто невысказано. Звери, например, издают не совсем ясные музыкальные тона, и каждый человек передает их на свой собственный лад.

Но тем не менее птицы и звери, как и многие явления природы, научили человека говорить. Благодаря им он обрел удобство в возможности различать жизненные многообразия.

Еще названия зверей и птиц несут на себе отпечаток их собственного характера и повадок. В силу многих обстоятельств, они отражают, более или менее удачно, суть зверя. Зачастую свое наименование зверь получал лишь за какую-нибудь одну, даже совсем не выражающую полностью его характер, привычку — как медведь за любовь к меду... Все же остальные его склонности оставались в тени...

Если название зверя при этом было достаточно поэтично, то оставленным без внимания достоинствам приходилось потесниться. Ведь тот же медведь, которого древние славяне именовали ортоксом, мог с таким же успехом называться мали-ноедом или топтыгиным, но они остановились именно на медведе — звере, поедающем мед,— потому как видели в этом еще и забаву, некоторую симпатичную черту животного.

В апреле за километры слышно, как черный дятел-желна выбивает крепким клювом дробную трель на сушине... Где-то далеко, на разливах реки, трубят по зорям журавли, и их голо-225

са напоминают звук охотничьего рога... На высоких деревьях, прямо за деревней, старательно хлопочут у гнезд грачи, заражая своей озабоченностью всю округу... С заходом солнца над сиреневато-коричневыми верхушками ольхи и березы слышится мерное поцвигивание вальдшнепа... Вроде бы пришел конец лесной тишине, в воздухе дохнуло вешним теплом и пробуждающейся жизнью, но на ночь умолкает даже говор ручьев, и они покрываются тонкой пленочкой льда...

* * *

Самыми обычными цветами — подснежниками, горлицей и медуницей — весна лечит израненные души.

* * *

Если снега к весне навалило много и он достаточно уплотнился, но крепкого наста ночной мороз все же не замостил, то, забравшись днем глубоко в лес, можно не бояться утонуть в сугробах: лыжи даже среди деревьев не проваливаются и, сильно намочнув, как ни странно, не собирают липкий снег...

* * *

Когда березки и осинки начинают сыпать золотые «монетки», ярко-оранжевая большая сыроежка становится еще красивее, и ты даже без особой нужды поклонись ей и срежьешь.

Очень странное двойное чувство вызывает весной линяющий заяц... Сверху белый, каким его все привыкли видеть зимой, с черными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится неопрятным, жалким зверьком, у которого старая свалявшаяся шерсть свисает рваными клочьями... Даже походка у него меняется — из недавнего бойкого зайки, отчаянно гонящегося за длинноухой красавицей, он превращается в колченогого зайчишку-бедолагу, которому бы только проковылять незамеченным через распутицу-дорогу да поскорее скрыться с чужих глаз в хвойной чащобе... Грязновато-белый, как последний снег на темной земле, заяц в эту пору будто норовит лишний раз приостановиться и в то же время поскорее улизнуть.

Из надломленной ветки березы в ручей капает мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в такие же мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами...

Почему-то именно у куниц, норок и соболей, обладающих драгоценной шкуркой, часто случается так, что самка после родов тотчас погибает, истратив все силы...

Осенью дерево ближе всего человеку, потому что отдает все до последнего, оставаясь наедине с непогодой.

Совсем недавно замкнутый, глухой и тяжелый, белый простор полей в марте становится неожиданно выпуклым, ясно очерченным, и кажется, будто снега поют!

* * *

Майские холода — совсем иная весна, далеко отличная от той, которая только намечала рождение жизни, затаивающееся в глубине розовеющего мартовского утренника.

* * *

Выпадет такое время в жизни, когда ты не в силах объяснить свои поступки: сильно заколебалось твое сердце, и душа, кажется, оборвалась... Но встанешь однажды рано утром в деревне и через все чистое в природе вдруг поймешь себя самого — нового, другого...

* * *

Весной зайцы, бывает, подолгу замирают на утренних опушках столбиками, так что скоро наскучивает наблюдать за ними. Они почему-то сразу представляются неинтересными и почти не волнуют. Идешь не спеша дальше, а зайцы всё так же

стоят, словно позабыли что-то и никак не могут вспомнить. А может быть, они просто наслаждаются ласковым солнечным теплом, и так им от этого хорошо, что они никого не замечают.

Будучи здоровым и счастливым, никогда не придашь в лесу значения тому, что составляет суть его жизни, которую по-настоящему оцениваешь лишь после глубоко пережитой сердечной боли.

Тысячи лет назад людей переполняла боязнь диких зверей, которых они поэтому и одухотворили. Боязнь, что звери могут принести человеку зло, породила в людях чувство бессилия... Чтобы перебороть страх, человек избрал путь уничтожения животных, отчего в нем постепенно развилось обманчивое ощущение власти над природой. Власть эта стала его неистребимой и унижающей страстью.

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми...

Перед самой зарей каждое дерево, травинка и птица всегда хранят тишину, будто ожидая: что она принесет им сегодня?! И мир на какое-то мгновение становится совершенной тайной...

Если находиться в лесу какое-то время неподвижно, то вскоре звери и птицы перестанут тебя замечать.

* * *

Услышишь по осени, как протяжно и жалобно заголосит над лесом дятел-желна, и непременно отчего-то вспомнишь худое, на какое-то время поникнув душой.

* * *

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растет понимание жизни и ее красоты.

* * *

Только когда пожертвуешь в книгах усилиями своей души, невыразимая горечь многолетнего труда в одиночестве преобразуется в учителя-друга, любимую женщину и непрекращающуюся весну!

От золотого солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твое настроение...

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются, в густых же ельниках застревают надолго и будто ждут чего-то глубоко желаемого, но несбыточного...

* * *

Никакое время года не тревожит душу так, как весна... Ушастым филином прокричит и взмахнет крыльями апрельская ночь. Предрассветные майские сумерки огласят лесную тишь скрытым глухариным щелканьем. Мартовское утро восторженно озарит пробуждение пронзительным пиньканьем вездесущей синицы, полдень же весны возвестит о себе радостным щебетанием жаворонка... И еще целых полдня, до самой вечерней зари, будут восторженно провозглашать долгожданную весну старый тетерев-косач, переживший-таки суровую зимнюю пору, недавно появившийся на полузаснеженных полях кулик-чибис, проникновенно призывающий обратить внимание на свою озабоченную персону, крохотная и аккуратная овсяночка, пробавляющаяся вдоль разомлелых от солнца дорог оброненными зернами, и, конечно, неугомонные родные журавли, трубно прокричавшие: «Курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла-а...» Вот тогда захочется, позабыв обо всем,

вознестись вместе с ними в небесное пространство и с немым восторгом воскликнуть: «Весна пришла! Весна пришла! Весна пришла-а!»

* * *

Сорочье царство всегда черно-белое, но каждый догадывается о скрытой в нем перламутровой зелени и именно по ней судит о его необыкновенной сказочности.

* * *

Встречаются люди, от природы имеющие пристрастие к определенным животным, так что между ними тотчас возникает какая-то инстинктивная связь, миновать которую они не в силах. Животные словно околдованы вниманием, проявляемым к ним человеком, его внутренней тайной, которой он мучается и пока не может ее объяснить. Звери чутко угадывают, что мучает человека и лишает его покоя, узнавая в нем, быть может, родное, и именно поэтому, наверное, пытаются ему помочь, изредка попадаясь на глаза.

* * *

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении — труда или праздной радости?

* * *

В лесу я больше предпочитаю чувствовать, догадываться и не стремлюсь сразу все увидеть и понять.

Весенний ветер несет по небу легкие облака — и такими же вольными рождаются в тебе мысли; жажда невидимых желаний гонит по стволам деревьев сок — и тело твое заполняют уверенность и сила.

* * *

Кто хоть раз наблюдал, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медведи, тот никогда не забудет круглые, по-смешному колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры и поразительную игривость, с какой они способны передвигаться в эту пору, а вспомнив однажды все это,— улыбнется и поблагодарит лес за его откровение и силу.

* * * Человек и животные очень

похожи, и им нечего делить.

* * *

Ясным мартовским днем, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается веселый жар... Кровь ударяет в щеки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет... Вот когда напрочь забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда по-весеннему, без удержу, и ветер бы не позволял облакам скрыть напружиненную от восторга небесную синеву... А как приятно

чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разухабистую весеннюю жару!

В народе бытует твердое убеждение, будто бы юркие ласки, часто проникая в деревенскую конюшню, вылизывают с крупов, хвостов и грив лошадей недостающую им соль. Верткие и стремительные, они быстро запутывают жесткий конский волос, постепенно заплетая его в своеобразные косички. Нетрудно вообразить себе беспокойство лошадей, но хочется думать, что все это доставляет им удовольствие.

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно умирает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

Часто из-за своей неловкой голенастости, по излишнему любопытству или неосторожности, птенец цапли вываливается из гнезда... Родители, что было не раз замечено, не проявляют при этом какого-либо беспокойства и оттого представляются невменяемыми, почти равнодушными. Трудно поверить, будто они трезво воспринимают утерю малыша только как неминуемый природный отсев и не пытаются ему ничем помочь. Холодность птиц так обескураживает, что ты просто не в силах постигнуть их поведение... Оправдать видимое равнодушие птиц имеет право сама природа, в которой оказывается место и для вполне объясни-234

мой удрученности. Упавшие птенцы достаточно крупны, чтобы родители могли вернуть их обратно в гнездо, и последние, наверное, свыкаются со своей судьбой, и их давно уже ничего не тревожит. Как не тревожит журавлей неминуемая гибель одного из детей, менее развитого и слабого. Всю свою любовь они отдают самому выносливому.

И все же становится не по себе от этой вынужденной смерти родившегося на свет существа... Как будто кто-то предал его и остался незамеченным, а тебе надлежит к этому привыкнуть. Если такая привычка станет обычной, когда-нибудь ты недосчитаешься и своих детей...

Весною зверя в лесу становится вдруг много, он уже не может не бродить открытыми местами, безвольный во власти надвинувшейся страстной поры...

Только с последней каплей березового сока молодые деревья одеваются в легкий зеленый дымок, робко преображая лесное пространство. Старая же береза, давно распутившись, не перестает обильно осыпать землю ароматным дождем...

Преодолевая в одиночестве свой лесной путь, ты на самом деле прокладываешь его для множества людей...

Почему-то всегда вызывают недоверие люди, которые слишком любят животных или не любят их совсем.

* * *

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают не жалобно, а со звонкой удалью!

* * *

Зимняя ночь... Светит полная луна, мерцают звезды, а в воздухе будто морозный шорох. В такие ночи зайцы любят поиграть на гумне, затем дружно выбегают в поле и от души резвятся вокруг стога до самых утренних сумерек, пока небо не окрасит румяный восход. На снегу остаются только растрясенные пучки сена — излюбленное лакомство косых, которые с рассветом растворяются, как дымка,— будто их и не было...

В общем-то, вполне простая и обычная для русской зимы картинка, но нужно невероятно много неустойчивости и терпения, чтобы подглядеть ее, восприняв для себя как чудесную и незабываемую сказку.

* * *

Предчувствие солнца обычно завершается легким разочарованием, которое происходит, по-видимому, от внутренней расслабленности перед неминуемостью его появления. Когда

же всё обещает непогоду и благодаря этому ты собран, неожиданно выходит тихая и надежная радость.

* * *

Деревья и звери — уши и глаза природы, птицы — ее чувства.

* * *

Бывают полянки с веселой травой, а иногда попадаются с хмурой...

* * *

Только поэзия природы сохраняет в нас то и дело угасающий вкус к жизни, и без неё не было бы никакого творчества.

* * *

Ни с чем не сравнимо переживание в весеннем лесу того, что происходит во время вальдшнепиной тяги... Полет вальдшнепа завораживает отрешенной устремленностью, с которой возбужденная птица несет впереди себя длинный клюв: «хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг-г...» Обо всем забываешь, любуясь в мгlistых сумерках летящим за самкой вальдшнепом, порой так засмотришься, что не вспомнишь про ружье в руках, да и пропадает охота стрелять по уязвимой и близкой цели. Даже когда вальдшнеп

скрывается из виду, в ушах еще долго стоят звуки его затяжного полета, не похожего на полет любой другой птицы. Вальдшнепиная тяга — подлинная поэзия весеннего леса, которая трогает сердце скоротечной любовью маленьких куличков больше, чем нескончаемое токование громоздкого красавца глухаря или увесистых ярких тетеревов...

Никакие деревья, кроме березы, не создают такую воздушную иллюзию текучести: кажется, дунь ветер посильней — и белые стволы поплывут над бескрайней землей.

Я всегда гляжу в лес, как в себя, и там, как в зеркале, постепенно различаю Бога, терпеливо преодолевающего мое незнание и боль. Но иногда Бог как будто не чувствует меня, предоставляя мне самому найти свой собственный путь и в борьбе с собой из слабого стать сильным.

Барсучьи норы, всегда расположенные в лесных гривах и склонах логов, чаще глядят входом на запад, реже — на юг, и никогда — на восток или тем более на север. Предусмотрительный и очень чуткий зверь, ведущий к тому же ночной образ жизни, по-видимому, тянется к теплу да и солнечные лучи предпочитает более жаркие, заходящие, случающиеся на ру-

беже вспыхивающего напоследок света и наступающей дорогой для него темноты...

* * *

Задорный мартовский ветерок и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь!

* * *

Кто живет ощущением полноты природы, тот не нуждается ни в чем.

* * *

Так уж повелось на Руси, что в каждой деревне всегда был свой дурачок... Малоумный, непонятливый человек слыл в ней со своей бедой чуть ли не за героя, и чем большим он отличался безрассудством, тем более славилась деревня. Деревня — вроде бы как и не деревня, коли в ней отсутствует свой полоумный. Не мешала этому устоявшемуся положению даже народная молва, по которой, чужой сын-дурак вызывал смех, а свой дурак — смерть! Но, как говорится, на всех угождать — самому в дураках сидеть.

Уродит Бог сына-дурака у богатого мужика — он его все равно прокормит, — любо какой дурак у него, одно загляденье! А вот ежели появлялся сын-дурак у бедняка — наш дурак вона каки! Но и то порой случалось, что на дурака была вся надежда, а он взял да и поумнел! Словом, дурак на дурака не

приходится, и бесполезно искать другого, лучшего дурака, коли своего Бог подарил!

У нас в деревне тоже жил дурачок — Ванечка, по прозвищу Иван — Коровий Сын. Был он не совсем отпетый дурак, а как бы в притруску, со скрытой в себе загадкой, которую чувствовали все поселяне. Ванечка очень любил и понимал домашний скот...

Скотина тоже будто чувствовала и понимала дар, которым был наделен полоумный. Она сразу узнавала Ванечку, как только тот появлялся рядом, и беспрекословно ему подчинялась. Дома у близких Ванечки со скотиной не было проблем: он ее рано поутру и накормит, и напоит, и даже подлечит, коли в том вдруг выпадет нужда. Словом, скот в семье Кирья-ковых всегда находился под надежным присмотром, и мать Ванечки, отец и брат, которые все уродились здоровыми, души в нем не чаяли. Не зря самое обиходное на Руси имя было Ванечка, и потому только появившегося на свет человека, а значит, самого дорогого и любимого, чаще всего называли именно этим именем.

Наш Ванечка уродился дурачком, и тут уж, как говорится, не дай бог с ним ни найти, ни потерять: дураку закон не писан! И даже если кто-либо хоть раз дурака обидит, тому никогда не откупиться. От черта крестом, от медведя пестом, а от дурака ничем не отгородишься. Он навроде совести замазанной по гроб жизни будет всегда своему обидчику несмываемым укором. Дурак своей шкуры не продаст!

Так и наш Ванечка: очень тонко, точно так же, как и скот, с детства чувствовал отношение к себе людей. Мало того, он

еще и абсолютно верно угадывал суть любого человека. Ему достаточно было пройти рядом, пристально, но ненавязчиво посмотреть на человека своими спокойными, чуточку отрешенными глазами, и весь ты для него представлял как на ладони...

Мне при встрече всегда было не по себе смотреть Ванечке в лицо. Я поначалу отводил взгляд, отчего-то тушевался, а успокаивался, только когда мы расходились. Но со временем, замечая, что Ванечка не настораживается при моем появлении, а, счастливо ослабившись и как бы немножко откинувшись назад, выбрасывает в приветствии руку, тоже стал приветствовать его.

Внятных слов Ванечка произнести не мог, а только что-то неопределенно мычал, скорее похожее на «пры-ы-вэ-т!», и всегда внимательно смотрел на тебя, как будто видел впервые. Обычно я доброжелательно отвечал ему: «Здравствуй, Ванечка», и старался улыбнуться. После этого Ванюша строго взглядывал на меня, приостановившись, и опять, вскинув ладонью вверх руку, как-то нараспев, протяжно повторял: «Пры-ы-вэ-эт!» При этом он никогда не улыбался.

Зимой со скотом забот было меньше, и Ванечка любил гулять по деревне. Впрочем, гулял он и осенью, и весной и всегда, заложив руки за спину, неспешно следовал одним и тем же путем. Этот маршрут проходил как раз мимо моего дома, и я мог часто наблюдать за Ванечкой.

Меж людей часто бытует такое глупое мнение, будто бы дурак тот, кто с дураком свяжется: мол, дурак дураком тешится, и где тут ума набраться, если с дураком связаться. Но я над

Ванечкой никогда не потешался, и смех меня не брал, когда я его видел, ибо жило в нем горе, которое он сам, конечно, не осознавал. Дурак, говорят, умен бывает, когда молчит, и Ванечка по большей части действительно хранил молчание, если только кого-либо не приветствовал, но молчание его было значительно. Уж не знаю, как так выходило, а только порой я заглядывался на него...

Одет он был всегда бедно: рубашка застирана до белизны, края воротничка загнуты кверху, на голове — помятая кепка, пиджак старый, сморщенный — одним словом, горькая деревня! Бывало, бредет Ванечка, обычно немножко развернувшись вперед одним боком, голова высоко поднята, одна рука за спиной, другая — в кармане, и отчего-то хочется на него глядеть, несмотря на то, что под носом — целый ручей соплей. Чем-то неизъяснимым притягивал он внимание, а вроде бы ничего не происходит: всего-то идет по улице обыкновенный деревенский дурачок! И все-таки вид его приковывал взгляд, и однажды я понял, что подкупает меня в Ванечке его независимость: он не принадлежал только себе, а был открыт всему миру и не боялся этого...

Иной человек, бывает, напустит на себя дурь, прикинется простаком, и оттого становится смешон, но Ванечка был естествен в своем отношении к людям, даже серьезен, и потому никогда не вызывал насмешек. Ну если только действительно у глупого, недалекого человека. Но ведь и у всякого умного порой живет своя дурь в голове, на которую, впрочем, есть Божья премудрость...

Вот и на глупость Ванечки у Бога нашелся свой ум, а именно — тонкое чувствование всего живого, которое он даровал полоумному крестьянскому пареньку. Дар этот Ванечка, как мог, отдавал безвозмездно и скотине, и людям. Такое дарение было ему за обычай, потому как иного он не разумел. А то, что ума полного нет, так то не беда, главное — чтобы нужда пустая с гордыней не одолели.

С весны, когда и добрую скотину за хвост поднимают и выводят в поле, Ванечка с утра до вечера пропадал на пастьбе... Хозяева спозаранку пригоняли скотинку на известное им место, возле дома деда Георгия, где ее уже дожидался Ванечка. В нашем околотке скотины держали мало, и ходить за ней Ванечке не составляло труда, тем более что и коровы, и козы, и овцы сразу признавали своего пастушка и неотлучно следовали за ним, куда бы он их ни повел. Животные как будто чувствовали, что человек этот ничего сказать им не сможет, точно так же, как и они ему, если только промычит,— именно поэтому, наверное, и коровам, и козам, и овцам Ванечка был понятен, и они принимали его за своего. И скот — Божья тварь.

Известное дело, скотина греха не знает, так и Ванюша тоже: ни о каком грехе даже не помышлял. Отведет животинушку за село, скромно присядет рядышком на какой-либо бугорок и вертит в руках хворостиночку да изредка вокруг озирается... О чем его думы?

Солнышко по небу неспешно катится, отдохнувшая за зиму земля плечи расправляет, гонит к свету буйную растительность,

а Ванюша все это примечает и что-то важное для себя понимает,— то, без чего, наверное, животные бы ему не подчинялись и не доверяли. Скотину водить — не разиня рот ходить.

Впитывает Ванюша окружающие запахи открывшейся из-под снега земли, щурится на одиноко повисшего в высоком весеннем небе ястребка, слушает, как невпопад взрываются отощавшие коровки,— и радуется. Что за счастье для него, когда за долгую зиму соскучился по первому выгону скота в раздольное поле, видеть всех деревенских ковров, овец и коз живыми и здоровыми! То там, то здесь глухо позвякивает ботало, ни с того ни с сего резко заблеет какая-нибудь ошалевшая от воли овца, и коровы строго воззрятся на нарушительницу покоя, а затем, мотнув головами, опять примутся неспешно щипать свежую траву. Вокруг — неопиcуемая весенняя благодать!

Ласковое солнышко бока скотинке согреет, и коровки разомлеют от жара, а Ванечка меж ними ходит, поглаживает доброй рукой и улыбается, чего с ним никогда не случалось на людях. Никто его обычно в такие моменты не видел, но я однажды случайно подсмотрел, возвращаясь поутру с глухариного тока, и меня поразила произошедшая с Ванечкой перемена. Лицо его, всегда отчего-то настороженное и серьезное, сейчас словно преобразилось: в окружении дорогих его сердцу животных Ванечка становился самим собой... Я не стал ему мешать, обошел стадо краем леса, но украдкой то и дело поглядывал на счастливого пастушка, думая о его удивительном даре...

Бывало, запропаستится вдруг у кого-либо коровка, и хозяин ее тотчас — к Кирьяковым. Спрашивает Ваню, а Ваня, не по-244

кидая дома, важно ему с крыльца машет рукой на лес: мол, там твоя Пеструшка, шевели коленками, пока волки не съели... Хозяин, на чем свет стоит поругивая скотинку, в указанном направлении поспешает,— и действительно, буренка находится именно там, куда указал Ванечка. Стоит себе в овражке, за прудком, и молодую травушку-муравушку пощипывает. «И как ему все это удастся? — недоумевает обрадованный обладатель Пеструшки.— Умный бы он был человек, кабы не дурак!»

Вечером скотинушка с поля идет, и Ванечка важно позади стада выступает, изредка что-то неразборчивое себе под нос помыкивает, хворостиной о штаны пощелкивает: коровки с поля — и пастуху воля. Любо ему со скотом по деревне пройти, свое достоинство людям показать. Не часто такая честь выпадает, а вот теперь — самое время. У пастуха, как говорится, вся деревня в долгу, и народ на него не нарадуется: не иначе, наше стадо сам Николай Чудотворец пасет!

И то верно, если уж дураку выпало хоть какое-то счастье, то и умному Бог даст!

Иногда начинает казаться, что очень сильное желание любви и чистоты может разбудить предвесеннюю природу...

Звериная тропа всегда какая-то грязная, изредка прерывающаяся, но тем не менее верная.

Еще в детстве я почувствовал, что в лесу живет только радость и счастье, а все темное в него приносит человек.

Все дети с недоумением задают вопрос о том, почему взрослые убивают животных... Дети не в силах воспринимать совершаемое взрослыми зло против животных как неминуемую данность, и многое в них самих уже решено природой.

Но убивающие зверей, в сравнении с теми, кто ратует за отказ от этого, как ни странно, быстрее достигают истины, если при этом не устают искать. Почему-то именно им, не раз погрешившим против природы, надлежит распутать клубок собственных противоречий. Радетели же чаще всего не приближаются к истине вовсе.

Когда человек не в силах преодолеть свое незнание, ему всё еще нравится убивать. Может быть, с луком и стрелами он выглядел бы более привлекательным, но изменится ли от этого суть? Хлестко и неумолимо обрывая жизнь с помощью ружейного выстрела, человек только усугубляет впечатление от производимого насилия, безжалостно не оставляя себе и животным выбора.

Впрочем, последнее слово всегда остается за человеком, постепенно вырастающем в своем ребенке...

Ни в марте, ни в мае не ощущаешь того полета, что охватывает тебя только в апреле, с внезапным появлением в небе

трогательной голубизны, до которой все время хочется дотянуться.

Сколько замечательного в природе минует человека, пока он не обретет способность понимать и впитывать силу скалы, мощь моря, мудрость вековой чащи... Созерцая природу, человек только тогда берет из нее лучшее, когда готов к этому.

Бывает, что последний жухлый лист с дерева срывает лишь запоздалая апрельская метель.

Самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остается неоконченной сказкой.

Человек ничего не добьется, если будет ценить животных только за пользу, которую можно получить от них.

Зимней ночью свет луны отражается от сугробов, и густой мрачный лес становится от этого просторным и уютным.

Весенний ветер развеет сладкое зимнее сновидение, взбудоражит сердце, и душа уже не находит себе места: она рвется на волю, потому что молода... Летом душа становится слегка самодовольной, ей нравится состояние достигнутой благодати, она переполнена им. Успокоиться душе суждено под осень, когда ее накопленное богатство подернуто прелестной печалью. Душа уже узнала пределы жизни, поняла ее суть, и от нее требуется только вдумчивая пронизательность, которая присуща зрелости. Зима может стать для души временем большого отдыха, но это и пора созидания будущих возможностей на пути ее движения к лучшему.

Люблю, когда после первой грозы в майский теплый день просыплется на землю первый солнечный дождь, и такие же солнечные и теплые капли весело стекают по оконным стеклам и всем ласково улыбаются.

Робкую и очень отходчивую березу, особо любимую за это в народе, между тем сложно обольстить временным теплом, и когда май с помощью своих чар настойчиво уговаривает дерево показать первые листочки, береза не торопится распускаться. Не верит она ни ласковому ветру, ни соловьям, ни кукушкам, ни вальдшнепам, ни очаровательному обманщику-маю... Тер-

пеливо ждет своего часа береза, чтобы не разочаровать людских ожиданий. А уж коли березка наперед опускается, то жди сухого лета!

Удивительно вольготна мягкая безморозная тишь солнечного октябрьского дня.

Когда только-только зацветает черемуха — утро выдается живительно красивым и крепким, всегда предвещая такой же радостный день.

* * *

Красавица-сосна или липа растет сотни лет, а человек хочет приспособить к их вдумчивой, размеренной жизни свой короткий и торопливый век.

* * *

Хорошо, когда можешь отыскать в себе настоящую силу, и самое подходящее для этого время — весна. Весной себя совершенно забываешь — как будто тебя и нет, но ты есть: просто ты так незаметно соединяешься с окружающей природой, что не чувствуешь собственного тела. Живешь в единении со всем, летишь подобно весенним дням и ни о чем худом не помышляешь. Только радость окутывает тебя, сладость чудесных песнопений, восторг и благолепие.

Хорошо весной не замечать себя, а жить одной этой порой. Сливаешься с весной и становишься единым с ней по торжеству утверждающегося духа. Полниться до краев весной — твоя судьба!

* * *

Щедрое летнее солнце, доступное, кажется, сразу для всех, в действительности не способно до конца затронуть каждого своим теплом, а вот лунная ночь, незаметно всматриваясь полным глазом в уснувшую землю, внимательна к любому отдельному человеку.

* * *

Зимой деревья выглядят так, будто это и не они вовсе, а лишь их робкое подобие, в образе деревьев затаившееся в лесу. Но у каждого дерева и зимой есть своя жизнь, душа и сновидения, которые они тщательно скрывают. Именно в зимнюю пору вдруг открываешь, что деревья в лесу всё видят, понимают и ненавязчиво, но пристально наблюдают за каждым твоим шагом и даже... мыслями.

* * *

Крупные и непременно многообещающие зимние звезды обычно влекут за собой долгий мучительный рассвет.

* * * Обращаясь все чаще к

природе, ты рано или поздно пони-

маешь, что лесная душа — это и твоя собственная душа, которую ты сумел понять только в лесу.

* * *

Мякоть сыроежек необыкновенно чиста и опрятна, но более трогательна их неизменная белизна, с которой не сравнится даже царственный белый груздь. Берешься за такую ножку с особой нежностью, стараясь не надломить ее, а если все-таки нарушишь гриб, в нос тотчас ударит тонкий аромат его хрупкой плоти, так что невольно поднесешь ко рту отломившийся кусочек, легонько вдохнешь его пряный дух и... съешь. Недаром название самого распространенного гриба русского леса — сыроежка!

* * *

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются в нужном порядке, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

* * *

Есть такое особенное место в лесу, где всё, что с огромным трудом нажил в себе человек, в одно мгновение может померкнуть, а сам он отвергается.

* * *

Редко когда обнаружишь в лесу яблоню или, скажем, иргу: больше там приживаются рябина с черемухой. А ведь дрозды,

снегири и свиристели в обилии поедают ягоды с деревенских деревьев и кустарников, перелетают в лес и, казалось бы, должны оставлять за собой их семена... Но не растут в лесу ни ирга, ни вишня, ни облепиха... Лес как будто не принимает под свой кров эти деревья, ничем не отличающиеся от своих более «удачливых» собратьев. И загадка эта остается нераскрытой. Видно, у каждого дерева в природе есть свое место, и даже вездесущие птицы ничего тут поделать не могут.

* * *

В апреле даже дремучий, до конца не проснувшийся лес не в силах заслонить ни цветов, ни лучистого света солнца.

* * *

Если первый снег налетает неудержимо, метелью, то и зима наступает рано, сразу придя по-настоящему.

* * *

Лес удивительно разумен, и разум этот на деле оказывается более здоровым в восприятии существующей вокруг жизни, чем убежденность человека. Но иногда ловишь себя на мысли, что звери несколько не лучше людей и достойны только их беспристрастного внимания.

* * * Звери всегда держатся тропы,

проложенной человеком: для

них это — новости, события последних дней, способные порой повлиять и на их жизнь.

* * *

Сколько раз приходилось слышать соловья, а все было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я все же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный и одет в невзрачное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча... Но вот глаза птицы поразили: большие, черные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал — в них вся весна!

* * *

В постоянной неприкаянности ветра живет и неизбывная грусть земли, которая и хотела бы принять ветер навсегда, но не в силах его возле себя удержать: так он бывает далек от нее в своем увлечении дальними мирами...

* * *

Только прожив последнее лето, окончательно принял я его зеленые одежды, которые оно таинственно и просто распахивает для всех: всё, что сокрыто под зеленым покровом,

помогает сберечь в душе каждого завораживающую тягу к жизни.

* * *

Всегда ищешь в лесу такое место, где бы душа твоя обрела покой. Обретя же его, не пересташь мечтать о чем-то новом...

* * *

Свет в конце зимы становится наиболее насыщенным в зависимости от яркости солнца, снега, всего состояния природы в этот миг, и еще каких-то важных перемен в твоей душе...

* * *

Кажется, никогда не уловить момент, когда начинается весна. Но я каждый год каким-то образом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, как весна приходит тебе на помощь.

* * *

Когда осень окончательно вступает в права и на короткий миг одаривает всех чудом бабьего лета, многие травы и цветы в эту пору не уступают по яркости окраски летним нарядам: земляничник становится пунцовым, багульник — бронзовым, голубика — фиолетовой, толокнянка — пурпурной, чернич-

ник — ярко-красным, ивовые листочки багровеют, на них высыпают лиловые крапинки, и даже стебель почти увядшего зверобоя неожиданно зардеется в этой раскрасневшейся от удовольствия компании...

Первый заморозок прихватывает так крепко, что шибче солнца разогревает воздух, а лист с треском начинает валиться с деревьев, в последний раз оживляя замкнувшийся в себе лес.

* * *

Особое чутье в лесу — это, может быть, первичное состояние души, которая когда-то была к нему по-настоящему близка.

* * *

Сказать невозможно, какой именно запах у весны и с чем его можно сравнить. Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений — всего, что она несет в себе и открывает... Может быть, это предощущение надежды, призванной всегда хранить чистоту?

* * *

Среди белого дня вспугнешь сову, и она, не видящая ничего, полетит куда-то, неуклюже взмахивая крыльями, безуспеш-

но тычась то вверх по отвесной линии, то по сторонам, и тебе вдруг станет жаль, что такая сильная птица никак не может найти нужного для себя пути.

Законы звериной жизни всегда тянут зверя ходить по кругу, чтобы вернуться на старое место, откуда его согнали, но никогда — вперед, как это присуще человеку.

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стеклам... Но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чашу, и душа вдруг станет огромной, как лес...

В феврале рождается младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остается к нему равнодушен. Но он, задавленный этим невниманием, все же пытается всех радовать.

Нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в ее необъятности, а затем быть готовым верно распорядиться приобретенным, великодушно отдавая его другим.

Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь светлой и чистой сказки...

Черные галки с белыми глазами и в серых платочках напоминают худых старушек-странниц, что без цели скитаются по деревьям, нигде не находя приюта.

Даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют свое лицо, приобретая к тому же еще что-то новое... Березовые напоминают маленькие рысиные шкуры, ирги — словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые — бушующие пламенем сердца и души, тополевые — просто выкрашены желтым цветом, черемуховые же почему-то недокрашены, а ясеневые — широкие, с темно-зелеными грязноватыми боками — принимаешь за черные грузди, и только наклонившись, убеждаешься в их неподражаемой осенней игре, которую они ненавязчиво и тихо затевают...

С годами радость от общения с лесом получаешь даже оттого, что не видишь этого леса, не ощущаешь силу ноябрьско-

го ветра, не встречаешь на ночной тропе медведя и не слышишь грохота крыльев удаляющегося в лесной чаще глухаря. Но все это, когда-то уже виденное, встреченное и услышанное, ты переживаешь заново благодаря своему воображению.

Весна долго примеривалась, как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю зелеными коврами, а когда пригляделась да раскинула — всё вокруг в один день стало уютно, чисто. И даже кукушка закуковала по-особенному — уверенно и звонко.

* * *

Обыденная жизнь с годами наводит на мысль, что на большее ты уже не способен. Но мир окружающей природы незаметно избавляет тебя от этого губительного настроения.

Вспугнутые с березы тетерева, перелетая над другими птицами, мирно кормящимися в значительном отдалении, увлекают за собой и их тоже, пусть даже тетеревов разделяла не одна сотня метров... По-видимому, устремленность птиц, призванных природой, скорее, к состоянию постоянного благостного покоя, когда они неспешно кормятся тихим морозным днем березовыми почками, выражает в подобном случае тревогу, которую не могут не почувствовать их собратья, даже если они и не находились в зоне опасности.

Изо дня в день неприметно, но неотступно появляются мои лесные мысли, и так, капля за каплей, рождается на свет лесная книга — созданная мной новая радостная жизнь...

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то перестаешь замечать бегущие облака, ветер и дождь, но вся природа возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы...

В начале декабря на деревне обычно звонко отдается лай собак, пока они ободрены сменой времени, приходом новой поры, и первые морозы еще не вызывают в них озабоченности будущей суровой жизнью.

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неутомимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о происходящем. По сорочьему стрекоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц...

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлеченно шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую

сорочью трескотню. Сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего ее волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и захлеб оглашала округу возбужденным стрекотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась... глухарина песня, вернее, ее поразительно точное подобие, с присущими глухарю переходами, непередаваемым пощелкиванием и самозабвенным течением. Сорока, охваченная страстью преследования, непроизвольно, может быть даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже услышанные в лесу звуки, причем хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках. И в какой-то миг показалось — это сам глухарь огласил округу неподражаемой трелью, холод куда-то постепенно отступил и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

Жизнь всякого зверя или птицы чего-нибудь да значит. И как от звезды к звезде, неведомо для человека, зачем-то передается их первозданный древний свет, так и между животными наверняка возникает какая-то своя первородная и светлая радость, имеющая скрытый от человека смысл.

Радостны зимой деревенские дворы, где дорожки расчищены и оттаявшие окна улыбаются теплом и светом. В них, несмотря на суровую пору, угадывается здоровая народная сила, которую веками сосредоточивала в себе Россия... Но как тяжел для сердца вид занесенных снегом ворот, у которых теряется даже собачий след...

Так просто и ясно воспринимается порой, что тучи могут греметь!

* * *

Еще с ночи из леса стал доноситься какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешептывались между собой, еле сдерживая себя, о чем-то совещались, а потом весь день молоденькие березки, осинки и черемушки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды и тоже еле слышно радовались счастью, распространяя вокруг живительный аромат. Так, незаметно, неясный трогательный шум постепенно превращался в зеленый неудержимый гул всеобщего праздника любви...

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду

жизнь, все же не в состоянии быть до конца свободным и черпает силы из природы.

* * *

При малейшем неловком шуме, производимом человеком, медведь всегда бежит, потому как никогда не трогает никого зря. Но не дай бог помешать ему решительно, когда он занят чем-то важным, и зверь откровенно надвинется на тебя грозовой тучей и раздавит.

* * *

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнаженности уже угадывается трепетное ожидание невидимой жизни.

* * *

Никакая любознательность в лесу никогда не принесет тебе того, что может открыть искреннее преклонение перед ним.

* * *

Придя в лес, сядь где-нибудь на пенек, соберись в себе, и тогда, может быть, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой хвоинки.

С годами незаметно отходят самые невероятные желания, куда-то уносятся неосуществленные мечты, но зато обнаруживаешь легкость проникновения в окружающий тебя мир.

Разве можно себе представить весеннюю любовь без вездесущих воробьев, вызывающих улыбку. И с какой грустью вспоминаются неразделенные чувства по осени, с грустными вскрикиваниями покидающих родину журавлей.

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, впереди неудержимого ветра.

* * *

Солнечным утром на душе никогда не бывает такой тишины, что рождается солнечным вечером.

* * *

Часто можно слышать об отсутствии у зверей и птиц настоящего ума, способного облегчить их существование. Кайры — прекрасный пример того, как можно разумно распорядиться отпущенными природой возможностями.

Лето на Севере короткое, и птенцы кайр быстро растут. Когда птенец окрепнет и оперится, мать и отец начинают оттеснять его к самому краю выступа скалы. Птенец упирается, но родители настойчиво подталкивают его. Сорвавшись, подросший птенец невольно расправляет крылья и плавно планирует на поверхность моря. Испугавшись свободы, он изо всех сил стремится плыть к основанию скалы, о которую с шумом разбиваются волны, но мать и отец при этом упорно отгоняют птенца в открытое море. Оставшись один, птенец мало-помалу привыкает к необычной обстановке и начинает сам добывать себе корм. Подобное поведение взрослых птиц, далекое от присущей человеку жалости, объясняется строгой необходимостью приобщения птенцов к самостоятельной жизни.

Вкус к жизни копится долго, зарождаясь еще с редких январских оттепелей, а завершается в один майский день, расходясь повсюду и тотчас улетучиваясь нежно-салатным благоуханным дымом...

Установился декабрь и вроде бы всех лесных птиц уравнил и объединил в зимних неприхотливых правах. Но тетерева облюбовали белоснежные березы, глухари прячутся в густых кронах сосен, на елках красуются красноперые клесты, шелуша шишки, а рябчики днюют на кормежках в ольховниках по берегам овражных ручьев.

Бывает, несильный ветер накатывает на лес волнами, игриво цепляясь за верхушки самых высоких деревьев.

* * *

В лесу становится особенно ясно: стоит сосредоточить внимание на какой-либо достойной цели, как сейчас же у тебя появляются невидимые помощники.

* * *

Из всех птичек, что радуют нас по весне, трясогузки — самые бойкие... Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком, поправляют на груди черный галстучек и, быстро склонив головку набок, посверкивают бусинками-глазами... Молниеносно оценив обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте и устремляются дальше, невидимо семеня крохотными ножками, ловко ныряя из стороны в сторону и до того настойчиво попискивая, что, кажется, вот-вот вскрикнут: мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?..

* * *

Последние клочки снега в поле — будто зайцы, залегшие в меже... Долго смотришь издали и никак не можешь понять:

отчего они выбрали такое не выгодное для себя место и не убегают?..

* * *

Во всю бескрайнюю весну только один раз приходит та желанная минута, когда ты вступаешь в цветущий мир, и ты должен обязательно дождаться ее и не пропустить.

* * *

Стоит отправиться на глухариный ток даже в апрельскую непогоду по глинисто-снеговой каше и впустую простоять там всю ночь в густом промозглом тумане, когда под ногами перебегают вездесущие мыши или испуганные бурундуки, мимо проковыляет загулявший косой и, может быть, озабоченно проследует после ночной охоты барсук, вот уже запели взбудораженные рассветом дрозды и протянул первый вальдшнеп, а глухари так и не прилетели...

* * *

К зиме белка делает припасов в несколько раз больше, чем могла бы съесть сама, и это при отменной памяти, когда обнаруживает их под снегом с поразительной точностью...

* * *

Открытие человеком сокровенных сторон жизни невозможно без постижения им хотя бы поверхностного знания природы.

Густо заросшей вырубкой неспешно проследовал куда-то гигантсохатый, развесистыми рогами ненароком задел на ходу осинку, и обломившаяся на морозе хрупкая веточка отскочила с треском, воткнулась в розовеющий на закате снег, а выбежавший ввечеру на поедь зайчишка напугался поначалу, встал столбиком, наострив длинные уши, но успокоившись, повел усами и принялся с удовольствием обглаживать отломившуюся веточку... Вкусна на морозе осинка! Спасибо за подарок лосю-великану!

* * *

Мужественно перезимовавший на ветке листочек весной все равно обрывается и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким буквариком, всматриваясь в который все деревья будто заново постигают азбуку красок...

Только когда своим умом доходишь до всякого объяснения чего-нибудь непонятного в лесу, начинаешь чувствовать в нем истинную глубину, до которой, впрочем, нужно еще суметь добраться.

* * *

Запах цветка будит у любого живого существа если не мысль, то хотя бы приятное воспоминание.

Когда я пишу лесные заметки, я как бы выхожу за рамки известного, познаю нечто необычное и с помощью родных для себя слов рождаюсь заново.

Совершающийся в природе праздник весны — есть пример не отдыха, а напряженной работы, желание которой следует неустанно в себе воспитывать.

И декабрь, и январь, и февраль по-доброхотски старательно расстилают самобранные скатерти, но только мартовский мороз знает, как крепка и раздолжна накрахмаленная им белизна!

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом березы... Редко увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоня шеи то вниз, то вбок, тянутся к любимым березовым сережкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, весело искрится на фоне нежно-голубого неба...

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теребить березовую почку. Позы тетеревов

причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжелые черные груши повисли на деревьях. Изредка тетерева бросят клевать, вытянут шеи и настороженно вглядываются в морозную даль... Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Но нет, все тихо, и птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: тщательно набивают зоб, чтобы ничто не мешало их сладкой дреме под снегом, куда они скоро всем скопом дружно попадают...

Иссия-черные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами выгодно дополняют унылый предзимний пейзаж, и природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись ими.

Согбенное под снежным гнетом молодое деревце не распрямляется в один миг после сильного удара по нему палкой, как об этом принято рассказывать многими людьми, а так и остается долгое время согнутым в три погибели, пока его, постепенно, не выправят весенние дожди и солнечное тепло.

Если страх и уродлив, то только не в ночном лесу, где он восхитителен своим околдовывающим волшебством, в котором постепенно растворяется и исчезает.

Пунцовое перо снегиря, прилетевшего к нам в начале зимы, как раз подходит под цвет декабрьской зари, что еще нежна до наступления суровых январских морозов.

* * *

С высоты самого родного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующее ему глухозимье.

* * *

Если какое-то время неподвижно постоять в лесу, то вскоре птицы и звери перестанут тебя замечать. В большинстве случаев они, конечно, видят человека, но принимают его за неодушевленный предмет, относясь с каждым разом все менее осторожной. А может быть, не теряя из поля зрения, они умеют просто не обращать на тебя внимания, продолжая заниматься своими делами. Но закон этой чудодейственной неподвижности, позволяющей заглянуть в мир леса, действует не всегда и не со всеми его обитателями. Иногда приходится прилагать огромные усилия, прежде чем приблизишься к тайне и... опять окажешься неподвижным.

* * *

Обычно для лесных записей я беру на заметку казалось бы совсем незначительные мелочи, во множестве попадающиеся на глаза, но при соприкосновении с другими мелочами, взяты-270

ми ранее, может быть, очень давно, рождаются любопытные в своей правдивости картинки, которые сразу не увидишь...

* * *

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле — просыпающаяся земля, а в мае — напоенный жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик. И так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё радостное в природе возносится в голубеющую над лесом даль и распахивает перед тобой желанное оконце...

* * *

Человек не в состоянии воспринять всю мудрость леса целиком, а складывает ее годами из разных сказочных преданий и небывальщин, и лишь потом незаметно обнаруживает удивительную и вместе с тем простую лесную быль.

* * *

Когда замечаешь, как одно дерево выглядывает из-за плеча другого — замираешь от счастья: ведь оно угадывает твое приподнятое настроение!

* * *

Счастье жизни — в правде, которую ты чаще всего находишь для себя и людей в природе.

Многие птицы проводят большую часть времени в воздухе: полет — их стихия. Но есть и такие, что живут в лесу скрытой красивой жизнью, стараясь не попадаться никому на глаза. В вековых борах, перемежающихся старыми заросшими вырубками, впрочем не изменившими их образа жизни, эти птицы копят в себе свои чудесные и таинственные имена: глухарь, тетерев, вяхирь, неясыть...

* * *

Дождь в июле только брызнет, прибьет пыль, слегка смочит кусты и... опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нем мудрость.

* * *

Полянка в лесу — важное жизненное пространство... Благоухающее и привлекающее все живое летнею порой, неприятельно увядающее осенью, после богатого сенокоса, полное загадок зимой,— весной оно становится совершенно раскрепощенным и, впитав в себя все накопленные за год настроения, щедро отдает их появляющимся цветам и травам, птицам и насекомым, всеобъемлющему живительному воздуху...

* * *

Поздней весной над оставшимися снегами всегда стоит густой туман, который может быть промозглым или, наоборот, очень теплым и проникновенным.

Пришла зима и убелила снегом леса и землю... Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял все живое. Чистый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем сновидении, снег принес долгожданный покой, необходимый всякому лесному обитателю. За три предшествующих времени года звери и птицы порядком потрудились, и теперь, наконец, для них наступило время отдыха до чудесной весенней поры, а зима помогла им в этом.

Люблю следы зверей в природе, что стелются по снегу или в траве, и уводят тебя от непутевого в себе к чему-то поистине главному и дорогому.

Давно замечено, что после обнаружения человеком гнезд глухарки, тетерки или вальдшнепа яйца на следующий же день исчезают. Самки, видимо, переносят их в безопасное место. Этого не скажешь о диких утках, которые часто бросают замеченное человеком гнездовье вместе с яйцами, и кладки погибают. При всем том утка очень тщательно прячет свое гнездо от сладострастного грубого селезня и, отлучаясь, чтобы положить яйцо, старается обмануть мужа. Если найдет селезень гнездо — перебьет яйца. Ему от утки требуется только удовлетворение своих природных потребностей...

Волнующим дуновением ложится на душу таинственная глухариная песня, которая околдовывает в темноте чарующими, куда-то спешащими звуками, мягко пронизывая ими и без того возвышенное весеннее пространство.

* * *

По-настоящему глубоко память может затянуть тебя только зимою, неотвратимо увлекая сначала в осень — неминуемый и с удовольствием переживаемый на этом пути рубеж, затем в лето, когда через зелень самой роскошной поры постигаешь радость жизни и нескончаемость бытия, и, наконец, в весну, которая неотступно пронизывает своей всепоглощающей мечтой все времена года, снова незаметно приближая тебя к сладостным зимним воспоминаниям...

* * *

Иной раз выдастся такая весна, что и дрозд поет сиротливо, как будто бы он один остался на весь промокший апрельский лес, тем же часом простудился, засипел и постепенно вовсе умолк...

* * *

Все звери и птицы в совершенстве усвоили язык сорок, возвещающих о том, что скоро произойдет в лесу или уже совершилось.

Приятнее всего открывать движение нашей планеты по яркому зернышку Венеры, которая перемещается всю ночную пору со стороны востока так стремительно, что пока мысленно расставляешь для нее небесные вехи, она к предзакатному часу оказывается уже на западе.

Отсутствие тяги к тайнам Вселенной — есть наихудшее из бед, на которые обрекает себя человек.

Вот уже шесть лет прилетают ко мне в огород хорошенькие птички — горихвостки... Имя это они получили благодаря огненному подхвостью, при взлете озаряющему оранжевым теплом и в воображении уносящему тебя вслед за ними неизвестно куда. Неизменно прилетая каждый год, горихвостки приносили радость и успокоение своим маленьким присутствием. С ними было хорошо и надежно жить, каждую весну ощущая их доброе соседство.

С начала мая вездесущие птицы принимались за строительство гнезд и материалом для них выбирали волокна пакли, выбивающиеся между бревен дома. Цепляясь тоненькими коготками за выступы в бревне, одна птичка вытягивала клювом пух из пакли, а другая обрывала его, и вместе они уносили добытое

в гнездо. Слаженность и сообразительность в совместной работе этих крохотных существ поражали...

Спрятавшись за стеной дома у окна, я с интересом наблюдал за птичками и не мог надивиться. Очаровательные горихвостики представлялись мне чем-то невообразимым, непостижимым, и было совсем не жаль того тепла, которое они немилосердно воровали у меня прямо из-под носа.

В зимнюю оттепель при сильном порыве ветра деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне...

Весной легко расставаться с городом: переполняющий душу восторг безотчетно влечет в лесную даль... Очень важно при этом, чтобы человек нашел там соответствие своему душевному настроению.

* * *

Всегда почему-то кажется, будто лесной паук в чем-то имеет преимущество над простым, домашним, и оттого к последнему относишься с некоторым пренебрежением, даже с брезгливостью, когда заметишь его, скажем, в бане, а повстречав в лесу умело растянутую, в капельках росы, паутину, обходишь ее с уважением, стараясь не зацепить.

В лесу встречаешь интересное только в том случае, если обрел в душе равновесие.

Заяц — удивительно обаятельный зверек. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Все кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит... Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, как способность рыть в мартовском, порядком уплотнившемся снегу глубокие норки...

Где-нибудь под охорашивающейся елочкой в глубине леса выбирает косою приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело замирая и озираясь, по-смешному шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине. Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачно докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, которые откровенно оголяют и без того малозащищенную заячью жизнь.

Звери и птицы не способны длительное время поэтически воспринимать природу, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладают заботы о выведении и поддержании потомства. И только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый в природе певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устает прославлять весну света, воды и цветов.

* * *

Природа может беспрепятственно одарить всякого, даже если он не затратил личного труда, но по-настоящему она щедра только к тому, кто добивается права обладания ее нескончаемыми богатствами.

* * *

Как дойдет зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные залежалые мысли, так и ломается окончательно ее рога!

* * * Тихо падает снег, и
с неба снисходит благодать...

* * *

Для каждого поколения отыскание истины идет своим путем, каждому поколению суждено преодолеть только ему по-278

сильные задачи и каждое поколение видит мир животных своими глазами, добиваясь, в конечном итоге, одного — объяснения мира. Так, в девятнадцатом веке звери и птицы во многих книгах изображались какими-то неестественными, фантастическими и даже уродливыми, тогда как в наше время обитатели леса преподносятся художниками изящнее, с более глубоким и тонким знанием. Изображаемые в прошлом звери странны и не понятны для нас, а между тем внешне они остаются неизменными.

* * *

Весной бывают дни, когда я усиленно работаю и не успеваю замечать происходящих вокруг изменений, но весна все равно незаметно подкарауливает меня повсюду, невидимым потоком вливается в душу, и оттого становится однажды так хорошо, что оставишь на время всякое занятие и только наслаждаешься этим насыщенным радостью покоем.

Именно в лесу, где всегда окружает только неподдельная чистота, я прихожу к выводу, что чем мы искреннее в своих действиях и словах, тем нас кто-то приближает к возможности жить более радостно.

* * *

Замечено, что деревья и кустарники лучше принимаются из семян, склеванных птицами.

Запрокинув голову, с трепетом вглядываешься в великое звездное царство, распростершееся над лесом, забывая при этом, что не менее значимый мир лежит прямо у твоих ног, в черной сырой тени, среди стволов деревьев, пней и корней...

* * *

Редко когда деревья простоят в богатом убранстве инеем весь день. Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголенными и задумчивыми, будто сожалеют об утраченной красе.

Встречи с людьми в лесу всегда редки и интересны, потому как лесной человек необычен сам по себе. Он в лесу всегда не случаен. От него веет какой-то самобытностью, особым взглядом на жизнь и добродушной лукавинкой, с которой он не без удовольствия поведает о чем-нибудь очень важном, о том, что непременно поразит даже самое избалованное воображение. Такая встреча тем более любопытна весной, когда в лесу нет ни ягод, ни грибов, да и охота запрещена. Мой старичок собирал в апрельском лесу... березовые почки...

По его словам, в последнюю неделю перед сходом снегов почки березы становятся клейкими, их можно обирать и затем сушить в полутемном месте. Почки подсыхают, но не теряют своей клейкости. При больном горле они тщательно переже-

вываются, а образовавшийся в результате этого сок время от времени сглатывается. Вкус горьковатый и не совсем приятный, но эффект паразитальный — на следующий день воспаления как не бывало!

* * *

Весною празднуют не только солнце и земля, но и дрова под навесом, наличники на окнах, развешанное в ограде белье, и даже пооблупившиеся кривые кресты на могилках...

* * *

В ноябре, как ранней весной, ходить по дорогам становится колко и хрустко, но и не подумаешь про март или апрель, а весь подбираешься изнутри, серьезно настраиваясь на суровую долгую пору.

* * *

Ни разу не удалось мне застать лес с открытыми глазами, потому что смотрится он в себя и вокруг ночью, только тогда и можно почувствовать его живое присутствие. Днем же лес чутко дремлет, и лик его выражает лишь таинственную неразгаданность и даже некоторую удрученность.

* * *

Нет в природе ничего чище, когда сквозь березки просматривается голубое мартовское небо, по которому плывут белые прозрачные облака...

Ничто в ночном лесу так сладко не завораживает твое восприятие, как неведомые шаги... Кажется, что вот-вот разверзнется перед тобой темнота и мохнатой тучей навалится на тебя ни медведь, ни волк, а нечто непонятное, непостижимое... И ты с замиранием сердца ожидаешь этот страшный миг и не замечаешь, как сам превращаешься в неведомого лесного гостя... Шаги же, приблизившись вплотную, неожиданно истаивают, будто их и не было, и ты сразу понимаешь, что это нечто уже прикоснулось к тебе, и ты стал в ночном лесу своим.

Ранним весенним утром маленькие березки будто произрастают из небесного малинового света, уцепившись хрупкими веточками, как корнями, за его живительную сочную мякоть...

Каких только деревьев не встретишь в лесу! Лирообразные, кажется, от самого комля порождающие неподражаемое музыкальное звучание; сросшиеся в три, а то и в четыре ствола; наподобие рассерженной змеи — прямо поднимающиеся от земли и потом извивающиеся в сторону с замершей настороже верхушкой-головой; угрожающе распластавшиеся во мху сказочной куриной лапой; с невообразимыми по форме и разме-

рам наплывами или с таинственными дуплами, охватывающими изнутри чуть ли не весь ствол! А иногда набредешь на согнутую в дугу березу — это она однажды под тяжестью снега к самой земле вершинкой склонилась и разогнуться уже не смогла. В общем-то ничего особенного в том и нет — таких берез по всему лесу встречается достаточно, но эта была особенная: у нее на спине, словно подберезовики, дружной семейкой вытянулись стройные отростки...

Как-то на одном из таких согнутых деревьев я насчитал более двадцати молоденьких березок! Восторженные от возможности дотянуться до ближайших соседей и окончательно пригнув к земле породивший их ствол, они представлялись живыми памятниками незаметно поддерживающему их дереву, которому лес уготовил судьбу невидимого и вечного труженика. Так и среди людей: одному — знай только пляши да пой, а кому-то — всю жизнь хоть вой!

Моя деревенская соседка баба Шура, с которой мы были очень дружны, никогда ко мне в гости в дом не заходила, а только присаживалась на какой-либо чурбачок возле ограды, чтобы немножко передохнуть. Маленькая, сторбленная от нелегкой деревенской работы, к которой бабушка относилась очень достойно, она всегда сидела тихо какое-то время, будто предоставляя мне возможность ее почувствовать. И я почему-то чувствовал это ее незримое присутствие и выходил к ней, отчего она слегка тушевалась, но тотчас брала себя в руки,

всегда вызывая во мне глубокое уважение за накопленные в жизни знания.

Мне было с ней хорошо, хотя она ничего и не говорила, только приветствовала своими светло-голубенькими глазками, скромно поджимала губы и ее сухошавые натруженные руки начинали теребить какую-нибудь травинку или кончик старенького передника. Бабушка редко могла позволить себе такое бездеятельное отдохновение, и я был ей благодарен, что она изредка появлялась рядом с моим домом. Я чувствовал, что бабушка хочет побыть со мной, и всегда выходил к ней, переполненный благодарностью.

Может, бабушка особо и не думала обо мне, а просто ей было хорошо посидеть на вечернем солнышке, неподалеку от своего дома. Тут ее не могли побеспокоить близкие, и она имела возможность отдохнуть от постоянных забот. Бабушка много работала, часто выглядела усталой, жизнь, я знал, у нее не задалась, но тем не менее она была со всеми доброжелательна и зла никому не желала. Бабушка как будто о чем-то все время мечтала, о чем-то несбывшемся, но глубоко желаемом, и при этом никому не жаловалась, а только работала, находя для себя в постоянном занятии, по-видимому, спасительное забвение.

Уж как я люблю подыматься летним утром спозаранку, особенно в деревне, когда коровы ненавязчиво набрякивают под окнами старенькими колокольцами, лениво трутся боками о забор и изредка нарушают утреннюю тишину протяжным мычанием. Да разве сравниться мне было с бабой Шурой, которая уже к восходу солнца переделывала и в огороде, и в доме мно-284

жество дел. При этом передвигалась она тихонечко, как-то неловко сгорбившись и даже скособочившись, отчего мне всегда хотелось ее пожалеть, как родную матушку, и одарить каким-нибудь нехитрым подарком. Однажды я даже пообещал себе во что бы то ни стало преподнести бабушке красивый ситцевый платочек — помнится, отчего-то шибко расчувствовался. Но так этого и не сделал...

Баба Шура будто не замечала людского непонимания и злобы, но к чему она оставалась особенно непримиримой, так это к лени. Порой начинало казаться, что жизнь у бабушки будет вечной: с таким несгибаемым усердием она не покладая рук трудилась. Корова и теленок, козы и овцы, поросята, куры и утки — все было на ней. А еще ягоды нужно прочистить, воды набрать, вовремя грядки полить, печку в бане протопить, белье состирнуть, летом с раннего утра на покос выйти и к вечеру, изрядно умаявшись, ожидать с пастьбы скот, чтобы его принять и обиходить... За всем требовался пригляд и доброе отношение. И не перечислить деревенских забот, которые выпадают на плечи сельского жителя. Но бабушка Шура все выносила, никогда не жаловалась и, забывая о своем возрасте, постоянно трудилась.

Бывало, рассвет только-только занимается, а она уже в огороде. Постукивает леечкой и ведрами, «уточкой» переваливается между гряд: что-то осматривает, поливает, прореживает. А то возьмется жуков с картофеля обирать, или окучивать картофельные кусты: из-за высокой ботвы только сгорбленная спина в старой фуфачке виднеется... И так — каждый день с утра до вечера.

Лишь на заходе солнца присядет на приступочек и ждет, когда пригонят с пастбища скотину. Платочек подвывает, руки аккуратно сложит на коленях... Встречает корову Марту, козла Ваську, овечек Дашку и Пашку, козу Машку да свинью Аксютку, упоровшую аж на другой конец деревни, к самому лесу. А загнав всех в хлев и положив в карман фартука рафинаду, отправляется с маленькими козочками ко мне, где под домом при заходе солнца летом образуется спасительная прохладная тень. Палочку, на которую все время опирается, прислонит к забору, но если не терпится со мной каким-либо известием про деда поделиться, этой же палочкой брякнет по веранде: мол, выходи, паря, «девка» заждалась... И я уж знаю по стуку, где бы ни находился, что это баба Шура пожаловала, спешу...

А козочки резвятся на свежей травке, ловко ударяют о землю копытцами, пытаются друг дружку забодать... Сядешь рядом с бабушкой, тоже передыхая от бесчисленных огородных забот, и любишься вместе с ней на забавных малышей, которым все кажется ничем. Изредка они подбегают к бабушке, тычутся мордочками в ее ладони и она угощает их маленькими кусочками сахара, а сама, счастливо улыбаясь, говорит: «От козла ни шерсти, ни молока, а козочки сердце веселят, особенно Белолобка. Уж такая сообразительная да затейливая, и ласку больше всего любит. Скот тоже тварь Божья!»

Козочка с белой отметиной на лбу, будто понимая, что бабушка говорит про нее, забросит передние ножки ей на колени и тоненько заблеет: «Блек-блек-блек-блек, бе-е-е-е...» Вроде бы ничего и не происходит, но, наблюдая за этой сценой, серд-286

це вдруг приятно защежит и жизнь покажется простой и прекрасной. Бабушка, конечно, обнимет козочку за голову, даст сахарку и тоже, чуть не плача от радости и глядя Белолобку, наговаривает своей любимице: «Кто у нас еще титьку сосет, кто бабушку бодает?»

Хорошо тому жить, у кого бабушка добрыми руками ворожит! Недаром в народе присловье велось: «Бог — с милостью, а бабка — с руками». Часто бабушка и сама говаривала: «Работай — сыт будешь, молись — спасешься, терпи — Бог взмилу-ется!» Так, с работой в руках и с молитвой в устах, она и прожила всю жизнь.

Незадолго до смерти бабушка связала мне из козьей и овечьей шерсти теплые носки и, прижимая их к груди, тихонечко произнесла: «Носи — не сноси, людей худым словом не поноси, грехи им прощай, товарища из беды выручай, и помни: придет беда — не брезгуй и ею». Помяни, Боже, бабушку Шуру! Я же ее до последнего своего часа помнить буду.

В конце золотого летнего дня воцаряется умудренная радость, с утра — восхитительная тишь, а после полудня в нем торжествует светоносность неиссякаемой улыбки!

Всегда думал, что не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но весной в этом приходится сомневаться.

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасны, что даже не чувствуешь в себе недостатка собственной чистоты.

Явное направление многих следов какого-либо зверя в одну сторону говорит о том, что в этом лесу стало плохо жить и животные уходят в другие места.

* * *

Один из корешков у тысячелистника всегда розовый, сильно вяжет во рту и унимает зубную боль.

* * *

Густой весенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает, на что с ними решиться...

* * * В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю в огороде, и

всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение... Грянет первый раскатистый гром, завозятся по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь, как это им важно, а то за одну ночь вся южная сторона сада распустится ароматными крупными подснежниками. И ты после этого уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом... Яблони же незаметно тянут ветви к небу, распускают нежные листочки и радуются вместе с тобой возможности жить, чувствовать и любить.

Почему непременно так устроено: если что-то достойное, хорошее, то для его получения следует много испытать и пережить, а если наоборот — то и жить не стоит... Как это уродливо в понимании природы, которая вовсе не предполагает существование красоты без грубого к ней отношения! Именно природа ненавязчиво подсказывает нам, что все хорошее рано или поздно будет атаковано плохим, и мы должны быть готовы к этому.

Всю зиму изумрудными хоромами высятся сосновые боры, не дают угаснуть потаенному лесному духу. Вторят им пушистые ели с пихтами, и тоже созидают лесную сказку. Все остальные деревья стоят голые, и, кажется, не содержат в себе никакой тайны.

Но вот прилетел на старую осину большой пестрый дятел, поудобнее уперся о ствол хвостом да затеял монотонную стукотню. И дерево ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным лесом голосом, и сразу стало загадочным.

В живой природе, казалось бы вдоль и поперек изученной, люди порой не понимают самого простого.

Весна... Белые осевшие поля еще не перечеркнуты коричневыми проталинами... Санные дороги чернеют осыпавшимся с возов сеном и навозом... Краснеют по оттаявшим кустам тальника надутые снегири...

За окном то и дело прочерчивают воздух носатые вороны, без усталости свербят скрипучими голосами вездесущие сороки... Густеет от влаги воздух, в котором мгновенно сыреют крыши и стены домов... Всё в природе готово тронуться, заиграть... и не хватает только прилета первых птиц, что окончательно прервут сладкий зимний сон. Весна!..

Весной зайцы совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания. И это нисколько не удивляет, а только веселит.

Понять разговор деревьев легко, если самому всегда стоять на своем, утверждая необходимость неустанного устремления к небу.

* * * Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только желтой, белой и изредка — красноватой. Но вот случится вдруг увидеть ее зеленой, свет от нее проникнет в душу и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

* * * Когда сильный ветер гнет деревья, чувствуется, что они объединяются в споре с ним, даже самые разобщенные... Не сдаваясь его силе, деревья словно стараются убедить в чем-то ветер, как обычно отстаивают свое мнение гордые и правдивые люди.

* * * Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу и никак не может напиться, чтобы весной отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

* * * Любой зверь или птица, почувствовав тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудет себя и делается совершенно беззащитным.

Из-под молодых березок с пугающим хрустом вырвалась тетерка, а там, где сидела птица, осталась примятая лунка. Бледно-желтая сухая трава была плотно прижата к земле и не распрямлялась. Среди оттопырившихся в одном месте изломанных травинок застряло темно-бурое, с белыми полосками перо.

Прикоснувшись рукой к траве, я взял перо, положил его на ладошку и тотчас ощутил диковатое птичье тепло, от которого вдруг пахнуло безвозвратно ускользящим жарким летом...

Странно, что когда молодая листва только обозначается на деревьях, леса представляются гораздо большими и значительными, нежели в период зрелости. Так девственность, внушая доверие видимой легкостью неминуемого развития, одерживает победу над тяжестью умудренной завершенности. И разве предпочтешь последнюю первой?!

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обыденного и невкусного «земля». Но с каким удовольствием мы его произносим!

Особым чутьем угадываешь: птицы советуются между собой перед перелетом, спокойно уговаривают в чем-то друг друга,

поучают, соглашаются и даже спорят, но с виду остаются почти невозмутимыми.

* * *

Зимняя поляна иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить всю ее светоносность, и дальше идешь совершенно распахнутый от того, что вобрала в себя душа.

Лиса — полуночный ловкий вор, и это ремесло составляет ее лисью суть... Как и любой другой зверь, она все время совершенно занята собой... Особенно, когда выходит на охоту до лакомых для нее мышей, писк которых она угадывает под снежной или земляной толщей.

Сколько раз приходилось находить глубоко вырытые ямки по опушкам укромных лесных полян или полей! Всунутая в них по самое плечо рука не достигала дна. Невообразимо, как лисе, имея довольно внушительное тело и короткие лапы, удавалось проделывать подобное?!

Лиса при этом почти никогда не попадалась на глаза. Ее оранжевый хвост, возбужденно вскинутый кверху, озарял лес своей красотой только в моем воображении. Но как приятно было представлять присутствие чудесного зверя, безоглядно охваченного поиском добычи! В какой-то миг видение исчезало, а ощущение оставалось и еще долго тешило разыгравшиеся мысли. Неизъяснимая радость от соприкосновения с лесной жизнью заполняла тогда душу.

Осень полнее и глубже других времен года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены мыслью. В ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полета.

* * *

Отчего-то никакая другая птица, кроме утки, не держится так за жизнь, когда настигает ее погибель... Подраненная, почти без сил, она все же успевает нырнуть под воду и, ухватившись клювом за какую-либо травинку, терпит до последнего, но ни за что не дастся охотнику в руки.

* * *

По строгой заре день выдается изморенный, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной теще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся!

* * *

Что, кажется, толку следить за тяжелыми мокрыми листьями, отрешенно опускающимися на холодную землю со всех сторон, однако вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься, и отчего-то не в силах оторваться от этого молчаливого наблюдения.

* * *

Зимой часто попадают на глаза небольшие дырочки в снегу... Идешь не спеша на лыжах, посматриваешь вокруг, а

вдоль лыжни то и дело возникают неприметные отверстия... Остановишься и, присев на корточки, внимательно разглядываешь, кому это отверстие может принадлежать. Ясно, что маленькому грызуну — мышке-полевке или бурозубке. Но вот зачем зверькам выбираться в мороз на поверхность, оставляя теплые гнезда-кладовые, не сразу разберешь...

Оказывается, мышка время от времени выглядывает посмотреть: ночь наверху или день, и скоро ли зиме конец? Очередной снегопад завалит выходы, позаметет все вокруг, а под утро глядишь — опять виднеются тут и там аккуратные углубления. Не сидится мышке под снеговой периной, хочется поскорее белый свет увидеть!

* * *

Шорох, который производит в весеннем лесу ежик, когда выходит из своего зимнего укрытия, как ни странно, очень отчетлив и разносится достаточно далеко.

Если рядом с большим старым тополем начинает подыматься маленький — это не случайность, а молодая мысль взрослого дерева, с верой устремленная к грядущему свету.

Когда человек на склоне лет начинает вспоминать былое, лесные струнки отзываются в его душе по-особенному тонко и как ничто другое оживляют угасающую жизнь.

Люблю примечать прилет зябликов в пору, когда снег в лесу водой не тронулся, следить, как птицы перепархивают, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всем происходящем не хватает еще какого-то очень важного теплого творчества, без которого и солнце не солнце, и весна не весна!

Отправляясь ранним утром в лес, радостней всего сознавать, что он не скоро кончится и, кажется, будет длиться целый бескрайний день.

Принято думать, что заяц труслив и его пугает даже шорох падающих листьев, оттого он осенью предпочитает открытое пространство лесу. На самом деле осторожный косой с началом листопада перебирается из чащи на вырубке только для того, чтобы вовремя услышать, как к нему крадется волк или лиса, ибо в густом лесу ветви задерживают опадающий сухой лист и он почти не укрывает землю.

Оказавшись на долгое время в море, всегда предаешься мечтам, а вот в лесу никогда ничего для себя не желаешь и думаешь только о том, что тебя окружает.

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром — неизвестно...

Бывает, уже в середине мая с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой, затем стылый северняк насеет по дороге крупы, разбросает ее повсюду, но к полудню что-то неуловимое повернет на тепло, и, к всеобщему удивлению, из-за леса донесутся отдаленные раскаты приближающейся грозы...

Огромный глухарь, с треском сорвавшийся с сосновой ветви, может напугать; неудержимый косач, тугим мячом выбросившийся из светлого березняка, — ошарашить своей стремительностью; кокающая белочка, настороженно вцепившаяся в еловую шишку, — позабавить... И только от писка какой-нибудь болотной камышовки неожиданно захочется остановиться и задуматься...

Увидишь в лесу змею, и она тотчас поселится в твоей душе: ползет, замирает, шипит, но... не находит себе места.

Будешь изо дня в день жадно вбирать в себя всё, что окружает тебя в лесу, обязательно где-нибудь перехватишь лиха и захлебнешься. После даже можешь захворать и долго станешь приходить в себя. Но когда уже совсем потеряешь к лесу интерес, он же тебя ненароком и поправит.

Представьте, что все звери и птицы решили отомстить человеку... Как они это сделают?

И звери, и птицы, наверное, просто покинут человека, оставив его наедине со своими недалекими мыслями и устремлениями. Птицы лишат человека крыльев, а звери — проницательности и чутья. Им незачем будет возвращаться в предопределенную человеком несвободу. И звери, и птицы скорее предпочтут неведомую лесную глубину...

А что же деревья? Неужели они, лишённые возможности двигаться, так и останутся беспомощными и будут вынуждены терпеть? Может быть, их вершины просто перестанут шуметь, и эта отрешенная затаенность деревьев отзовется в сердце растерявшего себя человека нескончаемой тишиной...

В ноябре по первоснежью в лесу не видно никаких следов зверей, кроме редких беличьих переходов. Неугомонным зверь-

кам никак не сидится в обустроенном гайно и всё не терпится проверить, целы ли заготовленные на зиму запасы?

* * *

Из всех деревьев более проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, может быть, только сосны, которые, в отличие от мудрых елей, святы...

* * *

Первое предчувствие весны — это еще не природные весна света и воды, а тисненные томики Аксакова, Пушкина, Мамина-Сибиряка, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером у разгорающейся печки, когда чувство живой природы и ее будущие ароматы заменяют тебе запах слипшихся глянцевого страниц...

* * *

Ни с чем не сравнимо ощущение необыкновенной внутренней радости, рождающееся только весной...

* * *

Распространено мнение, будто птицы и животные принимают незнакомого человека за существо, от которого лучше держаться подальше. Человека же, вошедшего в их жизнь, ухаживающего за ними, кормящего, воспитывающего, они могут воспринимать как сотоварища или даже вожака. При этом не

важно, что ты не похож на них: ведь если ворона и допускает к себе человека, то не потому, что видит его непременно вороной больших размеров... Срабатывает, по-видимому, животный инстинкт подчинения более сильному, не приносящему, в свою очередь, никакого вреда — только пользу.

Принимая ветер как брата и понимая работу мысли как самую свободную энергию, я вдруг почувствовал однажды, что ветер и есть та сила, которую в первую очередь создает человеческое сознание.

Способность писать добрые заметки делает самую темную жизнь светлой. Но стремясь к свету, никогда не следует забывать про тьму, которая так же достойна серьезного внимания. По себе точно знаю: чтобы насладиться светоносным дождем радости, нужно к ней долго и упорно идти, может быть, всю жизнь. Бывает, даже достаточно ощутив ее и порадовавшись, тьма вдруг закроет для тебя свет уже навсегда. Нужно выстраивать жизнь таким образом, чтобы суметь познать ее и светлые, и темные стороны, научившись распоряжаться в полной мере их силой, и только потом, выбирая ту самую золотую середину, неспешно, без взлетов и падений, двигаться по ней к познанию Бога.

Бывает, лунной глухариной ночью вдруг выпрыгнет под самые ноги неприкаянный заяц-беляк и... отрешенно затихнет.

С трудом сдерживая волнение, гадаешь: куда и зачем он направлялся, отчего притулился именно рядом с тобой?..

Случается такая весна, когда март едва миновал, не прилетели даже зяблики и зеленушки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень...

Всю зиму жила у меня в деревенском доме бабочка-крапивница... В конце апреля она, как и полагается, выклюнулась из какой-то укромной расщелинки и озабоченно забила в стекло крылышками. Я оставил ее на время у себя в комнате до приезда знакомых. Мне хотелось показать им эту удивительную природную трепетность, рвущуюся после долгой зимы к теплу и свету.

К вечеру бабочка замирала, а утром опять начинала оживать. Становилось стыдно, что сдерживаешь ее тончайшие порывы, мучаешь, в конце концов... А бабочка терпела, под вечер засыпала, затаившись в какой-нибудь щелке, и, может быть, мечтала во снах о благословенных потоках весеннего воздуха...

Наконец, так и не дождавшись гостей, я решил выпустить бабочку на солнце. Она как раз спала... Как можно осторожнее я взял ее за хрупкие бочки, вынес на вольный воздух и взмахнул рукой. Бабочка тотчас ожила, вспорхнула крылышками и полетела неровно над открывающейся землей. И вдруг упала,

распластавшись, в оседающий с каждым часом зернистый снег, и замерла...

Мне стало страшно: неужели бабочка, переволновавшись, погибла и уже никогда не взлетит? Я заметил место, куда она присела, вернулся домой за сапогами, а когда подошел к кусту малины, куда упала бабочка, ее там уже не было...

Кому хоть однажды довелось оказаться зимой под Рождество в омшанике и послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в леток, как ведут себя в эту пору пчелы, для того холодные звезды в вышине роятся по-особенному торжественно и празднично, а будущая жизнь представляется только счастливой...

В отличие от обыкновенной серой вороны, угольно-черного ворона редко когда увидишь парящим над деревней. Он все больше тянется к границе леса и жилья человека, упорно соблюдая тем свое вековое предназначение и тайну.

Раньше я думал: прежде чем постигнуть суть леса, надо непременно сначала обрести себя... Но не проникнуть человеку в глубину своей души без примеров лесной жизни.

С неохотой опадает оторвавшийся лист, долго кружит, планирует в остановившемся воздухе и, будто случайно, примосащается на шляпку гриба. Даже напоследок ему хочется хотя бы ненадолго задержать свое угасание.

Ходишь годами каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимал только как рябиное или беличье. На худой конец — грибное. Но никак не волчье...

И вот однажды, глухим ноябрьским вечером или под утро, натолкнешься на тропу, оставленную недавно проследовавшей стаей, и тропа эта войдет в тебя словно осиновый кол. Взбередит в душе все, напугает, а потом вдруг ты почувствуешь себя таким же хитрым и кровожадным, как волк.

Осенью птицы летят молча, быстро и деловито, весной — в нетерпеливом напряжении, возбуждающем своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

Скребется в углу лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а в верху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зеленая

звезда... Кажется, ничего особенного не происходит, но от всего этого переживаешь в себе невероятную приподнятость и силу.

Незаметно сменяющие друг друга короткие дни слагают необозримую зиму... Происходит что-то, равносильное тому, когда снег, способный околдовать своим ледяным дыханием, в то же время укрывает и спасает людей от крайнего холода... Сочетание трогательного дыхания зимы с ее крепостью неповторимо!

Времена года — это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная, черед событий, а непрерывающийся пример жизни наравне с людьми и для них.

В одном из драгоценных парных изречений тангутов сосна олицетворяла собой процветание, туя — молодость, камыш — обман, а тростник — пустоту... Уподобившись мудрости древнего народа, я попытался в одном слове выразить сокровенную суть всех наших самых любимых и известных деревьев. И вот что у меня получилось:

Лиственница — возрождение.

Ель — неистребимость.

Береза — благо.
Липа — великоречие.
Рябина — тишина.
Черемуха — ненавязчивость.
Пихта — память.
Ирга — тепло.
Осина — устремление.
Ива — задумчивость.
Клен — надежда.
Калина — беспристрастность.
Тополь — терпение.
Ольха — свобода.
Вишня — добро.
Яблоня — ожидание.
Сирень — душа.

И еще:

Березовая роща — улыбка. Сосновый
бор — щедрость.

* * *

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли обиды и стали все друг для друга хороши!

* * *

Пегим ноябрьским днем заприметил в открытом поле лису и сначала подумал: собачонка... До того она была мала, худа и облезла. А разобрав, сразу прицелился и... спохватился: как

глубоко поразила человека ржа бездушия, если он, не задумываясь, готов отнять жизнь у несчастного лисенка!

Каждый день — удивительно трогательная и упорно не замечаемая нами драгоценность. Чтобы понять это, стоит хотя бы однажды, с самого утра, понаблюдать за происходящим в природе. Заниматься этим лучше в деревне.

Никуда не спеша, следить в окно за тем, как утверждается над землей свет и как по-уютному радостно начинают сиять снега. Как неуклюже и чинно вышагивает в валенках по своим неотложным делам деревенский народ. Без усталости «летают» в переулках собаки, завидя малейший для себя интерес. Как безропотно замерли в остановившемся предвесеннем воздухе веточки тополей, рябины и сирени. Изжелта-розовое солнце то меркнет за пухлыми облаками, то вновь озаряет умиротворенный крестьянский быт... Всё так трепетно, доступно, что кажется: вот-вот приоткроется тебе смысл этого удивительного порядка...

Но тщетно... Внимание ненароком проскальзывает мимо этого смысла, и на следующий день все начинается снова: и воздух, и спешащий по делам люд, и собаки, и солнце, и собственное умиление всем происходящим... И так целый замечательный день: вспыхивая и затухая, незаметно и неизменно проскакивая мимо не дающей покоя тайны в этом сладостном времяпрепровождении.

И все чудится, что обязательно поймаешь убегающую суть простого и прекрасного бытия. Но близится вечер, а ты по-306

прежнему охвачен неясной игрой, от которой так же, как утром получаешь скрытое наслаждение, и все же к концу дня только легкая усталость опять начинает донимать взбудораженное приятными размышлениями сердце. День иссяк, и тебе нестерпимо жаль его утекающие краски, запахи и звуки... Что-то принесет завтрашний?..

* * *

Ночной лес не может быть страшен, если ухает над головой загадочным филином или завывает одиноким волком... По-настоящему жуткие ощущения рождает в нем мертвая тишина.

* * *

Будешь добр к лесу — Бог непременно сделает счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета.

* * *

Слепой дождик бывает и золотым, и серебряным, и самым простым, но никогда незаметным.

* * *

...Лунные ночи захолаживают сердце, тревожат. Они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На черном, скованном звездами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная

снегом, луна. Кажется, что мороз от ее света становится еще крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. А тем временем под холодной луной выходит к своей потаенной жизни из глухих буераков зверье. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днем же таятся...

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не дает уснуть. Звери не умеют думать и только стремятся утолить неотступно наступающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти...

* * *

Только весной постигаешь, что истинное царство света должно быть устроено не на небесах, а на земле.

* * *

Глухарь всегда представляется мне той огромной черной птицей, которую я уже видел когда-то давно-давно, когда, кажется, земля не была еще грешной...

* * *

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи. Вода в них, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек.

За всю зиму хоть раз да захочется протаять пальцем дырочку в замерзшем стекле окна и увидеть там удивительный весенний мир...

В отличие от человека, звери и птицы живут так, будто не боятся ничего, что должно случиться с ними в будущем.

Порой душевные мучения за лесных обитателей одолевают меня больше, чем за окружающих людей... Боль не отпускает, даже когда ты покинул лес и уехал за много километров в город: переживания тем острее жгут сердце, чем дальше уходишь...

Так, однажды, испытывал я муки за барсука, удушенного в петле охотниками... Не один год наблюдал я за ним, встречал в весеннем ночном лесу на глухаринном току, шел по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу и стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон.

Высоко-высоко поднимается птица канюк, величаво наворачивает круги, пытаясь отыскать место, где бы ей можно было

присесть, чтобы уже никогда не взлетать и не обременять себя полетом, но не находит его... А кто-то восхищенно вглядывается в недостижимые круги птицы, которые она совершает, завидует и надеется когда-нибудь подняться в бездонное небо, хотя бы в мечтах связав с ним свою жизнь.

* * *

На закате с весеннего неба обращаются ко всему живому чьи-то всё понимающие прекрасные глаза...

* * *

В шляпке переросшего белого груздя скапливается обильная дождевая влага. Она переливается в лучах скупого осеннего солнца и часто привлекает белку. Ловко примостившись на краю гриба, она жадно запивает чистой водой семена еловых шишек или кедровых орешков. Хорошо, вольготно жить рыжей игруньей в благодатном октябрьском лесу!

* * * Из всего живого только

дерево, умирая, благоухает...

* * *

Иной раз так устаешь, что только в лесу постигаешь, как надоело тебе быть человеком... Думаешь: взвиться бы звонким жаворонком в высокое июньское небо или обернуться ма-

тушкой-совой, что бесшумно и вольно парит в сумерках над укромной опушкой... А еще хорошо почувствовать себя красавцем-шмелем, беззаботно перелетающим с цветка на цветок и тем самым поддерживающим течение жизни... Кем угодно из лесных обитателей готов ты себя вообразить, хоть на мгновение желая забыться!..

Но проходит время, и грудь начинает теснить неизъяснимое чувство растерянности, а потом — вины: как мог ты отказаться от всего человеческого во имя звериного, если и так способен представить себя кем угодно?!

* * *

У самого края высокого обрыва, будто на пороге в вечность, растут величественные сосны, и так устремленно тянутся оттуда в небо, что даже облака останавливаются в движении, в восхищении вглядываются и чутко прислушиваются...

* * *

Без ребенка в душе не узнаешь самый чудесный весенний день своей жизни.

* * *

Рано или поздно для каждого человека приходит время, когда надлежит разбудить в себе мир зверей, птиц и растений и внимательно в него вникнуть.

Мысль человека свободнее и сильнее самого неукротимого ветра.

* * *

Если проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

Жестокость мороза — только часть той неукротимой силы, которая заслуженно движет нас к весне.

Все звери и птицы несут какую-либо задачу по поддержанию жизнедеятельности в природе... Ворон, к примеру, питается исключительно падалью — это его законная добыча. Прозорливая птица загодя начинает кружить над местом будущей трапезы, а затем, в считанные часы, очищает его, предотвращая распространение заразы. Волк — неутомимый санитар, призван убирать больных зверей, потому как избавление от слабого потомства поддерживает хорошее биологическое состояние популяции. Бесчисленные ястребы, совы, канюки и луны успешно истребляют грызунов, уничтожающих корм других животных... Каждый зверь или птица, таким образом, отрабатывает во имя природы свою собственную лесную жизнь.

А нужен ли природе каждый человек? Или он, как отдельный вид, сочетая в себе ярко выраженные положительные примеры, способные на неудержимый творческий порыв, обречен, наряду с ними, тащить за собой огромный воз неразрешимых, за весь свой нелегкий путь так ни к чему и не пригодившихся жизнью?..

* * *

Октябрьский день выдался серым, невзрачным, а неожиданно вырвавшийся из-под ног вальдшнеп по-королевски расцвел его.

* * *

Только прилетевшая с юга трясогузка такая оживленная и веселая, что само собой без лишних слов выходит: на свете нет ничего прекрасней русской весны!..

* * *

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звезды, невольно спрашивая у них совета.

* * *

Почему-то всякий не равнодушный к природе человек старается судить о лесной жизни по своей, человеческой, и нисколько не гнушается сравнить свою душу со звериной.

От какого-либо пока не встреченного в лесу зрелища порой отделяет совсем несущественная мелочь, несмотря на то, что шел ты к нему не один год. Кто-нибудь, случайно опередив тебя, к глубокому твоему сожалению, испугнет зверей, которых ты вот-вот должен застать за чем-то интересным, и, кажется, ничто уже не в силах помочь... Но благодаря оставшимся на снегу следам можно без особого труда прочесть произошедшие недавно события и ясно представить упущенную лесную картинку... Например, о том, как однажды лосиха с лосем вознамерились в потаенном осиновом уединении продлить свой род, и всё у них для этого было: и небольшая укромная полянка, и тихое октябрьское утро с ласково струящимся над землей светом, и неизменное по осени желание зверей быть вместе...

Первый мягкий снежок, выпавший за ночь, осел и придавил слежавшуюся листву, отчего идти было легко и приятно. Что-то неясное несло меня сюда, в места, где я давно уже не был, и очень радостно переживалась возможность снова все увидеть, но уже по-другому, так, как никогда еще не удавалось... Прозрачные крупные капли от растаявшего снега застыли на мокрых ветках, изредка лесную тишину пронизывало тонкое пересвистывание рябчиков, и хотелось верить, что за следующим поворотом просеки обязательно встретится нечто удивительное и неразгаданное.

И вот впереди вдруг залаяла собака — отчаянно, заливисто, явно натолкнувшись на нечто неожиданное для себя и, похоже, сильно испугавшее ее... Лай быстро удалялся, уходил вниз

к реке, и это означало, что собака кого-то подняла и гонит... Судя по расстоянию, откуда доносилось возбужденное собачье вляиванье, я опоздал к месту развернувшихся событий на каких-нибудь семь-восемь минут. Пройдя около десяти километров и как будто догадываясь, что тебя может ждать здесь еще невиданное зрелище, неприятно было испытать неудачу. А лай все удалялся и вскоре совсем затих.

Через некоторое время я вышел на открытое место. Это было пересечение двух просек, где весь снег оказался изрытым лосиными копытами. Сначала я подумал, что здесь недавно произошло сражение двух быков, тогда как самка держалась где-то рядом в ожидании победителя. Но внимательно рассмотрев место предполагаемой битвы, я не обнаружил следов крови и обратил внимание на то, что одни отпечатки следов округлые, пошире, а другие узкие и вытянутые. Чуть поодаль, там, где снег был почти не тронут, следы расходились в разные стороны... Стало ясно, что чья-то собака разогнала зверей, не дав продлиться самой поздней в лесу любви...

Я остановился и долго стоял, представляя, как всё тут было... Лось неспешно подбежал к лосихе и замер рядом, величественно повернув рогатую голову, а она слегка коснулась мордой его щеки, положила свою голову ему на шею, и так они стояли какое-то время, чувствуя, как гулко ударяются их возбужденные сердца, и ничего не предпринимали. Им, наверное, было радостно оказаться этим утром вместе, вбирая всем своим существом расстилающийся над землей запах первого снега, а мне стало до боли жаль, что зверей вспугнули и они, может быть, больше никогда не встретятся...

Сколько помню свои походы в разном возрасте в зоопарки — никогда не получал от созерцания зверей в клетках хоть какого-нибудь удовольствия, которое всегда переживаешь в лесу. К тому же, наблюдая зверя в неволе, ни за что не скажешь о нем того, чего он на самом деле заслуживает, тогда как хоть раз увидев зверя в его родной среде — в мгновение открываешь огромный таинственный мир.

* * * Без пения птиц удивительно медленно, словно нехотя, а порой даже по-таинственному зловеще занимается утренняя заря в октябре.

* * * Женщина, как и весна, должна быть совершенно бескорыстной. И это больше всего покоряет в ней мужчин, которые от природы несут в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в них.

* * * Под серым низким осенним небом в густой и таинственной лесной чаще весь день, не унимаясь, пищат крохотные синички...

* * * Весной, под ослепительной мартовской крышей хочется остановиться и без цели, с улыбкой, смотреть на улицу, открывая всё новые и новые светлые лица.

Живя всю весну в деревне, я срезал в начале апреля веточки разных деревьев — ивы, березы, осины, рябины, тополя, липы, поставил их дома в воду и стал наблюдать, какая распухнет первой...

Целых три недели стояли веточки на подоконниках, каждая у своего окна, и я терпеливо ждал: что-то будет?.. Конечно, среди них оказались и первые, и вторые, и... последние...

Первой пустила свои яркие листочки береза. Самые пахучие и чистые, они выпестовались на свет настороженными, словно бы выпитывающими каждый звук листьями-ушками. Всё, что происходило в доме, необыкновенно интересовало их, но они в то же время не спешили разворачиваться полностью. Веточки будто чего-то ожидали или опасались одиночества среди других, еще не оживших деревьев...

Пока береза раздумывала, как себя вести, незаметно выклюнулись миниатюрные пальчики любознательной рябины. Вопросительными знаками растопырились они во все стороны, день ото дня увеличивая тягу к познанию окружающего мира. Было в них что-то одновременно и строгое, и улыбочивое,— сразу не разберешь. По размерам они во много раз превосходили все остальные ветки. К концу весны рябина превратилась в необыкновенно разлапистую и гордую ветвь, почти как летом; видно было, как ей недостает свободы!

А ива, с целеустремленно утонченными листиками, напоминала стремительно-затяжной полет вальдшнепа во время тяги, когда он вроде бы спотыкается в воздухе и все же быстро

удаляется. Ива словно не желала устраивать соревнование с собранными в доме веточками, а между тем неудержимо обгоняла их во всем. Она оставалась, пожалуй, самой изощренной, непредсказуемой и озорной.

Почти одновременно с ивой обрадовала мягкостью линий и липа, что расправила самые аккуратные и обаятельные листочки. Они и по цвету отличались от других деревьев необыкновенной нежностью. Если березу можно было назвать ярко-зеленой, настороженной, а рябину, с ее глубоким изумрудным свечением,— романтичной, то липа, несмотря на скромность, выглядела надежной и сильной. Она и простояла в воде дольше всех, так и не потеряв своей салатной свежести...

Только осина с тополем распускали листочки неохотно, как бы не веря в уготованную им человеком затею. Может быть, им не нравилось, что их лишили лучезарности апрельского света, приятно сковывающих кору ранних утренников, хруста обламывающихся сосулк — всего этого радостного шума, что сопутствует таянью снегов?! И все же они распустились, обрадовали.

Все веточки день за днем ложились со мной спать, когда я задергивал занавески, а их собратья за окнами гнали под звездным небом живительный сок по стволам и ни о чем не жалели. Так я лишил эти веточки — хрупкое продолжение пробуждающихся деревьев — настоящей жизни, чтобы удовлетворить свое любопытство, нет — любознательность, что все-таки открыла для меня быстротечность срока нежной березы, уверенную красу липы, изумрудную романтичность рябины, а вернее — недостающее знание, что объединило их всех в жилище чело-318

века и навсегда оставило в его памяти данное себе слово — никогда больше ничего не срезать.

* * * Как же мягка линия наметенных за ночь пуховых сугробов! Они воздушны, легки, и в то же время дышат желанным и уверенным покоем.

* * * Придет к тебе однажды в лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять, по-своему объяснить и подружиться... А если не сможешь — будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, которая когда-нибудь превратится в правду.

* * * Никогда и не задумывался, что посреди морозного января, где-то в таежном северном лесу, медведицы рожают своих еще непутевых последышей, с которыми лежат под глубокими сугробами в мирном полусне и совсем не помышляют о навалившейся зимушке-зиме.

* * * Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы представить себе в эту пору наполненную до краев радостью душу...

Чем мельче увиденное тобою в лесу, тем сильнее его воздействие. Большое обычно проходит мимо или бесследно утопает в глубине бездонного душевного колодца...

Даже в самом захудалом, измученном людьми лесу все же бьется радостное зеленое сердце...

Водится в наших лесах довольно странный, совершенно неприхотливый и будто забывшийся в не понятной для себя самой жизни зверек — енотовидная собака... Целый год он не показывается на глаза, и вряд ли кто вспомнит о его существовании. Но с началом зимы, пока снежный покров не установился, вдруг повстречаешь в лесу блуждающий след и задумаешься: кто бы это мог быть?..

След обычно неожиданно вывернется из-под какой-нибудь корчажки и петляет между деревьями, тычется ко всякой мало-мальски приметной валежине. Неведомый зверь словно ищет сам не зная что, но найти никак не может и все плутает, плутает по лесу, пока не натолкнется на более-менее приемлемое пристанище. Это может быть куча хвороста, старый пень-выворотень или своеобразный хвойный шатер, образовавшийся из нижних разлапистых веток елки, придавленных к земле снегом. В таком уютном домике енотовидная собака может

провести всю холодную пору, пока ее кто-либо не потревожит или не случится сильная оттепель.

После хорошо знакомых следов куницы, рябчика и зайца натолкнешься на этот непонятный, теряющийся в снегах след, пойдешь по нему да незаметно увлечешься и заплутаешь... Долго потом не можешь опомниться: отчего ты так же, как и этот зверь, чего-то искал сегодня и не нашел?..

Лишь однажды в жизни замечаешь в небе ту единственную звезду, что любит только тебя.

Бывает, подолгу не идешь в лес, как будто нарочно отдаляя с ним встречу. Думаешь: пусть он еще поживет без тебя, накопит побольше интересного и необычного, так, чтоб и ты, соскучившись по нему окончательно, уже не чувствовал для себя преград... Но, оказывается, полный тайн лес всегда был готов к твоей любви, а тебя удерживало собственное несовершенство.

* * *

Лес и море подарили мне удивительный мир звуков, благодаря которому я постепенно выработал в литературе свой стиль.

Лес представляет человеку собственную жизнь давно обдуманной, где всё мудро взаимосвязано, и человек незаметно для себя пользуется ею и воспринимает все открытия души на свой счет.

* * *

Весной трудно написать о зиме, как это можно сделать осенью. Должно родиться нетерпеливое и твердое намерение ощутить зиму вновь. Только тогда она раскроет всю потаенность немеркнущих сумерек, бодрящую легкость морозца или пронзительную белизну плотно укутанных полей.

* * *

Устав от людей, затаиваешься в себе с мыслью о красавице-луне или прекрасных звездах, а они глядятся в тебя из неведомого далека и становятся краше и краше.

* * *

Очень нелегко, кажется, почти невыносимо, не судить о жизни по своему маленькому опыту. Но еще сложнее, не находя в окружающем мире никаких гарантий тому, что ты все делаешь правильно, верить, что это именно так, и ты обязательно добьешься большей справедливости, если сохранишь и разовьешь в себе самое лучшее.

Пронизанные солнцем капельки хвойной смолы напоминают не слезы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа.

Только однажды, весной, кто-то будто возьмет тебя за руку и подведет к самым звездам, и ты на всю жизнь запомнишь и благословишь чье-то незримое присутствие, которое ненавязчиво указало в тебе самом чистого человека.

Отшумев лето и осень неугомонным осиновым листом, наверное ужасно не хочется опускаться на стылую землю...

Тишина в лесу бывает разная...

Если переговариваются деревья и птицы — это естественно, и тишину не слышишь. Она незаметно приходит к тебе долгожданным ожиданием обыкновенного чуда. Случается, тишину замечаешь лишь тогда, когда всё вокруг замирает, как перед непогодой, и от этого начинает звенеть в ушах. Такая тишина настораживает, она полна необъяснимых желаний... Но иной раз тишина открывается трепетным и тонким чувством, которое неожиданно охватывает тебя и не отпускает. Хорошо тогда

вслушиваться в удары растревоженного этой тишиной сердца, жить и мечтать о счастье для всех людей.

Еще тишина может быть задумчивой, как осень, а зимой — самозабвенной. К весне же она становится по-настоящему пронзительной, и хочется звенеть в ней восхищенным зябликом или жаворонком. Любая тишина только и ждет, чтобы ее услышали, прониклись ее мудрым присутствием и поблагодарили за подаренные радость и покой.

* * *

Когда зверь, смутно почуявший опасность, насторожился, нервно поднял взгляд и еще не исчез в глубине леса, хочется, чтобы он поверил тебе и задержался.

* * *

Сколько видели глаза таежного странника — не видел никто.

* * *

Замечательно, когда добрые дела и мысли с головой захватывают тебя, порой просто окрыляют, а приходишь в себя всегда в лесу, на берегу реки или моря.

* * *

Чем чаще и проще выдает за окном монотонные коленца синица-московка, тем сложнее представляется ее песня.

Глухари, тетерева, рябчики... Имена этих птиц звучат какой-то волшебной сказкой про неведомый дремучий лес.

Медведи-сеголетки проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть старую медведицу. Но оставить ее сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах. Вот природа и распорядилась по-своему... В мае-июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передается и медведице, он отпугивает медвежат напрочь, а повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

* * *

Хорошо темной весенней ночью, умирая от страха, идти одному на глухариный ток и знать, что ничего худого с тобой не случится.

* * *

В ветреный день заходишь под сень корабельных сосен и будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся наподобие мачты. А вот если вокруг спокойно — ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоя-

щих странствиях или вспомнить героическое былое... Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после ее падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие...

Скромно улыбаются сине-алые сыроежки, в строгом оцепенении застыли удалые красноголовики, совсем притихшими и незаметными выглядят изжелта-матовые моховички, и только яркий мухомор без всякого стеснения настырно напрашивается в корзину.

Так ярко, с самозабвением играют на току краснобровые петухи-тетерева, что маленькие березки по краям поляны, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

Некоторые животные и птицы, находясь всю жизнь друг подле друга, вроде бы и не сосуществуют между собой. Заботы по воспитанию детей, постройке жилища или добыче пропитания выполняют в одиночку, и лишь в каких-то экстренных случаях прибегают к взаимной поддержке.

Так ведут себя вороны. Вряд ли кто-то видел, чтобы эти птицы совместно доставляли на постройку гнезда необходимые хворостинки. Подобные усилия они осуществляют, как правило, обособленно, на худой конец — парами. Но стоит поблизости появиться канюку, как вороны тут же преобразуются в дружных единомышленников, оказывая хищнику самый жесткий отпор.

Точно так же поступают и чайки. Отдельно друг от друга добывают они пищу, порой даже выхватывая добычу из-под носа своих сородичей, а когда среди них объявляется, скажем, та же ворона, чайки всем своим оглушительным сообществом обрушиваются на нарушителя их спокойствия. Однажды мне довелось быть свидетелем, как непутевая ворона в борьбе за свою добычу безуспешно оборонялась от целой стаи не на шутку рассерженных поведением нахалки речных чаек. Они были очень агрессивно настроены против настырной вороны и, в конце концов, добились ее прямо на берегу реки, так что вороне даже не удалось доползти до камышовых зарослей...

Но, к немалому сожалению, такие случаи могут подтверждать у вышеуказанных птиц и противоположные мотивы поведения. Не исключено, что совместные действия, воспринимаемые многими как способность к взаимовыручке, на самом деле есть всего лишь подтверждение жадности, ярко выраженного индивидуализма, многократно помноженного на всех птиц в стае. Вороны или чайки громогласно демонстрируют вздорное негодование или чувство страха, а со стороны это выглядит как выражение их неподражаемой сплоченности.

Есть в лесу невидимая граница, достичь которую по силам большинству людей, но вот перейти ее удается немногим.

* * *

Бывает так: стоит золотая осенняя пора неделю, другую, даже месяц, и ничего ее на берет: лучшей охоты по рябцу на манок и не придумаешь! Но вот случается всего лишь одно морозное утро, а солнце к полудню пригреет так крепко, что весь лист на березах в одночасье осыпается...

* * *

Сколько незабываемого несет в себе молодая весна! Но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и темных оврагов потягивает ледяной прохладой притаившаяся там старуха-зима...

* * *

Парение орла величаво, падение — стремительно, овладение добычей — хладнокровно... И разве поверишь, что эта гордая птица может стать послушна человеку? Для этого он просто садит орла, слепого и привязанного за ногу, на бечеву, изредка в течение нескольких дней покручивает, шевелит ее, долго не давая пищи, чтобы орел уже больше не смог успокоиться и прийти в себя, и тем самым навсегда подчиняет царя птиц своей воле.

Солнечным мартовским днем почудится, будто тебя окликнули...
Обернешься, а это — шелест падающих капель, еле слышно
произносящих ласковые звуки весны...

* * *

Тихо живут в лесу камни, незаметно. И вспоминаешь о них только
когда подойдешь напиться к ручью или вдруг покажется в
обвалившемся склоне холма скалистая жила... И сразу какая-то
скрытая уверенность утвердится в душе, а лес обретет еще большую
ценность.

* * *

Даже на гону, уморенная, лиса все-таки оставляет свою заметку
там, где ненадолго пробует передохнуть, как если бы она бежала по
лесу, никем не преследуемая, и просто метила свою территорию.

* * *

От последней утренней звезды до первой вечерней терпеливо ждет
весенняя душа всех влюбленных, которые обращают свой взор к небу
и забывают про себя, когда непонятная сила влечет их лететь в
прекрасную неизвестность...

* * *

Встречи с дикими животными всегда волнуют человека... Не потому
ли, что его завораживает мудрость их самостоятель-329

ной, простой жизни, естественность существования, при котором нет необходимости завидовать, лгать или скрывать свои чувства? Звери и птицы свободны. Они могут быть самими собой, а значит — красивы.

Человека же всегда пугает, что его чувства, которыми он живет, станут кому-то понятны, и потому он тщательно прячет свою личину, возводя вокруг себя клетку. Не свободный, человек не в силах кого-либо по-настоящему заинтересовать, и оттого исчезает бесследно...

Зимой лес молчит величественно, осенью — проникновенно, весной — преисполненный надежд, летом же, как ни странно, он просто немеет от нахлынувших на него чувств.

Идешь, бывало, по лесу и не видишь его глаз. Будто лес не понимает тебя, как понимаешь ты его, а переводит твои слова и мысли на свой, не понятный тебе язык, не наставляет и не запугивает, и даже в тех местах, где невозможно от радости не улыбнуться — он не улыбается. За весь день слова не вымолвит, лица своего не покажет. Но только ты вознамеришься его покинуть, как он неожиданно преобразится, подставит тебе подножку и расхохочется!

* * * В лесу следует и слышать, и видеть, но больше — чувствовать, понимать и догадываться...

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся ощущении любви, которая не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках.

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё не может нарадоваться своей способности — безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться...

Всякий год зима возникает в твоём окне, и всё, что происходит за ним, в который раз оказывается необычным. Так же неслышно идет снег и с косогора напротив дома скатываются на салазках деревенские ребятишки. Все просто. Но воспринимаешь увиденное с неописуемым восторгом. Зимняя красота так тиха, мудра и чудесна, что вызывает в душе лишь сладостные мгновения долгожданного перерождения.

Короткий зимний день удручает только стариков, когда они, изредка взглядывая через плечо в окно и замирая отрешенно в своей грусти, сидят неподвижно, прислонившись спиной к стене, и не произносят ни слова. Грусть их теперь схожа с бесшумно падающим снегом или таким же неслышным белым сном, который однажды сокровенно приходит хрупким розовым утром и ненавязчиво обнимает дома, сады, замершую подо льдом реку и лес. Невозможно постигнуть, как

из года в год, с неукоснительной неизбежностью подступая, зима всех очаровывает и оставляет без ответа, зачем она это делает.

* * * Человек все думает
да говорит, а лес — знает.

* * *

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь сначала долго смотрит в твою сторону, не двигаясь, затем как-то обмякает и, кинув на тебя последний раз свой необъяснимый взгляд, не торопясь удаляется в чашу.

* * * Нечаянная радость — выпавший в начале мая последний нежный снег...

* * * Заманчиво проникнуть в неведомый, не похожий на твой, лесной мир! Для этого нужно преодолеть собственное незнание, отделяющее от тебя все живые существа, и попытаться увидеть ночь глазами совы, учуять добычу обонянием волка и услышать трубный призыв к единоборству с соперником ухом сохатого...

* * * На весеннем перелете утка валит, гусь — идет, а вот журавль с лебедем именно летят...

Если честно, то в дедушке Георгии не было ничего, что бы напоминало в нем последнего хана Сибирского ханства, в середине шестнадцатого века пытавшегося завоевать Прикамье, где находились владения русских купцов Строгановых, и вскоре разбитого Ермаком... Ну, может быть, только царственная степенность, с которой дед обычно держался, оперевшись на вересковый посох, когда пас свой скот. Так уж повелось, что всякая знаменитая личность в нашей деревне непременно наделялась каким-нибудь не менее запоминающимся прозвищем, и сия доля не минула деда Георгия, которого за глаза все звали «Хан Кучум», наверное только из-за фамилии Кучумов, а кто-то и совсем просто — Гоша, несмотря на его восьмидесятилетний возраст.

Еще дед Георгий выделялся окладистой седой бородой, под которой он прятал огромные натруженные ладони, когда опирался ими на посох, и бледно-голубыми, как выцветшее августовское небо, глазами, на первый взгляд казавшимися пустыми. Но только на миг охватывало тебя это обманчивое впечатление, пока ты не приближался к старику вплотную, после чего тело бросало в дрожь от колкого пронзительного взора, изредка вспыхивающего бесовским огнем. И в глазах, и в облике деда угадывалось нечто колдовское, потаенное, отчего хотелось все время смотреть на него.

Поначалу дед обычно глядел всегда в землю, как бы находясь в задумчивости, но затем неожиданно поднимал глаза и цепко устремлял взор на того, кто оказывался рядом, чем по-333

рядком озадачивал его. Вглядывался зорко, пристально, будто примечая, чего человек стоит, а найдя для себя ответ, отводил глаза в сторону, словно теряя интерес. Для большинства людей взор деда Георгия оказывался невыносим. При этом во взгляде стариковских глаз не ощущалось укора, каких-то тяжких дум, напротив — дед взглядывал всегда ясно, желая не напугать, а усмотреть в человеке его суть.

Всё в облике деда было вроде бы открыто — и глаза, и борода, и крупные черты лица, и мощные руки, и покатые сильные плечи. И все же он не казал до конца своего лика, и таинственность эту порождала его скрытная душа. Дела и слова деда тоже не показывали его подлинного лица, хотя и многое выражали. Ничем не отличаясь в образе жизни от своих поселян, дед словно жил для какой-то глубоко загадочной, как мне порой казалось — не понятной даже ему самому, цели, и это временами особо мучило его, не давая покоя.

Иногда же мне чудилось, что загадочный внутренний мир деда существует, и все мы только не можем его постичь, а для него он понятен и прост, дед живет каждодневно по своим не понятным ни для кого законам и людское непонимание не особо его и тревожит. Казалось, что оно вообще не трогает деда, а путаная речь его только усугубляла это впечатление.

Никто не мог понять и половины из того, что дед говорил, ибо речь его перемежалась старинными выражениями, давно вышедшими из обихода. Еще дед был охоч до разного рода пословиц и поговорок, да к тому же все время заговаривал загадками, как бы проверяя того, с кем общался... А колдовские глаза его по-прежнему не переставая лучились — то вспыхива-

ли бесовскими искрами, то потухали, и окончательно запутывали собеседника.

«Не всякая поговорка для нашего Егорки! Так что ли, нет? Из поговорки слова не выкинешь, слышь-ка, ради нее мужик в Москву пеши шел... А-а?! Да и то сказать: на всякого Егорку есть поговорка, токма у них, у ардатовцев-то,— своя,— он неопределенно тыкал пальцем через плечо, куда-то за деревню,— а у нас,— и опять уже толкал рукой тебе в грудь,— своя... Соли нету — слова нету, а хлебушка не стало, поговорка стала... Хе-хе-е... Пиши, значит, пропало!»

И опять: «Не сумливайся! На пословного коня-то и кнута ненадобно! Так надоть понимати, коли гладко да не торопко... От пословицы, как водится, не уйдешь,— ни обойти, ни объехать. Или то смекаешь, что эта пословица не для нашего Кузьмы Петровича? Кха-а... Старики-то не зря молвили: древняя пословица вовек не сломится. Аль, куды, чего-пошто? Есть притча короче носа птичья!»

Ошарашенный потоком трудно воспринимаемой, в словесную кучу малу перемешанной информации, человек замирал, не зная и не понимая, что ответить, а дед, будто наслаждаясь его растерянностью, вдохновенно давился смехом в бороду и взалхлеб, вперемешку с наставляющими замудрецкими отступлениями восклицал: «Шей, вдова, широки рукава! Было бы во что класть... Под небывальщину-то, слышь, уважаемый, подвод ненадобно... А и то в старину говаривали: и не быть, да в были поворотят... Верно толкую, аль нет, эта кобыла мать вашей лошади!»

Глаза его вспыхивали в очередной раз колдовским огнем, будто пытаясь утратить, и слушающему деда человеку становилось и смешно, и одновременно не по себе: а вдруг дед на самом деле колдун и что-то такое знает и умеет, чего даже вообразить невозможно? Дед же, упиваясь человеческой непутевостью и собственной удачей, только еще более воодушевлялся, готовый показать всему миру Кузькину мать. «Мать толста, дочь красна, сын храбер, в поднебесье ушел? Это чё? Кхы-кхы-ы... Смекаешь, нет? Муравей не по себе ношу тащит, да никто спасибо ему не молвит; а пчела по искорке берет, да Богу и людям угождает... Толкуй, кума, отчего такое детсяя, два кума Абакума, две кумы Авдотьи! Кума да кум наставят на ум!»

Скажешь ему бывало: «Погоди, дед, не успеваю речи твои разбирать! Хорошо с тобой — страсть, а вот бы еще всё усвоить...» Дед в ответ и глазом не мигнет, и уж, будьте любезны, брякнет, не задумываясь: «Недолго годить — могу, а долго — года не годятся. Ведь девятый десяток пошел... Пей, кума, да не пропей ума!»

«Уж больно ты речист!» — с улыбкой заметишь деду, и дед опять за словом в карман не лезет, тотчас сыпанет своей очередной премудростью: «Люди речисты, дак им все пути чисты, а кто бессловесны — тому проходы тесны! Не про то речь, что много в печь, паря, а про то, куда из печи идет? Согласен будешь?! Один мигает, тогда как другой уже смекает... У кого смекалки-то нет, так и ученье не дается...»

Постичь причину и суть премудрых высказываний деда Георгия оказывалось почти невозможным, между тем как вы-336

сказывания эти были в общем-то довольно простыми. Другое дело, что дед изрядно запутывал свою речь — умышленно ли, а может, у него это так непроизвольно выходило, и потому отыскивать смысл беседы с ним ты сразу отказывался, поскольку великим смыслом было само общение с этим человеком, переживание его самобытности, осознание, что такие люди еще живы и тебе повезло общаться с одним из них.

Хорошо бы, думал ты, разузнать у деда про огород, к примеру, про те же черноплодные рябины, которые ты пересадил и правильно ли всё обустроил при их перемещении? Так ли заложил в почву навоз и зачем нужно постоянно перекапывать землю под яблонями? По чему нужно судить, какая завтра погода будет, и отчего всегда так выходит, что если выбросишь за свою ограду какую-либо ненужную вещь, хотя бы обычный сорняк-репейник или гнилую картофелину, то она вскоре возвращается к тебе в дом бедою?

Дед принимался разъяснять все так же запутанно, обладая исключительной способностью выражать мысли и чувства мудрёно, умело сочетая свою словесную речь с самыми разнообразными ужимками и звуками, главным образом налегая на поучения. У деда был дар говорить, сообщая за короткое время прорву увиденного им когда-то и услышанного, к тому же перековерканного на свой особенный лад. «Человеку слово дано, скоту — немота, чего же мне не баять, ежели и сорока говорит? Токмо со своей бабкой не могу говорить, что и рта не дает отворить. С нею-то не все по говореному выходит...»

Поучительное слово у деда выходило все равно что похвальное: «Слово не обух, в лоб не бьет, а ум дает. Даже клад со

словом кладут, и коли доброе дело толковано, что сивая подкована! Отгадай, что я загадал?!»

Трудно было не поддаться обаянию деда... Как говорится, одет просто, а на языке речей со сто. Весь вид его, как я уже говорил, сразу приковывал к себе внимание, ибо наружность деда впечатляла...

Ходил дед и зимой и летом в одной и той же сермяге и шароварах, заправленных в высокие шерстяные носки, на ногах — калоши, а голову украшала выцветшая суконная шапочка на старинный манер. Фигура осанистая, кряжистая, покатые плечи выдавали мощную спину и руки, привыкшие к тяжелому труду, и весь он напоминал старый дубовый пень, не поддающийся истечению неумолимого времени... Время, кажется, иссушив, сделало его только более жилистым, крепким.

И дюжей фигурой, и вьющимися седыми волосами, ниспадающими на лоб и прикрывающими пронизывающий взор голубых с поволокой глаз, дед напоминал врубелевского пана... Глаза его смотрели в самую глубину, оголяя душу того, кто перед ним находился, и человек невольно отводил взгляд, чувствуя себя неловко. Дед словно нападал глазами на то, что видел, как коршун, мгновенно оценивая достоинства подвернувшейся добычи, но как только он начинал свои рассуждения, это неприятное ощущение оголенности проходило...

По внешнему виду, несмотря на то, что дед не выглядел старым и дряхлым, ему можно было дать целый век. Такая пропасть пережитого земного бытия в нем ощущалась, что ее невозможно было вообразить! Господь, по-видимому, наделил

зачем-то деда особенными знаниями, и дед, порой, просто не в силах был ими распорядиться. Он и сам часто говаривал: «Век живи, век учись, а помрешь дураком!»

«Всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом,— часто наставлял дед.— Незнайка на печи сидит, когда знайку на веревочке вешают. Да только так бывает, что незнайка рано или поздно с печи слетает, а знайка веревочку обрывает и в небо устремляется... Эхе-хе-е... Думать хорошо, а отгадывать бывает лучше того».

Дед редко когда улыбался, а только посмеивался в бороду, что торчала у него заступом. Кто-нибудь из соседей иной раз отважится, проходя мимо, съязвить: «Ну, Георгий, и оброс ты, поди ничего не слышишь?» На что дед с ходу отвечивал: «Борода, что трава, скосить не долго», затем мгновенно делался серьезным и, смеривая проходящего грозным взглядом, уже загадочно и строго добавлял: «Была бы голова, будет и борода!», после чего прохожий незамедлительно ускорял шаг, желая побыстрее скрыться с глаз сурово настроенного старика. Поражала всегда способность деда молниеносно отыскивать в ответ верное слово, даже целую пословицу, о чем бы ни заходила речь.

Но порой дед становился немногословен, отчего лик его мрачнел. Вроде бы жизнь, справно им же слагаемая, идет шиком, да душа отчего-то пришта к лычку. Сам на себя не похож, дед в такие моменты старался не показываться никому на глаза, а ко мне заявлялся через огород, с припрятанным за пазухой флаконом спирта, и, заговорщически подмигивая, изрекал: «Выпьешь немного вина, так и не убавится ума. Всяк,

как говорится, выпьет, да не всяк головой потрясет. Тащи ча-крышку!»

Я никогда не отказывал деду, выпивая с ним немножко за компанию, ибо знал, что ему это именно сейчас необходимо и, расслабившись, дед расскажет немало интересного. Лоб его после опрокинутой чарки поначалу разглаживался, глаза яснили и, кажется, становились еще более колючими, цепкими. Дед аккуратно утирал рукой усы и торжественно провозглашал: «Ангелы возликуют, а кто с ангелами ликует, тому завсегда праздник!»

Через минуту лицо его уже наливалось краской, вены на висках набрякали, а глаза вдруг отрешенно соловели... «Все мы, слухай-ка, люди, да не все человеки! Вот какая катавасия...— Дед смачно крякал, причмокивая губами, и упирался тяжелым взглядом в землю.— Богатый-то с рублем, а бедный-то со лбом. У вора же ремесло на лбу не написано... Согласен будешь?»

Какое-то время мы сидели молча. Дед смотрел не мигая перед собой, изредка озабоченно вздыхал. «И пьем, и едим, как люди, а за что Бог не милует, не знаем. Аль в людях людей нет?» — «На свете не без добрых людей»,— робко замечая я. Дед опять озабоченно крякает, недовольно ворошится: «И за рекой люди живут, и за горами... Людей много, да человека нет... Кого в свет выведут, дак тому живется. Встарь люди бывали умней, а ныне — веселей». И опять на какое-то время замолкает.

Самого деда судьба не жаловала. Рос без родителей, погибших, когда он еще был мал, а воспитывался старым дедом

Захаром, пасечником и плотником, на все руки мастером, про которого дед Георгий вспоминал так: «Старая любовь долго помнится, а дед меня шибко любил, хотя никогда и не показывал этого, словом — не баловал. Бывало скажет: «Погоди, в старом походи». И я ходил в его же собственных обносках, подогнанных дедом под меня. Стар был дед годами, да молод умом, хоть и жил на исконный лад. Сейчас вот старое вымирает, а новое не нарождается: откедова пророкам-то взяться? Наши старые дураки умнее теперешних молодых...»

Я сижу рядом с дедом и пытаюсь представить себе его детство, какой он был маленьким... Но у меня ничего не выходит. Кажется, будто дед всегда был таким — могучим, нелюдимым и очень мудрым, в своей неизменной войлочной шапочке, подпоясанный засаленным ужищем, на плечах — заношенная сермяга... «Воистину глаголят: где сшито на живую нитку, там жди прорехи! В живых-то больше корысти.— И, помолчав еще немного, дед таинственно добавляет: — Есть и живая и мертвая вода — да не про нас».

А вороньё с сороками то и дело перелетают над огородом, наперебой обеспокоенно перекликаются скрипучими голосами, будто жалуясь на что-то. «Черти носатые! — беззлобно замечает дед.— Все-то им не сидится! Чуют скорое ненастье... Но нет живучее кошки да ежа. Самая же умная — корова... Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, корова в рогоже, да всех дороже!»

Про огород дед Георгий мне однажды заметил: «Свое огораживай, чужого не пригораживай. Да только от соседа не огородишься! Закинут, кому надо, камешек и в твой огород. У кладбища-то никакой ограды нет, только канава... Овощ са-

жай под молодой месяц... Заборы обводи кустовьем... Ботву от репейника в ограде не оставляй — одолеет, выноси на дорогу и изрубай лопатой в мелочь! Овес — он и тот скрозь лапоть прорастает!»

Завидев деда в огороде, выкапывающего картофель, подойдешь, бывало, к пряслу, окликнешь и поинтересуешься: «Дедушка, какая нынче выдастся осень?» Дед неспешно разогнет спину, опершись руками о черенок вил, поглядит отрешенным взглядом в туманную даль, за деревню, и тихонько промолвит: «И бабье лето до Федоры не дотянет...» А ты смотришь на него и видишь только огромные натруженные руки, напоминающие развалистые сошники...

Дед всегда вручную перекапывал по весне огород, не доверяя технике, накашивал за лето по два-три зарода сена, колол целыми поленицами дрова и вообще выполнял всю нелегкую деревенскую работу, несмотря на свой возраст. В руках деда чувствовалась огромная сила, в чем я убеждался каждый раз после приветственного рукопожатия: возникало ощущение, будто твоя ладонь попадала в клещи, из которых ей было не вырваться, и это притом, что дед не прикладывал никаких усилий, а просто здоровался. Как говорили в народе, «попадешься в такие руки, так натерпишься муки».

Все, что требовало от деревенского жителя усилий, старания и заботы, выполнялось дедом неукоснительно. Всякое физическое напряжение телесных и умственных сил он только приветствовал, а утомляло его отсутствие какого-либо дела. «Без труда нет добра,— говорил дед просто, и руки его, сжимающие лопату, вилы или колун, на глазах наливались

силой, лицо же хорошело.— Два труженика — пчела и муравей, а одному — спасибо, другому — нет! Согласен будешь? А почему?»

«Для крестьянина одна забота — работай до пота! — таким веселым напутствием сопровождал дед обычно любое начинание.— Пчела и та трудится, а для Бога свеча пригодится. Но одна работа не кормит, без душевного усилия не обойтись! Человек и духом и телом крепок быть должен — так я разумею, и на душе легко, когда ей до всего есть дело. Пока душа жива — жива и надежда моя... Не свищи, душа, через нос!»

А сам, знай, вилами землю ворочает, дело у деда незаметно спорится: «Господь завсегда поможет укрепиться на хорошую жизнь, ежели сам не оплошаешь». И все копает неспешно могучими руками, и выцветшая рубаша на крутых плечах взмывает до пены, но дед ничего не замечает, впадая, кажется, в какое-то полуобморочное и в то же время отчаянное до радости забытие. Будто службу несет, не составляющую ему никакого производства в продвижении, но тем не менее старается изрядно, словно не замечая жизненной несправедливости и утверждая своим трудом какую-то собственную великую правду. «Дерево смотри в плодах, человека — в делах,— часто говорил дед.— От дел твоих сужду тя».

Земля у деда в огороде была мягкая, рассыпчатая, словно пух, ибо удобрял он ее в течение нескольких десятков лет: скот у деда Георгия с бабой Шурой не переводился. Последними были восемнадцатилетняя корова Марта, теленок Мальчик, свинья Аксютка, козел Васька и коза Машка, да овцы — Пашка и Дашка. Всякую живность, хоть это и выражалось у него про-343

сто, без затей, дед любил какой-то особой любовью, как может любить только человек, всю жизнь проработавший на земле. Всякий дом хозяином хорош! А уж дед Георгий славился своею заботою...

К слову сказать, и походил дед частенько на духа, хранителя дома — домового, который только что не проказил, впрочем, редко обходясь без шутки. Нравилось деду тешить себя и людей забавной словесной выдумкой, несмотря на постоянные обвинения в обмане, в том, чего, по утверждению селян, никогда не было и не могло быть, но если дед и говорил неправду, то не ради лжи, а для безвредной потехи: не надсмехаясь, скорее просто дурача человека, поколе у того краска в лицо не вступала. Известное дело: правда шутки не любит, дед же забавлялся, что мед пил!

Старуху свою он морил со смеху своими выходками смолоду... Когда баба Шура ходила еще в девках, а сам дед Георгий слыл на деревне первым балагуром, молодухи уговорились на вечер перед Рождеством гадать... Взяли кольца, сережки, по-клали их в блюдо вместе с кусочками хлеба, солью, глиной из печки и углем, поверх всего накрыли чистым полотенцем, и каждая из участвующих загадала, что ей надобно, а потом отправились на двор, в амбар, и оголив заднее место, несмотря на мороз, принялись ожидать, какая рука их погладит: мохнатая — выпадет богатый жених, с достатком; гладкая — добрый молодец; шершавая — бедняк, голь перекатная...

Георгий, подслушав о девичьем собрании, стянул из чулана старую медвежью шкуру, добытую дедом Захаром, и, накрывшись ею, заранее спрятался в мучном хранилище. А когда дев-344

ки заявили да оголили телеса, принялся охаживать их мохнатой звериной лапой, и первой досталось Александре... Девки, конечно, в визг: «Чур сего места! Свят, свят, свят!» — и врассыпную. Георгий не своим голосом им вдогонку: «Поехали, дуры, к чертям на задворки, в гриву вас и в дышло, в хвост и в хомут!»

Было еще дело... Наловил дед летучих мышей да привязал их за лапы на сеновале, где бабка сушила белье. Бабка с тазом поднялась по шаткой лестнице наверх да и обомлела, когда они все встряхнулись под навесом и повисли, хлопая крыльями, у нее перед самым носом... Дед и лестницу отворотил в сторону, чтобы, значит, бабке сразу невозможно было ретироваться и пыл ее маленько поостыл... На сеновале — вой истошный: «Гошка-а, кишка тараканья! Сымай меня отсель, у меня зад чижо-о-лый... Дурак стоеросовый... Чтоб ты сдох!» Дед лишь ухмыляется: «Хрен да капуста лихого не попустят».

Вспоминая былое, дед по-прежнему балагурит, не смиряясь со старостью: «Хочь на час, да вскачь! Ахти, кабы девка мне: при девке — я живой бы человек!» Бабка, поджав губы и прыснув деду в глаза мелкой щепотью, только обронит: «Тпруть! Протри зеньки, хрен сухой!» Дед зарегочет, аж борода трясется: «Сгинь, пар со шей!» — «Вали, разбрыхайвай...— обиженно шевелит губами бабушка.— Чего ешшо удумал?» — «Не твоя забота месить чужое болото!» — «Бога не гневи, а черта не смеси», — прикрыв улыбку кончиком платочка, отрещивается от него баба Шура. А дед ей: «Не смейся, горох не лучше бобов!»

Со мной дед как-то поделился: «Думают, старик из лет выжил: веселит всех, как малое дитя; дак, когда кочеток гуляет,

он бояр потешает, а народ-от любитесь... Что потешим, то и поживет... Согласен будешь?!» — И уже поостроже, нахмутив густые брови: «Но всякая шутка надвое растворена: что коту потешно, то мышке за беду...»

«Опять Кучум чудит, народ мутит!» — обычно только и слышать от соседей. Дед же, посмеиваясь в бороду: «Шучу да за спиной простор берегу, ибо живем шутя, а помираем взаправду. Шутка-та ряд делу!» Особо сердобольные ему в ответ: «Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой!» — «Ежели шутки пошучиваю — на себя плеть покручиваю,— не сдается дед.— И дураку не всякая шутка к лицу. Или не до шуток рыбки, коли крючком под жабры хватают?» Деду опять: «Шут выворотной, гороховый! Паралич конский!» А он: «Шут не шут, а шпын еще тут!» — И, присев, задорно хлопал ладонями по ляжкам: «Не шут совал, сам попал!» От него только в бессилии отмахивались рукой, как от дыма...

Как-то возвратясь поутру с глухариного тока, я, видимо, привел за собой в дом неведомую лесную силу... Прежде чем обустроиться вздремнуть, отварил кусок баранины и оставил его в котелке, на загнетке, прикрыв миской, а когда проснулся через пару часов и прошел на кухню, застыл в недоумении: весь кусок мяса был съеден, от него осталась только вытянутая в нитку голубая жилейная жилка, бульон разлит по печи, но миска по-прежнему накрывала посуду... Как такое могло случиться?!

Внимательно осмотрев дом, следов пребывания посторонних я не обнаружил, двери и окна были плотно затворены, печь — на заслонке, в полу — ни единого отверстия: клоп не

пролезет... Что за загадка, перекинь через грядку! Вышел в огород и к деду: «Откуда сия напасть?»

Дед пот со лба рубахой обтирает и молвит: «Хомячье отродье... Больше некому!» — «Да как же,— говорю,— они сквозь закрытые двери проникли? Ведь ни щелочки в доме!» Дед перекрещивается шепотью: «С нами крестная сила... Как под благословеньем!

Картоху я раз в жару окучивал и заглянул на куфню водички хлебнуть... Потому как был я в лаптях, проследовал, значить, через ограду неслышно, и вижу: три хомяка выталкивают из-под буфета кастрюльку с куриными яйцами... Чистый грабеж, ни в корень, ни в пристяжку, ни в собачий шиш!

Хомячье — мастера до прокуды: и кадку с соленьями прогрызут, и пол, котенка задавить им — пара пустяков, в любую щель не хуже мыши просунутся, амбар за ночь подчистую выметут... Что не сдерут, то попортят! Не портянкой, мол, утираемся...

Смотрю, один — силен, бес! — яйцо подбородком к груди прижимает, два других в передние лапы прихватил, и так, на задках, прямиком на выход чешет, сучий кот, хвостом как веником потрясывает. По сторонам, нечисть-ерыкала, зыркает, цену себе понимает! Идет, серая шкура, не дрыгнет, не то чтобы яйца обронить. А все-таки сквозь морду его поганую, вижу, ехидство в нем пробивается... Шибко вумный, хлюст,— знает край, да не падает: даром что хомячина.

Двое других, что поменьше, идолами у него по бокам замерли: догляд ведут, чтобы яйца по избе не раскатились, и так это преданно ему в зенки заглядывают — уважают, значить...

Подхалимажа — ни зги, одна сплошная удовлетворенность от хапужничества этого бесстыдного. И ведь с них, свиней собачьих, еще станется, а нашему брату — неудобство. Кому рассказать, в раз срежут — с ума спятил, и уж тогда угодишь в ящик по самый хрящик!

Очень-но докучливые в домах твари — хомяки, но кабы не было их на скопидомку, так с нею бы и не сладить! У всякого существа — свой царь в голове, а у этих сволочей — на особлинку, с промыслом. Стоит им скоромное взнюхнуть — табак дело! Должно быть, немцы таких хитрых «обезьян» придумали... Ежели их, чертей, накоротке не держать, голову начисто сгрызут. Поумствуешь надо всеми Божьими делами — ум вскружится!»

Веселое расположение духа редко покидало деда, но когда это происходило, он заменял его крепким словом, и в такие минуты становился похож на пузатый, закипающий паром медный самовар... «Что за смех подняли? — горячился дед.— Где смех, там и грех! Ась? — И дурашливо прикладывал к уху ладонь.— Смехом бока надсадишь — сколь с тебя взять?» Кто-нибудь серьезно заметит: «Людам тын да помеха, а ему всё смех да потеха... Смех до плача доводит, им сыт не будешь!» А дед не унимается: «Смех тридцать лет у ворот стоит, а свое возьмет! Век на нем живет... Смех-то ведь, что волынка: надул, поиграл, да и кинул. Вот и ты посмеешься — словно век проживешь!» Все только со смеху покатываются...

Да, так оно и было: ты деду — слово, а он тебе — десять, да каждое, что ком. И еще в назидание: «Словом человека не убьешь, а только перелобанишь!» И хоть говорят, что кто сло-348

вом спор, тот в деле не скор, но руки деда любую работу брали, а словашку с кого хочешь драли. В общем и на словах — как на гусях, и на деле — как на балалайке. «Слово слову розь,— ехидно наставлял дед.— Словом Господь мир создал, словом же Иуда Господа оклеветал!»

Крепкий и на дело, и на слово, дед Георгий будто знал про все какое-то древнее заклинанье, заговор, и колдовал себе в усладу. Кто-то говорит, будто слово слову костыль подает, дед же за словом в карман не лез и разил им словно стрелой, а уж чары его внутреннего обаяния даже пугали людей... Не зря дед слыл на деревне волшебником и колдуном, и говорили про него невесть что, дед же обычно загадочно отмалчивается и вдруг брякнет: «Чудо чудное, диво дивное: от черной коровки — белое молочко... Мужик умен, да мир — дурак!»

А поселяне верили-таки будто бы дед Георгий в бане своей старой темными вечерами бабкам снадобья волшебные раздает — косточки кротовые, настои на жабьих глазах да болотные мази; вороньё приваживает, и по гнездам у них, с косточками да кишками, его сила черная хоронится; ничего не стоит ему в человеке распознать черта шербатого, лесную раскоряку, и на белый свет тотчас вывести. А когда дед просто на завалинке сидит, толокно хлебает, то все равно всю правду про каждого мимо проходящего ведаёт, в рот ему тыква! Словом, не без начинки старик! Старому, как говорится, хрена в квас не клади.

На самом же деле дед Гоша был обыкновенный крестьянин, но труд для него являлся целью жизни, а не средством

к существованию. «Дюж коль — воду вози,— просто подсмеивался он над собой,— а издюжал — на живодерню». Кто как не он — крепкий мужик, живущий в согласии с самим собой и окружающим миром, понимал суть гармонии, вполне и не разумея, наверное, этого слова. Деду важно было сопереживать всему живому, находя с ним наиболее простую форму общения, и он, конечно, ее находил. Сама жизнь подсказывала ему, что нужно делать, живя на земле бок о бок с животными...

«Каждый из нас — пример суетности,— говорил дед,— а скотина тщеты не допускает, хоть и не скажет, что есть-пить хочет. Всякий скот — Божья тварь, а иной человек — от дьявола. Согласен будешь?! Спорыню тебе в квашню, сто рублей в мошну!

Свиньям хвосты подмывать, известно, дело немудреное, да только бывает свинка и золотая щетинка. Свинья, конечно, не огородник, и везде грязь найдет, а под Рождество, на Василий вечер, подавай свиную голову на стол!

Валаам — премудр, а скотом обличен был... Как такое рассудишь? Скотинушка греха не знает, а иной лицом детина, да разумом скотина.

Лошадь человеку — крылья... Возит и воду, и воеводу. Покойный мой дедушка Захар, царствие ему небесное, говаривал: «Добрую лошадь одной рукой бей, другою слезы утирай». Сам, бывало, не ест, а лошадь кормит.— А потом с грустинкой: — Но не дорога лошадь, коли у кого бабушки во дворе нет...

Козлов не люблю: ни шерсти, ни молока, одно слово — вражина! От него псиной несет, как от скорняка — кисляти-350

ной. Да и козы, что девки, те — тоже не люди. Всё как козы смотрят. Недаром старики говорили: в девках засиделась, так на том свете козлов паси. У нас, замечаю, в последнее время овец не стало, а на коз честь пала.

Да и то случается: повадится овца, не хуже козы. И сыта кричит, и голодна кричит — не боится, скотина, что отдадут татарам. Наберется за день репёв, и только сено ей с ума нейдет... Сера овца, бела овца — все один овечий дух.

Но нет умнее скота, чем корова... После отёлу угостишь ее на блюде сенцом или хлебом с солью, сваришь кашку на молоке, а она понимает, что молятся за нее, любят, и тоже относится к тебе домашнему, тепло... Если корову только по удоям считать — молока не видать, она обхождение уважает... Ласковое-то слово лучше мягкого пирога».

В отличие от бабы Шуры, которая встречала меня всегда радушно, сияя голубенькими глазками и робко, будто извиняясь, подвязывая под сморщенным подбородком платочек, дед долгое время никак не реагировал на мое появление в избе, и только выдержав паузу, сдвигал очки на лоб, откладывая пожелтевшую старую газету и серьезно изрекал: «Привет, горожанин... Чего у вас там нового слыхать? Не предвидится ли войны?» — «Ну-ну, куда поехал?!» — беззлобно останавливает деда баба Шура. Дед тотчас умолкает, откинувшись на подушку, и устремляет на меня свои бледно-голубые лукавые глаза.

В комнате мерно постукивали часы, кошка лениво прыгивала с печи, мягко тукнувшись лапами об пол, на подоконниках в картонных коробках тянулась к свету рассада, а за окнами сияла весна...

Я любил приезжать в эту пору в деревню. Первым делом расчищал от снега дорожку, а затем отправлялся с ведрами на колонку. Колонка как раз располагалась напротив дома деда Георгия и бабы Шуры, и набитая тропка указывала на то, что старики живы-здоровы.

Воздух был прозрачен и синь, всё в нем играло от радостного весеннего света: и дома, и улица, и высокое бездонное небо. Хорошо было стоять и смотреть, как тягучая струйка воды медленно наполняет ведро, снега ярко сверкают на солнце, а ты шуришься от удовольствия, представляя, как отправишься поутру в лес, на глухарине токовище...

...Небо выгнется над деревней светло-зеленой упругой стынью, слегка розовея на востоке. Укатанная лесовозами дорога бежит под ногами прытко, будто подбодряя своим напружиненным, поблескивающим видом. Все обещает, что день выдастся восторженный, по-настоящему весенний, каким он может быть только в марте, и ты обязательно увидишь начерченные глухарями на снегу знаки, самих таинственных птиц, всё это неопишемое мартовское раздолье с искрящимися на солнце полями, потаенными ельниками и логами с пролеглими по их склонам синими тенями, с барабанной дробью дятлов, доносящуюся из-за реки, а возвращаясь в деревню, тебе будет приятно думать, что дома ждут натопленная печка и милые соседи-старички, которых ты почему-то любишь больше, чем родных людей.

В такие весенние дни, со сверкающим солнцем и снегами, дед выходил поутру из дома с рюкзаком за плечами и, опираясь на вересковую палку, неспешно отправлялся в пекарню за

хлебом. За поворотом дороги, где его никто не мог видеть, он останавливался, присаживался прямо на сугроб, и неторопливо отламывая от горбушки кусочки хлеба, разбрасывал их подлетающим птицам... Птицы — вороньё да сороки — будто ждали его, сидели неподалеку по голым деревьям и в возбужденном ожидании, как ни странно, не издавали ни звука. Так же молча они слетали к хлебным подачкам и, ловко подхватив в клюв, уносили их куда-то за деревню, к лесу. Наверное, прятали.

Таким я увидел деда в последний раз, ранней весной, за месяц до его смерти... Возвращаясь с колонки, поравнялся с прохожим, который оглянулся на деда и обронил: «На мир пирога не испечешь...» А дед, ровно не слыша, тихонечко промолвил: «В миру, как в пиру, всего в достатке... Скворцу, вон, даром скворечницу поставь, а отчего ворону черствой корочкой изредка не побаловать? Крошки хлеба грешно лишь на пол бросать...»

Дед сидел чуть сгорбившись, будто и не замечая птиц, не отдавая отчета в том, что кормит их высохшими хлебными корками, а так, словно задумался о чем-то давнишнем, глубоко сокрытом от него самого, и эти воспоминания, кажется, не тревожили его и не радовали. Дед давно свыкся со своими скрытыми мыслями, и казалось, что возвращаются они к нему именно тогда, когда он принимался кормить жадное вороньё. Со стороны можно было заключить, что кормит он птиц без желания, а как бы только с целью вызвать свои затаенные думы, и птицы ему в этом помогают. Молча расчерчивая ве-353

сенний воздух, сороки и вороны сами представлялись этими скрытыми мыслями деда, которые вдруг вырвались наружу и оживили собой и без того насыщенное жизнью весеннее пространство.

Покрякивая, дед поднялся и, переваливаясь, отправился дальше. В одной руке — посох с рукавицами, другой еле приметно подбрасывает в воздух хлебные кусочки, как сеятель, а птицы подлетают к нему почти вплотную, кружат над его головой, будто сопровождая...

Я стоял с коромыслом и смотрел деду вслед... Все обещало быть яркому мартовскому дню. Солнце радостно выкатывалось на востоке, а дед шел неспешно ему навстречу, будто навсегда удаляясь за горизонт, и я не мог избавиться от ощущения, что больше уже старика не увижу.

Небесная ясная голубизна, под цвет дедовских глаз, дружно растекалась над деревней, небо торжественно выгнулось, напряглось, и откуда-то из этой необъятно-божественной сияющей бесконечности вдруг еле слышно, но величественно донеслось: «Бывайте же друг ко другу благи, прощайте друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам...»

Всё в природе находится в равном положении между собой, и каждое дерево, быть может, для того и простаивает терпеливо всю жизнь на одном месте, невидимо трудится и никого не обижает, чтобы помочь каждому человеку правильно выстроить свою судьбу.

В древности посвящения в великие таинства сопровождались длительным пребыванием в темноте, пока глаз одолевал препятствия тьмы своим внутренним зрением... Так и нахождение в ночном лесу, на глухарином токовище, невольно вызывает устремленность к усилению внутреннего света.

Глядя весной на распевющую птицу, успевающую, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитывать время, чтобы быть по-настоящему свободным.

Старый глухарь перед смертью, наверное, совсем не ест. Не надо ему ни клюквы, ни брусники, ни подмороженного осинового листа или сладкой хвойной иголки... Скрытно сидит он где-нибудь в верхушке густой сосны, строго глядя перед собой, но ничего уже не видит...

Случается осенью день, который не отличишь от весеннего. В нем так же пахнет землей, снегом и листьями, и только по отсутствию в себе приподнятой радости, когда внутри бродят нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успо-355

коилась, а душа, затаившись, замерла. Значит, в тебе отболела твоя золотая осень.

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели. Снег на молодых елочках подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнаженные, вроде бы чуточку растерянные, будто и не зима вокруг, если смотреть только вверх... Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежной пудрой, а наутро — опять тепло, и тогда припорошенные елочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блестками, выглядят еще более молодыми.

Именно благодаря глухариным токам открыл я для себя, что ночь не так уж непроглядна! Даже без луны глаз способен воспринимать окружающие предметы достаточно ясно, а по прошествии некоторого времени и вовсе осваивается в обступившей темноте. Надо не лениться и как можно чаще бывать в ночном лесу, особенно весеннем, и тогда увидишь многое из того, чего ни за что не встретишь днем. Лес устроен так, что ночь в нем полна жизни!

Увидел однажды лису и сразу подумал: зачем у нее такой красивый и вроде бы совсем не нужный хвост? Уж, конечно,

не для того, чтобы следы замечать, которые, если кому понадобится, и без того разберут. Да и с красотой не всё так просто: не призвана она в лесу в глаза бросаться...

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя и подошел к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком. На снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой. И тут я понял: хвост позволяет лисе не застудить легкие в сильные морозы, когда она, оборачиваясь им, утыкает в него нос, а холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться.

От свежего запаха коры, капли с розовых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, душистым...

Тем, кто еще не вошел в лес, хочется поскорей туда войти. Тот же, кто уже побывал там, желает побыстрее выйти... Что за сила влечет нас туда и оттуда? И отчего, когда мы находимся в лесу, время вроде бы приостанавливается, и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой всё же бежим? А кто-то и не думает ничего об этом, и равнодушные его, подобно девственной тайге, безгранично...

Несравненен зимний уют внутри жилья! Комната будто оживает, открывая неведомую ранее жизнь людей и предметов. Солнце заглядывает сквозь оголенные окна, каждому напоминая или подсказывая что-то свое. И каждый про себя, непроизвольно и с удовольствием, пересматривает собственную жизнь и борется с воображаемыми слезами умиления.

Если прислушаться, о чем рассказывает каждая травинка, цветок или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные твоей душе.

Стоит конец февраля, а птицы и звери начинают делиться на пары. Клесты в это время единственные, кто выводит птенцов. Весь шум в лесу от них. Носятся стайками, неугомимо щебечут, обрывая шишки с верхушек высоких елей...

Дятлы, забираясь в осиновую гущину, с остервенелым вскрикиванием гоняются друг за другом. Белки, поцокивая и вереща, время от времени перебегают с дерева на дерево в оттепели, играют. Все они сейчас задают тон в лесу.

А вроде бы тихо протекает лесная жизнь, надежно скрыта она от посторонних глаз, нелегко пробраться к ней через великие сугробы. Снег, не переставая, кружится и падает с небес, и наст никак не может установиться. То и дело посвистывают

метели, морозы прижимают снежный покров плотнее к земле, а через несколько дней опять валит снег, и нет ему конца...

Тяжело стало передвигаться большим зверям: волку — скрадывать добычу, лосю — отыскивать более сочную кору. Только легкому на подъем зайцу всё нипочем: в теплые дни изредка можно услышать его предвесеннее боботанье.

Долго еще лежать снегам, дуть колючим ветрам, далеко до прилета птиц, но уже ощутимо пахнуло весной, новой пробуждающейся жизнью. День усиленно прибывает, переваливает через надоевшую зимнюю стужу и длинную ночь. Чем больше света, тем больше радости в лесу!

Первый снег, будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания.

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала не слышим никому, живет как бы украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре обнимет все пойменное пространство.

Поздней осенью, когда волки сбиваются в стаи, в народе говорят, что звери наглеют...

Когда после долгой осенней неустроенности приходит чистый и успокоенный декабрь, появляется до жути непреодолимое желание заглянуть в будущее — в предстоящую зиму, чтобы поскорее увидеть волшебные узоры на окнах, ощутить божественную темноту звездной рождественской ночи и перехватывающий дух крещенский мороз... Кажется, декабрь думает только о хорошем...

Люблю, когда вечерние тени зимой еще не сливаются одна с другой, а подступают крадучись, неспешно. Точно так же и ты: с удовольствием догадываешься о своих самых сокровенных желаниях, незаметно перенося их в таинственный вещий сон...

Прозрачные ручьи, росистые луга и бесконечные снежные поляны не сравнятся в своей чистоте с устремлениями свободной человеческой души, и только ждут, когда человек обратит к ним свое внимание.

После дождя в весеннем лесу так приятно проясняется, что вспоминаешь только хорошее, а все худое бесследно исчезает.

Поздняя осень... Кажется, все умерло, но так хочется жить!..

* * *

Проснувшись посреди ночи, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе или звездно. И если звездно — тотчас неизвестно чему обрадуешься и опять окунешься в сладкие сновидения, а если пасмурно — долго ворочаешься, думаешь, но в мыслях ни к чему не можешь прийти, тяжело забываясь только под утро...

* * *

Пир мартовского восторга в природе только начался, а солнце явилось на него, уже упоенное счастьем, румяное и хмельное...

* * *

Белесое, затянутое мутной пленкой зимнее солнце как-то неловко выкатывается на хмурое небо и, прячась за рваные бесцветные тучи, начинает потихоньку светить. Делает оно это почти незаметно, но приглядевшись, от него трудно бывает оторваться. Чем-то неизъяснимым притягивает к себе солнце в этом занесенном метелями мире.

Солнце почему-то хочется запомнить и даже унести с собой, поэтому часто достаешь фотоаппарат и снимаешь. Ждешь,

когда тучи минуют его кремовые, четко очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Теперь солнце в каждом своем неповторимом мгновении остается с тобой.

Но тебе все мало, ты жаден до его непередаваемого рассеянного света, и все снимаешь, снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно перекачивается по зимнему небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах.

Рано или поздно, но всегда неожиданно лес наказывает за содеянное против него зло. Им могут оказаться пара подстреленных тобой по весне рябков... Всё в природе сразу как-то подберется, нахмурится, и неизвестно откуда надвинется вдруг непогода... Потемневшее небо тяжело навалится на землю, сильный ветер гнет и чуть ли не ломает деревья — повсюду чувствуется чье-то могущественное присутствие. В довершение всего ты еще поскальзываешься, спускаясь к реке по старому волоку, падаешь и ломаешь приклад ружья... С такой неприкрытой враждебностью лес напоминает тебе об уважении его невидимого бога.

Когда я нахожусь на глухарином току, мне хочется пригласить туда всех музыкантов, потому что в их сочинениях есть поиск смысла всего сущего, то есть гармонии, а песня глухаря,

пусть и не совсем складная, в полной мере сосредоточивает ее в себе. Музыкантам не мешало бы послушать весеннюю песню замечательной древней птицы, чтобы не предать в своем творчестве возможности быть по-настоящему свободным, не отделяясь при этом от чужих радостей и бед.

Среди ослепительного зимнего поля, затаившейся тишины и синих теней всегда хочется, чтобы появилась огненная лисица или, может быть, пегий лось... Тишина бы вздрогнула в этот миг, закачалась на плечах леса, и все ожило вокруг, заиграло радостным предвесенним светом. А ты бы стоял, не шелохнувшись, бесконечно долгое время, и любовался зверями, запоминая каждое их движение, взгляд и изменение настроения.

Налюбовавшись, тебе нужно как-то проявить себя, чтобы зверь обязательно отреагировал на твое присутствие, и ты слегка присвищнешь, после чего зверь насторожится, длинными неторопливыми прыжками пересечет поляну или дорогу прямо перед тобой и исчезнет. Лес будет стоять тихо, и если бы не следы, подумается, что всё чудесным образом привиделось. Наверное, можно многое узнать вот так, один на один со зверем, и почувствовать себя счастливым человеком. Ради этой возможности можно пройти не один десяток километров и сколько угодно времени простоять на морозе.

Ожидание подобной встречи всегда томительно. Гадаешь, кто попадется навстречу и как это произойдет. Но лес откроет

новое, неожиданное, потому как никогда не повторяется в своем откровении.

Изучая лес досконально и добившись в этом деле немалых успехов, однажды забьешься, подобно птице в силках, в его тончайших подробностях, и каким-то природным чутьем отдашься на волю провидения, которое, поначалу околдовав и запутав, неожиданно и выведет тебя к нужному ответу.

Под осыпавшейся кручей, над самой дорогой, оголились и повисли длинные корни деревьев... Несмотря на свою беспомощность, вызывали они неприятное волнение: казалось, кончики этих корявых щупалец вот-вот достигнут твоей одежды и больше не отпустят... Долго я не мог оправиться от этого ощущения, не в силах понять, что меня вынуждает, не оглядываясь, ускорить шаг...

Многим хороша зима, но главное ее достоинство — глубокие снежные покровы, которыми она устилает землю. Благодаря им можно без труда прочесть все подробности в книге жизни лесных обитателей. Ни в какое другое время года это невозможно, а зимой все тонкости поведения животных, как

на ладони! Некуда им скрыться от снежной напасти, и звери с нетерпением ждут весну, когда зазвенят ручьи, ярко засветит солнце и растопит глубокие сугробы. Тогда смело можно будет бегать по лесу, щипать траву и ягоды, выискивать мышей и червячков.

Но не для всех лесных обитателей снежный покров в тягость. Для некоторых он служит домом — надежным и теплым укрытием. Мыши-полевки лишь изредка чертят по снегу еле приметную вязь следков, большее время проводя в надежно замаскированных норках. Ласки и горностаи — белые, как сахар, отличимые от снежной белизны лишь бусинками глаз и черным кончиком хвоста, также проводят всю зиму под снегом. Не тронутая сверху белизна скрывает их многочисленные переходы. На свет зверьки выбираются только затем, чтобы оправиться, понаблюдать за всем происходящим наверху, подышать свежим воздухом. Их неожиданно возникшие посередине поляны ямки, как правило с испражнениями, свидетельствуют о проявляемом интересе к окружающей жизни, потребности время от времени следить за собственной безопасностью. Неровен час, налетит откуда ни возьмись ушастый филин или подберется неслышной поступью кумушка-лиса!..

Выбравшись на поверхность, горностаи замирают белыми столбиками, с любопытством осматриваясь вокруг. Мало горностаю иметь защитную шкурку, как зайцу: он норovit поглубже под снег забраться, где ему и укрытие, и пропитание. Только не понятно, как такому верткому и пронырливому зверьку не надоедает всю зиму под снегом просидеть: ни по-365

резвиться тебе вовсю, ни побегать привольно. Видно, хорошо горностаю под снегом живется, и нет у него никакого желания что-либо в своей жизни менять.

Даже самый маленький ветерок не бывает случайным.

Чем человек глупее, тем меньше его понимает зверь.

Шел я как-то по первоснежью глухой лесной гранью и увидел поваленную через нее пихту... Присел отдохнуть, достал термос, бутерброды, а взгляд остановился на стоящей напротив ели. Поначалу я в этом дереве ничего особенного не обнаружил: елка как елка, только почему-то вся в смоле, стекающей сверху и засохшей желто-белыми струями до самой земли. Долго не сводил с нее глаз просто потому, что она росла прямо передо мной, и только потом разглядел: под застывшим смоляным слоем почти отсутствует кора...

Кора оказалась содранной острыми медвежьими когтями, глубоко пропоровшими древесину. Весь бок елки был исполосован этими ранами, а выбросив вверх руку и встав на цыпочки, я на полметра не дотянулся еще до начала борозд... Трудно было поверить, что медведь просто метил территорию, обходя свои обширные владения. Слишком жестокими показались

мне нанесенные дереву повреждения, и я представил, как все это происходило...

Обойдя дерево, я вдруг заметил на уровне пояса гораздо меньшие по размеру углубления, принадлежащие, несомненно, совсем небольшому медведю. Вероятно, это был пестун, а глубокие зарезы от когтей на противоположной стороне оставила его мать — огромная сильная медведица. Что-то очень здорово разозлило ее и она не придумала ничего лучше, как разделаться с не повинным ни в чем деревом, которое стояло открытым и, по-видимому, первым попало под лапу разъяренному зверю...

Медведица долго не могла успокоиться, изуродовав страшными когтями ствол, но ель достойно выдержала этот натиск разгневанного животного, не сломалась, и постепенно, незаметно для всех, залечила раны...

Аккуратные головки копалух, грациозно вытянутые над травой и настороженные, легко принять за придорожные цветы, то появляющиеся под напором ветра вдоль колеи, то исчезающие...

В мрачное ноябрьское время не сразу доберешься в лесу до той жизни, которая все-таки не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

Многие люди испытывают перед ночным лесом неподдельный страх. Человека, по-видимому, страшит в нем неизвестность. Когда же он столкнется с тем, что вызывает боязнь, то тотчас забывает о ней, понимая: неожиданно обретенная тайна покрывает собой ранее безотчетно преследующее его неприятие неизведанной жизни.

Чтобы не пугаться ночного леса, человеку надлежит чаще бывать в нем, и он постепенно постигнет его законы. В силу привычки, боязнь уйдет, а на смену ей явятся любознательность и уверенность в собственных силах.

Иной раз захочется обойти всю зиму по глубокому снегу, но постепенно выдыхаешься, волей-неволей уменяешь шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаешь утопать в ее великих сугробах...

У большинства животных — долгая память и твердые привычки, которые они без особой надобности ни за что менять не будут. Почему, скажем, лоси или кабаны часто посещают городские улицы, когда их можно легко обойти? Возможный ответ видится в том, что все города, в которые заходят звери, лежат на путях их вековых кочевий. Силу привязанности зверей легко представить, вспомнив возраст городов. А ведь миграции начались задолго до их возникновения!..

В последнюю, порой очень отчаянную апрельскую зать у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

Изголодавшаяся лиса способна устроить ежу баню, обливая его собственной мочой, и еж разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах хищника.

* * *

Как хорошо быть в не привычной для тебя лесной обстановке самим собой и принять окружающее за свой дом.

* * *

Сколько помню, всегда под нашим деревенским мостом, у железнодорожных путей, целое лето вились стрижи, которых все воспринимали естественно, скорее даже не замечая. Носятся в воздухе — и ладно, так заведено в природе. Это, в конце концов, нужно самим птицам, они витают в вышине, выскивая необходимый корм, постоянно отчего-то вскрикивают и в общем-то достаточно наскучивают своим безудержным парением. Но между тем стрижи не так уж просты и безынтересны...

Стрижи никогда не обманут в «предсказаниях» погоды. Перед похолоданием и дождями птицам становится трудно добывать пищу — насекомых, которых они ловят только высоко

в воздухе, и поскольку насекомые при непогоде опускаются ближе к земле, это вынуждает стрижей тоже снижаться. Если надвигается затяжное ненастье с похолоданием, стрижи и вовсе покидают места обитания и легко откочевывают за сотни километров, где стоит теплая погода, ярко сияет солнце и вдоволь летающих насекомых. Когда же на родине снова устанавливается хорошая погода, стрижи с такой же легкостью возвращаются. Из-за приспособленности стрижей чувствовать непогоду и сложились в народе приметы: «Коли вдруг среди лета стрижи исчезают из города или деревни — жди дождя, и дождь будет затяжной»; «Летающие высоко над строениями до самых поздних сумерек стрижи — признак сохранения хорошей, теплой погоды».

Стрижи полезны поеданием многих летающих вредных насекомых, так как вся их жизнь проходит в воздухе. Даже пьют стрижи на лету, пролетая над самой водой и зачерпывая ее широко открытым клювом. Стрижи — неугомонные птицы, недаром природа снабдила их мощными, серповидно изогнутыми крыльями, по которым стрижей всегда легко узнаешь в полете. От ласточек их отличают длинные крылья и маленький вильчатый хвост, тогда как касатки, как часто называют в народе ласточек, имеют узкие короткие крылья при очень вытянутом изящном хвостике. В высоком летнем небе стрижи всегда отличаются от ласточек именно благодаря крыльям, и потому их трудно спутать друг с другом.

Стрижиная пара — заботливые родители. Сами недоедят, но детей во чтобы-то ни стало накормят. Добывая пищу для своих птенцов, они держатся в воздухе большую часть суток, а спят всего часов пять-шесть, отдыхая в скромном гнезде

из кучки перьев и сухих травинок, скрепленных собственной слюной. Гнезда стрижи обычно устраивают в дуплах высоких деревьев или под карнизами каких-либо высоких строений — важно, чтобы неподалеку с гнездом находились значительные открытые пространства. Однако случается, что самец и самка вдруг покидают гнездо, порой на несколько суток, но отчего это происходит и каким образом отсутствие родителей влияет на оставленных ими беспомощных птенцов?

В народе существовало поверье будто взрослые птицы, надолго покидая птенцов, кормят их необычайно питательным птичьим молоком, наподобие того, каким кормит зайчат зайчиха. На деле оказывается, что птенцы стрижей просто впадают на время в оцепенение, пока не вернутся родители... К чему только не прибегнет мудрая Природа, чтобы уберечь живых существ, продляя в них свою жизнь!

Вернувшись с началом хорошей погоды домой, родители-стрижи застают своих детишек живыми и здоровыми. Непогода птенцам ничем не повредила. Во время отсутствия взрослых все жизненные процессы у них замедляются: дыхание и кровообращение почти останавливаются, сердце бьется еле-еле. В таком состоянии птенцы могут прожить без пищи несколько дней. Этим и пользуются родители, без волнений отлучаясь из дома на время непогоды. Когда выглядывает солнышко, пригретые стрижата просыпаются, а родители уже тут как тут: по-прежнему стремительно носятся в высоком небе, вылавливают насекомых, изредка отчего-то вскрикивают...

Долгое время для меня оставалось загадкой: почему стрижи, которые охотятся исключительно в воздухе, как и ласточ-371

ки, прилетают весной позже их, а отлетают на юг раньше. Ведь те и другие достаточно теплолюбивы! Оказывается, все дело в зрении или, точнее, в устройстве глаз: ласточки видят насекомых, летающих вокруг, и гонятся за ними. Стрижи же насекомых не замечают и летают с открытым ртом, просто на лету захватывая добычу. С уходом тепла в августе количество насекомых тоже снижается, и стрижи, не находя достаточно корма, отлетают.

Видимо, отсутствие у стрижей острого зрения, а также потребность как можно больше находиться в воздухе и обуславливают то, что крылья у них от природы мощные, предназначенные осваивать большие воздушные пространства. Оттого и летают стрижи стремительно и прямо, но не вертко: когда нужно повернуть, они делают большой вираж. Им нет надобности юлить в полете, как ласточкам, и они просто таранят воздух, с силой разрезая его серповидными крыльями.

По стремительности полета стрижи держат первенство среди птиц, развивая скорость до двухсот километров в час, а визжат они постоянно потому, что им нужно держать рот раскрытым: так в него залетит больше насекомых. В силу размаха и безудержности полета стрижи с каждым пойманным насекомым прилетать к птенцам, конечно, не могут. Они скапливают корм в широком клюве, обволакивая клейкой слюной, и затем приносят птенцам. За один раз стрижи способны выловить несколько сот насекомых, а птенцы съедают их за сутки десятки тысяч!

Чем еще интересны стрижи? У крупного иглохвостого стрижа, который обитает в восточных частях Сибири и Даль-372

него Востока, каждое хвостовое перо оканчивается острой иглой. Он предпочитает гнездиться в высоких выгнувшихся пнях обгоревших во время лесного пожара деревьев. Иглы хвоста, вероятно, помогают птице подниматься вверх внутри пустого ствола...

В тропической зоне Азии и Африки живет пальмовый стриж, который строит оригинальное гнездо... Впрочем, гнездом это сооружение можно назвать с некоторой натяжкой. Оно скорее похоже на подушечку, склеенную из пуха, соринки и мелких перышек. «Подушечка» крепится к нижней стороне пальмового листа. Конечно, на ней яйца лежать не будут, да и птице не усидеть, тем более что лист пальмы висит почти вертикально, поэтому стриж яйца... приклеивает, а сам садится на них, крепко цепляясь коготками за «подушечку»... Так и посиживает, пока не вылупятся птенцы. Детишки, едва появившись на свет, тоже вцепляются коготками в «подушечку» и сидят таким образом в гнезде, пока не подрастут.

А вот у стрижей, обитающих в Юго-Восточной Азии и Индонезии, гнезда знамениты тем, что из них готовят так называемый «ласточкин суп». Говорят, этот суп действительно превосходный, а само гнездо по вкусу напоминает осетровую икру. Дело в том, что гнезда стрижи изготавливают исключительно из очень питательной своей слюны, включая в нее кусочки ароматных растений и корешков. Именно эти гнезда ценятся среди заготовителей, забирающихся за ними в самые труднодоступные места.

Так уж повелось, что стрижи, которые всегда держатся вместе с ласточками, чаще всего остаются для людей незамечен-373

ными. В первую очередь люди примечали ласточек, наделяя их самыми добрыми эпитетами. «Ласточкой», «касатушкой» называли в народе особо любимых женщин и милых дочерей. А вот стрижей как-то бесчувственно и до обыденного просто: птишка, схожая с ласточкой.

По-видимому, в том были повинны большие, серповидные крылья, напоминающие острые и даже опасные орудия, которые выглядели как-то несуразно, к тому же стремительный полет стрижей как бы подчеркивал в них эту невнятную, но возникающую в воображении угрозу, и стрижей не особо жаловали, впрочем, не имея против них ничего дурного. То ли дело — изящные ласточки с вильцеобразными хвостиками и в белых аккуратных манишках, которые всегда тянутся к человеческому жилью, будто принося ему своим присутствием счастье!

А стрижей все же недолюбливали, называя их «коротконожками», которые весьма тяжело поднимаются с земли. И действительно, ножки у стрижа настолько малы, что если он окажется на земле, то в лучшем случае проползет несколько метров, а взлететь не сможет — крылья при взмахе ударяются о землю. Каким-то птицам, чтобы подняться в воздух, нужно хотя бы маленькое возвышение, но и этой возможности стриж лишен. Большинство птиц способно летать и плавать, ходить и бегать по земле, но всё, что требуется стрижам, они проделывают в воздухе: ловят насекомых, отыскивают материал для гнезда, на лету пьют и купаются.

А еще стрижи могут в воздухе... спать! Причем не несколько минут, а несколько часов, лишь изредка пошевеливая во

сне крыльями и наслаждаясь воздушной стихией. Стрижи — «дети воздуха»!

Наверное, из-за того, что стрижи не похожи на других птиц, их часто и не принимали среди людей. Отсюда не совсем лестные высказывания о них: «стрижом» на Руси называли какого-либо плута, мазурика, а еще пуще — карманника-вора. Бытовало поверие, что когда стрижи летают, они якобы людей «оплетают». «Стрижей считать» — означало зевать, ротозейничать, а про ребятишек, завидя, что они куда-то отправились дружной ватагой, могли заметить: ребята пошли стрижей выдирать! Словом, отношение к стригам в народе как-то незаметно и беззлобно сложилось неважное, чаще этих птиц вовсе не замечали, а мне стрижи всегда нравились...

Если ласточки веселы и радостны в своей юркости, дружелюбны в полете, по крайней мере, их именно так воспринимает большинство людей, то стрижи при всей своей воздушной неутомимости и головокружительной эквилибристике выглядят более серьезными, деловито нацеленными только на свою стремительность. Будто бы их ничего кроме скорости не интересует — лишь бы носиться высоко в небе, выхватывать клювом попавшихся насекомых и вновь отдаваться безудержному парению. И все-таки стрижи мне больше по сердцу... Наверное, потому, что я — мужчина, и мне ближе нацеленный, стремительный полет стрижа, чем постоянные взлеты и падения милой касатки...

Получив от природы возможность весь день стремительно парить, схватывая в воздухе поднятые ветром соломинки, перья, травинки и пух, которые стрижи используют для строи-375

тельства гнезд, а еще разного рода насекомых, подкармливая ими своих птенцов, эти птицы, наверное, незаметно для себя полюбили полет и просто наслаждаются им. Человек, заглядываясь на стрижей, невольно представляет себя птицей, которой, кажется, ничего не препятствует, и она радостно витает в облаках, если захочет — присядет на гнездо, в ветвях деревьев или повиснет на выступе скалы. Хорошо быть стрижем, размышляет человек, — от его безудержного полета охватывает такое головокружительное радостное ощущение, что хочется тоже полететь над расцветающей землей, закладывая в воздухе крутые виражи и ни в чем не чувствуя каких-либо ограничений.

Ты летишь, видишь под собой все то, чего бы никогда не увидел, оставаясь просто человеком, и душа твоя спокойна — везде можно побывать, обладая безграничной свободой... Какие они замечательные, эти стрижи, думаешь ты, и птицы, конечно, получают удовольствие от своих воздушных походов, но как хорошо все-таки быть человеком, хоть и не имея возможности парить в небе подобно им. Важно понимать: все, к чему бы ты ни прикоснулся, — волшебно, если относиться к жизни серьезно, и в твоих возможностях сделать все для того, чтобы мир стал лучше. А виной твоим душевным рассуждениям — эти обыкновенные стрижи, которые благодаря стремлению человека к полету оказываются... необыкновенными!

...Стоит раздольное июльское утро. Все в нем предполагает удивительное и радостное отдохновение для всего живого, и, конечно, ощущение непередаваемого восторга от того, что ты

можешь поверить в возможность тоже взвиться в небеса, воспарить в них свободной замечательной птицей и стать еще более сильным и мудрым, когда вернешься на землю.

Бывало, забредешь зимой в густой ольховник и неожиданно поднимешь зайца. Сначала послышится еле слышимый хруст, потом мелькнет между стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверек полетит живой пружиной — весь настороже, наостря уши. При этом черный глаз его будет косить самому себе вслед, и заяц станет различим так отчетливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому — черные маслины глаз зайца, мятущиеся в перепуге и кажущиеся от этого большими и заметными.

Но так ли труслив заяц, как ходит о нем молва? С трусливым умом не наделаешь таких смекалистых петель и скидок, которыми он норовит запутать охотников до зайчатинки. Неторопливо плетет заякка на снегу замысловатые кружева — основательно, с усердием. Негоже ему торопиться: что, если распутает след хитрая лисонька, и тогда не миновать беды! Заяц всегда готов предупредить беду, он ни на минуту не забывает вслушиваться и всматриваться в окружающий мир, даже когда уносит ноги, глаза его косят назад, словно присматриваются — как там обстоят делишки. Не зря заяц получил в народе свое самое известное прозвище — косо́й!

Даже для изощренного опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нем бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за сотни пройденных по лесу километров однажды выскользнет на лесную дорожку яркий колонок, усядется прямо перед тобой и начнет что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его то одной, то другой лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

С восходом апрельское солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы. Они стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц...

В лесу столько всего накоплено за века, что при столкновении с ним даже самому равнодушному придет в голову что-либо необыкновенное, он ощутит непередаваемую радость и в следующий раз уже не усидит сложа руки дома, бездумно смотря в окно.

Вошел я как-то в февральский лес и, кажется, не заметил в нем никаких изменений в сравнении с январем. Все так же вокруг тихо, сонно, бездыханно. Только восход солнца чуть ро-378

звонче и долше разгорается за лесом: чем-то он безотчетно привлекает, неотступно манит, так что сразу хочется его перенести на холст.

Горит за черным еловым лесом розовая утренняя заря, и отблески ее мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились голубые и синие тени. И вдруг, неожиданно для этой неживой и еле приметной новизны, слышится голос рябчика, затем еще и еще... Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается как ни в чем не бывало. Весь снег здесь испещрен аккуратными набродами, которые тянутся вдоль друг друга: рябчики начинают разбиваться на пары... Скоро им тоже предстоит начать в себе новую жизнь, и рябчики ожили, огласив еще не проснувшийся февральский лес призывным свистом: «тюк-тюк, терерюк-к!»

Неожиданно застигнутый человеком в лесу лось редко когда ринется в чащу, а уйдет всегда достойно, прежде выдержав некоторую паузу и величественно бросив напоследок на тебя неуловимый темный взгляд.

Летний дождь — это восхитительная паутина звуков, красок и запахов, которая нежно и радостно обволакивает человека, когда тот меньше всего этого ждет.

Всё в природе награждает человека своими качествами. Он становится легок и бодр при виде умытого утренним дождем облака, весело бегущего по небу, могуч и глубок душой от столкновения с лесным воеводой-медведем, не желающим уступать дорогу, а то бывает и так — пуглив и осторожен до беспамятства подобно бедолаге зайчишке, еще до снега сменившего летнюю шкурку на зимнюю и вздрагивающего от каждого шороха...

Сила природы так велика, что человек не может противостоять ей, подчиняется и, преображаясь, порой не узнает себя.

Ветер шевельнет старым листом и покажется, что листик ожил... Сразу представится, как он родился весной, сколько сил земля, вода, солнце и воздух положили, чтобы лист распустился. Как он менял цвет, становясь поначалу из салатного — зеленым, потом — темно-кремовым с темными прожилками, дальше — оранжевым, ярким, и вскоре — фиолетово-пурпурным, переполненным жизнью... И вот пришло время оторваться и улететь, и лист упал где-то, зарылся в ворох таких же обессиленных листьев и, свернувшись, почувствовал, как его высушенных боков коснулся живой воздушный поток... И лист, быть может, откликнулся ему и на какой-то миг действительно ожил, перевернувшись на другой бок, а человек заметил это, поверил тому, что произошло, и улыбнулся.

Только весной на глухарином току накапливаешь в себе все изначальное, древнее, лесное...

На первый взгляд кажется, что все звери для человека на один лад: среди медведей навряд ли отличишь одного от другого, волки — одинаково серые, неутомимые и кровожадные, а лисицы — огненно-рыжие пройдохи, охваченные единственным желанием — без устали рыскать в поисках мышей... Но на самом деле все животные между собой разные.

Вот, к примеру, белки... Есть среди них хитрые: они ходят по кругу, и по их следам охотнику гайно никак не найти. Другие — по деревьям далеко от гайно прыгают, а потом на снег спускаются и путик протаптывают. Третьи — следы оставляют прямо от дерева, делая одну длинную тропу. У четвертых — тропы от гнезда во все стороны идут — по какой ни пойдешь, обязательно к гайно придешь.

Старые пни не удручают высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

Осень можно ощутить в себе летом, зиму — осенью, а лето — зимой... И только весной твоя душа переживает весну!

Веками передающаяся из рода в род природа инстинктов у животных необыкновенно гибка. Отделив от родителей детенышей — волчат, медвежат, лисят или енотов, объединив их в одном вольере и взяв под наблюдение с момента рождения, человек пытается изменить взаимоотношения зверей на противоположные тем, которые существуют в природе. Но мудрость природы не позволяет животным «ломать» друг друга в неожиданной для них ситуации. Они, как ни странно, мирно сосуществуют, каждый находя для себя приемлемую нишу. Даже совместные трапезы обходятся для зверят благополучно. Они мирно подрастают, а «звериная» природа никак себя не проявляет: редкие драки обычно заканчиваются примирением, и никто из зверей не теряет самостоятельности.

Без воздействия старшего, более опытного поколения, изолированные от сородичей и собранные вместе, маленькие звери способны выработать ряд условных рефлексов, не допускающих перехода определенных границ в отношениях между собой, за которыми, в свою очередь, могут последовать серьезные осложнения. Не человек в данном случае влияет на взаимоотношения животных, изменяя якобы их поведение, а всесильная и мудрая природа заботится об этом. Человек в состоянии пока лишь разнообразить жизненные ситуации для зверей, не прекращая в то же время пристального и вдумчивого наблюдения за ними. Все остальное осуществляет колоссальная энергия самосохранения, которой в полной мере наделены живот-382

ные, и если когда-нибудь человек освоит ее,— он окажется всемогущим.

* * *

Вряд ли кого-либо взволнуют обычные желтые листья, безжизненно устилающие землю всю осень, но каждый хотя бы на миг способен коснуться их внимательным взглядом, внутренне поблагодарив самую вдумчивую пору за предоставленную возможность спокойно созерцать...

* * *

В глухую осеннюю ночь без месяца и звезд в лесу можно ориентироваться по небу: оно всегда светлее окружающей темноты. Спасительный небесный путь вычерчивают верхушки деревьев, окаймляющие просеку или дорогу.

* * *

Радостно воспринимая лесную жизнь, человек обретает истинную мудрость, тем более что лес при этом предоставляет ему прекрасную возможность взглянуть в себя.

* * *

Случится с тобой однажды такое, что жизнь покажется бессмысленной: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется... Так проходит день, другой,

третий, а то и неделя, даже месяц... Вот и солнечный март подступил — у тебя же одна мысль: как бы одолеть кручину и поверить в невероятное, чтобы оно неожиданно-негаданно коснулось твоей души, и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась? А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, помочь какому-либо доброму человеку и, улегшись с вечера пораньше и позабыв про все приключившиеся с тобой переживания, радостно пробудиться поутру от барабанной дятловой дробы, протяжно и звонко раздающейся в ближайшем лесу.

Далеко не сразу я разглядел, что дожди бывают разноцветны... Первые, апрельские, обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли — алмазным камешкам... В них сосредоточен весь весенний свет. Летние, с солнцем, — золотисты, с туманной дымкой — нежно-перламутровы или голубы... Осенью, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли...

Интересно: чем так зачаровывает глухаря собака, когда облаивает его, сидящего высоко на дереве, и он, угнув голову, смотрит на нее и не улетает?

Как неясные думы дрожит над землей апрельское марево, а вместе с ним сама земля, лес, деревня, пашня, река за

околицей,— и все это вместе, если взглянуть попристальнее, открывает нам разомлелое тело потянувшейся ото сна весны.

С каждым годом лес уводит меня все дальше и дальше, а сам я становлюсь к себе ближе...

Встречаются в лесу такие уголки, к которым стремишься в мыслях, но не находишь ответа: чем они так привлекают? Вроде бы, те же величественные боры, потаенные лога и тропинки, что и в других местах, и все же в них скрывается нечто неповторимое... Как объяснить эту удивительную привязанность, когда весь остальной лес для тебя как бы отступает на задний план?

Наверное, в таком кусочке леса живет часть твоей древней души, которая когда-то не захотела его покидать, а при встрече с тобой обращает на себя внимание и неотступно манит. Может быть, даже это была не одна жизнь, а несколько, которые ты прожил, и теперь уже не в силах обрести вновь. Оттого и приходишь в лес, ищешь их и не находишь. Лишь редкие островки былой памяти будоражат твое воображение, и ты радуешься тому, что не забыл их до конца и они когда-то были.

Когда осенний ветер забирает твою душевную хворь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам благодаря его неудержимому порыву почувствовал в себе неизведанные силы.

* * *

Весной как никогда удается обрести гармонию с собой и окружающим миром.

* * *

Когда-то давно лес, наверное, был похож на доброго хозяина, знающего себе цену и гордого за это свое доброе знание, а вот теперь, повыщербленный и какой-то задавленный, он напоминает старого немощного колдуна, чьи угрозы уже никто всерьез не воспринимает, но в сказку его жизни все же пока еще верит...

* * *

Появление первой вечерней звезды, которую замечаешь только за городом, может быть, самое лучшее, что дарят тебе лес и небо.

* * *

Однажды поймал себя на мысли, что за все ночевки в избушках или у костра не помню ни одного лесного сна — только бессонницы!

Как-то затопил я в деревне баню, а дрова в печь подбросил старенькие, гнилые... Дым из трубы повалил густой, едкий, и тотчас на крышу уселась ворона. Отчего-то завертелась беспокойно, заходила по коньку взад-вперед. Ворону явно что-то заинтересовало. Спрятавшись в дровянике, я решил понаблюдать за ней, понимая, что смысленная птица появилась на крыше не случайно.

И вот когда дым чуть развеялся, а жар, по-видимому, спал, ворона воровато взгромоздилась на трубу, как-то неловко раскорячилась и замерла... Таким образом птица, вероятно, намеревалась вывести досаждающих ей паразитов — перьевых клещей, и меня поразила ее сообразительность. Ведь очутилась ворона у трубы сразу, как только из нее повалил дым: значит, она моментально среагировала и оценила возникшую ситуацию. Конечно, ворона могла проделывать подобное и раньше, но это никак не умаляет ее способности быть поразительно смысленной.

В лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый человек, и кажется тогда, что сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

Когда поймешь, что ветер — твой брат, каждый его вздох отдается в душе самыми невероятными открытиями.

Трудно представить, что ночью в лесу кому-то из его обитателей может быть плохо, но так легко поверить в нем в собственную удрученность.

Прожив в лесу хотя бы несколько дней, человек берет от него нечто, что делает его сердце храбрым, походку твердой, а мысли светлыми.

В негибкости сосны, ее твердости я убедился однажды в весеннюю пору, когда натолкнулся в апрельском лесу на след медведя. След протянулся вдоль старого лога... Вскоре он вывел меня к огромной одинокой сосне. Медведь поднялся на дыбы и оставил на дереве когтями метку, означающую, что это его владения и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь вспороли крепкую кору, но не поколебали гордости сосны...

Пихта же проявила по отношению к другому медведю, тоже весной, неожиданную мягкость и оголила на стволе под медвежьей лапой целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли... Пихта, в отличие от сосны, выглядела потеранной перед грубым звериным натиском.

Птицы, улетаая на юг, уносят с собой что-то твое, глубоко родное, а ты все мучаешься и никак не можешь понять — чего тебе недостает? Только к весне постигаешь, как не хватало возможности взлететь над собственным незнанием и усталостью, а помогало тебе, оказывается, всю зиму ощущение щедрости, с которым ты позволил птицам забрать осенью часть своей души.

Иной раз так соскучишься по лесу, что, оказавшись в нем, достаточно услышать шум птичьего взлета, чтобы почувствовать себя счастливым...

Хуже всего в лесу приходится дуплистому дереву, с пустотой, которое живет, наверное, без чувств и мыслей.

Золотой сон детства — это огромное солнце над лесом, которое ненавязчиво и ласково заглядывает в раскрытое окошко родительского дома, неслышно разговаривает с тобой, а ты уверен, что когда-то уже видел его, слышал и чувствовал, как оно заботится о тебе.

Стараясь как можно бережнее сохранять в себе внутреннюю тишину и желание соприкосновения со спасительной тайной, вошел я однажды в февральский лес уставшим человеком, и он тоже очень трогательно отнесся ко мне, как бы замер, слегка вздохнув, и стал внимательно прислушиваться к тому, что произошло в нем с моим появлением.

Мелкий, почти невидимый снежок сеялся среди стволов, легкая молочная пелена заволочла небо, солнце сквозь нее пробивалось едва ощутимо и только угадывалось по размытому кремовому пятну. Небольшая стайка чечеток встретила меня оживленным щебетанием и какое-то время легко и обрадованно сопровождала, пока я не углубился в глухой ельник. А вскоре на крутобокой сосновой гриве между двух отложков я согнал глухаря. Как мне показалось, он не испугался, а спокойно и бесшумно спланировал впереди меня и, наверное, где-то неподалеку уселся... Больше я в этот день никого в лесу не встретил и все время продолжал чувствовать, что лес ненавязчиво всматривается в меня, будто хочет для себя понять: зачем человек потревожил его величественный покой и не принесет ли ему это ненужные разочарования и заботы? А может быть, человек пришел с добром или душевной бедой, и ему следует помочь?

И лес в тот день отгадал меня, он понял, как мне плохо, и, конечно, поддержал... Ничего вроде бы вокруг не изменилось: все так же сеялся невесомый снежок, слепо пробивалось сквозь облака солнце, высокие ели стояли притихшие

и безучастные... А я шел неспешно на лыжах, пригибаясь под склоненными снежной тяжестью деревьями, слегка дотрагиваясь до них рукой и, освобожденные, они взметывались вверх, уступая дорогу. Деревья, будто вскрикивали на мгновение от радости, но тут же забывались и опять погружались в сон. Все вокруг было недвижимо, печально...

Ничего, казалось, не могло произойти в лесу, что бы рассеяло эту неизъяснимую грусть, но незаметно что-то важное уже происходило во мне самом. Мне вдруг захотелось собраться с мыслями, а размеренное движение почему-то не позволяло это сделать. Зато я начал пристальнее приглядываться к окружающему лесу, еще более ценить все, что он открывал в этот день, и наконец увидел то, к чему подсознательно, с самого утра, стремился: у самого края поляны стояла высокая... распутившаяся верба, и это в двадцатых числах февраля, в мороз!

Я бы и не обратил внимания на это огромное дерево, если бы не проходил под его склонившимися ветвями и не приподнял одну из них. Только тогда взгляд мой упал на распутившиеся барашки... Их было множество, они весело серебрились на фоне приоткрывшейся небесной синевы, и это никак не укладывалось у меня в мыслях. Задрав голову, пораженный никогда не виданным зрелищем, я любовался им и не мог поверить, что подобное возможно. Это было самое настоящее чудо, подаренное лесом, и я не сомневался, что именно для меня...

Клесты любят целыми стайками присаживаться на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются на нем и еле слышно перебирают замысловатыми, перекрещивающимися клювиками переливчатые колена... Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытии свое природное предназначение — радоваться и петь.

* * *

Если весна поманила и бросила,— значит, ты в нее не поверил.

* * *

Когда снег почти стаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголенности — вся прелесть русской весны!

* * *

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен — ни за что не разобрать!

* * *

Не скоро дошло до меня: в лесу много такого, чего не видишь, но оно есть...

Уныла ворона, серовата, а почему-то всегда хочется за нею подсматривать.

Всем хищникам, какими бы страшными они ни казались, в детстве присуща младенческая невинность.

Говорят, что нужно жить так, чтобы тебя по-настоящему полюбила хотя бы одна собака. Тогда тебе не будет стыдно, так как любовь животного к человеку свидетельствует о немалых достоинствах последнего. Может быть, это отчасти и верно — ведь любому из нас льстит, когда кто-то обращает на твою персону пристальное внимание, тем более, если это собака. Ведь зачастую она различает то, о чем люди даже не подозревают. За всю мою жизнь лишь один пес действительно любил меня с присущей только собаке преданностью, и я не могу об этом не рассказать. Звали пса Рексом...

Не сразу я узнал, что Рекс поменял нескольких хозяев и первый из них, кому Рекс принадлежал, не разглядел в нем тяги к лесу, его охотничьи способности. Он испортил охотничьего пса с ходу тем, что посадил его на привязь, используя в качестве дворового сторожа. Постоянно сидя на цепи, пес, конечно, озлобился и злобу свою проявлял, естественно, на людях.

Иногда в дневную пору пса отпускали погулять, и он бегал по деревне какими-то только ему ведомыми тропами, что-то выискивая и вынюхивая. Бывало, Рекс хватал людей за ноги исподтишка, причем кусал сильно, и, как потом оказывалось, это были недобрые люди. Правда, ему все сходило с рук, потому как он был сильной, крупной собакой, и его откровенно побаивались. С лихой собаки, говорят, хоть шерсти клок, но и этого клока никому не доставалось. Рекс не давал себя в обиду, выглядел всегда независимым, как бы даже себе на уме.

Завидишь его бегущим по обочине деревенской дороги — хвост трубой, голова чуть опущена, и все в его виде сразу вызывает опасение, настороженность: от этой собаки, думаешь ты, можно ожидать чего угодно. Невольно стараешься перейти на другую сторону улицы, а Рекс трусит себе, вроде бы и не обращая на тебя внимания, не взглядывая в глаза, но ты чувствуешь: пес все видит, не упускает малейшей мелочи в твоём поведении, и от этого становится не по себе. Отсеки собаке хвост — все равно не будет овца.

Я знал, как живет Рекс, часто видел, как он мечется в ограде соседа на цепи, и меня всегда поражало его незавидное положение, оно не соответствовало его способностям. Рекс был чистопородной мощной лайкой, и породность его никак не вязалась с тем, что ему приходилось переживать. Иногда меня подмывало подойти к калитке и познакомиться с собакой поближе, но я почему-то не делал этого. Проходил мимо, изредка взглядывая на пса, и на душе у меня становилось горько.

Язык не поворачивался назвать Рекса дворнягой, он был действительно красивым псом... Весь черный, и только лапы в белых «носочках», а на груди — такая же белоснежная «чайка». Грудная клетка широкая, крепко сбитая, будто идеально вылепленная природой для того, чтобы таранить в лесу глубокий снег. Пушистый хвост лихо загнут крючком над спиной, уши торчком, а морда строгая, умная. И еще — карие глаза: какие-то необыкновенные, не собачьи, полностью собирающие всего тебя, но тут же скользящие мимо...

Часто Рекса видели в лесу, и в этом он был не похож на других собак. Дворняги целыми днями без устали «летали» по деревне, грызлись меж собой, роясь на помойках, а Рекс всегда держался особняком, никого из собак к себе не подпуская. Он часто зачем-то убегал в лес, подолгу не возвращался, даже в зимнюю пору, и уже позже я догадался, что Рекс просто скучал по тому миру, которого его силой лишили.

Однажды пес попытался напасть на меня, когда я возвращался из леса с елкой для сына. В последний миг он остановился рядом, холодно скользнул по мне карими глазами и молча побежал прочь. Помнится, я долго смотрел ему вслед. Своим неожиданным наскоком Рекс опять возбудил в моей душе какие-то неясные чувства. Будто мы уже встречались давным-давно, только я почему-то забыл об этом... Как-то само собой получилось, что Рекс вдруг подобрел ко мне, и я хорошо помню, с чего это началось... Однажды он забежал в ограду моего дома, дверь с улицы была открыта, обнюхал все, сунулся было в сад, но, встретившись со мною глазами, на миг замер и повернул обратно. Странно, поду-395

мал я тогда, но взгляд пса запомнил, потому что в нем не было той недружелюбной отрешенности, которую я встречал раньше.

Рекс стал изредка навещать в гости, причем я его не подкармливал поначалу, и, что интересно, он не лаял, оказавшись под дверьми, а ударял в них лапой. Вроде как давай, отпирай: дружно — не грузно, а врозь — хоть брось. Если я находился неподалеку, то всегда впускал пса, с удовольствием погладив его по теплой лобастой голове. Когда же я был занят в огороде, Рекс, немного постояв у входа в дом и не дождавшись меня, подбегал к забору с другой стороны и глухо рывкал. Он как будто стеснялся выражать свои чувства и смешно выглядывал между досок, после чего я отпираю ему дверь и впускал в огород. Рекс, ничего не обследуя, тут же укладывался где-нибудь в тени... Шуря от удовольствия глаза и высунув язык, он внимательно наблюдал, как я кошу или поливаю, словом, занимаюсь обычными домашними делами. По всему было видно, что псу нравится находиться рядом со мной, у меня в огороде, он чувствует тут себя спокойно, а мне самому постепенно становилось хорошо на душе оттого, что Рекс выбрал в друзья именно меня, и я старался пса ничем не обидеть, не оттолкнуть его.

Моя соседка, баба Нюра, как-то заметила: «Приманил ты чем-то пса, он от тебя ни на шаг! Теперь смотри, держи его крепче, он тебе дом схоронит. Старики говорили: черная собака, черная кошка и черный петух спасают дом от грозы и вора. Не упusti друга!» Судя по народной примете, мне нечего было опасаться, а кто ж упустит свое счастье?

Стал я Рекса понемножку подкармливать остатками от обеда, даже пару чашек ему завел: одну — для пищи, другую — для питья. Затем постелил на веранде коврик, и Рекс принял заботу как должное. Сидим с ним, бывало, летним вечером возле дома, а мимо со службы проходит новая хозяйка Рекса — Вера Васильевна. Работала она инженером в лесном хозяйстве, и, увидев свою собаку рядом со мной, рассерженно выговаривает: «Боря, ты зачем Рекса приваживаешь? Он у тебя целыми днями пропадает, домой носу не кажет. Придется его, как Лукины, на цепь сажать!» Я заверяю Веру Васильевну, что пес сам ко мне прибегает, ему со мной хорошо, никто его здесь не обижает, а на ночь он все равно домой уйдет, и никакой беды в том нет. Рекс между тем на хозяйку никак не реагирует, лежит себе преспокойно, отвернув голову в сторону, и только изредка косит на меня хитрым карим глазом: мол, верно служу, ни о чем не тужу.

И все же я кривил душой: в последнее время Рекс стал часто оставаться на ночь у меня, его невозможно было выпроводить. Больно не хотелось мне терять такого верного друга, тем более, я к нему искренне привязался. К тому же в деревне я бывал не часто, подолгу отсутствовал, и мне было очень приятно, когда Рекс радовался моему возвращению: по его виду я без труда угадывал, что пес ждал меня...

Бабушка Нюра рассказывала мне, как Рекс по нескольку раз на дню пробегал мимо ее дома на станцию... «Тебя встречать! — утвердительно заключала она. — Туда направляется козырем — хвост трубой, обратно возвращается — понурый, голову повесит... И прямиком — к твоим дверям: уляжется на

крылечке и, бывает, целый день так и пролежит. Шибко ты его привязал!» Мне после таких слов становилось неловко, будто я действительно в чем-то оказывался перед Рексом виноват. «И ведь бежит ровно к приходу электрички! — удивленно восклицала бабушка.— Как он все угадывает?»

Приезжая в деревню, я всегда ловил себя на мысли: встретит меня Рекс сегодня или нет? И не было случая, что бы он не появился. Даже если не прибегал к поезду, обязательно оказывался у дома, возле дверей. Завидит издали, привстанет и весь замрет, а я тихонько произнесу: «Рекс...»

И вот пес мчится во весь дух навстречу, бросается на грудь, лижет лицо и руки, просто с ума сходит, и бабушка, видя это, вместе с нами радуется. Она всегда, если было не холодно, целыми днями просиживала возле дома на приступочке, которую я ей соорудил, встречая всех проходящих мимо людей добрым приветствием. Бабушка давно жила одна и ей тоже было приятно встречать меня, поделиться своими нехитрыми стариковскими новостями. Мне же было радостно привезти ей что-нибудь из города и помочь по хозяйству: дров нарубить, воды натаскать, дорожку в зимнее время от снега почистить... Зимними вечерами мы сидели у бабушки на маленькой кухне, пока у меня протапливалась печка, и она читала мне Священное писание или рассказывала, как жила до войны деревня, как она сама вышла замуж, родила троих детей и получила похоронку на мужа, которого звали Иван Алексеевич, на войне сгоревшего в танке...

После войны в жизни бабы Нюры появился любимый человек — дядя Гриша, и от него у нее родилось еще двое детей.

Дядя Гриша был печником, но тоже умер рано и оставил бабушку одну, а дети выросли, разъехались кто куда, позабыв про мать. Только один из сыновей, сам уже почти старик, изредка наведывался, да и то только за тем, чтобы выклянчить и пропить остатки ее жалкой пенсии. Пару раз приезжала младшая дочь — Екатерина, но и она долго не задерживалась. Выходило так, что бабушка оказалась никому не нужна, но она никогда не унывала и никого не осуждала. Всегда чему-то ласково улыбалась, усевшись в валенках на топчане, в обнимку со своими кошками — двумя Муськами, и, рассказывая о чем-нибудь, поглаживала кошек да все глядела в окно, глядела, глядела...

Так мы и жили: бабушка учила меня вести огород, правильно садить овощи и обходиться с плодовыми кустами и деревьями, а Рекс вроде как оберегал ее и меня, то и дело убегая от своих хозяев. Все было просто и хорошо, и сейчас я с удовольствием вспоминаю то время, когда мы все были счастливы, наверное, не сознавая этого в полной мере. Но Рекс, конечно, радовался больше всех.

Постепенно я познакомил пса со всеми близкими людьми. Рекс терпеливо сносил их знаки внимания, когда его гладили или жали лапу, но никого при этом за друзей не принял. Порой он даже огрызался, а, встретившись со мною взглядом, виновато отворачивался и бил хвостом: известное дело — думка у собаки в нем. Вообще, Рекса будто подменили — глаза его стали излучать ранее не присущие ему ласковость и покой. Завалится набок, разбросив лапы, и щерится, разинув пасть,

как дуралей. Это его благолепное настроение порой меня даже раздражало, и все-таки я любил Рекса, и когда пса не было рядом, чувствовал, что мне его не хватает.

Прошел год с тех пор, как Рекс впервые прибежал ко мне. Пес стал неотъемлемой частью всего того, что связывало меня с деревней. Когда я приезжал, он непременно встречал меня и так же неизменно и трогательно сопровождал до самой станции при отъезде. Добегал он почему-то только до железнодорожных путей, останавливался и, проводив меня взглядом, понунив голову, возвращался. Я смотрел ему вслед с моста, и у меня становилось тоскливо на душе.

Однажды по весне я приехал садить картошку. Рекс меня не встретил: не оказалось пса на станции, не было его и возле крылечка. Я ходил по дому, набирал воду, грея ведрами, топил печку, то и дело прислушивался, а Рекс все не появлялся. Отсутствие пса казалось странным, такого за ним не водилось, и я начал беспокоиться.

Уже собираясь отправиться в огород, я отчего-то выглянул в кухонное окошко и увидел Рекса: пес стоял на крыльце, не двигаясь, молча уставившись на окошко, и ничего не предпринимал. Даже голоса не подал, и вид у него был такой, словно он сказать что-то важное желает, но не решается. И тут я вдруг заметил у него под брюхом маленькую рыжую собачку...

Собачка оказалась и впрямь совсем махонькая, умещающаяся между ног Рекса, и если смотреть сверху, то ее не сразу можно было разглядеть. В первую очередь поразили ее огромные черные глаза, очень нежные, с трепетными ресничками, и мохнатые ушки с кисточками на концах. Собачка тоже разочек под-400

няла мордочку и мельком взглянула на меня, как бы извиняясь: уж такая я неказистая, извините меня...

Рекс же, не отрываясь, ел меня глазами, а сам — чувствую — на седьмом небе от счастья. Видимо, одобрения ему моего только и не хватало, чтобы я, значит, оценил его подругу, а он уж обязательно неправду в моих глазах прочтет. Но «барышня» мне искренне пришлось по душе...

Вышел я к ним на крыльцо, а Рекс по-прежнему ведет себя сдержанно, даже, я бы сказал, с чувством собственного достоинства в присутствии своей «дамы». Чуть только повел мордой, махнул хвостом и снова смотрит на меня пронизывающими карими глазами, но без покорности, будто вопрошая: «Ну, как? Правда, она замечательная?»

Честно признаться, я тогда даже прослезился. Ведь это Рекс привел возлюбленную мне на смотрины! И такая маленькая, она ему, кажется, совершенно не соответствовала, но иную, наверное, Рекс бы и не отметил, потому как ему необходимо было ухаживать за тем, кто в этом более всего нуждался. Я думаю, Рекс сознательно выбрал совсем беззащитную собачку, впрочем, очень симпатичную.

Я положил собакам в чашки еды, но они есть не стали. Обнюхали все, немного потолкались под окном и убежали. Рекс на прощание мне что-то радостное пролаял, и я пошел садить картошку. Немного погодя приходит ко мне в огород бабушка и говорит: «Ну все, позабудет тебя сейчас Рекс! Вон какую «девушку» пригожую завел!»

Я лишь улыбнулся словам бабушки, а про себя, конечно, порадовался тому, что теперь Рекс не будет в одиночестве.

Один, как говорится, и у каши загинет! Только вот увидеться мне больше с Рексом не привелось: вскоре пса убили какие-то заезжие бродяги. Сейчас только воспоминания о моем четвероногом друге неизменно доставляют мне радость: ведь Рекс относился ко мне с преданностью, присущей только собакам, и я всегда старался платить ему тем же.

* * *

Всегда только ранним утром, а не вечером и не ночью начинаю я свое звездное путешествие!

* * *

Однажды на севере уральской тайги подстрелили такого глухаря, что освежеванный и выпотрошенный, он насилу уместился в двенадцатилитровом ведре, а невошедшая голова на длинной шее свисала до самой земли...

* * *

Как только заговорили по весне между собою деревья, землю окутал аромат цветения.

* * *

Осенняя ночь пахнет невидимой раскисшей дорогой, вольным ветром, доносящим с деревни спелый избяной дух, и горькими пожухлыми листьями.

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего — множит весеннюю радость!

Переход от осени к зиме так мучителен, что даже радость в это время печальна...

У многих зверей в глазах стоит укор человеку за то, что он человек.

Когда начинаешь в лесу торопиться, спешить, не проявляя к нему должного внимания, он не отпускает от себя, то и дело издевается, пугает, а может даже и отомстить.

* * * Бывают такие места в лесу, которые будто созданы хранить его вековечную тайну, и люди не трогают их, словно не замечают, и обходят стороной.

* * * Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и черный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

Нигде, кроме как в лесу, у костра, не слышал я таких свободных душевных разговоров!

Зверь, умирая, почему-то всегда ложится головой на восток... Может быть, даже перед смертью на него воздействует магнетизм возрождающейся жизни?

В лесу не надо искать красоту, она — всюду: и в воздухе, и в небе, и в задумчивой земле.

Сколько лет хожу в лес, а никогда не задумывался: если бы мне суждено было жить в нем зверем, то каким? Долго думал, всех животных перебрал и понял, что не заяц я, не волк, не медведь, не лось и не рысь, не колонок и не бобер... Засомневался даже не на шутку: да есть ли вообще в лесу такой зверь, что хоть отчасти напоминает меня? И вдруг, неожиданно для себя, остановился на барсук...

Так же, как барсук, брожу я, бывало, по ночным чащобам, натыкаюсь на корни, стволы, камни и что-то ищущий... Очень не люблю, когда другие бездельничают и, того хуже, незаслуженно присваивают себе твой труд, подобно лисе, которая бессо-404

вестно занимает в отсутствие барсука его нору. Основательно и с удовольствием работаю, стараясь обустроить свое жилище как можно более уютнее.

Барсук предусмотрителен: в отнорках, прорытых им к выходам из основной камеры, он всегда оставляет земляные перемычки, которые не в силах преодолеть его враги, а сам он очень быстро окажется на свободе. Так и у меня: не продумав тщательно планы на будущее, я не чувствую в полной мере вкуса жизни... А еще я, как и барсук, достаточно чистоплотен и люблю порядок: в доме моем нет ничего лишнего — только самое необходимое, дорогое сердцу...

Поняв, наконец, кто я в лесу, еще ближе стал для меня этот симпатичный зверь, а на душе сразу сделалось легко и свободно, будто и в самом деле все животные признали меня своим: трудолюбивым и мудрым затворником родимого леса.

Снегириный свист зимой — ее тонкая снежная печаль...

Когда из коричневой почки проклевывается зеленый клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля и все вокруг будто приподнимается на цыпочках, чтобы ее выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

Еще в своей душе, до того как найти ток, ты чувствуешь, что она растворяется среди векового соснового леса и обретает... глухаринные крылья.

* * * Как замечательно
идти в лес, не думая об охоте!

* * * Только на первый взгляд кажется, будто бесчисленные поля заплутали в наших необъятных лесах, а они просто ищут друг друга, находят и, встретившись, как-то незаметно радуются...

* * * Перед наступлением сумерек белый снег окрашивается в розовый, с заходом солнца — в голубой, в надвигающейся темноте — в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый... Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается наконец-то самим собой: восхитительно белым, восторженным и оттого немножко глупым.

* * * Иногда бывает, что самые важные слова в жизни доносит до тебя ветер, и ты внимательно вслушиваешься и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

Странно, что чувство беспричинного страха в лесу вызывают не дикие звери, а знакомые с детства деревья...

* * *

Сколько вокруг цветов, и разве можно окинуть взглядом все сразу! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть душу, но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов остаются безвестны, и опустишься перед лесом на колени...

* * *

Оцепенение от усталости в лесу делает человека почти безразличным, и вот именно тогда таинственная чаща открывает ему свою душу.

* * *

Голос воркующего в лесу голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись повнимательнее, обязательно различишь в нем свои страсть, силу и гордость.

* * *

Зимняя тишина, обволакивая, глушит и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распутившись маленьким листком и радостно прошелестев все лето на теплом ветерке, все же отрываюсь в сентябре и опять уношусь в безвестность, которой нет конца.

* * *

Устремления неисповедимого ветра — это не только переживание им незнания, нелюбознательности человека, но и мечта о его величии.

* * *

Всем хорошо известны вороватые наклонности сороки — не зря она и летит-то всегда, будто что-то несет...

* * *

Деревенское счастье — возможность рано поутру отправиться в лес!

* * *

Волка, конечно, не сравнить с медведем или лосем, но отпечаток волчьей лапы в снегу порой поражает воображение своей величиной...

При мысли о голубом васильке — слегка улыбнешься, а вспомнишь полевую ромашку — и весь изнутри засветишься...

Вроде бы и пустяк, но как радует неожиданно встреченная в лесу живая лосиная тропа, глубоко пробитая во мху!

Огромные глаза стрекозы глядят на мир всегда как будто с диким восторгом и изумлением.

Однажды поздним ноябрьским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком ветер льнет не к земле и не к лесу, а к человеку... Именно с ним он ищет желанной и дорогой встречи.

Ни у кого из зверей не таится в глазах такой сдерживаемой дикой воли, как у волка.

Покидая лес поздней осенью, всегда странно представлять, что все деревья и кустики останутся здесь без тебя до самой

весны и всю долгую пору будут мерзнуть на стылом северном ветру.

Весенняя предутренняя тишина всегда напряжена ожиданием несбыточного.

Когда осинки роняют тебе за ворот прохладные пунцовые листочки, знай: деревья почувствовали твое беспокойное сердце, не равнодушное к жизни леса.

* * *

Неодетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива, как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взростеть и менять грациозную невинность на обременительную зрелость.

* * *

Всегда поражало: как завораживающе просто звучит в весеннем лесу барабанная дробь дятла! При этом думалось, что лес необычайно гармоничен, если так мелодично несет в себе однообразную дятловую стукотню, что он полон невероятных проявлений, которые соединяются в его насыщенном звуками живом пространстве, а барабанная дробь, может

быть, самая выдающаяся вибрация, услышав которую, настроишься на самое важное и будешь терпеливо ждать, что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?

Иной раз так плохо становится на душе, что, отправляясь в лес, представляешь себя в нем озябшим одиноким паучком, у которого постепенно обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и любовь.

В отрешенные осенние дни кажется, что жизнь умерла, и тогда особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который неспроста так пристально вглядывается в твою душу, но не берedit ее.

Ни один хищник никогда не нападет, не предупредив противника угрожающим шипением, рыком или взглядом, попытавшись тем самым сначала избежать схватки.

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неустойчивый ручей, что

уже лишен каких-либо чувств, но твердо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

* * *

Если долгое время посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескивание костра, конский топот, возбужденный говор людей и бряцание старинного оружия.

* * *

Что-то бесконечно дикое и непостижимое, даже страшное, но в то же время вполне осознающее себя стекленеет в глазах добродушного на вид зайца, повергая своей нелепостью.

* * *

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удаленном от людей лесном зимовище сердце твое согревает только робкий фитилек поржавевшей от времени керосиновой лампы.

* * *

В первые дни после прилета кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос ее в лесу звучит робко и задумчиво.

Весенние ручьи на первый взгляд кажутся невинными, а приглядишься — они с великим трудолюбием раскрывают еще не проснувшуюся до конца землю, которая дарит всему живому простор!

Однажды я заметил, что вроде бы не заполненное ничем лесное пространство не пусто, а имеет скрытые ритмы и упорядоченность.

Иногда, натолкнувшись в лесу на белочку или бурундука, ловишь себя на ощущении, будто зверьки смотрят на тебя так внимательно, что по-своему всё в тебе понимают.

* * *

Когда восход солнца невидим из-за тяжелых туч или облаков, всегда чудится, будто кто-то пристально подглядывает за тобой, но ничего не предпринимает.

* * *

Если кто-нибудь, кто не добился в жизни того, чего хотел, начинает говорить, что у него не было полной уверенности в своей правоте, когда он не решился следовать жизненному вы-413

бору и идти до конца, я почему-то всегда представляю жизнь одинокого дерева. Не обладая такими возможностями, как человек, оно не перестает расти, изо дня в день продолжая борьбу за то, чтобы оставаться самим собой, и, несмотря ни на что, становится мощнее стволом, раскидистой кроной... Происходит это по одной простой причине: помочь дереву в его одиноком труде никто не может, и дерево словно бы сознает это и полагается только на себя.

Труд одиночки, несомненно, подвижнический труд, и дерево не способно в своей жизни обойтись без подвига, который оно неутомимо, каждый миг, совершает, как бы ему ни было тяжело и какие бы препятствия перед ним ни возникали. Всякое дерево мужественно только потому, что оно одно, дерево не способно переложить свою ответственность за собственную жизнь на кого-либо другого, и оно никогда не отказывается от дарованной ему свободы, в полной мере дорожа ей.

Каждый человек по сути своей одинок... Несмотря на то, что все мы — существа общественные и не можем себе представить своей жизни вне мира людей, душа наша, тем не менее, вынуждена принимать самые важные и ответственные для себя решения именно в состоянии одиночества, и это состояние необходимо принять как вполне естественную данность, совсем между тем не предполагающую, чтобы человек замыкался. Быть среди людей, но при этом постоянно оставаться наедине со своими мыслями и уметь принимать решения — есть неотъемлемое условие жизни, которое следует просто принять, а жить полной жизнью — это значит максимально

честно и строго использовать отпущенное тебе время, и большую его часть, как ни крути, тебе приходится находиться именно один на один с собой.

Только в одиночестве, если оно воспринимается нами верно, мы растем и становимся сильнее, ничуть при этом не отдаляясь от других людей, и то, что человек ничего не может сделать один — неправда. Только один он и должен показать всем, и в первую очередь — себе, что способен на очень многое. Человек может все, если не опустит руки, а наоборот — проявит отвагу и решимость именно тогда, когда ему одиноко. Человеку вообще не следует преодолевать свое одиночество, а следует только правильно им распорядиться, и не нужно бежать от него, тогда как необходимо всего лишь научиться жить с ним, ибо одиночество даровано человеку Творцом, который сам мужественно прошел через него.

Только в одиночестве человеческая душа способна наконец осознать собственное достоинство и силу, и даже если ты упал, идя по дороге жизни, ты должен ясно отдавать себе отчет в том, что подниматься тебе суждено самому, так же как и продолжать путь дальше. Ты обязан приучить себя к мысли, что более полезным положением для души будет непрекращающаяся возможность и желание преодоления препятствий, а не безоблачное переживание счастья, которое само по себе ничему не учит: оно — статично. Лишь находясь в состоянии постоянной борьбы, ты сможешь выработать необходимые навыки в овладении энергией, которая способна себя восстанавливать. Дальше всех по дороге постижения уходит тот, кто

имеет мужество отправиться в путь один, не рассчитывая на чью-либо помощь.

Одиночество не должно пугать человека своей видимой неестественностью или ущербностью, потому как все мы по земным меркам одиноки, но это не обреченное состояние, а необходимое для нашей же души, чтобы она могла проявить себя с самой выгодной для нее стороны именно в некоей ограниченности, когда никто, кроме тебя, не в силах подтвердить собственную решимость и правоту.

А что же дерево? Представим себе его жизнь... Семя ели или сосны, однажды зароненное в почву, призвано тотчас, как и душа человека с самого ее рождения, бороться и расти. Уже тогда оно преодолевает в одиночку сопротивление заморозков и холодных дождей, неутомимого ветра и засухи, семя может склевать птица, унести в свою норку какой-нибудь жучок или муравей, и даже когда оно выпростает из-под земли свой крохотный росток, а потом — робкий ствол, его может переломить всем своим весом лось-великан или человек... Сколько преград приходится претерпеть маленькому деревцу, пока оно хотя бы немного подрастет!

Корни дерева без устали черпают из глубины земли недостающие для роста соки, гонят их к стволу и ветвям. Ствол и ветви, невидимо взаимодействуя с микроорганизмами воздуха, ежесекундно наращивают драгоценную древесную массу, тянутся к небу. Листья готовят пищу всему дереву, берут из воздуха невидимый углекислый газ и воду, с утра до вечера ловят солнечный свет и с его помощью соединяют различные

вещества в одно чудесное целое — живое. В густой кроне дерева находят себе приют птицы и звери, а уж о плодах и говорить нечего, ибо дарят они пропитание многим живым существам, в том числе и человеку, и еще сберегают и рассеивают семена...

И вот однажды каждое дерево, совершив свой невидимый подвиг, наконец созидает совместно с другими деревьями могущественный и прекрасный лес... И так же, как созревшие и выпестовавшие себя в одиноком труде деревья созидают собой в итоге прекрасный лес, наполненный зверьми и птицами, плодоносными кустами и цветами, так же и души человеческие, каждая в отдельности преодолев все тяготы этого нелегкого подвижнического пути, способны образовать сплоченный и развитый народ, которому по силам решать самые высокие задачи, достигая для себя в конце концов великого блага. А всего лишь каждое дерево и человек жили честно в первую очередь по отношению к себе, несмотря ни на что, развивали в себе самое лучшее, достигая гармонии души и тела, но, достигнув ее, не остановились и пошли дальше, обретая гармонию со всем окружающим миром. Не зря в народе исстари ведется пословица: «Тот и господин, кто все может сделать один».

И тем не менее, одиночество не устраивает большую часть людей, они боятся быть одинокими в своих верованиях, потому что это ко многому обязывает, а свои обязанности эти люди привыкли перекладывать на плечи других. Они не понимают, что чувствовать себя одиноким — это не значит оставаться

одному, а лишь только идти достойным путем к истинному объединению с теми, кто и сам в полной мере и с достоинством прошел его. Но человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной и радостной судьбы, тогда как дерево свою судьбу ежеминутно, невидимо ни для кого слагает, как береза, которая и крик утешает, и мир освещает, и больных исцеляет, и чистоту блюдет...

* * *

Прежде чем запеть призывным брачным голосом, синица большую часть весны радостно ее превозносит.

* * *

Первыми весной зеленеют берега лесных ручьев и лишь затем склоны логов и лужайки.

* * *

Лучшие сказки родились в лесу.

* * *

Обнаружив сухостойное дерево, расщепленное молнией или сломанное ураганом, медведь непременно начинает ударять по отщепу лапой, с удовольствием слушает звонкое дребезжание, и эта добродушная черта совершенно подчиняет в нем дикого зверя, незаметно выводя общую для всего живого радость.

Неподалеку от нашей деревни на маленькой заболоченной лужице у самой дороги много лет подряд обитал куличок. Я встречал его всякий раз, когда отправлялся в лес за грибами. В первые два года я не обращал на куличка особого внимания, хотя он всегда очень оживлялся при моем приближении, усердно насвистывая: «кью-вьюи-уиксс, тэке-тэке, кью-вьюи-уиксс, уить-уить-уить!» Наверное, я тогда еще просто не привык к нему и воспринимал присутствие куличка на одном и том же болотце случайным совпадением. Но однажды, в пасмурный июльский день, когда многих обитателей леса непогода вынудила притаиться, куличок оказался на месте и как ни в чем не бывало распевал незамысловатую песенку, которая была мне давно знакома. Я остановился у края дороги и долго наблюдал, как самозабвенно крохотный певец превозносит свое маленькое болотце, тогда как небо затянуто мрачными тучами и сеется противный мелкий дождик. С тех пор я стал привечать эту необычную птичку и, подходя к болотцу, думал о ней и старался побыстрее отыскать глазами.

Зимой я, конечно, забывал про куличка, но как подступала весна — опять ждал с ним встречи, гадая: прилетел ли он нынче, не пропал ли в дальней стороне? И очень радовался, когда обнаруживал птичку на прежнем месте, подающей голосок с засохшего дерева, стоящего рядом с болотцем. Куличок всегда усаживался на самую верхинку, сидел, повернувшись головой на юг, и мог часами, не переставая, насвистывать в невидимую

дудочку, не обращая внимания на проезжающие мимо машины и проходящих людей.

Идешь ранним утром, а он уже подает тоненький голосок, возвращаешься к вечеру из леса — куличок по-прежнему, не унимаясь, мелодично покрикивает. Вроде бы и дел у него больше нет, кроме как нахваливать родное болотце, радуясь своей непритворной маленькой жизни. Я даже знакомым его показал, когда приглашал их в лес за грибами, всем восхищенно рассказывая про то, какой куличок замечательный и неутомимый, и что мы с ним знакомы давным-давно. Но почему-то мало кто разделял мою радость, должно быть, размышляя так: прилетает на свое родимое болотце маленькая птица — ну и пусть себе, на то она и птица, чего же тут особенного! Признаюсь, такое равнодушное отношение к куличку меня немного задевало. Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего же необычного во всем происходящем? И все же в голове моей никак не укладывалось, что этот крохотный куличок преодолевает каждый год тысячи километров нелегкого пути... Неужели только затем, чтобы вывести потомство в неприметной лужице неподалеку от нашей деревни, да все лето исподволь радовать тоненьким голоском проходящих и проезжающих на покос деревенских жителей?

Так продолжалось несколько лет. Но вот в прошлом году в июне я отправился за грибами — по деревне разнесся слух, что в лесу пошли первые подосиновики. Проходя мимо знакомой лужицы, куличка на ней, к своему удивлению, я не обнаружил. Долго стоял, вслушивался, надеясь разобрать в птичьем многоголосье песенку своего давнего знакомого, да тщетно:

болотце пустовало. Решил даже обойти болотинку с другой стороны, насили пробравшись в кедах по вязкой трясине и чуть не расставшись со своей нехитрой обувкой,— все безрезультатно... Наверное, куличок погиб, печально подумал я, иначе бы он ни за что не изменил родному болоту! Все в этой жизни рано или поздно заканчивается, не стало и этой маленькой птички, к голосу которой я незаметно привык.

Теперь никто больше не нарушает тишину у лесной дороги и не приветствует прохожих радостной песенкой. К тому же болотце постепенно совсем затянулось тиной и заросло камышом. Стало как-то пустынно и скучно: с отсутствием куличка во всем окружающем пространстве, кажется, что-то нарушилось. Долгое время я не переставал думать о куличке, а однажды поймал себя на простой мысли: мне не хватает этой маленькой неприметной птички, потому что она не раз дарила улыбку и поднимала настроение. Не велик кулик, а все-таки птица!

Майский снег нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего мороза и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как красивая, но пустая мечта.

Знаю точно: наша судьба определяется поступками, которые мы совершали в предыдущих жизнях и еще совершим в этой, представляющейся удивительной и неповторимой...

Сережки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но зато сколько в них желания очаровывать!

Миру от человека более всего нужна потребность преодоления себя и открытия для других.

* * *

Религия — это не есть приверженность какому-либо из учений, а существующая еще задолго до их появления вера, даже знание, что Творец — совершенная реальность, и он имеет единственную и неповторимую суть.

* * *

Всё в природе происходит вследствие действия исконных законов Вселенной, и чудеса — это всего лишь ее необъяснимые пока вечные неизменности, что даже после их понимания не перестают оставаться чудесными.

* * *

Отвага птицы, перелетающей море, подает пример великой жизнестойкости, но никто не воспринимает ее жизнь как подвиг.

Культура — это достигаемое человеком в результате длительной работы души состояние, неминуемо предполагающее гармонию с самим собой и окружающим миром. Непреложным свидетельством культуры остается уважительное отношение к собственным способностям, что надлежит с неукоснительным постоянством, несмотря ни на что развивать. Именно культура предполагает веру в то, что Творец, создающий наши души, желает для всех нас достойного и интересного существования, которое мы должны выстраивать сами. Это лучше, чем оставаться ничем, или просто — не быть.

Реальность жизни такова, что ощущение холода, голода и беды никогда не исчезнет, но состояние духа должно быть таким, что ничего его не поколеблет.

Поздняя осень, выпал первый снег, и, как ни странно, наступила та пора, когда в нашем лесу оживляются самые маленькие обитатели. В разлапистых ветках елок без устали вертится и тоненько посвистывает зеленовато-оливковая птичка — королек. Ростом он чуть больше стрекозы, разглядеть его можно только замерев и пристально вглядываясь в заснеженный лесной полог, а отличается он от других пернатых малюток рыжевато-золотистой коронкой на молодцеватом хо-

холке, отчего и получил свое гордое имя. За неугомонный нрав и несоответствующую его размерам бойкость лесовики еще прозвали эту птичку «гвоздик», то есть, несмотря на малость,— стойкий и неунывающий, сметливый и проворный. Не зря королек поет у нас и в морозы!

* * *

В отличие от цивилизованного человеческого мира, закон дикого леса запрещает сытому нападать на голодного.

* * *

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому, услышав его, не сразу догадаешься, воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки, или, может быть, нежная горlinkа не в силах сдерживать нахлынувшего любовного томления?

* * *

По рыжики и землянику человек отправляется в лес, а вот за зверем — в тайгу!

* * *

Одна из самых притягательных тайн леса в том, что в нем возникает совершенно особое чувство времени: там слышно, как длится мгновение, пробуждающее в нас память предков.

Мне нравится, что ветер никогда не предупреждает о своем появлении.

* * *

В грибном царстве нашего леса нет равных по расцветке сыроежкам! Исстари повелась в народе поговорка о ряженных в цвета радуги грибах: тридцать пять братьев — и все от разных матерей. Зеленые, розовые и лиловые, ярко-красные и бордовые, пурпурные, голубые, синенькие и серые, темно-коричневые, некоторые даже черна, а то и густо-фиолетовые — нарядные сыроежки неповторимы по цветовым оттенкам, но более трогательна их фарфоровая белизна, которая всегда располагает к доверию и не внушает никаких сомнений.

Голод помогает зверю перебороть страх.

В весеннем лесу, наполненном особым смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей беспечен: течет, ни о чем не задумываясь, куда придется! Но и его дорожка — не час пустого пути, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

Среди мелкорослых сосенок на моховых кочках созревает последняя ягода — клюква. В ней сосредоточены сентябрьское солнце, влага земли, червонное золото лиственных лесов, изумрудная хвоя, подмороженный чистый воздух, аромат инея, горечь болот и задумчивость осенних далей... Берешь ягодку, а в ней — весь мир.

* * *

Венок радости плетется из самых красивых соцветий окружающего мира, и это всегда работа для собственной души.

* * *

Иная птаха будто привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, так что он боится сдвинуться с места.

* * *

Теперь уже нелегко себе представить, что лес ждет человека с нетерпением, как верного друга, и, тем не менее, никогда не обманывает его ожидания.

* * *

Бывает, когда осень, как бы задумавшись, приостанавливается, вздорные галки и вороны, захваченные мгновенным порывом, бросаются всей оравой провожать других птиц, так что их какое-то время не слышно и не видно, но вовремя спохва-426

тываются и возвращаются восвояси, предпочитая родной север неизведанному югу.

* * *

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты и чисты в недвижимом, насыщенном влагой весеннем воздухе, что хочется так же по-воздушному, неподражаемо замереть и не дышать.

* * *

Только раз в году и лишь про первый осенний месяц в народе могут с легкой грустью, но в удовлетворении заметить: «Засентябрило...»

* * *

Пока стоят ясные мартовские дни с золотистой веселой каплейю, ждать прилета долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый туманный апрель с холодными дождями, птицы появляются...

* * *

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя у теплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогодь?!

* * * Не раз обращал внимание, что ласточки-касатки перед отлетом всегда ночуют на тростинках у воды и никогда почему-то не встречаются в лесу. А потом догадался: вода в эту пору теплее земли, и ласточки здесь пристраиваются на ночлег не случайно.

* * * Лес так величествен, что никогда не почувствуешь его заботу и любовь.

* * * Глухариня песня, как только ты ее расслышишь в предрассветных сумерках,— неясна, почти неосвязаема, и поначалу даже не верится, какой радостью она способна постепенно пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для нее все-таки откроется, ему захочется подарить кому-нибудь и свою любовь...

* * * Если глядеть бездумно в море — оно никак не отреагирует на твое невнимание; быть равнодушным к лесу, оказавшись в его объятиях, чревато самыми неожиданными последствиями.

* * * В весенних сумерках березки белеют девичьими платьицами по-особенному светло и радостно.

Представляя, как по-обыденному сказочно и уютно укладывается на всю зиму в гайно чудесница-белка, тоже подбираешься в себе с наступлением морозов в уютный комок и... застываешь от мысли, что никогда не сможешь хотя бы на самое короткое время остановить, как и она, свое разгоряченное сердце, оставаясь при этом живым.

* * *

Всю зиму снег гнетет верхушку молодого деревца, пригибает его к земле, и, обессилев, деревце наконец сдается, поникает... К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании. И вот в апреле, когда снег уже быстро сходит на нет, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже весело вздрогнет и обрадуется.

* * *

Всю жизнь мечтая о встречах с лесом, понимая его и лелея в душе это постоянное живое присутствие чего-то до конца необъяснимого, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох и забыться от переполняющего ощущения счастья!

* * * Невозможно придумать поход
в лес: его нужно пережить!

Исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу. Казалось, ее ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати метрах, даже не глянув в мою сторону, она резко повернула в кусты и исчезла. Я стоял опешивший от ощущения близости редкого зверя и почему-то был уверен, что еще увижу его. И действительно, волчица, обойдя меня в чаще, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль и глянула прямо в лицо. Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне в глаза, а затем, все так же понуро повернувшись и не издав ни звука, удалилась.

* * *

Поздней осенью некоторые водоплавающие птицы почему-то подолгу не отлетают на юг, а разбивают крыльями и грудью наступающий лед и до последнего держат чистую воду, будто собираясь остаться на зимовку.

* * *

Ни одна лесная птица не тянет человека из чащи вдаль, к горизонту, потому что нет среди них райской, а только родимые, земные...

* * * Никому невозможно

объяснить, за что любишь лес даже

тогда, когда он отворачивается от тебя и становится мрачным и неприступным.

* * *

С окончательным сходом снега и появлением парного тепла от земли пропадает, как ни странно, особый весенний уют, вернее, его ожидание, которое для русского человека, наверное, еще более трогательно и самозабвенно, чем само наступление теплой поры.

* * *

Иногда начинает казаться, будто горе зверя или птицы не способно уместиться в человеческом сердце...

* * *

Из всех деревьев с женским именем только береза, наверное, никогда не устает воображать себя невестой.

* * *

Обаяние и правда леса так велики, что никогда не придет на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой... Скорее, лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной...

Лес стар, мудр и никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе улыбки ребенка. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то детское все же оживит в нем замершее сердце древнего старца, и лес обрадованно рассмеется.

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям километров за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игрищ... Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было хорошо и покойно. Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полета и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе...

И все-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему жизнетечению. И тут вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, как будто мстя за нарушение умиротворенной жизни таинственных птиц. Метель вымотала, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чем и когда наконец-то выбрался на дорогу, то тотчас услышал гул приближающейся машины, которая очень быстро подбросила меня до самого поселка...

Бывает, лес подкрадывается к человеческому жилью отдельно стоящими кустами или деревьями, задумчиво вглядывается в окна и, не в силах скрыть разочарования, омертвело замирает.

* * *

Если весна выдалась дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть и днем ложатся отдыхать на оставшихся сучьях снега.

* * *

Хорошо помню, как впервые попала мне в руки живая птица: это была подраненная из отцовского ружья сойка, которая безропотно реагировала на любое мое прикосновение, быстро отдавая все свое тепло.

* * *

Иногда приятно недоумеваешь: в молчании леса угадывается не дремучая затаенность, а виновато опущенные зеленоватые глаза.

* * *

Как-то уходился я по солнечной апрельской дороге с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улегся прямо у обочины на наст.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шелковое одеяло, и дышало теплом, у ног ласково журчал неугомонный ручей, и мне тотчас захотелось спать. И я уснул, но спал, не обрывая своих мыслей, все чувствуя и замечая вокруг, так что время пролетало мимо и... оставалось на месте.

* * *

Ружье, патроны, котелок, нож, спички — это не просто средства для лесного существования, а символы мужской отваги, терпения и силы.

* * *

Может быть, только в самом начале весна предстает умудренной, добропорядочной хозяйшкой, в остальное же время она — веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

* * *

Зимой лучше выходить на зайцев рано поутру, при звездах, когда они, возвратясь с жировки, еще некрепко улеглись на дневку, и их легко спугнуть с лежки.

* * *

Люди, попавшие в лес случайно, торопятся сразу многое узнать, не подозревая, что лес становится откровенен лишь с теми, к кому проникается доверием.

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь переключку журавлей, они представляются разумными существами, способными рассказать о чем-то очень важном.

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжелая пора непонимания и зарождается нечто доверительное и надежное.

Только когда подтаает на апрельских опушках последний ледяной черепок и земля засверкает на солнце перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

Живешь в миру людей, и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность, любовь и сквернословие, а войдешь в лес — лишь одно чувство: смиренная радость!

Пока никто из людей поутру не встал и ничего не видел, а земля, лес и небеса до конца не проснулись,— всё в мире представляется неизведанным.

Один из основных законов лесной академии — пристальное внимание ко всему, что тебя окружает. Это только на первый взгляд кажется простым и обычным делом, но попробуй-ка в непрекращающемся напряжении прожить в лесу утро, день, а то и неделю! Ни зверь, ни дерево не любят по отношению к себе поверхностного интереса: они уважают в человеке глубину, которая подразумевает вдумчивость, неутомимость и доброту. Столкнувшись с этой глубиной, звери обычно спокойно отступают, а деревья согласно покачивают ветвями.

Весь свет, бывает, обойдешь, а ученым не станешь. Ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьет твой час, который внесет в жизнь недостающую весеннюю ясность!

Мир природы — это чудесные образы и слова, музыка и мысли, которые попадают в душу растерявшегося или не нашедшего себя человека и помогают ему себя обрести.

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью. И даже луна не в силах растопить этой замершей отрешенности... Словно начищенная снегом, она льет меж де-436

ревьями безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнет к лицу, и именно по этому можно отличить движение жизни.

* * *

Когда-то в детстве я неожиданно открыл необычное свойство хвойной смолы. Если намазать ею кончик сухой еловой палочки и спустить на воду, то благодаря отталкивающему действию смолы палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам... Соревнуясь между собой, мы, мальчишки, таким образом запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на ее осуществление...

* * *

Невыносимо даже помыслить, что никогда уже не попасть тебе в по-настоящему девственный лес с его таинственной тишиной, зверьем и завораживающим мраком.

* * *

Днем ли идти в лес или ночью — не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна...

* * *

Сколько бы ни старался постичь ветер, он всегда будет оставлять тебя в неведении, как бы допытываясь и проверяя:

по-настоящему ли ты искренен, чтобы уже только тогда доверить тебе свою таинственную судьбу.

Мудрое восприятие леса — это когда точно знаешь, что сейчас впереди попадетса навстречу зверь, птица или ягодное раздолье...

В зимний день хорошо любоваться на солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе торжественные!

Порой в лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что поверишь: смерти никогда не будет...

Особая тишина воцаряется в природе, когда сова, волк или лягушка смотрит на тебя, не мигая, и молчит.

Если дым от костра или из печной трубы лесной избушки прижимается вниз, к воде,— жди скорого ненастья...

Любовь животных бывает так неожиданно безумна и велика, что даже совсем, казалось бы, безобидный зверек — заяц в порыве страсти вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий...

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу неожиданно остро волнуют сердце... Хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого толстоусого зайца или ослепительно огненную кумушку-лису, и ни о чем другом не думать...

Мартовская звездная ночь словно мирится с людьми после безудержно хлопотливого дня. Своим равномерным морозным дыханием она успокаивает всех и, загадочно таясь, усыпляет.

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, не зяблик, не овсянка и даже не грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклевывает весну, а наш черный ворон... Птица эта на зиму никуда не улетает и уже с января затевает брачную игру, отрешенно кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая свое призывно-восторженное: «крун-439

н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-н-н!»
До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки еще далекой радостной поры!

* * * Тот, кто родился рядом с лесом, никогда не сходит с ума от его вековых тайн и тишины, вынужденного затворничества в ней и розовых закатов с восходами. Только случайному гостю дано почувствовать в нем свою оторванность, страх и неописуемую восторженность.

* * * Случается, что сидящие на дереве молодые глухарята не улетают при появлении человека, а начинают перебегать с ветки на ветку, прячутся в наиболее переплетенных из них и время от времени выглядывают из укрытия, как бы оценивая ситуацию.

* * * Иной раз уходишься по лесу до того, что совершенно лишаешься способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и даже дыша еще более проникновенно.

* * * Несведущему человеку трудно вообразить, что даже хорошо всем известный аромат хвои, всегда источаемый лесом откры-440

то, словно для всеобщей услады, способен вызывать в душе самые неизъяснимые образы и желания.

Нередко весна может просто замучить человека, сделав его расслабленным, сонным и все же... счастливым.

Выпадет тебе однажды случай столкнуться нос к носу с медведем, и так в тебе эта встреча всё всколыхнет, что на мгновение ты тоже почувствуешь себя диким зверем, будто давно отбившимся от своей родной стаи и позабывшим ее.

Чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя.

* * *

Ночью в лесу ты ничего не видишь, но всё вокруг, затаившись, молча разглядывает тебя.

* * *

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя что-то не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные

долины, замечаешь, как день ото дня черней и безлиственней становится лес, и как он растерянно сквозит неприкаянной наготой в туманных разреженных даях... Настроение твое невольно следует за невидимой таинственной тенью, которую оставляет после себя уходящая осень, и постепенно обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг улетучивается, бывшие неудачи не донимают душу, и ты только радуешься возможности переживать запахи и звуки этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками еще не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

Внимательно наблюдая из укрытия за каким-либо зверем, начинаешь чувствовать его душу, как бы душу себя самого — затаившегося, чужого, готового к чему угодно...

Когда последний солнечный луч зимой скользнет по верхушкам самых высоких сосен, снег на них вспыхивает яркими рождественскими огоньками только для старого седого ворона.

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела...

Выйдешь в апрельскую ночь под звезды — и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью...

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце... и ты сам!

* * * Тонкие разреженные облачка, которые появляются на небе в вёдреную погоду,— есть верный признак близкой грозы.

* * * Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность... Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а весельем — к людям.

* * * Ласточка бросается из гнезда в беспосадочный полет за кормом для птенцов.

* * * Едва ли различишь, как сквозь еловую разлапистую ветку смотрят на тебя чьи-то глаза, но обязательно почувствуешь их,

постараешься преодолеть в себе страх и поблагодаришь лес за то, что он поделился с тобой еще одной тайной.

Ни луна, ни звезды не способны преобразить жизнь так чутко, как первый небесный свет...

* * *

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, на дне лога, тихо переговаривается...

* * *

Занятно наблюдать, как постепенно теряет свои краски весеннее небо у горизонта, а вскоре, будто перевернувшись в себе самом, подобно песочным часам, вновь наливается живительным светом... Из пронзительно-зеленого небо становится иссиня-розовым, с кремовыми переливами и мягким радужным блеском, затем палевым, дымчато-лиловым, неуловимо перетекающим в фиолетово-черный, и вдруг... опять, с нарастающей быстротой, как только что выдутое стекло, всплывает на востоке густой пронзительной зеленью, с белеющими в вышине зернышками предутренних, чуточку уставших за ночь звезд... Всё в эту пору желает радости, счастья, и даже небесные цвета торопятся жить.

В отличие от моря, лес почему-то не пробуждает тоски по странствиям, но вынуждает более пристально вглядываться в себя и окружающий мир.

Переживания души по весне никогда не бывают тяжки, и всегда сравнимы со свежестью молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождем и ветром.

Галка летит, будто что-то переживает, сорока в полете преисполнена нескрываемого любопытства, а вот ворона — всегда, до сумасбродности, целеустремленна и деловита.

* * *

Лес сразу понимает, когда человек хочет его обмануть,— как ребенок огорчается и убегает в самый дальний темный угол.

* * *

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

* * * Только проведя достаточно времени в лесном затворничестве, начинаешь по-настоящему слышать и понимать людей.

* * * Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и разудалым выюгам. Но почему-то рождается в сердце печаль при виде одинокого цветка и хочется опуститься перед ним на колени, дотронуться рукой и молча улыбнуться...

* * *

Зарождению во мне чувства природы я обязан прабабушке — Ольге Филипповне, которая с маленьким женским ружьем пыталась охотиться на зайцев, но у нее ничего не получалось...

* * *

Когда я гляжу в застывшие волчьи глаза, они открывают тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть потолок безукоризненно отточенных инстинктов.

* * *

Весной часто ощущаешь неясное смущение оттого, что так бессовестно счастлив.

Клочки сена по краям заснеженной дороги, оброненные с саней, вызывают в памяти далекое лето, которое, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

* * *

Вмятинки-следы у куницы такие легкие, мягкие и округлые, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

* * *

Озорство и незаурядность осины проявляются даже под осень, когда ее листочки тихо опускаются на воду, неожиданно поднимают черенки-ножки и весело бродят по глади омута лесной речушки расписными игрушечными корабликами.

* * *

У каждого из нас удивительный мир весны складывается из обыкновенных и всем известных вещей.

* * *

Апрельский день пасмурный, тяжелый, а узкая полоска зари все равно отликает нежно-розовым пером лесного голубя, который пока не прилетел, но вот-вот появится.

В лесу, как во сне, вдруг смешается и словно бы остановится время, и ты за один обыкновенный день насмотришься столько, что уложилось бы в сезон... Потом долго думаешь: как такое могло случиться? Видно, привел тебя зачем-то лесовик в один час в одно место и оставил там на целый день, а ты не растерялся в этом остановившемся времени и совсем забыл про то, что ты — гость...

Солнце в марте добавляет голубой краски небесам, а мороз закаляет ее густоту.

Трудно поверить, но однажды в пасмурную осеннюю ночь мне почудилось, будто волчьи глаза, на мгновение вспыхнувшие аметистовыми огоньками где-то впереди, отразили в себе все звездное небо, темноту, лес и вместе с ними мою растерянность, а потом — убежденность, что такой ночи больше никогда не будет...

Обычная песенка лесного ручья по весне переполнена радостью, летом — милой озабоченностью, осенью же — умиротворенностью, но никогда она не бывает равнодушной.

* * *

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь... Еще у декабря есть молодой снег, не обремененный собственной тяжестью, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой...

* * *

Тушка убитого зайца холодна и тверда, как камень, а черный глаз смотрит живо и вопросительно...

* * *

Иной раз задумаешься про жизнь в лесу или в море, и вдруг какая-то тревога охватит тебя: в окружающем мире всегда происходит еще нечто такое, чего ты, кажется, не в силах обозреть и постичь никогда, но это ощущение непостижимости всего почему-то не приносит разочарования, и лишь еще сильнее хочется жить, думать, радоваться и совершать открытия!

* * *

Если не мыслишь жизни без леса, то услышав слова «красный», «желтый» и «синий» — сразу воображаешь брызнувший на руки ягодный сок, хоть и опавший, но не смирившийся осенний лист, и ослепительное зеркальце на крылышке вездесущей сойки...

Даже весной в серых глазах стоит одна туманная дымка, в карих — открывающаяся от снега земля, в зеленых — еще не проснувшаяся лесная чаща, и только в голубых глазах отражаются голубые отсветы преобразившегося поднебесья!

* * *

Порой наткнешься в лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми пнями, покрытыми мхом валежинами, а хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь — оно гиблое!

* * *

Именно доступность, обилие и однородность корма делает морских чашек такими назойливыми, злыми; в лесу же, где всякая птица не без труда добывает, может быть, только ей присущее пропитание, вряд ли столкнешься с подобной яростью.

* * *

Всякого человека хотя бы раз в жизни судьба подводит к открытию смысла какого-нибудь природного явления, но не всегда и не всякий замечает это важное для себя событие.

* * *

Обыкновенная жизнь в лесу выше и интереснее самых невероятных рассказов о нем.

Когда задумаешься, почему в каждом мельчайшем семечке заложено стремительное движение к будущему и все силы природы работают на то, чтобы ему прорасти,— забудешь про все, опустишься на колени и, положив семечко на ладонь, вдруг ощутишь, как трогательно ждет природа такого же внимательного отношения к себе человека...

* * *

Всего-то и увидишь за день, проведенный в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

* * *

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдет какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду и только когда почувствую, осознаю его,— воспаряю и лечу...

* * *

У осени запах горьковато-пряный, зима уже благоухает свеженадкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом обламывающихся сосулук и лопающихся почек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, сме-451

шивая их в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно...

Странно, что заяц — очень сторожкий зверек, безбоязненно ведет ночной образ жизни, когда лес полон неожиданных подвохов, и по-настоящему страшится светлой, тихой поры, хоронясь весь день в непроходимом чапыжнике.

Вид леса меня несколько смущает, может быть, даже принижает, вид моря же — очаровывает и возносит...

Как бы охотник ни хорохорился, ни гнал от себя ощущение совершаемой вины, когда он стреляет в зверя,— любой выпущенный заряд всегда стегает и по его душе!

После длительного посещения леса хочется писать обо всем, о чем написать даже никогда не отваживался, и все задуманное обязательно воплощается в удивительные и простые образы, которые остаются незабываемыми.

Когда ветви деревьев еще не одеты, а зеленые почки только напряжены, человеку остается короткий миг, чтобы успеть

сбросить с себя последние тревоги, и проснуться поутру свежим и чистым, в благоухании первой весенней листвы.

* * *

Однажды, сырым осенним вечером, я вдруг постиг, что как бы человек ни стремился к чему-либо, река жизни помимо воли вынесет его своим руслом к уготованному кем-то свыше, а лес — лишь крохотный островок на ее пути, где человеку надлежит набираться сил для дальнейшей дороги.

* * *

В лесу у тебя нет ни друзей, ни врагов, лесные обитатели проживают там свою, неведомую людям судьбу, и ты лишь подбодряешь себя очень нужными тебе с ними встречами, томишься в ожидании их и стараешься заранее угадать: как лучше подобраться и подглядеть сторожкого зверя, которому нет до тебя никакого дела...

* * *

Почему-то испытываешь легкое разочарование, когда узнаешь: глаза у рыси не зеленоватые, как бы тебе хотелось думать, а золотисто-коричневые, даже рыжие, в крапинку...

* * *

Весной непроизвольно выводешь образ любимой женщины из окружающих ароматов, зари и цветов, а она на деле ждет

только взгляда твоих печальных глаз, которого ей всегда не хватает.

* * *

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

* * *

В лесу я собираю мысли в виде обыкновенной веточки, облака, птицы, до которой дотянуться можно только взглядом, старого разошедшегося пня, земляники под ним, солнечного луча, затерявшегося среди тенистых папоротников, взлетающей к самым вершинам деревьев бабочки, а дома вспоминаю, стараясь осмыслить все эти встречи опытом прожитой жизни, и так, постепенно, рождаются в моем воображении незабываемые образы, которые, оказывается, уже давно существовали в природе, но тебе их нужно было извлечь трудом своей души.

* * *

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвется или свирепеет, а хочет добраться до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою истрадавшуюся душу и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

Даже в самом благородном стремлении к ласковому свету нельзя отказываться от холодящей тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

К весне потеряешься душой, отупело бродишь в лесу, вдыхая его березовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадет с тебя бремя нескончаемой зимы, а в сердце проснется наконец что-то самое долгожданное, курлыкающее, бесконечно близкое и родное...

Если вообразить себя каким-либо растением, соединенным корнями с недрами матери-земли, то я представляю маленький северный цветок с бледно-голубоватым, неброским соцветием. Цветок стойко удерживается на обрывистом склоне высокой горы у самого моря, и то улетает мысленно вслед за свежим ветерком ввысь, то возвращается и с тихой мечтательностью вновь прижимается к родимой земле... Как будто в оправдание перед всеми за свое тихое счастье цветок иногда низко склоняется головкой, но никто этого не замечает...

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нем целую вечность...

* * * Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утра, когда заря только занимается и все тепло сосредоточивается в верхушках елей... Именно туда, к пригревающему розовому свету, поднимаются с наста тяжелые мошники и, усевшись, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз...

* * * От соприкосновения с морем в душе — гул, от слияния с лесом — тишина...

* * * Бывает, находясь в лесу, неожиданно откроешь в себе мечту, от радости всплеснешь мысленно ладошками и сердцу станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости кого, с кем можно всем этим поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

* * * Возвращаешься из трехдневного лесного похода, а чувство такое — будто много лет отсутствовал дома... Отчего так неожиданно чуждо и отстраненно воспринимается родное, оставленное совсем недавно?

* * * Часто птицу убивают только за то, что у нее по-ястребиному загнут клюв, а пальцы ног вооружены острыми когтями...

Когда лучи заходящего солнца освещают летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть даже неведомую для самих птиц, суть...

В конце октября березы стоят уже голые, но все равно оживляют сизое осеннее небо паутинкой верхних красновато-фиолетовых ветвей.

* * *

Приходит весна... И в сердце твоём будто распахнули окно!

* * * Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьев и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рождают новые устремления уставшей за зиму души и постепенно в ней сосредоточивается сила всей природы.

* * * Охотиться по бродкам — значит находить росистым утром следы птиц на траве и по ним добирать, как собака, схоронившуюся дичь. Но вот одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на подобные бродки... медведицы с медвежатами.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок, напоминающий детскую ножку, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребенок... Откуда бы ему взялся? След убежал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило...

Чуть поодаль пролегал еще один, точно такой же след, и у меня подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери одни, и она тоже где-то поблизости, значит, следует быть внимательнее. И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в траве, напоминающие отпечатки лаптей... Будто деревенская баба с двумя малыши детьми отправилась рано поутру по ягоды, невольно заплутала, но не растерялась и вывела своих малышей к дому... Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они и не пересекались.

Оглянулся я вокруг, присел в растерянности на пенек и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе...

В последнее время все чаще замечаешь, что лес, будто сам не свой, словно нашло на него затмение. Могучее тело осталось, мохнатые ветви-лапы так же надежно охраняют хвойную тишину, спутанные корни-мысли еле слышно в земле промеж себя копошатся, а душа уж неведомо как далеко!

В лесу никто никого не притесняет, а лишь пользуется отведенным ему пространством.

Бывало часто в лесу, что надо мной кружился черный ворон, но не произносил зловещего «гра-а-а...».

* * *

Горько сознавать, что жизнь многих красавиц мира, небрежно набрасывающих на холодные плечи роскошные меха, не стоит жизни всех этих куниц, лисиц, горностаев и белок...

* * *

Иной раз обрадованно уверуешь: нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру. Но вдруг выдастся затишье, предшествующее ветру, и все в душе смутится от нерастраченного чувства к тому, что его порождает.

* * *

В ноябре бурая жижа брызнет из-под сапога на первый хрупкий ледок, и на душе сразу станет как-то неловко, даже совестно, так что уже больше стараешься не оставлять за собой грязных следов, а ступаешь только по твердой, покрытой инеем дороге.

Скромная, почти неприметная подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для нее...

* * * Почему-то ощущение доисторичности мира вызывают не восходы солнца, а его закаты...

* * * Когда страстно защелкает в кустах черемухи долгожданный соловей, весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойного ожидания, которое овладевало душой мартовским морозным утром, во время однообразного пиньканья синицы...

* * * Жизненные границы леса никогда не кончаются, бесконечно продляясь в человеческой душе...

* * * Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

* * * В мартовские розовые утренники, когда наст отливает сахарной глазурью и хорошо держит, глухарь любит побродить

по нему, осмотреться, а как только солнышко подыметя над горизонтом, он взлетает на самую высокую елку и вбирает грудью все солнечные ласковые переливы.

* * * Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости зимней ночи, когда он коротает их сам с собой в глухой таежной сторожке, а наоборот — переживать от всего окружающего мудрую удовлетворенность и покой!

* * * Месяц наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зеленые и голубые камни, и душа переполнилась счастьем и тоже весело заиграла!

* * * Трудно поверить, что непрерывный весенний свет может стать когда-нибудь в тягость, и страшно захочется непроглядной осенней ночи...

* * * Если лес когда и наклоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, пока в его душе не родилась бездумность радостного дня, и он по-детски чист в пробуждающихся помыслах.

Березы в апреле плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

Завидев в конце осени не облетевшую золотисто-пурпурную осинку, обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его все не было и не было...

Звериные нотки начинают звучать в голосе человека, когда он отрывается от леса или вообще не приходит к нему.

Ходил раньше по одному и тому же лесу и не видел его, но вот однажды прошел, и все в нем открылось заново: значит, время пришло...

Перед самым рассветом над макушками деревьев пробегает легкий предутренний ветерок и одну за другой задувает на небе звезды...

Однажды весной, на вечерней заре, поднял я двух журавлей, кормящихся у края укромной полянки... Развернувшись

на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыкая, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я неожиданно почувствовал, будто человеческая жизнь на земле еще и не начиналась...

* * * Спешешь, бывало, по выступающим из мха еловым корням, оскальзываешься, запинаешься, и вдруг почувствуешь, как напрягаются души деревьев от твоего неловкого соприкосновения с ними, воздух вокруг немеет, а недавнее ощущение слитности с лесом безвозвратно истаивает.

* * * Когда поднимаешься к обрыву над потаенной лесной рекой и откроется огромное пространство леса, никуда уже больше не хочется идти.

* * * Желто-пегая болотная сова
живет в желто-пегом болоте...

* * * Самая живая птичка весны — светло-серая с черным бантиком на груди трясогузка: только прилетев, она уже куда-то зовет за собой...
Кокетливо помахивая хвостиком, то и дело перебегая дорожку и трогательно попискивая, трясогузка будто

приглашает в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь, ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет попыток, все неустанно семенит ножками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь зазывно увлекать...

Поздней осенью, когда уже ни к чему не лежит душа и некротимая сила жизни, что обычно так безотчетно манит вдаль, не одолевает твоего сердца, вдруг приснится большой странный сон про молчаливо бушующее море, белые гребни волн до самого горизонта и маленький кораблик, который захлестывает яростный ветер, огромные валы бросают его в бездонное черное пространство, а он неустрашимо остается на плаву.

Даже самый глухой, отдаленный от человека лес никогда не может быть для него чужим и диким.

Какая-то необъяснимая сила охватывает нас в северном лесу... Наверное, ее слагают прожитые им века, которые до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в душе полузабытым дремучим эхом.

Весной у ночного костра подлетают к самому пламени огромные бабочки, стремительно вьются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись? А потом, придя в себя, угадываешь в них... обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования все равно не испытываешь.

Переживаемый в ночном лесу страх велик, но он так целительно очищает душу, что под утро ощущаешь себя рожденным заново.

Известно, что из всех деревьев молнию наиболее притягивают ель и тополь... Не раз встречал я в лесу горелые стволы елей, у которых отсутствовала верхушка, а порой и большая часть ствола, обломившаяся в результате пожара. Такие заострившиеся черные пики нет-нет да попадались во время моих частых лесных походов, и всегда я останавливался возле обгорелого дерева и пытался представить себе силу удара, сразившего мощного столетнего великана.

Молния, как правило, ударяла ближе к комлю, оставляя только невысокий обгорелый пень, а сам ствол постепенно перегнивал на земле и рассыпался. Нередко, бредя по лесу

с корзиной, наполненной грибами, мне приходилось перебираться через поваленные голые деревья с отвалившейся корою и всегда отчего-то становилось жаль дерево, которое погибает вот так, без движения, а могло бы еще шуметь на ветру ветвями, дарить в своей кроне приют мелким зверям и птицам.

Возле моего дома в деревне стоят два огромных тополя, которым, по рассказам соседки, бабушки Нюры, не менее ста лет. Она же поведала мне, что посадили тополя еще до революции простые деревенские люди — Константин и Агафья, чей дом раньше стоял на этом месте. Так они, должно быть, укрепили свой брачный союз, надеясь прожить долго и счастливо. Ни Константина с Агафьей, ни даже бабушки уже давно нет в живых, но деревья по-прежнему тянут раскидистые ветви к небу, мирно шелестят в погожие летние дни кудрявыми макушками, а по осени без усталости сыплют пожухлой желто-бурой листвой... В народе давно ведется поговорка, что тополевое дерево дрябло и плохо, ни на какое полезное дело не пригодно, но однажды один из тополей все же спас меня от лиха, предупредив сильный удар молнии, который мог угодить прямо в дом.

Среди деревенского люда бытует мнение, что не во всякой туче гром, а и гром, да не грянет, а и грянет, да не по нам, а и коль по нам — авось не убьет! Такого убеждения придерживался и я, относясь к грозному сверканию молнии в небе как к чему-то потустороннему, что меня никогда не коснется, словом, благополучно минует. Но все же в один прекрасный день грянуло и над моей головой, да еще как!

Грозовая туча набежала на деревню, с ходу разразилась трескучей молнией, и та, что было сил, саданула прямо в один из тополей, растущих в двух саженях от угла дома. Звук был такой, будто с невероятной силой ударили в гигантский колокол или рельсу. Удивительно, что стекла в окнах не вышибло, они лишь вздрогнули и жалобно зазвенели, да и вообще весь дом заходил ходуном. На миг даже показалось, что все исчезло, куда-то унеслось, и я почувствовал себя на какое-то время оторванным от земли.

Но Бог милостив: авось и с грозы его богат будешь... Ведь давно известно, что от Божьего гнева да Божьей благодати не уйдешь. Вот и мимо меня беда проскользнула совсем рядом. Удар пришелся в металлическую скобу, что я вбил когда-то посередине ствола как ступеньку, чтобы, оперевшись ногой, можно было отпилить разросшиеся ветви. Скоба-то, видимо, и притянула заряд. Он в мгновение ока расщепил ствол до самой земли и взрыл ее еще на полтора метра, уйдя вглубь... С нами крестная сила!

Сосед Кирюха не поленился тотчас заявиться в гости и полюбопытствовал: куда это хряпнуло с таким звоном? Бабушка позже призналась мне, что расплакалась — думала, молния угодила напрямиком в мой дом, а, выйдя на крыльцо и удостоверившись в том, что я жив-здоров, перекрестила меня и молвила: «Через три года ищи под тополем лунный камень, от которого будет много плода...» Я и сам тогда окаменел от изумления, и хоть с камня лык не надерешь, а голодный, говорят, и от него бы откусил. Что-то будет?!

* * * Удивительное ощущение
взаимосвязи дарят весеннее солнце с землей, когда солнце
освобождает землю от снега и наполняет ее теплом, а земля,
отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянется к солнцу, и ты
вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и
женщиной должно лежать такое же неоскорбляемое ощущение
уверенности друг в друге, от которой рождается состояние бесстрашия
перед самой жестокой жизнью.

* * * Люблю присесть в лесу на пенек,
как птица, чтобы на мгновение стряхнуть переполняющие
впечатления, оглядеться и вновь упорхнуть за своей неизведанной
легкокрылой судьбой.

* * * В лесу на всё надо смотреть
глубоким, проникновенным взглядом, благодаря чему распахивается
такое ясное пространство, которое свободно открывает ясность
собственной души.

* * * Так радостно, побывав в лесу,
оставаться с чистой совестью...

* * * Когда талая вешняя вода выгоняет все живое из нор, искренне
жаль бедных мышек и бурундуков, которые беспомощ-

но катаются по влажному льду, будто на коньках, мокнут и никак не могут обрести для себя спасение...

* * *

Осень сначала смешивает яркие краски, а потом размывает их, оставляя лишь те, что близки нежаркому солнцу, неустанному ветру и бесшумному стилому дождю... Поздняя осень имеет цвет затухающего пожара жизни, который, тем не менее, поддерживает в нас неугасимую потребность видеть, думать и сопереживать.

* * *

Бывает, душной весенней ночью жалобно загомосит в отдалении сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой все в тебе неожиданно встрепенется и просветлеет.

* * *

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего леса всегда вызывают особенно затаенную грусть и почему-то не дают спокойно жить.

* * *

В глубине зимы, задолго до наступления весенних радостных сумерек, бывает, внезапно накроет необъяснимое душев-469

ное смятение небывалой силы, и станет необыкновенно ясна и страшна в этой ясности вся последующая жизнь.

В отличие от неугомонных воробьев, никогда не увидишь драки между такими же маленькими снегирями, которые всегда обаятельны, скромны и обладают проникновенной и нежной песенкой.

Часто нежелание жить приводит человека именно в лес, как в последний приют страдавшей в миру души...

После дождя, в разомлелый июльский полдень, на какой-нибудь старой валежине нередко можно увидеть крохотные беловатые яички... Это неутомимые мураши раскладывают их для просушки. Продолговатые и аппетитные, яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспо-коенно снуют вокруг и при малейшей опасности быстро прячут. Только что вся колодина была усеяна нежно-молочными лакомыми зернышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство в первую очередь хлопотливо заботится о своем потомстве...

В конце апреля никем не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а нахоженные за зиму уплотненные тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрупкий «черепок».

Как нас радует лес сразу за околицей, когда он свешивает ветки прямо в огород, будто приветствуя близкое соседство с человеком... На самом же деле лес безмолвно умоляет: не приближайтесь ко мне так быстро и легко, не склонившись, как и я, до самой земли...

Весенние вспышки зарниц в полнеба и завораживают, и пугают своей немотой, когда сидишь в ночном лесу один, ожидая пробуждения древнего таинственного глухаря...

Когда над вершинами темных елей мерцает таинственный звездный свет, всегда переживаешь ощущение чего-то радостного, еще не сбывшегося, но ты веришь — рано или поздно оно обязательно придет и наполнит душу настоящей сказкой.

Осенний королевский вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом и долго припархивает у земли, словно не находя себе места.

* * *

Приведется однажды столкнуться в лесу с ранним малиновым восходом — и ты всякий раз словно тайно причастишься к чему-то, что неосознанно, но глубоко переживаешь, силишься его постичнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далекого прошлого.

* * *

Весна, как ни странно, постоянна и по-настоящему радостна в самом своем начале, пока к ней не привыкаешь, все же остальное время она одаривает лишь счастливыми мгновениями.

* * *

Осенняя ночь, как огромный фиолетовый плод, еще с лета оставленный кем-то дозревать и позабытый.

* * *

Бывает, бредешь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушаешься в тишину, а там, будто разговарива-472

ют люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликаясь, и ненадолго замирает... Это значит, что весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

* * * При всей своей глуши лесная чаща беззащитно обнажена самыми сокровенными чувствами, с которыми никогда не соприкоснешься в открытом поле или на опушке...

* * * Хоть и говорят часто: «ветер непостоянен», но вряд ли сыщешь что-либо более постоянное в своей свободе... Просто временами ветер улетает туда, где в нем наиболее испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь еще большее устремление к собственной мощи, тотчас возвращается. Ничто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте!

* * * Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, опасаясь ее нарушить, взбирается на небо как бы невзначай, осторожно.

* * * Содержательность каждого похода в лес определяется поведением в нем самого человека.

Солнечная разнеженность весны более благостна, нежели цветочное раздолье лета.

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно...

Становится не по себе от повторяемости человеческих судеб, которые ничего для себя не разрешают, тогда как жизнь зверей и птиц, в этом смысле ничем не отличающуюся от жизни людей, готов слепо боготворить.

Интересно: чем отличаются по запаху кулик, тетерев или, скажем, куропатка? Ведь охотничья собака определяет эти различия совершенно точно!

* * * Чем больше развита душа человека, тем больше он находит для себя в лесу знакомого.

* * * Случается в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредешь дальше по жизненной дороге и по крупицам находишь радость в осени или лете.

Научился бы я тайнам звериной жизни, умению парить птицей или оранжевым перевертышем-листом — и не узнал бы уже никогда сладкой горечи постиженья...

* * *

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу они оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь окружающий мир.

* * *

Бывает, в апреле, когда еще не сошел снег, засеет под вечер мелкий занудливый дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе от всего происходящего становится хорошо и покойно.

* * *

Именно в лесном отшельничестве при сознательном переживании собственного самоограничения в сердце зарождается страстная любовь к людям и жизни.

* * *

Неподвижность лесного существования деревьев — на самом деле их великое подвижничество.

Медленный полет цапли — не следствие ее значительных размеров или раздумчивости странной птицы, а скорее — результат оседлости и неторопливого образа жизни в царстве необозримых болот...

Мартовским вечером, когда неугомонное солнце все же потухает, радость от весны света еще более усиливается с зажигающимися в небе голубыми, зелеными и оранжевыми звездами...

* * *

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше — сырая овражья темнота и нетронутая хвойная глушь.

* * *

Потревоженная на гнезде самка чибиса никогда не подымается на крыло, а бежит впереди, то и дело останавливаясь, оглядываясь и жалобно постанывая; самец же сразу устремляется в воздух, летает тревожными кругами над головой и пронзительно вскрикивает...

* * *

Сколько бы я не писал о природе, моей героиней чаще всего оказывается весна...

Каждый год на одном и том же поле у Новоселовской горы токует один и тот же косач... К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки, кажется, не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день — это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится его знакомое: «бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, чух-фы-ы...» Пение то разгорается, то притихает, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев забывается порой или отвлекается на что-то более важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись, опять продолжает...

Поле там большое, и петух каждый раз выбирает себе на нем новое место, словно ему наскучивает петь на одном и том же... Не раз наблюдая за ним, я убеждался: тетерев этот какой-то необычный, не похожий ни на кого... Мало того, что он всегда оставался один, он еще и вел себя очень своеобразно: резво бегал по полю, припрыгивал, выбирая при этом самые диковинные позы, будто соревновался с невидимым соперником, и что еще занятней всего — на время куда-то исчезал. Бывали дни, когда он и вовсе не появлялся, словно уставал от возложенных на него обязанностей — славить весну, радовать всех и радоваться самому.

В такие утра без него чего-то не хватало в природе, и я, когда проходил мимо горы с глухариного тока, всегда прислушивался: не поет ли косач? Если птицы не было слышно, даже немного расстраивался и подолгу стоял в нерешительности: идти дальше или еще подождать? Всегда хотелось услышать, как косач токует. Будто песня его была каким-то добрым знаком, и когда тетерев молчал, душе чего-то недоставало, несмотря на окружающее весеннее раздолье...

И так каждую весну загадывал я: жив ли петух, уберется ли в суровую зиму от когтей коварной рыси или зубов хищной лисицы, будет ли опять, как всегда, токовать на любимой горке? И если косач токовал, весна непременно удавалась, все вокруг радостно оживало, и не верилось, что когда-нибудь тетерев не прилетит на ток и не огласит округу восторженным: «бу-бу-бу, чух-фы-ы, бу-бу-бу, чух-фы-ы, бу-бу-бу-буль-ль, буль-ль, чух-фы-ы-ы!..»

Замечено: интересные встречи случаются в лесу тогда, когда на душе радостно!

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну и уселся неподалеку. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его темно-рыжий окрас с ярко-черными красивыми подпалинами.

Крылья у филина были неестественно вздыблены, потому как предплечья — самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрашающе свисали под брюхом...

Большую круглую голову, похожую на кошачью, украшали мохнатые уши, то есть пучки перьев, напоминающие их, и мощный загнутый клюв. Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом. Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в поведении птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух все же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, движущей и созидающей его полет. Показалось, будто какой-то непонятный сон на миг обволокло мое сознание, но даже избавившись вскоре от нахлынувшего видения, некоторое время еще оставалась завороченность увиденным, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей...

Филин вертел головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбужденно раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слышет самым загадочным хищником, которого многие птицы и звери не на шутку боятся.

Но несмотря на то, что облик птицы чаще все-таки вызывает ощущение страха, в филине зловещего не больше, чем

обаятельного, и лесной бог посылает его лесным обитателям только затем, чтобы филин своим уханьем напоминал им о таящейся в чаще опасности и тут же от нее отпугивал, время от времени предоставляя возможность для спасения. В народе издавна чтили сказочную лесную глухомань, но вскрикивания ночной птицы восприняли по-своему и прозвали филина «пугачом». Крестьяне, заслышав в лесу ухающую птицу, всегда крестились и старались побыстрее миновать «гиблое» место, приговаривая: «Из пустого дупла — либо филин, либо сам сатана!»

* * * Дремучий лес

говорит даже своим безмолвием.

Именно в порхании мало различных птичек, в их зыбком и трепетном полете, кажущемся для кого-то почти никчемным, кроется неуловимое величие природы.

Всё в природе давно взыграло, она дружно справила весну воды, и только заснеженное поле затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны...

За какой-нибудь год хождения по лесу можно пережить не одну сотню его дремучих таинственных лет.

Родившись долгожданной весной, пропев полную воскресающих желаний жизнь летом, осенью совсем не хочется умирать, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры...

* * *

Оживленное бормотание тетерева по весне похоже на журчание скрытого под снегом ручья, который пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

* * *

Звери могли бы поделиться с людьми умением слышать, чувствовать, видеть, проявлять взаимовыручку и любовь, но что, кроме своего великого одиночества на земле, которым он даже не в силах верно распорядиться, способен предложить им человек?

* * *

Есть нечто жуткое и необъяснимое в маленьком неприметном сорокопуге, который уничтожает за день множество птиц

и мышей, съесть все это не может и насаживает оставшиеся излишки на острые ветви деревьев, отрывая к тому же у своих жертв головы...

Когда насытишься разудалой апрельской порой в лесу и она перельет в тебе через край, хорошо предаться мыслям о жизни больших древних городов, о их солнечных набережных, площадях и людях, которые и не помышляют о празднике русской весны...

Одного прикосновения руки человека к взрослому дереву достаточно, чтобы оно вобрало в себя всю его духовную энергию и настроение. Человеку же, даже обхватив ствол обеими руками, невероятно трудно хотя бы предположить, чем жило когда-то и чем живет дерево сейчас.

Разве можно точно передать то душевное восхищение, которое охватывает тебя поутру при входе в сосновый бор с мартовскими синими тенями от стволов, меж которыми пролегли борозды глухариных набродов?! После того как ты это увидел, в лесу почему-то начинает открываться еще много такого, чего раньше вообще не замечал. И тогда все вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глуха-482

ри, которые только что были здесь, но улетели, и ты не в силах сдерживать волнения от их недавнего присутствия... Нужно всегда самому осознанно войти в мир дикой природы и отыскать для себя смысл ее волшебства.

Глаза леса видят во тьме даже лучше, чем днем, и особенно радуются, когда встречаются в ней с доброжелательным взглядом любознательного человека.

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражен увиденным: у примелькавшейся и порядком надоевшей всем птицы яички имели цвет голубовато-нежного весеннего неба...

* * *

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розовый отсвет на сугробах бывает нежнее любого самого трепетного цветка.

* * *

Крупные хищные птицы в полете неподражаемо легки, свободны, они царят в вышине — это их стихия, но вот у самой земли становятся вялыми, неуклюжими и на деревья присаживаются неумело скособочившись.

Приятно представлять себе весеннюю раздольную картину, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и... раствориться.

* * *

Как бы серьезно ни относился к лесу, всегда с затаенным восхищением и страхом надеешься, что когда-нибудь все же постигнешь суть древней лесной тишины, вырвешься за пределы своей человеческой судьбы и, оторвавшись от земли, взовьешься над полями, холмами и дорогами, чьи тайны всегда оставались твоей самой сокровенной мечтой!

* * *

Что может быть лучше чувствительного сердца, которое способно угадывать язык зверей, птиц и растений!

* * *

Столько за жизнь набрано в себя от леса, что можно, оказывается, обойтись уже и без необходимости бывать в нем!

* * *

Человек страдает за любовь и верность, доброту и открытость, и только за свою необъяснимую преданность лесу он остается никем не обиженным.

Ранняя весна хороша тем, что начинается долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания...

И заря, случается, иногда показывается неприступной царицей — холодной, гордой, чужой, а на следующее утро — опять добрая княжна, которая, только народившись, принимается всем служить...

* * *

В природе все рассчитано на единение разного мелкого в большое целое. Поэтому, когда попадаешь в лес, неминуемо вливаешься в великий и неразрывный организм.

* * *

Однажды обнаружив себя в нашем лесу зверем, а именно — барсуком, то же самое попытался я усмотреть и в птице, которая бы стала моим двойником... Чтобы птица будила во мне неиссякаемое чувство радости, веру в бессмертие и постоянное стремление разгадывать тайны... А еще не покидала никогда мою душу, сроднилась с ней, так чтобы уже невозможно было различить: где я и где она... Птицей этой постепенно определил я для себя загадочного глухаря, чья жизнь, как и моя, навсегда соединилась с вековой неисхоженной чащей.

Даже в своей любовной привязанности не стоит делить лесной мир на птиц и зверей, чья жизнь тебя привлекает, и тех, кто почему-либо оказывается неинтересен и почти никогда не попадает на глаза.

Если весна опять зовет в дорогу, лучше всего подчиниться ее зову и, выйдя в путь, с удовольствием представить, что не идешь, а взлетаешь к убегаящему вдаль горизонту...

В августовском солнце нет былых пыла и жара, а только видимость силы, которую незаметно перетянул на себя зарождающийся в просторах выцветшего за лето неба бродяга ветер...

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе,— до такой степени она насыщена теплом и светом!

* * *

Ночью в ожидании глухариного тока редко удается уснуть, и ты лежишь на ворохе елового лапника и думаешь о чем-нибудь приятном, связанном почему-то всегда с природой...

Например, о том, как приятно, наверное, быть маленькой птицей, которая переносит на крыльях свою тихую, прелестную жизнь и никогда ни о чем не тоскует.

Приятно наблюдать, как кудрявятся в весенний день белые облака над садом или лесом, а меж ними замирает ласковая синева.

Приятно, когда волосы твои ворошит легкий весенний ветерок, ласково запуская в них невидимые пальцы...

А как приятно замирает сердце в предвкушении дальней дороги! Что-то принесет она тебе? Веришь, что только незабываемые встречи и неизведанные открытия...

Приятно шагать по дороге летом, может быть, за малиной и ощущать рядом маленького человечка — сына или дочку, сжимающего в руке ручку корзиночки... Приятно чувствовать, как ты ответственен за него, и что это твое продолжение на земле, пока ничего плохого не ведающее, такое трогательное и чистое...

Еще приятна неясная печаль, коснувшаяся тебя осеннею порой... Опустели леса, воздух замирает меж облетевших деревьев, и хочется желать всем только хорошего. Душа твоя болеет за всех, она полна добра.

Приятно ощущать это добро, когда сажаешь деревья... Вроде бы ничего не происходит: ты дотрагиваешься до тоненьких прохладных стволов и веточек, в ноздри ударяет запах земли и навоза, над головой внезапно взмахивают крыльями вездесущие сороки... До тебя даже не доходит, как важно и замечательно то, что ты делаешь. Это придет после... И от сознания совершаемого на душе опять становится невыразимо приятно.

Приятно сознавать себя человеком, который мудро относится ко всему живому...

Приятен труд на воздухе, когда тело напряжено и мышцы налиты силой, и только что расколотые осиновые поленья так приятно пахнут весенней свежестью, нежно белеют на солнце и мягко ложатся под ногами на снег... Взглядом дотрагиваешься до них, ласкаешь и восхищаешься замершей в поленьях жизнью...

Приятно стоять под высокой раскидистой елью и ждать, когда закончится дождь... А он все не кончается, льет и льет, но тебе от этого не становится грустно: ведь еще так много принесет нынешнее лето, вознамерившееся перевернуть твою жизнь... Эта небесная капля, часто никем не замечаемая, дотрагивается до твоих рук и лица с такой нежностью, что отдается в сердце еще неизведанной любовью...

А как по-загадочному приятно, когда свою нежность отдают тебе апрельские звезды! Посверкивают тихо, настойчиво, будто что-то хотят подсказать и окрылить подсказкой. Ты им, конечно, благодарен за это.

Приятно представлять себя неведомым лесным зверем, который крадется в девственной шелковистой траве, радуясь своему звериному существованию... Ты проживаешь замечательную звериную жизнь, жаждешь в ней всего доброго для своих детенышей, учишь их непростому лесному быту и надеешься на счастливые дни впереди...

Приятно думать обо всем хорошем, что окружает тебя в природе, ощущать это хорошее всей душой... Вот солнце выглянуло ненадолго и скрылось, а потом опять проглянуло —

сколько счастья в сердце! Скоро солнечный свет сменит вечерняя сумеречная печаль — приятная, легкая, неземная, и ты задумаешься о чем-нибудь таком же неземном и загадаешь про себя то сокровенное, что обязательно должно будет сбыться! Приятно вообще жить, видеть, как цветет земля, и переживать ко всему свою большую любовь!

Только однажды в ноябре увидел я огромную красную луну, и до того она меня поразила какой-то неукоснительной зло-вещностью, что еще долго потом вспоминалось, как луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, всплыла на черном небе, завалилась вдруг набок и так, остановившись в своем завораживающем восхождении, пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу. Но я перед ней почему-то не раскрылся, как сделал бы это перед любой, даже самой маленькой звездой, а только стоял и, не отрываясь, любовался...

Приходит весна — и небеса голубеют, леса становятся нежно-зелеными, а сердца людей наполняются тем радостным светом, который они когда-то сами зажгли, но по природе своей этого не заметили.

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и

подумать: готов ли ты оторваться от привычного, что уже не приносит радости, и полететь?

Думал о том, почему ласточки более других птиц пользуются человеческой симпатией, особенно среди женщин... Приходили на ум и их внешняя красота, облаченная в белоснежную манишку и черный сюртучок, и трепетная забота о птенцах, ради которых вездесущие птички готовы неутомимо трудиться весь день, и стремительность завораживающего полета, когда они львиную долю светлого дня свободно витают над землей, ни на секунду не присаживаясь на нее, и еще умение строить такие аккуратные и надежные гнезда под карнизами наших домов, не говоря уже о таинственных береговых норках, из которых, если потопать ногами, ласточки стрелой вырываются и долгое время носятся над водой, не в силах успокоить растревоженное маленькое сердце... Но все эти достоинства почему-то не удовлетворяли, в них недоставало чего-то самого главного, за что ласточками можно было восхищаться и любить...

И тут я вдруг остановил себя на ласковости их имени, с какой в народе величали этих обаятельных птиц, и сразу вспомнил ласковое деревенское утро, которое невозможно представить без их стремительного полета, и ласковое тепло солнечных лучей, и что-то еще очень нежное, без чего ласточкино утро никогда не будет таким добрым и дорогим... Милые птицы, скорее всего, вселяют в сердца людей трогательную при-

знательность за свое очаровательное добродушие, с каким они воспринимают жизнь,— одновременно и божественно, и просто... И кому, как не женщинам, наиболее приятно представлять себя в теплых струях живительного летнего воздуха именно ласточками, а не горихвостками или овсянками!

* * *

Отправляясь в ночной лес, я и в мыслях не держу поигрывать с опасностью, а хочу только чувствовать его глубинную жизнь и быть слитным с ней.

* * *

В любом человеке угадывается тайное желание быть лучшим. Звери же, за исключением редких случаев, лишены стремления во что бы то ни стало первенствовать и им достаточно просто дышать, вслушиваться и вглядываться в жизнь, рыская в поисках добычи ради продолжения рода. Но эта обыденность звериного существования на деле оказывается несоизмеримой ни с чем, что могло бы ограничить животных в их свободе, в отличие от человека.

* * *

Иногда мне кажется, что мысли в лесу рождаются не в голове человека, а в окружающем его пространстве, какое-то время живут там, восхищаются своей простотой и потом потихонечку растворяются в душе...

Не со всякой сосны склевывает глухарь хвою, а только с отдельного, понравившегося ему дерева, которое почему-то с виду всегда неприглядно.

* * *

Раньше думалось: вот придет весна, и опять затрубят журавли! Сейчас же: дай бог их услышать...

* * *

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, дает ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освободившись от переполняющих мыслей, вскоре возрождается в новых книгах.

* * *

В иной год весна так обуяет душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволья, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «Бу-бу-бу, люблю-люблю, бу-бу-бу, люблю...»

* * *

В лесу хорошо постигается: не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но обязательно нужно постараться осуществить то, что зависит лишь от тебя.

* * *

Если журавли плывут в весеннем небе высоко и обязательно курлычут, погода всегда стоит ясная; в пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, голос подают изредка, тревожно вскрикивая и тотчас умолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают ее...

* * *

Может быть, нет в лесу ничего увлекательней, чем стараться рассмотреть у каждого зверя или птицы их истинную суть.

* * *

Мартовское небо незаметно выключнется из фиолетово-радужного февраля, ударит в глаза безжалостно яркой синевой, и все в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты на время станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

* * *

Если хоть однажды увидел в ночном небе апрельские звезды и остался с ними до утра, то рано или поздно они укажут тебе верный путь.

* * *

В бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое,

отчего оно вроде бы никуда и не торопится, в полном довольстве от достигнутого благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красотой...

Весна неподражаема тем, что, разбив сердце, может в мгновение одарить великим наследством.

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра невидимый в вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное ночное пространство!

Всматриваясь в человека всем своим существом, лес еще вглядывается в него каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и голубое, что даже не верится: как может оно еще больше обновиться в марте!

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный точок неподалеку от деревни, и когда я подходил под

песню к токующему глухарю, отчетливо было слышно тьяканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, вполсилы... Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, по сути оставаясь все же лесным.

Только один маленький ручеек проснется под снегом — и все вокруг оживает.

Из-за обилия впечатлений в лесу часто случается такое, что мыслей в голове рождается сразу много, и они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и исчезают, так до конца ни к чему и не придя, а надо бы выбрать только одну, заняться ею и все остальные тогда останутся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

Дятел-желна, всегда неожиданно и как-то по-сказочному выпархивающий на тебя из чащи, напоминает неловко выбро-495

шенную кем-то из костра головешку, которую и не подумаешь тушить, а только залюбуешься огнем алой шапки, не опасаясь ее жара...

Продолжительно-мелодичный свист рябчика схож с неведомой лесной дудочкой, которая даже в самую непогоду настроена на трогательную радость.

* * *

В мае звезды теряют яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

* * *

Николая Ивановича Черткова, разнорабочего тарного цеха при местном леспромхозе, на деревне звали просто — Коля-чертик. Прозвище свое Коля получил не столько благодаря фамилии, сколько из-за внешней схожести с вышеозначенным сказочным существом, в точности отображая его всем своим внешним видом. Не то, чтобы он нес в себе олицетворение зла, какого-либо нечистого врага человеческого, одним словом — черную силу, но весь облик Коли очень точно отображал какого-то изворотливого беса, коим он представлял перед людьми, вступая с ними в контакт.

Не обошлось тут, наверное, и без непреодолимой любви Коли к зелёному змию. Когда он напивался, как говорится,

«до чертиков», тогда Колю вообще было трудно узнать, в него вселялся будто сам дьявол: как только Коля за порог, черт ему поперек!

И то правда, чего греха таить, выглядел Коля, прямо скажем, чертообразно... Вроде как к черту пристал, а от людей еще не отстал. И мелок, и неказист, одежонка на нем всегда донельзя изжевана, будто Колю в преисподнюю к самому сатане сунуло и невесть сколько там носило, а чем-то неизъяснимым к себе притягивает... Выверт какой-то особый в нем присутствовал, и Коля, конечно, об этом знал и с удовольствием им пользовался, может быть, только в подпитии этот самый выверт в себе угадывая. Кого черт рогами под бока не пырля!

Передвигался Коля по деревне одному ему ведомыми маршрутами, даже в крепком подпитии не нарушая свое следование ими. Маленький, с виду неловкий, он будто сдерживал в себе природную изворотливость, некую изошренность, которую ему между тем очень хотелось продемонстрировать. Вроде бы как эта способность все понимать и в любом деле быстро проникать в самую его суть билась в нем ежеминутно неугасимой жизненной жилкой, не давая покоя.

Как только Коля завидит что-нибудь, по его мнению, никоим образом не укладывающееся в рамки здравого смысла, так уж он тут как тут: почитает за долг вмешаться, надо не надо высказать свое мнение, подсобить, а то и прямо-таки влезть с каким-нибудь замудрецким советом. И это притом, что сам на деле не отличается последовательностью, вечно все делает наперекосьяк или вообще безо всякой причины отлынивает от исполнения возложенной на него работы, переводя выполне-

ние ее в некую понятную только ему забаву, приятное упражнение для его причудливого ума,— словом, в потеху, каких-либо особенных неудобств между тем никому не доставляющую. Скуки ради, а может быть, для увеселения своей непостижимой души решался Коля на очередную хохму: напускал на себя дурачество, чудил под этой личиной, не без удовольствия промышляя своей дурью, и оттого слыл среди людей шутом гороховым. Чистый черт, шут его бери!

На деревне к Коле-чертику относились неоднозначно: одни поселяне вообще его не воспринимали, как будто человека и нет вовсе, другие смотрели на его чудачества с укоризной, третьи — просто вертели пальцем у виска, мол, что с него взять — малохольный... Но по большей части наш герой вызывал смутные чувства, ближе находящиеся к недоумению, чем к отрицанию. Многие не понимали Николая, искренне принимая его за баламута, и Коля-чертик скорее веселил деревенских жителей, нежели вызывал у них какое-либо раздражение. Они великодушно прощали ему все его совершенно безобидные выкрутасы, с улыбкой или беззлобным смешком пересказывая друг другу Колины подвиги. Нельзя сказать, что это была любовь: Колю-чертика просто терпели, как неминуемый огрех природы, порой журили, а затем на неопределенное время забывали, чтобы после очередного Колиного «подвига» опять вспомнить и изумиться его неистощимой непутевости вперемежку с таким же обезоруживающим обаянием, с которым Коля умудрялся удивлять народ.

Взять хотя бы случай с ивовой корой, которая шла на изготовление красителя и её сдавали в деревенском приемном

пункте на вес, заводя телеги с вязками прямо на весы. Коля, нагружая подводу в лесу возле давно разработанной делянки, умудрился напихать под пуки с корой старые березовые чурбаки, чтобы, значит, таким огулом весь деревенский мир смутить и себя в лучшем свете представить. Легко, что дурню под гору, но на всех, как ни старайся, известное дело — не угодишь.

И если бы Коля был какой-либо малоумный, юродивый, человек без рассудка, а то ведь мог предстать миру и как голова! Был он, скорее, неорганизован, нежели глуп или ленив, и во всякое дело, с которым каким-то образом соприкасался, привносил присущее только ему обаяние. Чудаку, мол, все смех на уме, и даже плач из него весельем прет. Словом, дурак не дурак, а сроду так, но чудак чудаку рознь. Коля-чертик был нашего Бога дурень!

И ведь знал, конечно, что обман его рано или поздно раскроется, но хотелось Коле хоть немножечко, на какой-то миг, побыть лучше всех, так сказать, передовиком производства, то есть учинить очередную хохму, преподнеся ее как маленький праздник жизни. И Коля, не задумываясь, а подчиняясь только своей шутовской, но беззлой натуре, вытворял его, на что был великий мастер. А уж потом не грех и пострадать: бейте, ругайте — приму любой срам... И в этом опять проявлялось Колино обаятельное простодушие, желание и себя показать, и народ посмешить: у всякого, как говорится, свои причуды в голове. Да и то сказать: скучно было бы без Колиного чудачества, ибо проявление в человеке потехи есть свидетельство доброго расположения духа. Иной смех плачем отзывается, над Колей же потешались с улыбкой.

Отправил однажды Колю бригадир коневодческой бригады лошадку отбившуюся привести,— делов-то было на полчаса, не более. Еще смутило тут всех то, что Коля сам напросился: мол, ему пригнать верхом отбившееся животное — пустяковое дело. Отчего не подсобить для общего блага? Час проходит, другой, Коли все нет: как в воду канул. Ждали так, пождали — терпение у всех лопнуло и пошли сами. Глядят, а Коля стоит возле кобылы, держится за стремя и чуть не плачет: ростом-то не вышел! Видать, кружил вокруг нее, карабкался-карабкался, а залезть никак не сподобится, ну и плюнул в сердцах. И лошадь измучил и сам весь извелся: и смех, и горе!

А то было дело — провалился Коля в прогал между штабелями с бревнами, когда раскатывали их на погрузку. Только с ним могло случиться подобное. Слетел туда и давай понизу метаться, да все приплясывает, какую-то околесицу выкликает. Такую суматоху учинил, что все в голос хохочут, чуть ли не до упаду! Ну что тут скажешь: посильна беда со смехами, а невмочь со слезами.

Жена Коли, Татьяна Никифоровна, была женщина основательная, даже строгая, не в пример своему мужу имела высокий рост и сильную худобу. Отчего, находясь рядом с ней, Коля заметно терялся и выглядел, можно сказать, нелепо. Но это его опять же не смущало... Временами Коля даже осмеливался прикрикивать на Татьяну Никифоровну, особенно когда опрокидывал чарку, а то и руку поднимал, на следующий день, правда, стараясь не попадаться ей на глаза.

И все-таки было видно, что Татьяна Никифоровна любит Колю, как-то молча и не для чужих глаз опекает его. Если

случится вызволять своего непутевого муженька из очередной беды — никогда не оставит, даже если приходится тащить его на себе через всю улицу. А уж напивался Коля порой: прощай, белый свет и наша деревня! Нет рядом Татьяны Никифоровны — и переехала эта самая деревня поперек мужика...

Кстати, познакомился я с Колей именно благодаря его супруге, с которой повстречался в лесу в июле, где она собирала лечебные травы... Помнится, я запнулся за валежину и сильно расшиб коленку. Сидел на тропинке и, закатав штанину, прикладывал к ране листочек подорожника, а тут вдруг откуда ни возьмись бабушка-старушка, строгая на вид, а голос добрый, и на сухой ладонке цвет беловато-желтый протягивает: «Возьми,— говорит,— голуба... Порезанная трава называется... Подержи над ссадиной маненько...»

Татьяне Никифоровне была присуща некоторая степенность, что придавала ей, в свою очередь, какую-то затаенную значимость, а знание лечебных трав и вовсе выделяло ее в деревне как особенного человека, сведущего почти в колдовском деле. В чулане и сенцах у нее стоял пряный травяной дух, под потолком чуть покачивались пучки засохших цветов и ситцевые мешочки. Знала Татьяна Никифоровна: и какова собой всякая трава, и на что пригодна, но не смогла отвести мужа от лихого зелья.

Пьяницей Коля слыл известным, что называется, на осо-бинку: выпьет да оборотит, да в донышко поколотит. Пил все, что есть, и без остатка: хоть рюмочку, хоть стакан, а то и цельный ковшик — чего же не пить, если выпивается! Ну, а коли

чужое вино подворачивалось, то и подавно: и пил бы, и лил бы, и скучаться попросил бы. Но как-то так выходило, что не спивался. Наверное, потому, что пил больше на радостях, ибо горе свое уже давно запил.

Был он всегда весел. Но весельем этим никому не докучал. Как говорится, запьем, так ворота запрем, и если люди пьют и им честь и хвала, почему мне — стыд да беда! Больше в Колином поведении выходило чудачества, шутки. И какое явление природы, скажем, люди не могли объяснить, то Коле, по известным только ему законам, все чудеса на свете были доступны. Часто, подвыпив, он любил с лукавинкой озадачить какого-либо доброхота заковыристой загадкой: «Дважды родится, ни разу не крестится, один раз умирает?» А для того, кто упрекал Николая в чрезмерном увлечении выпивкой, у него всегда было наготове оправдание: «И курица пьет!» Или еще: «Пить — умереть, не пить — тоже умереть. Уж лучше пить, так и так помирать!»

Диво, необычайная вещь или случай поразительным образом ошеломляли Колино воображение. Нечто едва сбыточное, но, тем не менее, существующее повергало Колю в неопикуемый восторг, и он, переполненный одолевающими его разбереженный разум впечатлениями, напивался. Водрузив на переносицу старые костяные очки, у которых вместо дужек была привязана засаленная резинка, Коля в соннамбулическом состоянии отрешенности погружался в изучение затертого журнала «Наука и техника», бережно разглаживая истертые страницы, и в каком-то полубезумном восхищении от только что прочитанного восклицал: «Чудовые дела на свете творятся!» Этот чудный, дивный, удивительный мир, похоже, никогда не

покидал Колиного восприимчивого представления о нем, и Коля, расплывшись в беззубой улыбке и с восхищением воззрившись на стену с облупленными обоями, зачарованно добавлял: «И чудней меня на свете есть, да некому привесть!»

Однажды Коля наконец-то забрел и ко мне в гости... Какое-то время сидел молча, неспешно оглядывая мои хоромы, чуточку ошарашенный, а затем в восхищенной задумчивости произнес: «Чистота-а...» И потом опять, терпеливо оглядев внутреннее пространство избы, с некоторым недоумением добавил: «Да-а...» По внешнему виду его можно было заключить одно: Коля порядком озадачен. Собственное домашнее обустройство Николая оставляло желать лучшего, и Коля никак не мог взять в толк: как подобное возможно.

Кося одним глазом на печку, а другим уставившись в чистый пол, он долго ничего не произносил. Приплюснутые губы его еле заметно шевелились: то расплывались в недоумевающей улыбке, то вытягивались в трубочку. Нелегко осилить даже очевидное, если годами простодушно погружал свое существование в хаос. Но и около святых, как говорится, водятся черти! Коля уже давно привык обходиться самым малым, то есть краем, не пытаюсь что-либо изменять вокруг себя, не потеряв, наверное, только способности удивляться.

Запустив заскорузлый черный палец в нагрудный карман невесть когда стиранной гимнастерки и в нетерпении причмокнув губами, Коля загадочно произнес: «Слышь, чё покажу...» Через мгновение на свет божий вызволяется измочаленная бумажка, коей оказывается во множество раз сложенная газета «Лесная промышленность» за 1977 год. Коля с еле сдер-503

живаемым трепетом разворачивает ее, то и дело облизываясь и улыбаясь, будто собирается соорудить изрядную самокрутку, а расправив наконец измятую страничку, заботливо разглаживает ее и, прищутив глаза, завороченно вглядывается в истертые строки давно знакомой ему статьи... Что-то в ней особенно занимает Колино воображение, и закатив глаза под потолок и поучительно погрозив кому-то своим заскорузлым пальцем, он торжественно возглашает: «В Мексике кактусы произрастают до двадцати сажен росту!» Черные раскосые глаза его при этом, видимо, от переживаемого восторга, собираются в одну точку, лоб сплющивается к самой переносице, а уши оттопыриваются, впрямь, как у черта, и Коля становится похожим на лукавого маленького шайтана. Черт Колю не обманет: Коля сам про него молитву знает!

Так Коля и жил: ни Богу свеча, ни сатане кочерга. Одним словом: черт ногу сломит! В доме — неразбериха, можно даже сказать — бардак, в огороде — всякая культура к свету тянется как придется. Работы кругом — невпроворот, да отнял нечистый охоту. Словом, вселился черт в Колин двор: все люди как люди, один он в колпаке.

К слову сказать, на голове у Николая в любое время года красовался непонятого происхождения треух — теплая шапка с ушами и задником, да еще с узким передником вроде козырька, и висячие лопасти у этого малахая всегда торчали назад, что, действительно, вызывало ощущение каких-то странных больших ушей, которые воспринимались как естественное продолжение Колиной шишкообразной головы. На ногах — широченные валенки, зачем-то урезанные сверху, носки же до

такой степени загнуты, что непонятно, как возможно было достигнуть подобного. Вышагивал в них Коля по деревне вперевалочку, очень даже проворно, умудряясь не запинаться и в изрядном подпитии. В общем, мужчина-красавец, коли хоть немножко красивее черта!

Коля и на правду был черт, то есть неумолим, и резал ее к месту и без оного. Ведь чудачки не глядят на то, что-де люди скажут, а делают то, что чтут полезным. А полезным Коля считал всякое чудесное творение, по его соображению, не обошедшееся без всевышней силы. То и держал он в красном углу иконку святого, почитаемого за любимого,— Николая Чудотворца, сам же больше слыл меж людей великим затейником и шутником, вытворяя порой странные и даже непонятные для поселян вещи как бы чудом. Словом, был известен на деревне как «чудотворец», не будучи богомольцем.

Тешить себя и людей пустой выдумкой, которую сам он, кажется, воспринимал на полном серьезе, было его излюбленным занятием. То есть говорить неправду, то, чего нет, но не ради лжи, а для безвредной забавы. И, конечно, все сказанное, тут же им придуманное или вычитанное где-то и изрядно перековерканное, воспринималось Колей как истина. Попытка не пытка, а спрос не беда. Шутка-то ряд делу! Впрочем, любое дело, если быть честным, валилось из Колиных рук, и больше он был горазд на занятные речи, нежели на какую-либо кропотливую, длительную работу. После смерти жены к Коле мало кто заходил, если только какой-нибудь пьянчужка или бродяга, и я, наверное, был единственным, кому он по-настоящему оказывался рад, всегда ожив-505

лялся и как мог принимался за хозяйство, не в силах долго определить, где что у него лежит... Вообще, неприязнительность Коли в житейских делах, то, как он относился ко всему, что его окружало, — к предметам домашнего обихода, скоту, постройкам, плодам и овощам, которые незатейливо выращивал у себя в огороде, — поначалу поражало.

Домик у Коли-чертика был такой же, как и он сам: маленький, непутевый, но стоял он на пригорке не притулившись, как попало, а гордо, будто устремляясь в какие-то дальние дали, за деревню, и обычно когда я возвращался из леса, всегда в первую очередь отмечал для себя Колину маленькую избушку, словно бросающую кому-то вызов. Домик хотя и старенький, и, скорее, развалюха, чем справный, глубоко вжаты в землю, а было в нем что-то необыкновенное, даже негибкое, непроизвольно притягивающее взор.

Внутри Колина изба не отличалась убранством: всюду царил жуткий беспорядок! Но хоть и тесно было в нем оттого, а в то же время просторно. Несмотря на отсутствие порядка и чистоты, в доме не тужилось, что ощущалось сразу: и сиротский обиход его скорее веселил, нежели озадачивал. «Дома не в гостях, сижу как хочу, — говорил Коля, — а уже в людях, как велят».

Помои он мог выхлестнуть зимой прямо в форточку, все ведро, так что на дворе, под окнами, образовывалось разноцветное поганое пятно, постепенно вмерзая в лед, что между тем нисколько не смущало Николая. «Дожил до лыка, — не смущаясь, посмеивался над собой Коля. — Грязь не сало, помял, она и отстала!»

Коле нельзя было отказать в доброжелательности, и как бы ни была его судьба, он никогда не озлоблялся, а наоборот, кажется, даже становился еще более покладистым и дружелюбным. Идешь, бывало, по главной поселковой улице, и Коля как всегда неожиданно выныривает из своего переулка, а заприметив тебя, тотчас расплывается в улыбке. В каком бы настроении ни находился, трезвый или пьяный, он был расположен к общению.

Слезящиеся глаза радостно лучатся, озорно стреляют по сторонам, рожица аж вся светится, а между тем неумыта и с недельной щетиной. Носки валенок лихо загнуты кверху, не-мудрецкое пальтишко до невозможности затерто, штаны в заплатках: кого уж Господь полюбит, то нищетою взыщет... Но Коля ничуть не унывает: голо, бедово, а луковка во щи есть! Радостно приветствует любого встречного: вертится, раскланивается, и со стороны напоминает какого-то непутевого, странного человечка, действительно временами смахивающего на чертика.

При виде меня Коля обычно замирал на месте как вкопанный, немножко отклонившись назад, разводил руки и в оторопелом недоумении и каком-то необузданном веселье, нараспев, восклицал: «Ста-а-ры-ы-й дру-у-г!» Глаза у него начинали часто моргать, еще более слезились, и Коля, осторожно взяв мою ладонь в свои руки, принимался часто встряхивать ее и счастливо улыбаться. И потом, уже несколько успокоившись, будто сбросив с себя неведомый груз, умиротворенно повторял: «Ста-а-рый друг!» Радость в такие моменты, видимо, перехлестывала в нем через край, а у меня начинало сосать под

ложечкой и в горле вставал ком. При этом я неловко отшучивался, тоже принимался трясти уже его руку, и со стороны мы, наверное, напоминали приятелей, не видавшихся, по крайней мере, несколько лет. Наконец Коля в удовлетворении вздыхал, смущенно улыбался и несколько загадочно произносил: «Какову дружбу заведешь, такову и жизнь поведешь».

Верно ли было называть наши отношения дружбой? Пожалуй, что так. Мы с уважением относились друг к другу, хотя и редко встречались, даже видели в каждом то, чего другие не замечали. Несмотря на разницу в возрасте, которой, впрочем, не придавали значения, чувствовали себя вместе легко, свободно, могли говорить обо всем. И я знал, что если случится в ночь-полночь бедовать и не к кому будет приткнуться, Коля никогда от меня не отвернется и ворота отперет.

Возвращаясь из леса, мы с приятелем нередко заходили к Коле в гости, и он как будто даже ждал этого и всегда с радостью нас встречал. Такое внимание к своей одинокой персоне оказывалось, несомненно, событием в его жизни, и Коля как мог пытался нам угодить: подтапливал печь, варил нехитрую похлебку, приносил из сеней крынку козьего молока, которое у него, кажется, не переводилось. Больше всякой живности Коля любил именно козочек и с теплой лукавинкой, посмеиваясь, рассказывал нам о них, как будто это были непутевые, но самые дорогие существа, не способные прожить без его рачительного надзора. Про козочек он готов был рассуждать часами, искренне дивясь и восхищаясь исключительной целебности козьего молока: «Козье молочко пью — сердце охает!»

Однажды я зашел к нему летом, когда он «колдовал» у себя на грядках в огороде, и так был увлечен этим занятием, что, завидев меня, даже не поздоровался, а разогнувшись и, видимо, захваченный переполняющими его душу ощущениями, воздел к небу руку с огромным огурцом и с трепетом прошептал: «Ты только погляди, какая у меня на огородишке овощ завелась... Культу-у-ра!» Коля по наивности своей совершенно искренне полагал, что это он сам вырастил нечто невиданное, между тем как «культурой» на деле оказался обычный декоративный сорт «лагенария», используемый как кабачок или огурец, который был выведен именно ради величины, достигал обычно восьмидесяти сантиметров, а Коле на базаре просто подсунули не те семена.

Главное, что меня трогало в Николае,— это его душевная непосредственность, какая-то почти детская наивная простота в восприятии окружающего мира. И люди, и животные, и растения оставались для него неодолимой, но восхитительной загадкой, которую Коля и не стремился постичь, а только, кажется, радовался возможности жить и удивляться. Душа его была переполнена глубоким совестливым чувством взаимосвязи со всем живым, ответственностью за него, и, может быть, именно это качество побуждало Колю чудить, так как при своем неказистом виде он просто не решался открывать сердце. Душа-человек, хоть и с телом чертова мука! «Но не тужи по красоте,— говорили в народе,— если душа жива...»

Прошло немало лет, но по-прежнему часто приезжаю я в родную деревню, где нет уже в живых ни бабы Шуры, ни деда

Георгия, ни бабы Нюры, да и Коля-чертик давно умер, но как прохожу по знакомой улице рядом с тем самым переулком, так и чудится, будто из него сейчас вынырнет маленькая, неловкая фигурка Коли, он узнает меня и простодушно обрадуется. А затем, как он обычно это делал, раскинет в радушном приветствии руки, чуть привстанет на цыпочки, как будто подавшись ввысь, к небу, и нараспев, с выражением, которое идет из души, точно так же прямодушно и просто произнесет: «Старый друг!» И малое не мало, коли столько и есть, а простых и Бог простит, ибо в сердцах их почивает.

Всегда красив и по-хорошему печален русский лес, как бы безжалостно ни относился к нему человек.

Под вечер неожиданно вскрапнул теплый дождик, и откуда ни возмись выполз густой туман, который стелился от низкорослых кустов до верхушек высоких елей: он и прибил вальд-шнепиную тягу вниз...

Птицы в полете прижимались к земле, самки вскрикивали, увлекая за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, вырвавшись навстречу друг другу из молочной туманной пелены, быстро спаривались и тотчас разлетались... Вместо них тут же появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось. Туман, кажется, внес в поведение вальдшнепов непри-510

вычную для них нервозность: птицы будто боялись упустить этот вечер, а с ним всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело до невозможности оголенно и грубовато, но в то же время как-то необыкновенно притягательно... Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розовый, а воздух прозрачный, теплый и спокойный. Но, бывает, следующий вечер выдается чудесным и тихим, а вальдшнепы почему-то не тянут...

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо — весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета начинает казаться, что жизнь утекла безвозвратно и ничего необыкновенного в ней у тебя уже никогда не случится.

Весенний солнечный луч, особенно вечерней порой, словно произнесенное кем-то доброе слово...

Только по-настоящему мудрый человек чувствует заключенную в лесу мысль, к тому же не стремящуюся из него вырваться, а почувствовав, вдумчиво подражает ее движению, не желая полновластно ей обладать.

В марте от полурастаявших к полудню луж словно разносится детский восторженный крик и наполняет радостью весь воздух!

Редко когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в бору кукушка, но обязательно настоужишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подаст голос.

Люди никогда не ждут весеннего прилета птиц, заглядываясь вверх и то и дело выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а поднимают головы, лишь заслышав в вышине торжествующе-волнительный крик...

Ни у одного дерева ничто не может так зацепиться в ветвях, как у елки... Только в ее дремучей кроне застревают душистая туманная тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна и уж потом — лето и осень.

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

Выгоревший лес похож на холодную чужую планету... Кажется, он не хранит уже ничего, что бы помогло ему возродиться, но присмотревшись, постепенно все же угадываешь в нем еще не высказанную мысль о жизни, которая ждет его впереди.

Если бы еще хоть раз раскрылся для меня прекрасный цветочек с голубыми лепестками и маленьким золотым солнышком посерединке, если бы я вновь смог удивиться ему и поверить, и если бы оно, это солнышко, оставалось для меня живым до самого конца,— как бы это растрогало меня и обогрело, может быть, даже спасло и, конечно, раскрыло в душе всю забытую красоту и упущенное счастье! Я бы встал перед ним на колени и назвал его «любимым», который больше нельзя потерять, и сердце мое превратилось бы в такое же золотое солнышко с голубыми лепестками и слилось бы с моим «любимым», и настала бы та самая светлая ночь длиною в нескончаемую жизнь, что уже никогда не обманет...

Сейчас вокруг весна, и мне кажется, что повсюду рождаются маленькие голубые цветы с солнышком внутри, а мой никак не может появиться, где-то прячется, затаившись, и, может быть, ждет, что когда-нибудь в нем тоже раскроется прекрасная золотая душа, зацветут небесные глаза и он меня увидит.

Когда токует глухарь, его налившиеся брусничным соком брови почему-то не выделяешь с таким восхищением, как огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду. Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя блеклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками.

Вместе с вскрикиваниями прилетевших с юга журавлей к людям опускаются звуки родной земли, вызывая в них желание устремить взор к небу.

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который готов всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречать каждый день. К осени он незаметно под-

растает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает... Каждый год стараешься не пропустить, куда же он подевался, но неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны уже никем не замечаемую пропажу.

Цапля так устроена, что вспугнутая — не вылетает, а вымахивает на огромных крыльях из прибрежных зарослей камыша и рогоза.

Редко удастся близко увидеть лесного голубя-витютня. Он нелюдим и постоянно скрывается по весне в разлапистых ветвях елки. Бывало, неожиданно послышится из глубины леса постанывающе-печальное воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица подает голос? Так проникновенно разносится это грудное воркование, чем-то непонятным очаровывая и завлекая...

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то слышится совсем рядом. И вдруг в каких-нибудь двух-трех шагах заметишь в ветвях дымчато-розовое оперение голубя, его раздувшуюся от напряжения гордую грудку и поразишься неброской красоте птицы, которая большую часть жизни держится над раздольными полями, а силу черпает в густом лесу...

Весенний радостный свет действует на человека как свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

* * *

Порой, забравшись в какой-нибудь потаенный лесной уголок, ничем особенным не отличающийся от множества подобных ему, поначалу несказанно обрадуешься, а потом долгое время дивишься, не в силах разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого обычного места?!

* * *

Как грациозны головы журавлей, когда они насторожены, и как страшны при этом в своей безжизненности их глаза!..

* * *

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: вот-вот наступит весна! Но что же послужило основанием для такой убежденности? Может быть, синица раньше времени восторженно запиныка-ла под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то еще, совсем не зимнее, появилось в утреннем воздухе,— угадать ты не в силах... Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а все же... весна!

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь у самой птицы, складывается неустроенно и осиротело.

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьется колючая поземка, а лес стоит седой, нахмуренный,— все вокруг голо... И только у самой обочины лесной дороги на тоненьких тростиночках пустырника оживленно раскачиваются цветастые щеглы, о чем-то неугомонно переговариваются и совершенно изменяют своим присутствием унылый зимний вид.

Часто люди, достаточно не зная и не понимая земли, обращаются в своих устремлениях к заоблачным далям, тогда как для начала им следовало бы разобраться в повседневной жизни. Например, научиться тому, как сажать и выращивать здоровую картошку или искать грибы, понимать голоса птиц и зверей, как жить с людьми, чтобы не злословить, не завидовать, а стараться видеть в них больше хорошего, и это хорошее поддерживать. Как найти себя в жизни, отыскав свое дело, и, развив его, оставить плоды потомству... Множество работы ждет человека на земле, и летать в заоблачном мире ему не пристало. Другое дело, если мечты не мешают земным заботам

и только помогают их осуществлению... Так бывает, когда человек устал, и он запекает песню, которая уносит его на время от земли, а обратно человек возвращается отдохнувшим и сильным.

Трудно представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов и просто присядет вдали от них отдохнуть.

Одно робкое весеннее утро способно подарить целый мир, бескрайнее же летнее царство не в силах превозмочь свое ослепительное довольство, с каждым часом замыкается в себе и незаметно перегорает.

Оказавшись среди величественного дремучего леса, объятого тишиной и покоем, мне всегда хочется понять: в чем высшее предназначение моей собственной жизни? Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа... Сам себе я тогда начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственно могучего леса.

Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, которое каждый год влечет меня в знакомое мне одному место, точно обещающая раскрыть некий тайный смысл,— я не знаю...

Вглядываясь поздним вечером, у костра, в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг, с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нем окружает: с могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звездное небо, с ударяющей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато-пряный сонный аромат... Вместе с этим простым и ясным откровением душа тотчас наполняется мудрым покоем и еще таким пониманием собственной жизни, что изредка проникающая в нее туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своем таинственном лесном уединении не отделишься от людей...

Всю майскую ночь напролет слышится страстное посвистывание соловья в черемухе под окном, и становится вдруг так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

Снегири — трепетные птички сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь, и они уверены в своей вечной молодости.

Весной самое лучшее время — утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, еще не расплескан по пустякам и встает перед человеком молодым, нетронутым и прекрасным.

Только весенним утром, перед рассветом, вдруг ощутишь, как в тебе незаметно копятя огромные силы, и именно эта весенняя безмятежность происходящего зарождает уверенность в правильности твоих душевных устремлений.

Трудно представить у вечно зеленой лесной чащи перезревшую душу, которая все время растет, копит силу, но однажды ей приходится от нее избавляться... Скорее, лесная душа никогда не старится, постоянно обновляясь в своих нескончаемых жизненных примерах, и даже когда деревья умирают, старые пни в лесу окружены его мудрым вниманием и покоем.

* * * Кончается лето, ночь уже холодна, в небе — полная луна и яркие звезды, а вокруг — высокие осины, в верхушках которых чутко спят глухари, и... я, маленький, прикорнул неподалеку, у затухающего костерка, потому что мне обо всем этом надо знать...

* * * Когда самец-вальдшнеп преследует на тяге самку, он издает двойной звук «хор-хор, цвиг-цвиг...» Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая — с неожиданным и легким выдохом, утонченно моля дожидаться его и больше не покидать.

* * * Маленький, затерявшийся в густолесье куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях, радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень, и какую-то необыкновенную, переживаемую с детства уверенность, что волки плетут из лыка, содранного с кустарника, сказочные корзинки и ходят с ними по грибы и ягоды...

* * * Пока весной не пахнёт от земли теплом, она всё как не родная.

Слова, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством собрать их... Причем, отбирать следует самые разнообразные, обращая внимание не на поэтичность названия и аромат, а на энергию внутреннего содержания, которая сама по себе всегда прекрасна.

* * *

Египетские мистерии указывали на особую силу мысли, посланную через пламя... Оттого и все мои ночные бдения возле костра под утро завершались радостными откровениями.

* * *

Давно держу и сад, и огород, но только недавно задумался о том, что собирание плодов еще утомительнее, чем посев.

* * *

Именно неутомимость, терпение и наблюдательность дают твердое основание к творчеству, энергия которого накапливается постепенно, но принадлежит к неистребимым завоеваниям души.

* * *

Для того, чтобы находить правильные слова о мире, нужно постоянно отдавать ему энергию своего сердца.

Животные чувят тонкости природного мира, но не осознают их. Люди могут и должны осознавать связь с ним, но не замечают своего реального могущества. Чутье зверей чаще оказывается вернее безволия человека и его жалких устремлений, когда он и не предполагает о великих возможностях.

Глаз должен быть незрячим на отвратительное, устремляя свое зрение в прекрасную беспредельность.

В давние времена было принято показывать гостям коней и собак. При этом замечали отношение животных. Многие послы прошли через такое испытание, не добившись для своих государств ожидаемых преимуществ...

Если спросит вдруг однажды Творец: «Что делаешь? Чего желаешь? Чем терзаешься? Чему радуешься?», то, не задумываясь, ответу: «Проникаю в суть созданных Тобой вещей и явлений, пытаюсь максимально приблизиться к истине. Желая подняться на более высокую ступень развития духа. Терзаюсь, что не всегда могу верно использовать накопленные знания. Радуюсь возможности быть и идти к Тебе, не уставая».

Посеявший — пожнет... Ничто не изменит этот неукоснительный закон Вселенной, независимо оттого, посеяны ли семена добра или зла. Жатва в любом случае будет произведена и окажется справедливой...

Так бы и довольствовался я нехитрым урожаем картофеля, если бы не верующая бабушка-соседка. Застав меня однажды за его уборкой, она невзначай обронила: «А не оставляешь ли ты картошечки Николаю Чудотворцу?» И добавила: «Хоть одним кусточком, а надобно его ублажить!»

Только чтобы умиловить старого человека, не стал я выкапывать последний куст в самом углу огорода, что стоял как бы даже недоуменный: почему вдруг его оставили? А вскоре и вовсе забыл, лишь изредка поглядывая зимой на занесенный по самую верхушку забора огород, думая: вот из-за каких-то старухиных бредней оказался куст невыкопанным и теперь мерзнет... Пустое!

Весной, перекапывая огород под посадку, еще с улыбкой поглядел в угол, у забора, и уж больше не вспоминал про чудесного Николу до самой осени. В сентябре настала пора собирать новый урожай, и как же я был удивлен, когда на каждое гнездо приходилось по двадцать пять, а то и более картофелин! Все они были на загляденье: крупные, бокастые и, что самое поразительное, — ни единой гнилой! А ведь весь угол у большой черемухи всегда отличался изрядной сыростью и никогда

не родил здорового картофеля... На сей раз вся выкопанная картошка была суха и цела.

И вспомнил я опять всемогущего Николая Чудотворца, теперь уже с верою, хотя еще и сомнительной, и добрым словом помянул бабушку, что надоумила не забывать крестьянского святого. Теперь каждый год, когда убираю под осень урожай, оставляю я куст, а то и два, на доброе здоровье и великое поучение всего живого. Земля же до сих пор кормит меня рассыпчатой и сладкой картошкой, которую я с аппетитом ем да хранителя Николая славлю!

Вот уж кто по весне не бережет ничего для себя, так это раскрасавица черемуха! Ароматная яблонька — майская невеста, сама себе на уме, роскошная с виду сирень — на деле замкнута, хотя и хороша, а береза, липа, ива и ольха подолгу как будто что-то выгадывают, прежде чем распусаются во всей своей красе...

Лесу нелегко скрывать от любознательного человека каждую минуту своей жизни, вырастающую незаметно в мудрые века, но лес еще тяжелее переносит человеческое невнимание, мгновенно становясь неприступным.

* * * Больше юга люблю север: взбунтовавшиеся дикие силы природы и стонущую тайгу, неистовые порывы студеного вет-525

ра и долгий изматывающий путь, потому как только в них и растет душа.

Ранний крик журавлей на болоте вызывается первым робким светом, когда узкая полоска зари только-только проглядывает из-под небесного одеяла, и человеку ее еще не видно.

Бывает, подолгу вынашиваешь какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то все-таки не хватает, чтобы начать рассказ... Чего-то связующего, что могло бы озарить повествование обаятельной черточкой, мыслью, может быть, даже открытием... И вот однажды это маленькое недостающее открытие появляется, все накопленные до него знания, представляющиеся до этого неинтересными, неживыми, чудесным образом оживают, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, долгожданная первая фраза...

У многих северных народностей слово «погода» означает, как ни странно, нечто хорошее и веселое, что радостно идет навстречу человеку, пускай даже падает снег, шумит ветер или кругом стоит непроглядный промозглый туман.

Как бы ни забирал мороз в мартовский утренник, он кажется легким и беззлобным, и только оживляет все вокруг!

Важно, войдя в лес, принимать обнаруженные там находки не на свой счет, возвеличивая лишь собственную проницательность и ум, а на творчество самой природы.

Народившийся ломтик месяца — тоненький, изящный, а между тем царит на небе...

В народе говорят, что зима тетереву за обычай и длится всего лишь ночь... Морозный же декабрьский день для птиц — в одну кормежку, когда они вылетают из-под снега на березы и, рассевшись по ветвям, будто стерегут торжественный зимний покой.

Неторопливо склевывая пахучие березовые почки, тетерева изредка замирают, прислушиваются, настороженно поворачивают головы к розовеющему востоку и, убедившись в нетронутой тишине, опять принимаются кормиться. Нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток неподвижного пребывания под снегом.

Насытившись, тетерева не улетают, а тяжелыми черными грушами срываются прямо под деревья в сугроб и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим с края поляны лункам, из которых птицы неожиданно вырвутся однажды поутру и снова ненадолго рассядутся по березам теревить сережки и слушать зимнюю тишину. Краснобровые птицы на заснеженных березах — самая красочная картинка зимы, отражающая ее короткое пробуждение и предвкушающая нескончаемо сладкий сон.

* * *

Весной, больше чем когда-либо, хочется идти до той лесной стороны, где никто не бывал, а когда дойдешь — ни за что об этом не догадаешься, и все продолжаешь свой путь, не уставая.

* * *

Молодой ястреб-тетеревятник жадно впивается в жертву желтизной своих страшных глаз, красные же глаза взрослого хищника смотрят как бы с недосягаемого высока, холодно и надменно.

* * *

С приходом дивных майских дней исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: всё затмевающая в

душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

* * * В июльский вечер, когда всё вокруг утомленно дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение...

* * * Существует расхожее мнение, будто бы зверям и птицам никогда не быть похожими в своих действиях на человека. Во-первых, он трудится при помощи орудий, изготавливая их себе сам, а животные действуют только теми органами, какими их снабдила природа. Во-вторых, животные, в отличие от людей, работающих всегда разумно, всё делают инстинктивно, им незачем учиться, ведь учиться возможно, лишь общаясь со своим учителем, получая от него указания и понимая их, тогда как животные, по утверждению человека, к этому не способны, им якобы не присуща сообразительность, а значит, и элементы игрового поведения. И, в-третьих, совместность человеческого труда отличает его от «работы» всех остальных животных: люди работают не только рядом, но и объединенно, более опытные при этом поучают начинающих, и если условия труда каждый раз меняются, то люди действуют по-иному, чего, мол, никогда не достичь представителям звериного и пернатого царства... Но так ли это верно? И неужели никто из зверей или птиц не паразит наше воображение своим умением?

В этой связи вспоминаются знаменитые Дарвиновы вьюрки, которых он обнаружил, путешествуя на корабле «Бигль» по Галапагосским островам, и, изучая их, пришел к интересному выводу: из-за конкуренции в еде птицы одного и того же вида приобрели разные черты, а среди древесных вьюрков выделился так называемый «дятловый», который с большим умением пользовался «орудием труда». Сначала птица находит место, где, по ее предположению, может оказаться добыча, постукивает клювом по стволу, прислушивается, а услышав то, что ее интересует, отдирает кору и обнаруживает ход. Однако достать насекомое оказывается невозможным — клюв у вьюрка короткий, к тому же у него отсутствует липкий, как у дятла, язык, и тогда птица срывает колючку кактуса, засовывает ее в отверстие и вытаскивает насекомое из щели. Любопытно, что, добыв себе корм, вьюрок не выбрасывает колючку, носит ее с собой, пользуясь ею многократно, а когда случается, что рядом не оказывается колючки, птица изготавливает «инструмент» сама — отламывает маленькую веточку, укорачивает до нужного размера и обрывает сучки и листочки.

Но хрестоматийный пример с вьюрком далеко не единственный. Известная голландская исследовательница поведения животных Джейн ван Лавик-Гудолл наблюдала в Восточной Африке, как пользовались орудием для добывания пищи уже более крупные птицы — стервятники. Птицы собрались у брошенной страусиной кладки, но ни сипы, ни грифы не могли разбить толстую скорлупу, и один стервятник, взяв в клюв камень, направился к яйцу и сильным движением головы вниз бросил его, но яйцо не разбилось, затем он поднял камень и

снова швырнул, но опять промахнулся, и только третий бросок оказался удачным, после чего стервятник стал лакомиться потекшим на землю желтком. Тотчас к нему бросились три более крупные птицы и оттеснили его в сторону, но стервятник, расколовший яйцо, уже направлялся с камнем к следующему...

А наш журавль-красавка? Птица эта водится в степи и устраивает свои гнезда прямо на земле, где обычно гуляет сильный ветер, который раскатывает яйца. Для того, чтобы этого не происходило, журавли обкладывают яйца крупными гальками, за которыми летают на речку, километров за пятнадцать — двадцать... Это ли не применение орудия, способствующего сохранению кладки и выведению птенцов?!

Усложняют вопрос об «орудийной деятельности» и обезьяны, которые там, где для добычи плода не хватает короткой палки, приносят откуда-нибудь длинную, а если такая возможность отсутствует — изготавливают из двух палок одну. Обезьяны способны пользоваться за столом ложкой и вилкой, чистить зубы, кататься на велосипеде и автомобиле. Известен случай, когда павиан-бабуин стал отличным пастухом коз на одной из ферм в Южной Африке: он охранял животных, отгоняя вицей от чужих стад, собирал их в гурт, если они слишком разбрелись, а вечером пригонял домой. Шимпанзе очень нравится рисовать, и если их останавливают и отбирают рисунок, то они начинают волноваться, по-видимому, представляя, каким должен быть законченный рисунок, а когда им его возвращают, то они рисуют с того места, на котором прервали работу, и доводят ее до тех пор, пока не посчитают рисунок завершенным. Японские макаки, прежде чем употребить в пищу плоды бата-531

та, обваленные в грязи, обмывали их в воде, а в дальнейшем передали эту привычку своим детенышам,— все это доказывает, что обезьяны имеют конкретное образное мышление и способны к элементарной абстракции и обобщению. Многие звери по развитию собственных инстинктов могли бы наверняка использовать еще какие-либо орудия труда, как, например, калан, разбивающий камнем известковую оболочку морского ежа, да только они им, чаще всего, просто не нужны: звери прекрасно обходятся и так, с помощью отпущенных им природой органов, которыми владеют мастерски...

Привычкой обучать ученые наделяют только человека, тогда как любому леснику, чья жизнь тесно связана с лесом, доподлинно известно стремление волчицы воспитывать волчат, подготавливая их к суровой жизни в условиях дикой природы. Когда волк приносит к норе добычу, волчица позволяет волчатам немного обнюхать и потрепать ее, затем уносит подальше от логова, в глубь чащи, а через какое-то время щенки бросаются разыскивать спрятанное волчицей, уже заслуженно расправляясь с жертвой. Таковы первые уроки матери по отношению к своим детям, которые благодаря врожденной способности угадывают ее след и место, куда она спрятала добычу.

Когда волчата немного подрастут, волчица использует в обучении уже живую добычу, приносимую волком. Например, слегка придавленного зайчонка, которого она на глазах у волчат отпускает, долго не позволяя им преследовать обреченную жертву, и лишь терпеливо выждав необходимую паузу, отпускает волчат в погоню, следуя по их следам и оценивая работу. Так, постепенно, волчата познают таинственный мир

ды, в котором им надлежит существовать, и от того, как тщательно они познают его законы, зависит их жизнь.

А совместность труда? Разве отличает она волков от людей, которые работают не только рядом, но и объединенно? При этом, как мы могли убедиться чуть выше, более опытные звери обучают начинающих, а потом, когда малыши подрастают и условия труда каждый раз меняются, волки, соответственно, и действуют по-иному, например, охотятся.

Гуси или утки обычно ночуют на песчаных отмелях какого-либо лесного озера, и волки обходят их, отрезая путь к отступлению. Сначала один волк или волчица заходит с противоположной стороны и пугает птиц подвыванием, чем дает сигнал остальным зверям, которые только этого ждут и молниеносно набрасываются с тыла на ничего не подозревающих птиц, с любопытством и страхом вытягивающих головы к доносящемуся до них волчьему вою...

Хорошо известно и умение волчьей стаи загонять сохатого или оленя, а порой, в особо лютые зимы, волки поднимают из берлоги и самого топтыгина... Ни у кого из зверей, наверное, нет больше такого строгого разграничения обязанностей, как в волчьей стае. Каждому в ней — по его способностям, выносливости и силе.

Одни — отыскивают зверя, другие — загоняют его в удобном для стаи направлении, а кто-то мертвой хваткой останавливает жертву и валит ее на землю. Порой волки гонят коз или баранов к краю какого-нибудь скалистого обрыва, где внизу уже ждет зверей засада и неминуемая расправа, или выжимают лося на лед реки, где тот, конечно, потеряет опору и будет рас-

терзан. Всё в стае подчинено беспощадной борьбе за жизнь, и при этом волки никогда не отступают от жесткого внутреннего распорядка, совместно добываясь желаемого для всей стаи результата.

Совместные действия в выполнении своего труда я совсем недавно обнаружил у себя в огороде, у маленьких садовых горихвосток, которые сразу после прилета начинали устраивать гнезда, а в качестве материала для них «воровали» паклю из пазов дома, располагающихся между бревен. Одна горихвостка, это был самец, прихватывает в клюв выбившиеся волосинки и, подрабатывая себе в воздухе крылышками, тянет что было сил на себя, а самочка, подлетев сбоку, суетливо порхает, стараясь поудобнее подстроиться рядом, и ловко перекусывает волосинку пакли у ее основания, после чего обе птички исчезают под карнизом, а через некоторое время вновь появляются, и все в точности повторяется.

Вот и муравьи-листорезы, которые без остановки перемещаются по лесным тропинкам Южной Америки с обгрызками листьев, передают их затем своим собратьям — муравьям-листорубам, и те, пережевывая эти листья, смачивают их выделениями, укладывают в особые камеры и готовят удобрение для выращивания... грибов, которыми и питаются. Трудно отыскать более согласованную, даже разумную, деятельность в мире природы. И не у этих ли муравьев люди когда-то научились выращивать в парниках огурцы и помидоры? Что уж говорить о совместной деятельности бобров, которые возводят такие сооружения, что просто трудно себе представить, как животное способно на такое, а зимой, ко всему прочему,

бобры спускают часть воды из запруд, чтобы подо льдом образовались пустые пространства, где они резвятся и кормятся.

Инстинкт многих зверей, достигший в течение своей эволюции удивительных пределов, вызывает у нас истинное восхищение, тогда как разумность человека во многих вещах оставляет желать лучшего. Если мы обратимся к той же способности животных «соображать» или, по крайней мере, находиться в непосредственной близости у границы разумной деятельности, то как тут не вспомнить лисоньку — куму Патрикеевну, в которой русский народ всегда отмечал замечательную способность быть увертливой и чуткой: благодаря своим умным повадкам она сытее волка живет, а если придется — и человека проведет. Так, не раз удостоверившись в том, что еж боится воды, лиса всегда постарается столкнуть его лапой в лужу или ручей, но если воды рядом не оказывается, она... мочится на ежа, и тот разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах умного хищника...

Заботливая тетерка, когда ее потомству угрожает опасность, любимыми путями норовит отвести от него беду и чаще всего изображает себя подраненной, не способной лететь. Все ее существо сосредоточено на этом спасении, в такие минуты она совершенно преображается и в силу ответственности перед птенцами уводит от них хищника, жертвуя собой. Правда, последний, как правило, остается ни с чем, поскольку арсенал изощренных приемов у не на шутку обеспокоенной матери поистине безграничен.

В этом доподлинно убеждаешься, если хотя бы раз сам во-535

очию увидел, как тетерка неловко, скособочившись, перебегает, рискуя вот-вот оказаться в зубах лисы или рыси, но этого не происходит. В последний миг, перед самым носом разохотившегося зверя, птица вдруг находит в себе силы и ускользает, но далеко не отлетает, а опять начинает прихрамывать, то и дело припадая к земле, или приволакивает якобы поврежденное крыло, тем самым увлекая хищника в сторону от птенцов. Не раз наблюдая за подобным поведением тетерки, меня не покидало ощущение той поразительной изобретательности, с которой птица изображала себя нездоровой, и еще не покидало ощущение, что тетерка... импровизирует! Птица всегда умудрялась придумывать что-то новое, придавая своим действиям удивительную доподлинность, и вот эта вымеренность ее ухищрений просто восхищала!

Эволюция обыкновенных дождевых червей снабдила их реакцией удирать от крота, на приближение которого указывают малейшие сотрясения почвы. Так или иначе, червяки боятся ее вибраций и тотчас выбираются на поверхность, но это не всегда оборачивается для них спасением. Догадливые чибисы, маскируясь под крота, выгоняют червей из земли, быстро потряхивая вытянутой вперед ногой, и ловко поддевают их на клюв. А чайки заставляют червей покидать свои норки топчась ногами — несколько раз в секунду поднимая и опуская лапки. Это ли не свидетельство еще одной удивительной способности птиц обобщать виденное ими ранее, в конечном итоге употребляя себе на пользу?!

Ум животных, конечно, проявляется и в игре, в которой хорошо угадываются их возможности и характер. Игра непре-536

менно должна нравиться животным, ибо и звериным детенышам присуще такое поведение, когда они тешатся и резвятся,— словом, забавляются, а значит, получают от игры удовольствие и радость. Не зря в народе говорилось: «Игра потеху любит».

Играют без удержу волчата и лисята, бельчата и слётки горихвостки, воронята и барсучки, выражая отношение к окружающей жизни, в которой они оказались. Сама природа снабдила их подобными свойствами: бегать, затаиваться и бороться, показывая свою прыть,— в общем, быть удалцом среди всех, развивая между тем силу духа, отвагу и цепкость, терпение и настойчивость. Способность не бояться врага тоже вырабатывается в игре, и если мать принесла волчатам медвежью кость, то они обнаруживают в ней достойного соперника и без страха бросаются в свою первую в жизни схватку со «зверем», которого, конечно, побеждают, и радуют этим родителей. Природа берет свое, но всегда с устремлением на развитие навыков у зверенышей, которым вскоре придется добывать пищу, перемогать голод и холод, самим воспитывать подрастающее потомство, не теряя при этом желания играть, тешить себя доступной забавой...

И как тут не вспомнить нашего лесного доброхота, всеми уважаемого в народе Михайло Ивановича, или Топтыгина, который не дает себе скучать, когда сыт, и оттого нравом незлобив, и знай дуги себе в лесу гнет: гнет — не парит, переломит — не тужит. А больше всего любит потешить себя игрой на «музыкальном инструменте»... Обнаружив сухостойное гулкое дерево, расщепленное молнией или поверженное

ураганом, медведь, усевшись поудобнее рядом, ударяет по нему лапой, с удовольствием слушает,— и эта добродушная черта, очевидно, на какое-то время завладевает диким зверем. В медведе думы много, да вон нейдет, вот он и пытается вывести своей «игрой» общую для всего живого радость, и ведь, несомненно, сам от своей «игры» переживает истинное удовлетворение! Не дал Бог медведю слуха, а он за то ни на кого не в обиде: как хочет, так и ворочит!

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру... Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребенком. Она неугомонно забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлепала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе, и выдра использовала горку неоднократно, потому как от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь...

Горазды до безудержного веселья и зайцы: что только они не выделывают, охваченные приближающейся весенней порой! Зайцы необыкновенно игривы, и весной совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания,— и это почему-то не удивляет, а только радует. Игривость — отличительная черта характера этого милого зверька, который даже капусту в огороде у человека считает посаженной собственно для себя.

На протяжении большей части года зайцы ведут себя очень осмотрительно, но весной благоразумие покидает их. Бывает,

весь день носятся они по угодьям в поисках пары, и дело в таких случаях не обходится без потасовки. Борьба самцов бывает очень забавна: они бесстрашно бросаются друг на друга, привстают на задние лапки и что есть мочи барабанят передними лапками в грудь соперника, а затем разбегаются в стороны и садятся столбиками. Потом с разбегу опять устремляются навстречу друг другу, кувыркаясь по мягкой траве. Кажется, будто зайцы сбегаются со всей округи, так их бывает много. Они громко лопочут, стучат лапами о землю, приподнимаясь и смешно прискакивая.

Еще зайцы устраивают соревнование по прыжкам, и в своей безудержной весенней беготне вдруг неожиданно замирают и прыгают через межу — кто дальше. Но терпения на прыжки у них не хватает, и они вновь принимаются носиться. Зайцы в эту пору окончательно теряют голову, чаще без толку бегают взад-вперед, и в народе об этой поро в заячьей жизни судачили так: «Рубль бежит, а десять других догоняют».

Когда стаивает снег и полянки покрываются молоденькой шелковистой травкой, зайцы любят покувыркаться на ней, понежиться на солнышке. Они отупело и восторженно резвятся, а то вдруг заверещат и тут же присядут. Зайцы будто сходят с ума в эту восторженную пору, и часто бывает нелегко разобрать, когда заяц играет, а когда шалит от весны.

Впрочем, где-нибудь в январе, морозной лунной ночью, косые устраивают дружные хороводы вокруг поваленной лосем осинки. Наследят так, что, разглядывая поутру место их кормежки, поразишься: вытоптаны чуть ли не целые полянки, которые всегда усыпаны серовато-зелеными шариками их поме-539

та, а веточки у деревца обгрызаны до сахарной белизны. На славу погуляли неугомонные зайцы, и, судя по оставленным следам, они не только лакомились сладкой осиновою коркой, но и общались. В зимнюю пору, когда заячье меню не отличается разнообразием, зверьки с удовольствием собираются в таких укромных лесных уголках и чуть ли не до восхода солнца радуются своему незамысловатому счастью.

Заяц не устает играть, ибо в этом его суть. Он не в силах долгое время находиться без движения и потому всегда ищет, чем бы ему поживиться или как себя занять. В радости зайцы друг друга находят, и, разыскав, все горести забывают. Облегчение, которое заяц обретает в игре, выше всякого смысла в его непростой лесной жизни.

Ну, а самопожертвование животных? Уж у кого, как не у них, человеку надлежит без устали учиться той преданности, с какой звери и птицы заботятся о своих детенышах, вставая на их защиту. Не всякая человеческая мать способна на полное самоотречение, с которым глухарка спасает птенцов от пожирающего все на своем пути лесного пала, когда сидит на гнезде...

Огонь безжалостно подбирается все ближе и ближе, и птица, желая хоть как-то оборонить кладку яиц или только что вылупившихся глухарят, всеми способами начинает нагребать вокруг гнезда вал из лесного мусора, а если это не помогает — распластав крылья, ложится на гнездо, укрывая собой своих детей, и погибает вместе с ними... Что может превзойти подобную верность, выражающую полную преданность другому, не себе, стойко и без оглядки отдавая соб-540

ственную жизнь? И это птичья мать, не человеческая, которая по своему предназначению должна поступать еще самоотверженной, быть более чистой, но она, как мы знаем, отказывается от своего ребенка и подбрасывает его чужим людям, нередко даже убивает...

Больше всего меня беспокоит то, что сами люди не хотят быть такими, какими они могут быть, какой показывает себя эта преданная глухарка, что хоть и инстинктивно, но удивительно трогательно приносит себя ради детей в жертву. И вот люди мучают себя и друг друга из-за этой душевной лени, и один Бог ведает, до каких пор это будет продолжаться. И самое главное — не развивают себя. А надо-то всего лишь заглянуть в свою душу и ответить, кто ты, зачем на этой земле живешь, и что только опираясь на свой земной опыт и опыт дорогих тебе зверей, птиц и растений, ты способен преодолеть животное в инстинктах, обретая благодаря их развитию истинную мудрость.

Ведь предназначение души — это достижение истины именно через опыт земной жизни, через те усилия, которые мы затрачиваем в ее постижении, и все это, конечно, невозможно без общения с природой, в которой и животные, и птицы, и растения порой оказываются в своем опыте гораздо выше многих людей. Не будем забывать, что многие птицы и животные созданы и для того, чтобы человек не забывал о своем ничтожестве и тех великих возможностях, которые открываются перед ним, когда он чтит могущество Бога, неустанно наставляющего: «Того ждет благо, кто равно любит и людей, и птиц, и зверей».

* * * В народных поговорках и сказаниях лисица рисуется животным хитрым и вероломным, еще более хищным, чем волк, но издавна знакомо людям и такое качество лисы, как осторожность... Лиса ходит только своим пятником, чтобы не оставлять за собой лишних следов, и прежде чем перейти, скажем, через замерзшую реку где-нибудь в начале зимы, лиса долго прислушивается, как подо льдом вода течет, и по этому судит, достаточно ли он прочен. Если лиса через лед пройдет, тогда можно через него и пушки перевозить,— до того он крепок, а уж в феврале, после Сретения, по тем же народным наблюдениям, она вообще на лед не ступает — боится... Сторожка лиса так, что семерых волков проведет!

* * * Пение птиц по весне — это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

* * * Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни...

* * * Весело ведет себя лес в апрельскую непогоду, особенно перед погожим днем. Далеко разносится его мятущийся радостный гул, и на душе становится широко и вольготно, словно

река вот-вот ударится в половодье и заполнит все своим безудержным весенним разливом.

Когда подкрадывается темнота, устраивается поудобнее и замирает, в ближнем логу, за домом, начинается не ведающая покоя ночная жизнь... Осторожно ступает она там среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают оттуда таинственные и душные испарения, которые дурманят голову и будят воображение. Тишину разрывают клопочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чье-то ворчание: темнота вступает в свои права...

Никогда в эту пору не ударит по дулистому стволу дятел,— ночь растворила его... Ночное море теней затопило и землю, и овраг, и небо... И только луна спокойно сияет в недосыгаемой вышине и льет холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку.

Как легко и хорошо живет человеку среди родной природы, если он ее понимает.

Восторженность к природе исходит из незрелости души. Мудрость же подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание...

Глядя в апреле на звездное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись, не вернуться.

В свете золотистой зари горят только макушки сосен...

Одно дело — просто ждать весну, другое — заранее готовиться к ней... Готовиться именно к своей единственной, что должна принести нечто недостающее, важное и что может открыть только она, весна... Твоя весна!

Хорошо начинать ее, когда повсюду еще снег... Февраль не сломил до конца рога зиме, и могут ударить крепкие утренники, такие крепкие, что если бы не март, то ты даже засомневался бы в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветровеи, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной...

И все же ты знаешь: весна уже где-то здесь, с тобой, и если ее еще не видно глазу и не слышно уху, то душой чувствуешь ее несомненно. Она вливается в тебя пока не широким руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашептывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы и не дает спать.

Каждый февраль, загодя до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, мысли о которых тревожат всякий раз по-иному, навевают думы и воспоминания. Никогда вёсны, какие только были у тебя, не соединяются в одну, но всякая весна по-своему незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: просто так она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить ее в сердце, соскучиться и возжелать радостного полета, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть ее вместе с родными птицами и вернуться обновленным, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни...

Кто-то однажды заметил, что если рядом с дубом посадить плодовые деревья, то цвести они будут пышно, а плодов не дадут. У них должна быть своя сила, и она, разумеется, существует, но только на необходимом удалении...

Необычно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табуняются в плотные многочисленные стайки, где каждый чуть ли не касается другого, но совершенно один другому не мешает.

В радостный весенний день от птичьих криков, солнца и капли вдруг захолодит болью сердце, и вспомнишь, как, не угасая, пробирался через всю зиму и верил в свой апрель...

Спасти от комаров можно... спокойным сидением у костра... За один раз натаскай дров и садись: больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе внимание кровососов...

Отойдешь на минуту, а за собой обязательно приведешь полчища надоедливых насекомых. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досажать. Маленькая хитрость, подсмотренная в июльском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

Божественная красота природы в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней — разные!

Весенний день, словно молодой породистый рысак, полон сил, способный одолеть всех, с кем только можно потягаться; лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет; осень склоняется над тобой повидавшей виды женщиной, шептывает что-то свое, наболевшее, даже если ты не

хочешь слушать; зима наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всем забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон...

* * *

Правда лесной жизни такова, что белки, которых в народе всегда почитали как милых и безобидных зверьков, разоряют гнезда и сильно тиранят певчих дроздов, поедая их яйца.

* * *

К концу зимы так устаешь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все мучительные ожидания и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны.

* * *

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда воздух пахнет сырой корой и распускающимися почками, и хорошо, если время человека наступает именно в эту пору.

* * *

Обыкновенный комар, доставляющий нам массу неприятных хлопот, на самом деле очень необходим: в считанные дни он возвращает растениям еду, которую уносит с собой из земли талая вода, насыщает воздух недостающими химическими элементами, при этом оставаясь кормом для множества птиц,

а в тундре или северной тайге, где шмелей и пчел не густо, комар, испачкавшись в цветке пыльцой, опыляет растения...

* * *

Иной весной, от самого ее начала и до конца, переживаешь одну боль, ни в чем не можешь ощутить хоть маленькую радость, и даже черемуха, кажется, не распространяет свой чарующий запах. И только когда приходит осень, неожиданно отмякаешь душой, забываешься и отправляешься мысленно в полет.

* * *

В жизни мы должны серьезно относиться ко всему и научиться различать знаки, которые заставляют нас осознавать неразрывную взаимосвязь с природой, представляющую для всех людей огромную духовную силу.

* * *

Если мартовский день — жених, то невеста его — светлая капель; для апреля нет краше распутившейся нежными барашками вербы; май же — бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать еще не одевшихся в весенние наряды черемуху, иргу, калину, рябину и сирень...

* * *

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

Постоянное и честное общение с лесом, где всегда приходится совершать над собой усилия и постоянно чем-то жертвовать, приучило меня ставить задачи, казалось бы, самые невыполнимые, желая добиться их разрешения во что бы то ни стало. Результат никогда не заставлял себя ждать: я становился мудрее, а значит — сильнее, и уже никогда не обременял себя вопросом: зачем мне дано прожить еще один день? Ответ оказывался очевиден: он дан мне Богом для радостного постижения, благодаря которому я открываю в себе самого Господа и его способность к удивительным деяниям.

Никогда не увидишь, чтобы дятел, умная, бодрая и трудолюбивая птица, сидел на дереве в отрешенной задумчивости, без дела.

Пришвин писал: «Весной так всё роскошно вокруг, и так много всего, что душа моя, глиняный кувшин, не вмещает, и все льется через край из моего кувшина...» Моя же весенняя душа представляется мне невидимой сутью проистекающего повсюду жизнетворчества, что впитывает в себя бесчисленные ароматы, волнуется и вырастает в еще более восхитительное состояние, когда открываешь для себя смысл существования самой крохотной былинки...

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью трогательную детскую память...

Многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства.

* * *

Когда устанавливается весна цветов, верится, что этому чудесному времени не будет конца.

* * *

Все звери и птицы обладают неповторимым голосом. Был он когда-то, по-видимому, и у человека. Со временем человек обратил всю силу своего голоса в мысли и чувства, которые позволили ему проникнуть в тайну природы, а еще он научился слагать песни, вкладывая в них душу, и по ним можно определить, как человек силен.

* * *

Чутье — это мгновенное погружение души во вселенский поток жизни, в котором судьбы всех людей связаны между со-

бой. Ко мне оно пришло благодаря тесному общению с миром птиц, зверей и растений.

Воробьихи избавляются от хилых птенцов, которые плохо разевают рот, выбрасывая их из гнезда...

Благодаря нежной апрельской заре и чистому небесному пространству, отражающихся в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

Природа распорядилась так, что даже птицы одного семейства — синички — сильно разнятся между собой: московка, усатая, длиннохвостая, буроголовая гаичка, хохлатая, большая, лазоревка... Но все они делают одно дело — тихонько насвистывают в нижнем пологе леса, перелетают с дерева на дерево, крошат еловую шелуху на снег и ищут чем бы пожить... А еще синички в любую непогоду выглядят беззаботными и никогда не унывают, в то же время ни на миг не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости от него и в лесу, и в городе... Не для того ли, чтобы смягчить наше ожесточенное сердце, радовать его и делать жизнь богаче на впечатления?!

Когда стораает весна, вместе с ней стораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека...

Долго я искал у себя в огороде гнездо горихвосток, и всё мне не везло. И чердак осмотрел, и сеновал, и баню, и дровяник, даже на старую черемуху забирался,— все напрасно. Горихвостки, неизменно прилетая в мае, жили в непосредственной близости, охотились за насекомыми только в моем огороде, вытаскивали из пазов дома паклю на строительство и укрепление гнезда, но никак его не объявляли... Внешне доброжелательные и неприхотливые, они были скрытными птичками, и им ловко удавалось провести меня.

Однажды, обкапывая по весне яблони, я вдруг заметил на проводах, в двух метрах от угла крыши дома, самца горихвостки с жирной личинкой в клюве... Казалось бы, он должен спешить с кормом к самке, высиживающей птенцов, или к вылупившимся птенцам, а самец не торопился. Что-то тревожило его, и он беспокойно крутился на месте, не желая залетать в гнездо. Я бросил копать и, замерев с лопатой, стал наблюдать: решится самец нырнуть в гнездо, которое явно находилось где-то под карнизом? Но самец терпеливо ждал, остерегаясь, что я узнаю о местонахождении птенцов и самки... Тогда я решил усыпить его бдительность и потихонечку начал удаляться в сторону. Самец тотчас встрепенулся, вытя-552

нул шейку и юркнул под карниз, наконец-то обнаружив место гнездования... А всего-то нужно было подсмотреть направление перелетов предусмотрительных птичек! Позднее я использовал этот прием в отыскании глухариних токов, подмечая, куда глухари устремляются под вечер и откуда слетаются на кормежку утром. Вот так, благодаря крохотным горихвосткам, обрел я важное лесное знание о больших и таинственных птицах.

В конце ноября со спелой березовой сережки срывается, летит по воздуху и падает на снег березовое семя, которое дерево нарочно приберегло к голодной поре для маленьких птиц.

Весеннее утро приходит, как счастье, день — как радость, вечер весной приносит покой и умиротворение, а ночь — знай, накручивает котам хвосты!

У сахалинских нивхов, всю свою жизнь посвятивших охоте и рыбалке, научился я применять для каждой погоды лыжи, подбитые шкурками разных животных. С камусом лося — в оттепель, ближе к концу февраля, когда лыжи уже идут хорошо, накатисто, и из-за прочности лосиной кожи не промокают. С камусом оленя — для более лучшего скольжения

в зимний мороз, или если снег еще порядком не уплотнился и ходить по нему убродно. Ну а коли приходится долго гнать зверя, не разбирая дороги и времени суток, то нет ничего удобнее лыж, подбитых нерпой. Шкурка ее, в отличие от лосиной и оленьей, легка, накариста, выдерживает вес охотника, не давая проскальзывать лыжам при подъеме на любую горку. К тому же она совершенно не подвержена быстрому намоканию по весне в дневное время и вдобавок так чудно отливает серебрящимися густыми волосками, весело поблескивая на мартовском солнце!

* * *

Хоть и ломают по весне, кроме черемухи, и яблоню, и иргу, и сирень с рябиной, а все равно у черемухи самое доверчивое и мягкое сердце.

* * *

В начале декабря, когда сильные морозы еще не укоренились и воздух мягко пронизан розовыми солнечными лучами, особенно ослепительно искрятся, igraют в солнечных лучах молодые сугробы.

* * *

Весенние дни не потухают внезапно, как осенние или зимние, не обрываются, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами с затаенной радостью и надеждой...

До сорока четырех лет я не задумывался о возрасте и не считал лесных весен, и только когда мне пошел сорок пятый год, я вдруг сказал себе: друг мой, а ведь это твоя сорок пятая весна!

Морозной осенней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идет, а ясный месяц так весело и дружелюбно заглядывает в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нем, помимо прившегося всем куска сыра, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки или уголок небесной монетки, которую потеряли архангелы, чтобы она ярко блестела, а им лучше было наблюдать за всем, что происходит на земле...

Еще месяц представляется изящно изогнутой щелочкой, через которую можно глядеться в звездные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избушки, или рожками чертика, убежавшего от старого черта и взявшегося развеселить все звездное небо...

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребенка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звездных няnek не ведающего своего небесного возраста, волшебное коромысло, наклонившееся от обилия доставшихся ему жемчугов, и, конечно, драгоценное лукошко, полное еще не рассыпавшихся подарков для всех людей...

Уже засыпая и находясь в сладостном полузабытьи от сменяющих друг друга лунных образов, вдруг увидишь в месяце обгрызанный волками бочок ночного солнышка, которое не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо и замерло там в довольной улыбке...

* * *

Когда снег в апреле уже совершенно не держит и нога с хлопаньем проваливается до самой земли, ловишь себя на мысли, что ты тоже переполнен живительным теплом и готов броситься со всей накопленной за зиму силой навстречу жизни!

* * *

Как в первый раз встречаешься с самыми ранними цветами, так и проживешь свою весну!

* * *

Весенняя перелетная душа трепетна, осенняя же — неукоснительна.

* * *

После первых бурных снегопадов, когда снег еще не улежался и в лесу ни проехать ни пройти, то ли дело — открытое поле. Именно сюда первой устремляется коротконогая кумушка-лисица. Мышка, лисица словно плывет по снежному

полю, утопая лапами в снегу, а почуяв грызуна под снеговой толщей, зарывается в нее с головой, так что на поверхности вздрагивает один огнистый хвост. Пискнула мышь — и султан распушённого хвоста застыл свечой, будто одинокий кустик. Но в следующее мгновение уже выгибается над снегом ярко-рыжая спина, лисица отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, а затем, изогнувшись в воздухе, привстает на передние, задрав задние кверху. Движения лисы при этом грациозны, пластичны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, только что выпавшему снегу, розовому солнцу и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

* * *

Мартовскими вечерами мороз все еще пытается ухватить зазевавшееся чудо весны и вернуть былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, а как-то наигранно, без присущего ему волшебства...

* * *

Есть в лесу птицы и звери, встречи с которыми мы всегда почему-то превращаем в тайну и никому не рассказываем.

* * *

Бабочка, собирая пыльцу и оплодотворяя растения, делает это всегда молча, и оттого представляется особенно прекрасной!

Первые весенние перемены замечаются, как ни странно, ни в проникнутом их ожиданием лесу, а скорее в порядкем растерявшем себя городе или так и не опомнившейся от всего происходящего в природе деревне...

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека все чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать ее вновь и понять, почему она уходит. И он отправляется в лес, и часто все увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Но от чего же закрадывается в сердце человека эта безрадостность, когда вроде бы надо только жить да жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувство разочарования было так мимолетно, а теперь радость все время приходится отстаивать, вернее, добираться до радости в себе приходится все труднее и труднее, но когда все же доберешься до нее — она оказывается такая же чистая и трогательная, как в детстве.

Лишиться удивления всем тем, что есть в этом мире,— значит, потерять единственную и изначально дарованную возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой веры и неутомимого поиска.

Всегда почувствуешь мгновение, когда душа способна взвиться над травами и цветами, легко проникаясь всякой мелочью и сливаясь с ней, но только попытаешься все это записать, как легкость восприятия переживаемой правды исчезает.

* * *

В конце марта, когда солнце начинает припекать все сильнее и сильнее, молодой глухарь слетает на наст, неторопливо, как взрослый мошник, важно пройдет меж стволов сосен и, вообразив перед собой изнемогающую от страсти копалуху, вдруг круто развернется в неожиданном реверансе, изящно черканув кончиком опущенного крыла искрящийся на солнце снег...

* * *

В жизни природы есть такие таинственные места, где, кажется, живут сказочно древние мудрецы. Они все видят, слышат и чувствуют, но не вмешиваются в поступки человека, предпочитая до поры оставаться незамеченными.

* * *

Весенняя рыхлая земля, вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело

от этого становится набухшим, как большая древесная почка, которая однажды лопается со звоном, и душа улетает куда-то в непознанную даль, возвращаясь только под осень...

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться еще мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блески будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы...

* * *

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробуждения, а наступает он всегда неуловимо, как бы невзначай... В лесу словно кто-то проснется в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову ароматом и взглянет вокруг серо-зелеными глазами неудержимой любви... Кто пропустит для себя это время, останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?

В русском лесу нет ничего, чему бы нельзя было не поклониться!

Пока все в природе не слилось в одном цвете, самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь ее в себе расплескать...

Серые журавли, любимые всеми за свою зоркость, наблюдательность и верность, хладнокровно забивают клювами своего второго птенца, когда убеждаются, что он наиболее слабый.

В тихий зимний день прилетит из леса в огород большой пестрый дятел, и что-то встрепенется в твоей душе. Взмахнув крыльями, дятел усаживается на старом тополе у самого дома и, упруго упершись хвостом в ствол, тотчас затевает гулкую уверенную стукотню. Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьет носом. И зима ему вроде бы не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабочен до предела.

Глядя на неугомонную птицу, и тебе захочется, не откладывая, стать неугомым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщенность, негаданно врываться в чью-либо печаль... И еще жить так же неугомонно, чтобы все вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей проникновенным светом зимней тишины.

Иногда ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно вынести, но истосковавшаяся по ослепительному теплу душа весны не отступает — всё дай сюда...

Если способность видеть лица у диких животных и птиц присуща лишь немногим, то как же мы сохраним хотя бы близкую нам родную природу?!

Осень по-особому пахнет лесом, березовым и брусничным листом и еще чем-то таким, что замирает в груди безмолвным звуком сладкой надежды...

* * *

Из всех времен года больше всего люблю весну, потому что только она может все объяснить человеку.

* * *

Живая ночь в лесу — это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует все в тебе и полностью доверяет.

Случается, весной поднимешь неизвестно зачем голову к небу и к неожиданной радости заметишь торжественные косяки уток... Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь в недостижимой высоте, утки летят с юга на север...

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий такт полета стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент не допускает какие-либо вольности, которые птицы могут себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуввав малейшие, одним им известные и неуловимые признаки наступления на родине весны, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

Апрельский лес всегда раскрывает объятия для мужчины, если он обратил к нему свое внимание, и великодушно дарит ему для его женщины букетик бархатной медуницы...

Золотистые глаза цапли кажутся недобрými, и наблюдение за ней почему-то не доставляет особого удовольствия.

При приближении человека цапля лениво взмахивает крыльями и неторопливо перелетает на другое место. Обычно она присаживается на макушку ели, замирая там изогнутым крупным силуэтом, и ты порой подолгу гадаешь: кто бы это мог быть? Разобрав же, разочарованно шагаешь дальше и вскоре забываешь о существовании странной птицы, живущей у воды, а гнезда устраивающей на вершинах высоких деревьев.

Для полной встречи весны мне всегда недостает журавлиного клика, и как только услышу это восторженное «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

Чибис или ворона, расхаживая по открывшимся от снега полям, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе... Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность...

Иной раз сорока вскрикнет не своим голосом, но ты не удивишься, а сразу почувствуешь родственную взаимосвязь всего живого в природе.

Когда проходит последняя взволнованность весны, страх перед будущей обыденностью совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

Идя ночной порой на глухариный ток, задумаешься, бывало, о чем-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и еще более сгущает тяжелое настроение: радость равнодушно покинула твое сердце... Запинаясь о невидимые кочки, бредешь в липкой темноте и все думаешь о чем-то тревожном, на душе беспокойно и сумрачно. Вот уже затемнели верхушки тальника на чуть светящем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные лягушки и, пустив несколько пузырей, умиротворенно замирают... Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот крик случайного бекаса над самой головой выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечет от невеселых дум. Куличок стремительно падает в

необозримой высоте, перышки на его крыльях вибрируют, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек... Вглядываясь в прозрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгоряченного от ходьбы сердца. Такой же крохотной птичкой бьется оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась утерянная радость.

Любовь моя, глухарь

За окном пуржит, вздымается сумеречными вьюжными столбами неизъяснимый февраль, и кажется, что скрытая в его мятущейся глубине тайна в какой-то миг неожиданно становится разгаданной явью. Начинает вдруг чудиться, будто в утробе ветра, закручивающего неумолимые метели, проглядывает что-то человечье. Словно бы в ответ на буйство погоды, чувствуешь, что и в тебе оживают неудержимые порывы познать таинство мира зверей и птиц, увлекающее в еле ощутимое и прекрасное будущее.

В одно из редких затиший, когда заунывные ветряные посвисты оказываются погребенными на дне глухого каменного двора и усталая поземка бессильно оседает на землю, а воздух наполняется суховатой стынью, я обнаруживаю в себе настойчивую потребность отправиться в лес...

Думая о том, с чем мне там суждено столкнуться, вспоминается почему-то старый, судя по прошлым годам, уже почти заглушенный глухариный ток. Я ощущаю в душе забытое прикосновение древности, ее терпкий, ни с чем не сравнимый дух, от которого сердце сперва сладко замирает, а потом начинает биться до немислимого часто, разорванно. Живо представляется, что где-то неподалеку обитает старый глухарь, несмотря на зиму не желающий покидать родные места. В замкнувшем-568

ся уединении ожидает он, может быть, последнюю в своей жизни весну...

Глухарь, конечно, совсем не думает сейчас о встрече с человеком, но мне важно почувствовать себя приближенным к нему и к этой сокровенной зимней тишине, в которой растворяется любой смысл человеческой жизни.

Именно так все и случилось. Я как будто видел уже когда-то подобное: глухарь, наострив молочно-желтый клюв в разреженное деревьями пространство и поведя налившейся брусничной бровью, напряженно присел, прижавшись к толстой ветке, так что она мелко заходила — затряслась под ним, мощно взмахнул крыльями и сорвался с места, словно вывалившись из глухого ельника на просеку, успев ненадолго блеснуть перламутровой зеленью груди.

Весь он был по-глухарьному подобран, чуток и... все же достигаем в своей тайне. Нет, не зря я в тот день натолкнулся на него сразу, в открытую: ему некуда было свернуть, да, наверное, и не хотелось с чистого места нырять снова в чащу. Все, что могло случиться с ним в этот момент, он оттрнул одним взмахом крыла.

В мгновение поджавшись и вытянув в полете шею, так что гладкая сизая макушка слилась с ней вровень, глухарь быстро одумался, настроился на неторопливую размеренность своего отрешенного скольжения над просекой, вроде бы не замечая меня. По крайней мере, допуская мое присутствие лишь в роли оставленного наедине с собой и лесом, застигнутого восхищением от увиденного.

Что-то значительное произошло тогда в нем, издало непо-569

нятный скрадывающий звук — и все стихло. Я словно обнаружил неожиданное лесное чудо — незабывающееся и невыразимо потрясшее восприятие. Становилось даже немножко жутковато и в то же время хорошо от мысли: будто где-то неподалеку живет один забытый всеми старик, которого тебе суждено встретить для чего-то важного в твоей жизни, ты его встретил и он тебя принял.

То, что взбудоражило и пронзило сковывающим напряжением, заняло всего какую-нибудь секунду. Но глухарь, по-видимому, не улетел далеко, а только переместился на одну из соседних старых елей. Возможно, он был совсем стар и ему не хотелось покидать обжитое место.

Каждое дерево здесь было в два обхвата. Тяжелые стволы медленно поднимались в вышину, где сучья переплетались, не пропуская ни единого солнечного луча. Стволы, ветви, укромные лесные сумерки — все здесь дышало до конца нерастроченной стариной, и старый глухарь на старом току был тому подтверждением.

Еще мне показалось в этот раз, что в глухаре было нечто человеческое. Да, он был именно подобием чего-то очень близкого, родного, того, что составляет и твою суть. И я подумал: почему мы, люди, равняем всех птиц и зверей только по себе? Ведь и в нас может заключаться что-то присущее какому-либо зверю или птице!..

Мы также бываем осторожны, проворны и собраны, косим поживотному зрачком, пытаясь предопределить собственную безопасность. Когда нам больно чувствовать и неумоготу говорить — дичимся, в одиночестве залечивая жгучие душевные

раны. Становимся отважными и дерзкими, готовыми на все ради подрастающего потомства. Нас не пугают холод, жар и сырость, если этого требует жизненная обстановка. И если бы нам представилась возможность пожить простой звериной или птичьей жизнью, мы бы, наверное, постарались не упустить ее.

Открывая, что люди, волки, лисицы и глухари едины по крови, всех нас объединяют схожие во многом чувства, не без сожаления постигаешь, что живем мы на этой земле, хотя и общей семьей, но разьединенно, порой просто недостойно. Последнее касается более человека, существа самого отторгнутого от остального животного мира.

Поэтому-то присутствие глухаря на давно заброшенном току так необычайно взволновало меня. Взволновали древние ели и сосны, звук встрепенувшейся большой птицы и следы, которые она оставила. В зернистом, усеянном коротенькими еловыми мочками снегу синела их глубокая бороздка.

Она начиналась с продолговатой, хорошо уплотненной ямки, где глухарь провел ночь. Каждая лапа в полтора кулака отпечатывала на снегу неповторимый рисунок: следы то ныряли под раскидистые нижние ветки огромной ели, то неуклюже частили, продвигаясь под поваленным иссохшим деревом. Следы свидетельствовали об очень размеренном образе жизни глухаря в глубине зимы, когда нет надобности куда-либо спешить и о чем-либо тревожиться: вокруг покой, глушина и обилие хвои для корма.

В одном месте, на неторопливо утоптанной площадке, глухарь задержался и оставил добрую горсть успевшего подстыть помета. Желтовато-бурые, с палец толщиной рогастики вызы-571

вали впечатление, будто глухарь никуда не улетал, а только зашел за ствол соседнего дерева и вот-вот покажется вновь. Я даже огляделся вокруг...

Было очень тихо, глухарь, хотя и недалеко, конечно, улетел, но еще долго ощущалось его присутствие.

Постепенно ощущение это растворилось в остановившемся воздухе. Сумеречный свет елей успокоил меня, но желание видеть птицу упорно сопротивлялось действительности. Верилось, что глухарь находится где-то неподалеку, он слышит меня и все-таки не покидает тока. Я еще раз медленно прошелся вдоль цепочки его следов, внимательно приглядываясь, не оставил ли глухарь начерченные крыльями линии, свидетельствующие о начале сокровенного возбуждения, предвестника скорых удивительных превращений в его жизни, вершиной которой окажется неподражаемая и не сравнимая ни с чем песня.

Полукругло утопающие в снегу, с характерно заостренными краями линии отсутствовали. Просто для этого не пришло еще время, подступающее лишь в середине марта в синеющие весенние дни. Когда такой пронзительно синий мартовский день пробирает тебя насквозь, завладевает душой, кружит ее без удержу над ослепительными, звенящими белизной полянами и бросает со всего маху в неожиданный жар, глухарь и начинает понемногу преображаться. Временами слетая с сосны на снег, возбужденный петух пышно распускает хвост, подпрыгивает и, гордо выпятив отливающую зеленовато-голубыми красками грудь, чертит крыльями замысловатые знаки.

Весь он в этот момент переполнен восторгом от испытан-

ваемых чувств. Чувства эти накатывают и будоражат кровь древней птице пока непостоянно, но достаточно сильно, чтобы поддаться им, позабыв себя в охватывающем все глухариное существо танце. Глухарю суждено на какое-то время забыть о своих обычных привычках и превратиться в раба своей страсти, а переболев в полной мере этой неминуемой болезнью, обнаружить себя однажды вновь обыкновенной птицей, хорошо представляющей на целый год вперед собственную размеренную жизнь до тех пор, пока неизменная сила природы вновь не пробудится в его трепетном и диком сердце.

Когда приходит весна, меня неотступно тянет в лес, на встречу с глухарями. Я не могу объяснить, почему я полюбил именно эту птицу, проникся глубоким чувством к ее укромному существованию, и даже не представляю сейчас без нее своей жизни. Ни волки, ни медведи, ни журавли не вызывают во мне такого интереса. Может быть, глухари более, чем другие птицы и звери, несут в себе тайну лесной уединенности?..

Иногда мне начинает казаться, что глухариная песня жила в моей душе всегда. Я как будто слышал ее уже в детстве и знал про себя твердо: рано или поздно я встречу глухаря, и произойдет что-то важное для меня. Он словно ждал меня, а я шел к нему, копя в сердце желание встречи. Глухарь стал мне дорогим и близким существом, птицей, с которой не повстречаться в своей жизни было невозможно.

Когда я первый раз услышал в весеннем лесу песню глухаря, то сразу узнал ее и воспринял так, как будто слышал неоднократно. Каждой весной рос мой опыт, я постепенно узнавал о глухарях что-то новое, ранее даже не предполагаемое.

Порой казалось, что все уже проведаль ты о жизни этих таинственных, древних птиц, но наступала следующая весна и опять открывала мне нечто неожиданное.

Думалось: вот именно в эту весну наконец-то пойму глухаря, проникнусь его сокрытым духом, открыв нечто важное, и в который раз убеждался, что постижение глухариной жизни может быть бесконечно, а встреча с ним всегда готовит сюрпризы. Таежный властелин был всегда так необычен, загадочен и далек от жизни человека, что зачаровывал и словно обещал что-то исполнить именно для тебя, если ты того заслужил.

Большинство людей никогда не видели глухаря и вряд ли увидят — разве только на картинке, но даже несведущему человеку глухарь представляется птицей величавой и несуетливой. Он скорее спокоен, чем важен, и виной тому его немалые размеры. Глухаря не спутаешь ни с одним из его сородичей, обитающих в наших лесах, ибо он, по крайней мере, втрое больше самого крупного тетерева — косача. Но назвать его неповоротливым нельзя.

Несмотря на свои внушительные размеры, глухарь имеет красивую осанистую походку и без труда передвигается по земле. Отвердевая бахрома, появляющаяся у него на ногах к зиме, надежно удерживает тяжелую птицу на снежном покрове, не давая глубоко проваливаться. Даже с распушённым хвостом, который представляет из себя невообразимо роскошный веер,

глухарю не приходится чувствовать себя обремененным: в хвосте заключена вся глухариная гордость и сила.

Тело у глухаря крепкое и плотное, с жестким оперением и сильно округленным широким хвостом. Выпуклые крылья, напротив, сравнительно коротки и имеют ровный, темно-бурый оттенок. Ладно сбитую фигуру удерживают мохнатые, с глянцево-чешуйчатыми пальцами ноги. Общая окраска его мрачно-черного или пепельно-серого цвета, на груди — зеленого, почему-то не манящего, но непонятно чем зачаровывающего, а на нижней части брюха — с преобладающими черными и белыми пятнами. Брови глухаря — светлые сгустки раздавленной клюквы.

Молодые глухари обычно по несколько раз меняют оперение, прежде чем стать взрослыми. Только что вылупившийся из яйца птенец носит нежно-пушистую одежду, составляющую слабую смесь серого и желтого, пересеченную черноватыми полосками. В месяц он выглядит еще угловатым и неухоженным, с пепельно-грязными пятнами и неясными ржавчинами. К лету глухарята надевают бурые сюртуки. И еще должно пройти немало времени из потаенного глухариного детства, пока у молодых птиц пробьются перья, до конца раскрасившие великолепные хвост, грудь и крылья.

Часто среди охотников можно услышать расхожее мнение о наиболее точном определении возраста подстреленного на току глухаря. Приводятся в доводы клюв птицы и его загнутость, размеры и бахрома ног, мощность крыльев и хвоста, вес... Порой оценки эти оказываются недалеко от истины, но что на самом деле отражает подлинный возраст птицы? Какие верные

признаки присущи глухарю, чтобы доподлинно установить его лесные годы?

В первую очередь следует обратить внимание на брови, которые у молодого глухаря-сеголетка и у двухлетней птицы всегда кирпичного цвета. Сами брови небольшие и состоят из очень мелких ворсинок, которые трудно отделить друг от друга. На их кончиках еще отсутствуют бородавки, с возрастом набухающие соком зрелой жизни. Ворсинки бровей у трех-четырехлетнего самца хорошо отделяются и приобретают ярко-красный, до алого, цвет. Увеличивается и размер бровей.

Возраст у глухаря можно определить и по зеленому пятну на груди, что так украшает эту великолепную птицу. У годовалого самца оно отсутствует вовсе, и грудь его матово-черная. У двухлетки изумрудное пятно уже в три пальца, и если выдернуть такое перо, оно будет окрашено металлическим зеленоватым блеском только на самой макушке. Трехлетний глухарь имеет пятно шириной с ладонь, зеленый цвет ярче, а выдернутое перышко окрашено уже наполовину. У четырехгодовалого петуха и старше зеленой становится вся грудь, и на перьях появляется пурпуровый отблеск, который по мере взросления птицы начинает отливать всеми цветами радуги.

Еще зрелость глухаря хорошо видна по белым пятнам на веерообразном хвосте: чем крупнее они и чем их больше, тем старше глухарь. И уж, конечно, сама за себя говорит борода птицы: в молодости — полвершка, у взрослых же самцов — вершок и более. У старого мошника она густа и вызывает такое же восхищение, как и окраска его груди. В ее космато-576

сти чувствуется потаенная лесная дичь, глубинная даль веков и еще что-то необъяснимое и чуточку жутковатое. Представляется, что и на заре своего появления глухарь самозабвенно тряс бородой во время песни, изо всех сил провозглашая вечную, как мир, любовь...

В случае опасности глухарю ничего не стоит расторопно сорваться с места. Но полет, представляющий из себя ряд шумных ударов крыльями, быстро утомляет его, и потому глухарь никогда не летает далеко. Не может он и высоко подниматься, что ему совершенно не требуется, а пролетев немного, глухарь скоро присаживается. Древней птице присуща особая осторожность, уберегающая ее таинственную необычайность от лишнего глаза.

Чувство собственной избранности живет в глухаре с первых дней появления на свет. Птенцы, обсохнув в гнезде, убегают с матерью уже через несколько часов после вылупления. С величайшей любовью и заботливостью относится к ним глухарка, но в случае опасности птенцы и сами мигом исчезают, ибо умеют так хорошо прятаться, что трудно бывает кого-нибудь из них заметить. Сходство их нежной одежды с почвой только что расцветающего леса превосходно им в этом помогает.

В конце мая или в начале июня натолкнешься на такой выводок и поразишься способности глухарят растворяться в травяном покрове, прямо у тебя под ногами. Всего сутки жизни у цыплят, а бегают — не догонишь! Заметив же хоть одного птенца, очень трудно за ним уследить, поскольку глухаренку достаточно замереть под любой травинкой, чтобы стать невидимым. Вот только что здесь, перед твоими глазами, находился

крохотный полосатый птенец — и его уже нет... Напрасно ты цепко всматриваешься в каждый кустик или кочку — глухаренка будто и не бывало!

Да и глухарка, подзывая детей, подает голос лишь раз: она призвана природой поддерживать и пестовать их драгоценное качество необычности. При встрече с лисой или рысью ко-палуха начинает бесстрашно летать перед носом врага, часто припархивает, приволакивая крыло, прихрамывает, а то присаживается на нижние ветви близстоящего дерева или куста, как бы подставляя себя, и, уведя преследователя подальше, взлетает. Совершая небольшой круг, она быстро возвращается к ожидающим ее птенцам и собирает их проникновенным кот-каньем. Только вздорные охотники способны подстрелить глухарку-мать.

Превосходное зрение и слух дают глухарю вероятность заметить опасность издалека, и как только он обнаружит что-либо подозрительное, то тотчас подымается на крыло и летит прочь. Ни в какую другую пору, кроме весенних токов, глухари близко не подпускают человека. Правда, бывает ранней осенью, когда глухарь тяготеет к местам своих токований и держится где-то неподалеку, его часто можно встретить в непосредственной близости. Грохот крыльев взлетающей птицы ошарашивает и повергает в неопиcуемый восторг или испуг.

Бывает, глухарь по непонятной причине сидит тихо, никак себя не выказывая. Он словно бы забывается, одурманенный еловой глухоманью, весь подбирается и бесстрашно застывает. Только переливающийся внутренней темнотой глаз тревожно косит, не мигая. Подпустив почти вплотную, птица с шумом

срывается, унося с собой свои неясные грезы, и нет сил дотянуться до неё, а лишь жадно вслушиваться и замирать от охватившего волнения.

Всеми силами пытаешься почувствовать себя глухарем, но дальше воспоминания о только что увиденном ничего не получается. Еще какое-то время всматриваясь с волнением в удаляющуюся птицу, ощущаешь в груди неуспокаивающееся сердце и неизвестно откуда навалившуюся обреченность, что никогда не летать так вольно над лесом, не иметь такие шумные и крепкие крылья, не быть гордым и недоступным. А лишь переживать собственное утомляющее несовершенство и обездоленность в этом волшебном лесу, после исчезновения птицы в один миг сделавшимся по отношению к тебе замкнутым и отрешенным.

Простая и ясная жизнь для глухаря начинается с огромного весеннего дня, когда окружающая свежая зелень, небо и напоенный волшебными звуками воздух расплывчаты, неясны, но так тревожащи. Жизнь манит и ошарашивает новизной, та самая жизнь, которая должна скоро стать глухарю обычным домом. Глухарю совсем не нужна восторженность на протяжении всей его жизни. Только весной лесной бог отпускает птицам возможность волеисповедания, позволяя им как бы заново переродиться. Тогда они становятся неповторимыми.

Есть птицы просто неугомонные, общающиеся между собой или, по крайней мере, живущие рядом друг с другом. Глухарь же всегда держится особняком. Он для других пернатых — необыкновенный лесной царь из далекого прошлого.

Прошлое это хочется приблизить, узнать получше и, может быть, впоследствии даже поклоняться ему.

Придя к нам из каменного века, давно уже не существующего, глухарь обречен находиться в порядкем изреженных лесах, поблизости от шумных лесовозных дорог и все расширяющихся вырубок, но это никак не сказывается на его отношении к собственной жизни. Вынужденный привыкать к окружающей обстановке и, помимо всего, обладающий огромной свободой, глухарь переживает все это, кажется, без видимого напряжения. Он остается все таким же глухим лесным жителем, только, может быть, несколько обескураженным. И все же жить по своей глухой правде ему становится трудно.

Глухарю не хватает необыкновенной лесной тишины и какого-то, тоже необыкновенного, присущего только ему одному, настроения. Оно живет лишь временами в сердце глухаря и не всегда видимо.

Глухарь вообще не может быть обыкновенным: ему хочется жить со своим, никому неведомым древним восторгом, болью и счастьем. Из природы ему больше всего, наверное, нравятся предутренние мартовские морозцы, вскипающая в глубине еловых логов, до кровавых сгустков заходящаяся в крепкой птичьей голове жажда жизни и радужные сосны. Он любит покойно сидеть в их разреженных верхушках и слушать, как шумит в гуще ветер, неутомимый и неведомый.

В такие моменты у глухаря учащается сердцебиение, и тело словно возносится над лесом. Деревья мерно покачиваются, скрипят, а он никак не может успокоиться и время от времени начинает зорко всматриваться — не зародилось ли что-то

странное в обволакивающей его тело свободе. В глубине же строгой птичьей души невыразимой радости нет предела.

Долго слушая вокруг себя движения природы, глухарь незаметно задремывает, и ему снятся красочные сны. Он их тоже любит, но по кратости своей птичьей натуры не может добиться какой-то важной для себя правды. Он как будто заколдован ей и, особо не мучаясь, переживает только во снах. Каждый вечер, забываясь в них, глухарь, наверное, испытывает сладостное утешение.

Тайна глухариных восприятий большинству людей непонятна. Нужно очень хорошо представлять себе особенный образ жизни этой лесной птицы, чтобы разгадать ее. Трудно разобраться в таинственной жизни этих больших птиц, потому как всегда пытаешься понять глухаря через человеческое понимание леса, а как чувствует себя сам глухарь — подумать не всегда догадаешься, да многое никогда и не сможешь узнать. И все же пытаешься с максимальной точностью объяснить повадки загадочной птицы, и порой начинаешь думать: а как было бы хорошо обо всем все знать и уметь объяснить?! Но не стало ли бы от этого скучно жить и не лучше ли искать и открывать в великом труде познания?!

Ведь есть вещи, связанные с токованием глухарей, на первый взгляд, мелкие, незначительные... Они узнаются не сразу. Год за годом ты наблюдаешь за птицами, и порой начинает казаться, что всё о них прознал. Но нет, они, эти замечательные мелочи, на которые поначалу и внимания не обращал, приходят постепенно, и в какой-то миг начинаешь понимать всю их важность.

Сколько раз я уходил из-под заснувшего глухаря, с подслу-ха, не задумываясь: а как он засыпает? Когда засыпает, как и по чему ты это угадываешь? Садится ли он на самую вершину, середину или две трети ствола и по какой причине? Может быть, затем, чтобы успеть услышать, когда снизу начнет подбираться какой-то хищник?

Голову с клювом глухарь, должно быть, утыкает в перья под крыло, просыпаясь, обязательно совершает только ему присущее шевеление, краткое, но хорошо слышимое, если ты готов к восприятию его и слух твой чуток. А потом глухарь издает звук, как будто крупная капля упала между ветвей, и все замерло после этого. Глухарь прочистил горло и окончательно убедился в своем пробуждении.

Или взять глухаринные наброды на снегу! С чертежами вдоль своих следов, удостоверяющих: ток начался и находится где-то здесь, рядом. Сотни раз бродил я вдоль этих набродов, отыскивал их в тайге, радовался, но не сразу догадался возвращаться по следу в пяту, приходя именно к тому дереву, где утром глухарь пел. Ведь когда глухарь вдосталь наиграется на заре, он с тока не улетает, а часто опускается с дерева и уходит по снегу, оставляя следы. К его следам тогда добавляются и следы глухарки, прилетевшей на призывный зов...

Дерево, с которого глухарь слетел, интересно тем, что оно может быть не простым, а присадочным, любимым, на котором мошник чаще всего токует, не изменяя ему годами. В таком случае поиск глухаря на будущую весну будет гораздо облегчен, если запомнить, где находится это дерево.

Мелочей таких, как я убедился, выявляется с годами мно-582

жество, и все они несут порой больше информации, чем конкретное наблюдение за поющей птицей...

Охотники считают глухаря очень чутким к погоде, но это не совсем так. В самом начале весны птицы действительно в некоторые дни не поют перед резкой переменой погоды, но в разгар тока глухари не обращают внимания даже на проливной дождь со снегом, непроницаемой стеной встающие над лесом. Они поют как никогда азартно, громко, почти не делая передышки. Словно боятся упустить это пасмурное утро, и снег, и всю непогодицу, стараясь перепеть ее, донести до кого-то неведомого только им известное и, должно быть, невыразимое знание.

Не пугает глухаря и сильный ветер. В такие дни утро никак не может сойтись с рассветом, свинцовая тяжесть облаков невероятно давит, и можно совершенно спокойно передвигаться по току, не боясь, что птицы тебя услышат. Ветер рассеивает по лесу обрывки глухариних песен. Неимоверно трудно в эту пору подойти к глухарю под песню вплотную, безоглядно отдавшись на волю разбушевавшейся стихии.

Уловив лишь конец смысла оброненных песенных знаков, бесшумно для самого себя, словно пугаясь вот-вот упустить своенравного воздушного змея, спешишь не утратить его и ухватить повернее, а он взмывает куда-то под небеса, мечется в остроконечных верхушках. Утопая ногами во мху и заломив голову, придерживаешь шапку одной рукой, а другой будто нащупываешь ускользящее колено песни и тотчас бросаешься на ее звук, почувствовав в сгущающейся чаще нерасторжимое с твоей душой эхо. И тогда пни да коренья тебе не преграда,

пускай иссохшие кусты рвут твою одежду, но отказаться от задуманного уже невозможно...

Все сильнее хлещет ветер, гнет к земле податливые деревья, и разве сейчас поверишь, что милее весенней теплоты, благословенно разлитой в роящемся воздухе, для глухаря нет ничего на свете?! Птица, кажется, только пьянеет от безудержного шума, и не нужны ей ни застенчиво алеющие зори, ни бросающееся со всего маху в звонкие по краям дороги лужицы солнце, ни тишина оттаивающих в самих себе парных березняков... Порыв взбушевавшейся непогоды темной глухариной душе по весне, должно быть, не менее близок, и миновать его без восторженного внимания глухари никак не могут.

На разных токах глухари ведут себя по-разному, и чем менее они потревожены, тем богаче по впечатлениям протекает их торжествующе-токовое священнодействие. Несомненно, что глухарь видит во время песни, и хотя слух его в эти мгновения совершенно отключается и весь он отдается всепоглощающей страсти, что-либостораживающее поблизости его пугает. Тогда мошник выжидательно замирает на дереве, а обнаружив подозрительное, тотчас улетает.

Не однажды мне приходилось слышать, что «стреляные» глухари умудряются управлять собой даже в моменты токового возбуждения и обманывают охотника: при переходе к точению они неожиданно замолкают, что само по себе поразительно. Подобное поведение свидетельствует о необыкновенной предусмотрительности глухаря и очень выгодно его отличает.

Глухарь может насторожиться и не улететь после выстрела, треска сломленной ветки или какого-либо другого чуждого

лесу шума, но появление перед ним человека действует на птицу удручающе. Ни лось, ни медведь особого впечатления на глухаря не производят, близкое их соседство только дополняет его собственное своеобразие. Появляющегося же человека глухарь, с присущей его зрению остротой, воспринимает как необычное существо и дичится.

Принято считать, что при опасности глухарь подает скир-кающий звук, который тотчас улавливается другими птицами, и они перестают петь. Зная глухаря, удивиться этому трудно. Но даже если подобный сигнал не постоянная особенность поведения, глухари на току очень чутки и, конечно, моментально узнают о происходящих вокруг переменах.

Только одно удерживает птиц на месте — желание петь песню своему восторженному чувству. Отрешенно забывшись в сладком тумане представляющихся грез, упиваться любовью, не желая противиться природе. В эту любовь древней птицы невозможно совершить убийственный выстрел, не зацепив при этом смертельно свою душу.

Когда начинает таять снег, глухари еще не собираются в местах токовищ. Радуюсь возврату тепла и греясь на жарком солнышке, они принимаются пощелкивать где попало, все более на местах кормежки.

В самом начале весны они слетаются на ток не с вечера, как бывает, когда весна входит в силу, а по утрам, после восхода солнца. В эти короткие прилеты глухари ограничиваются

слабым пощелкиванием, песен не поют и любят бродить между деревьями. В приступе зарождающейся страсти, опустив крылья, они чертят концами маховых перьев по снегу. Происходит это таинство всегда в пору рыхления снега, и потому следы глухариних набродов хорошо заметны, отпечатываются надолго и служат верным указателем для отыскания тока.

Как правило, глухариние тока из года в год проходят в одних и тех же местах, и птицы очень неохотно покидают их. Но бывает и так, что сильно потревоженные чем-либо глухари переменяют токовище, и нередко новый ток образуется в том глухом месте, близ которого осмотрительные птицы жили и кормились всю зиму.

Бытует мнение, что глухарь токует исключительно в сосновых борах и в непосредственной близости от них селится. Но нередко мне приходилось наблюдать, как глухари избирают для тока березовые перелески с еловым подростом, осинники и даже ольху. Вероятно, развитие хлебопашества и вырубка лесов вынуждали птиц оставлять хвойные боры и моховые болота, перемещаясь постепенно в лиственные леса.

Если токовище находится в чернолесье, то всегда в смешанном лиственном лесу и никогда — в чистом. Из всех лиственных пород глухарь почему-то предпочитательнее относится к березе, реже — к осине и ольхе. По-видимому, береза удобна ему почти горизонтальным положением ветвей, напоминающим сосновые. Кстати, весной в зобу убитого глухаря, наряду с подснежником, сон-травой и молодым хвощом, почти всегда попадают сережки березы.

Количество поющих на току глухарей самым непосредственным образом определяет величину территории тока. Скажем, две-три токующие птицы успешно умещаются на току длиной и шириной в полкилометра. Пяти — семи глухарям нужна уже лесная квадратная верста. Ток же в полтора десятка петухов и более имеет протяженность до трех километров.

А вообще, скученность глухарей на току бывает различной в зависимости от возраста, количества птиц и их желания принять участие в токовании. Однажды в середине апреля мне привелось увидеть, как молодые глухари и копалухи (всего их было с полдюжины) расположились вокруг небольшой, метров тридцать на пятьдесят, поляны, куда в пик своего возбуждения вышел взрослый петух. Глухарь запел в четыре часа ночи в трехстах шагах от поляны и неторопливо двигался к ней до самого рассвета, то перелетая с дерева на дерево, то опускаясь на землю, но глухари никак не реагировали на его присутствие. Сначала я даже и не подозревал о них, так тихо вели себя птицы, терпеливо ожидая появления токовика, и их тесное соседство, похоже, не доставляло им особого беспокойства. Только когда старый мошник, горделиво вышагивающий по розовому насту, почуял опасность и сорвался в чашу, другие глухари начали подыматься в воздух ему вслед, и я был удивлен обилием их сосредоточения в довольно небольшом месте.

В другой раз два глухаря токовали почти рядом на земле, перебегая между березками и совершенно не обращая внимания друг на друга. Иногда пути их пересекались, но это никак не отражалось на доброжелательности птиц друг к другу. Вокруг перелетали глухарки, изредка покхеркивала по краям-587

нам сосняка неоперившаяся молодежь, а токовики, кажется, ничего не замечали, не переставая дарить лесу восторженные звуки.

И все же чаще глухари токуют в строгом уединении, на участке около ста и более квадратных метров. И никогда мне не приходилось видеть, чтобы два глухаря пели на одном дереве. Только ранней осенью, во время кормежки на осинах, птицы могли располагаться на дереве по нескольку штук, ничуть не мешая друг другу. Правда, по большей части, это были ко-палухи, умело маскирующиеся в высоких осиновых ветвях. Самцы держались хоть и неподалеку, но уединенно.

Особая неповторимость глухариных токов — во множестве случайностей, которые могут произойти с тобой. В любую секунду ты должен суметь принять единственно верное решение, чтобы не вспугнуть токующих птиц. Незабываемый азарт просыпается в тебе и во время поиска тока. Даже наверняка зная, где нужно искать токовище, далеко не сразу удастся обнаружить его.

Найти свой ток, дотоле никому не известный,— задача самой труднейшей и, можно было бы сказать, невыполнимая, если тебе не присущи неистребимое упорство и наблюдательность, какая-то необъяснимая родственная связь с этой прекрасной и древней птицей. Надо обладать таким чутким слухом, чтобы, не сходя с места, на окраине тока, и зная наверняка, что глухари поют грудно, определить количество токующих птиц, безошибочно отличая перелет от слета, и все это при увеличивающемся с каждым часом птичьим щебете, заглушающем роняемые глухарем волшебные звуки. Надо иметь природную

сметку, чтобы из ничего сделать важный вывод, не растеряться перед необычным поведением птиц и, не превращаясь в глухаря, ясно представлять себе, к чему призывает его лохматая лесная душа. К тому же следует отменно знать лес, чувствовать его и, пропуская через себя все происходящее в нем, не отрываться от него ни за что.

При этом хорошо, если тебе не изменяют память и великодушие, никогда не позволяющие заблудиться и помогающие выбраться без страха из любой лесной чащи и вновь туда зайти. Быть человеком среди древних птиц и, не теряя родства с ними, не забывать постоянно учиться их потаенной и радостной жизни. Однажды почувствовав в сердце силы и потребность пить эту радость, не переставая, уже невозможно прожить весну вне леса, не быть с глухарями вместе, проникаясь непреходящей красотой, имя которой — гармония. Ее не воспитать в себе без стремления дотянуться до звезд, ускользающему свету которых поют свои страстные песни глухари.

Еще нужно, чтобы душа твоя умела растворяться среди деревьев и заполненный ею лес свободно втекал в тебя неподражаемо дивной и сладкой музыкой. Как глухарь, осторожный и чуткий, должен и ты таиться в лесной глуши, без труда разбирая ее диковинные загадки. Будучи выносливым и терпеливым, ты не можешь позволить себе отступления на пути нескончаемого постижения.

В сердце твоём при этом всегда утверждается любовь и вера, и ты твердо знаешь: как человеку, тебе не прожить без этого древнего гостя, не услышав его песню — не пить без усталости радость жизни, не отыскав тока — не достичь ускользающей и

какой-то очень дорогой для себя правды. Твое тело нуждается в непрекращающейся работе, и от того, что мышцы приятно напряжены от лыжной ходьбы, а глаза ломит от разошедшегося не на шутку солнца, ты полнее ощущаешь возрождающуюся жизнь.

Когда только принимаешься искать свой первый ток, от усиленного напряжения и разыгравшегося воображения у тебя начинает рябить в глазах и нарушается слух. Слабый журчащий звук в ночи представляется токованием глухаря, густая сосновая ветка — готовящимся разбудить зарю петухом... Легкий треск сучка, шорох падающей шишки мнятся встрепенувшейся ото сна птицей, вот-вот готовой в иступленном желании радоваться и постигать что-то важное для себя, позабыв обо всем. Ожидание сопряжено, наверное, с самим токованием, когда ждешь, надеешься и веришь: великая загадка природы, еще неведомая тебе, рано или поздно откроется. И ты не спишь, ищешь и прокрадываешься, любишь синий мартовский лес, наслаждаешься доступностью его весеннего наста, возможностью пробираться среди оживающей тишины и всматриваться, вслушиваться, мечтать и надеяться. Мир птиц и зверей — твоя обитель, а ты, наверное, подобен самому глухарю, неизвестно зачем укромно поющему в ночи. Недаром звук его песни слышен только за двести — триста шагов.

Очень важно, если о токе знаешь ты один. Тогда можно спокойно проследить весь этот непередаваемый праздник, увидеть, как обыкновенное настоящее негаданно оборачивается грядущим волшебным, а страсть изумительного обретения превращается в радостное созидание. Глухариные тока, местона-590

хождение которых известно многим охотникам, не несут в себе той сказочности, которая присуща току, открытому тобой одним.

Вообще, поиск тока может быть более успешен, если ему предшествовала кропотливая подготовительная работа, длившаяся порой не один год. Зимой, весной, летом и осенью внимание твое в лесу не ослабевает, выхватывая по крупицам дорогие знания. Источник охватившего тебя вдохновения незаметно выковывает твоё неугасающее терпение, а бесконечность этой дороги представляется единственно достойной для человека, обращающего душу к лесу. В какое бы время года ты ни оказался в лесу, тебе надлежит сконцентрировать все внимание, терпение и волю. В таком поиске играет роль малейшая, на первый взгляд, совсем незначительная деталь, и если ты пренебрежешь ею — в дальнейшем потребуется во много раз больше усилий, чтобы восстановить упущенную когда-то ниточку. В наблюдении за такой таинственной птицей, как глухарь, все необыкновенно поучительно и важно.

Следует помнить, что глухарь, как правило, токует неподалеку от мест своего осеннего и зимнего обитания. Значит, встретив его по осени в отложках какого-нибудь большого лога, разделяющего вместе с еловыми гривами укромные покосы, можно будет поискать здесь по весне наброды... Осенью глухари даже возобновляют токование, пусть и не такое ярое, как весной, но неизменно там же, где они проделывали это в пору неудержимого цветения, и это тоже облегчает нахождение тока.

В начале февраля озабоченные копалухи начинают посещать любимые присадочные поляны, где они по весне в не-591

терпении ожидают глухариные трели, а самцы сосредоточиваются в сосняках, которые если и не являются будущей токовой территорией, то несомненно располагаются в непосредственной от нее близости. В самом поведении глухаря, в особенностях его скрытой жизни с короткими шумными перелетами и кормежками на ягодниках по болотам нетрудно обнаружить отгадки на мучающие тебя вопросы, когда ты неравнодушен к судьбе леса. Еще тебе придется исходить не одну сотню километров по осенней распутице, под дождем, в пургу, на проваливающихся по колено в снег лыжах или в летнюю духоту с мошкаррой и слепнями при охоте за выводками, прежде чем ты научишься замечать, анализировать и делать правильные выводы относительно всего, что будет связано с глухарями.

Немаловажно при поиске тока определить и общую токовую территорию, которая может включать несколько токовых участков, а сама территория простирается на один, два и более километров. Это замечание следует отнести к нещадному рас-пугиванию глухарей человеком, когда птицы не имеют возможности соединиться. Им гораздо удобнее переживать свое восторженное чувство в одиночестве, на каком-нибудь скрытом покосе, окруженном хвойным лесом.

Ранее, когда я только начинал заниматься поиском глухариных токовищ, я принимал за ток эти самые токовые участки, насчитывающие, как правило, от одного взрослого самца до трех-четырёх птиц. Лишь определив с достаточной точностью всю токовую территорию, которую облюбовали глухари, можно с успехом наблюдать за их численностью и поведением.

Самому потом необычайно приятно сознавать, что большинство глухарей тобой учтено, ты знаешь, где они токуют, и к любому из них сможешь подойти. Прекрасно изучив хотя бы одну такую территорию, ты уже без особого труда отыщешь другую, вполне, возможно, располагающуюся в непосредственной близости от первой. Обычно подобные территории, находящиеся в одном обширном районе, являются остатками бывших гигантских токовищ, постепенно исчезнувших в результате бесхозяйственной деятельности человека.

Еще при обнаружении такого разбросанного тока хорошо было бы угадать его центр на тот день, когда ты вознамерился отправиться на него. К сожалению, это не всегда удается. Ведь токовая территория порой охватывает не один километр, и, придя однажды с вечера на подслух, ты так и не дожидаясь прилета глухарей... Можно, конечно, отправиться в другое предполагаемое место, но тогда ты рискуешь распугать птиц, которые вовсе покинут ток и неизвестно где встретят зарю.

В этом случае имеется два надежных выхода, неоднократно проверенных мною на практике. Во-первых, если не повезло с подслухом и ты не определил таким образом место основного сборища глухарей, лучше всего никуда больше не ходить, а заночевать прямо здесь, будучи достаточно уверенным, что птиц ты не потревожишь и они обязательно запоют поутру неподалеку. Нужно будет только до рассвета, не спеша, продвигаться по токовой территории, время от времени останавливаясь и прислушиваясь: не раздастся ли где глухариное скрикание или точение... Заслышав же песню, стараться как можно быстрее

и осторожнее подходить под нее к токующей птице, успевая осуществить это еще в сумерках.

Второй способ возможен при условии великолепного знания токовой территории и всех вероятных точек глухариного сосредоточения на ней. При этом очень хорошо, если ток достаточно вытянут, располагается вдоль какой-нибудь лесной трассы или дороги, а общая длина его не превышает километра, что значительно облегчает осуществление задуманного.

В район токовища следует выходить с заходом солнца, когда глухари уже подлетели и заняли свои позиции на утро, но полностью еще не стемнело. Двигаться необходимо с таким расчетом, чтобы нагонять поднятых птиц в направлении наиболее верного места для тока, хорошо известного глухарям и давно ими облюбованного. Надеясь, что испугнутые птицы присядут именно там, ночью можно смело отправляться туда и ждать их пробуждения.

Порой утечет вешней водой не одна весна, прежде чем высмотришь желаемый ток. Самому потом кажется, будто догадка о месте его нахождения просилась у тебя уже давно и не раз невзначай напоминала о себе, но ты почему-то к ней не прислушался. Что-то не давало тебе покоя, изредка будоража восприятие, когда ты проходил мимо этого места и отчего-то останавливался, озирался, прислушивался и, неудовлетворенный и чуточку сбитый с толку, отправлялся дальше. Тебя все не покидала мысль, что ты не знаешь чего-то главного об этой токовой территории, не понимаешь, почему глухари иногда на току не появляются, а зимой во всей округе, несмотря на оби-594

лие сосен, почти не встречаешь глухариных лунок... Где-то ведь они ночуют?!

Когда же обнаруживаешь токовище, признаешь: сам виноват, не догадался или поленился досконально обследовать всю прилегающую к току площадь раньше, те места, где часто подымал у дороги глухарей и копалух. Нужно было проявить к себе большую неутомимость и требовательность, потому что так бывает всегда: если мысль неотступно чего-то ищет, рано или поздно она нужное находит. Должно только пройти время, и твое открытие придет к тебе. В жизни невозможно все делать хорошо, что-то получается и плохо, но когда ты отдал себя полностью во имя того, чтобы было хорошо, это так радостно!

У Пришвина в «Глазах земли» сказано: бывает у нас в жизни такое мгновение и его надо схватить, когда оно близко проходит... Мне же кажется, что человек обязан сам прийти к этому мгновению, все для этого сделать, чтобы уже ни оно его не миновало, ни сам человек миг свой не пропустил.

Плохо делал свое дело, спустя рукава, вообще ничего не увидишь и не получишь. А может, только в одном месте дал слабину, до этого оставаясь неутомимым, и все равно долгожданного мгновения тебе не видать. Нужно до конца отдать себя, чтобы искомый момент истины упал в твои руки, как созревшее яблоко.

Бывает, что человек ходит мимо своего счастья рядом, вот только протяни руку — возьмешь, но нет, не угадывает он его, а, может, не верит в легкость, доступность, и отправляется в темный лес. Долгий путь в нем, страх порой охватывает —

жуть, но он пути своего не оставляет и рано или поздно все же выходит к светлой стороне. И может быть, это светлое, добытое через темный лес, будет еще светлее того, что он мог взять рядом, но не взял, предпочтя дальнюю дорогу. Такому человеку, не побоявшемуся темной чащи, неловко потом смотреть на того, кто изловчился и взял, что лежало поближе. У этого, последнего, как-то не складывается в последующем жизнь: все в ней схватывается быстро, но ненадежно, а потом незаметно теряется...

Все эти размышления очень близки к открытию глухариного токовища, к которому шел не один год.

Среди охотников существует непоколебимое убеждение, что глухариные тока лучше всего искать по насту. В марте он становится достаточно прочным, чтобы выдержать не только тяжелых птиц, но и подбирающегося к ним человека. К тому же наст замечательно хранит глухариные секреты, и даже щедрое весеннее солнце не в силах их растопить.

По насту можно легко и быстро передвигаться, преодолевая за утро значительные расстояния. Крепкие утренники надежно сковывают снежное покрытие до полудня, а ранний рассвет предполагает столь же ранний выход. Присутствие глухарей на предполагаемом току необязательно, главное — ощущение неразрывной слитности с лесом, который постепенно открывает тебе сокровенные тайны.

Бывает, что наст недостаточно крепок для ходьбы, но превосходно выдерживает человека, идущего на лыжах. Впрочем, если наст не запорошен мягким снежком, идти на ток не стоит, поскольку лыжи будут немилосердно шуршать и шум разне-596

сется далеко по лесу. Глухари, несомненно, услышат его и, даже продолжая пение, будут вести себя настороженно. С приближением же к ним человека они вовсе замолкнут, частью затаятся или улетят, и петь открыто уже ни за что не станут.

Но не всякую весну бывает наст. Его отсутствие существенно затрудняет поиски тока, и тогда без лыж не обойтись. Лыжи следует выбирать не подбитые шкурой, поскольку она по ледяному рыхлому крошеву скоро изнашивается, а гольцы, которые, помимо всего, еще и улучшают скольжение. Если же есть возможность менять камус каждые два-три года, то стоит завести обитые шкурой нерпы или лося лыжи и на весну!

Правда, в мягкую весну, не отличающуюся крепкими утренниками, ходить на лыжах очень утомительно: часто, особенно среди деревьев с густыми кронами, они проваливаются, намокают и через короткое время идти на них становится невозможно. Попав хотя бы однажды в подобную ситуацию, запомнишь ее надолго и впредь уже будешь более осмотрителен. Ведь глухариные тока располагаются, как правило, вдали от дорог, какой-либо подъезд к ним отсутствует, а подход крайне затруднен.

С началом обильного таяния снега он и вовсе прекращается. В зависимости от погоды период этот наступает в разное время, но всегда в апреле.

Несмотря на многочисленные ручьи, снегу в лесу еще лежит много, он весь напитан влагой и вот-вот готов затопить распростертую под ним землю живительно-мутным, неудержимым потоком. В жизни природы настает самое волнительное время. Глухари сейчас наиболее оживляются, яркое солнце

светит без удержу, а елки пахнут так, что голова сладко кружится и внутри тебя все до боли немеет.

И ты не можешь обойтись без апрельского леса, хотя в эту пору он остается неприступным, и несмотря ни на что собираешься в дальнюю, будоражащую душу дорогу. Идешь по ней с тяжелым рюкзаком, без конца и края наслаждаясь музыкой ручьев и птичьих песен. Остановившись где-нибудь поближе к току, ночуешь в укромной лесной избушке, не спеша переделывая обыкновенные приятные дела: колешь дрова, топишь печь, готовишь на ужин нехитрую похлебку. Еда на току неприхотлива может быть только потому, что все твои помыслы сосредоточены на таинственных птицах... И так, в приятной задумчивости, наваришь какой-нибудь каши, неторопливо опорожнишь котелок и моешь потом ложки снеговой водой, все время неотступно думая о глухарях, что находятся где-то поблизости. Расписные деревяшки гулко ударяются о котелок, а ты чему-то радуешься в душе и, неловко унимая удары разошедшегося сердца, пытаешься угадать: что сейчас делают в глубине чаши глухари?

Ночью, когда появляются на небе звезды, слышно только, как за стеной избушки тяжело вздыхает оседающий снег, кто-то испуганно перебегает, крадется и замирает. Редкая мышьяная возня нисколько не досаждала тебе, сладко пахнет давно потушенной свечкой и неумоимо струящейся за окошком весной. Не теряя происходящих с тобой ощущений, незаметно забываешься и плывешь в исходящих от звездного неба невидимых волнах: сердце твое покойно, несмотря на всеобщую весеннюю тревогу.

Пробуждение обычно наступает также своевременно и естественно, и ничего тебя не угнетает. Выйдя из избушки, ты несколько мгновений, не шелохнувшись, вслушиваешься в лесную тишину. Ощущая на себе скрытое весеннее волнение, с наслаждением вдыхаешь холодящий ароматный воздух. Где-то там, в недвижимой и живой черноте, очнулись от короткого сна красивые и гордые птицы, и ты сейчас почувствовал это и не пропустил.

А лес сразу слабо зашевелил оживающими ветвями, стряхнул закончелую сонную одурь и незаметно охнул. Ощувив его робкое дыхание, тебя вдруг охватывает волнение, и сердце заходится так, что невозможно его уgomонить. До самого рассвета ты уже не можешь успокоиться и все прислушиваешься к чему-то в себе, а тайна неотступно манит и околдовывает.

Только с появлением проталин начинается твое непосредственное соприкосновение с жизнью диковинных птиц. Выискивая наиболее удобный подход, ты произвольно думаешь об открывающейся от снега земле, о ее запахах и таящихся в глубинах силах. В душе между тем успеваешь перегореть что-то важное, и, обретая возможность видеть глухарей, ты в то же время чувствуешь, что лес утратил какую-то необъяснимую апрельскую легкость, когда шумный обваливающийся снег служил птицам надежной защитой. Без нее же глухариные переживания становились чуть сбивчивыми и как будто отрешенными, по-прежнему заполняя воображение сладкой и необъяснимой тревогой.

В конце апреля утра в лесу бывают оголенные, пронизанные зарождающимся влажным светом. Подкрадываться к глухарю в эту пору — захватывающее и очень тонкое дело.

Затемно, до первых проблесков утренней зари, когда зыбкий свет от свечного пламени лизнет вдруг закопченное оконное стекло и на миг отразится в нем спокойным и ясным взором предутренних звезд, ты неслышно поднимаешься и выходишь из избы. Еще не поет ни одна птица. Удивляясь собственному спокойствию, неспешно бредешь в редющей темноте по направлению к току. Шаги твои безразлично похрустывают на осевшем смерзшемся снегу, гулко теряются среди неразбуженных деревьев, и дремотная темнота норовит закрасться в сердце.

Ухнет вдалеке филин, прогундит недовольно сыч — и опять тишина. Бывает, белым комком метнется в ноги заяц, но не убежит, а присядет неподалеку, словно занят чем-то неотложным, копошится потихоньку, крутит головой и потом снова куда-то перебегает. Чудно наблюдать за ним в такую пору, и холодно взирающая с неба луна не в силах растопить твоего интереса.

Спят глухари крепко, но если в лесу еще жестко — близко подходить к ним не следует. Может быть, глухарям снится, что холодный ветер утихомирился, в лесном мире стоит лето и выросли великие деревья. Долгое жизненное утомление от зимы, до краев захватывающее их совсем недавно, превратилось в неопишуемую сладость, и, наполненные беззаботным терпением и надеждой, они теперь отрешенно отдаются скрытой от человека мечте. Только ей, а не любовью к выводимому глу-600

харками потомству живут они по закраинам потаенных логов в глушине древних елей.

Остановившись где-нибудь поблизости от глухарей, пытаешься сначала успокоить сбивчивое от ходьбы дыхание, осматриваешься и замечаешь, как брезжит над землей рассвет. Все это необходимо успеть до пробуждения птиц, пока их обостренный слух не начнет выхватывать из ночной тишины каждый шорох. Глухарь, проснувшись, какое-то время прислушивается, прежде чем запеть, переминается на ветке, так что этот звук при внимательном обращении к лесу никогда не пропустишь, и, убедившись в нетронутости своего лесного царства, рождает ни с чем не сравнимые символы-ноты...

Поначалу мягкие, ненавязчивые, но четко отдающиеся в ночи звуки глухариной песни — единственные сейчас в лесу, и ничто не мешает внимать им. Природа позаботилась, чтобы глухари запели первыми до всеобщего сливающегося птичьего гама, не выражающего ничего, кроме радости пробуждения. Глухари же поют о другом...

Они поют о несомой в сердцах тайне из неизведанной нами и уже, должно быть, никогда не открывшейся древней истины. Поют о неизменчивом цвете беспокойного времени, вторя друг другу среди лесной тишины, и все так сливается в их песне для сердца незнающего человека, что можно тотчас беспрепятственно переместиться с тихих лесных болот в бесконечное пространство неосязаемого края света.

Тысячи лет назад, когда человек только делал свои первые шаги, глухарь уже был. Из года в год токовал он по веснам, доказывая право на жизнь, обитание в древних лесах, претен-601

дуя лишь на отпущенное ему природой. Теперь человек ушел далеко вперед, стал недостижим в неограниченном своеволии, может быть, губительном для всего живого, но каждую весну приходит он слушать древнюю глухариную песню и, забывая о своих мнимых заслугах, возвращается мысленно к своим далеким предкам...

В конце марта — начале апреля, когда тока только начинаются, подойти к поющему глухарю невероятно трудно. Во-первых, этому мешает все время подтаивающий днем наст, который ночью подмерзает, шумит и к тому же не всегда выдерживает человека. Во-вторых, в начале токования глухарь очень чуток и поет всего лишь каких-нибудь полчаса... Как правило, этого времени не хватает порой даже на то, чтобы подойти к нему на видимое расстояние.

Ты только слышишь глухаря, стараешься как можно более тщательно скрасть его, но в большинстве случаев чувствительная птица все же улетает. Чтобы понапрасну не тревожить птиц на току ради будущего и более удачного наблюдения, рекомендуется ограничиться проверкой численности птиц в устоявшиеся мартовские дни и не тревожить их до середины — конца апреля, когда появятся первые проталины. В последние дни апреля и начале мая, то есть через месяц после начала токов, глухарь обычно начинает петь за два—два с половиной часа до восхода солнца, а в хорошую погоду песня его продолжается от получаса до часа и после восхода.

При прочном насте к глухарю надо подходить в валенках, желательно неподшитых, двигаясь с одного места на другое

частым, семенящим шагом. Звук от такого шага делается как бы непрерывным и не пугает токующую птицу. Вообще, подход к глухарю по насту в конце марта и начале апреля мало интересен, ибо птицы в эту пору поют поздно и не так ярко, как при проталинах. В первых числах апреля мне приводилось слышать токующего глухаря в девятом часу утра, и пел он достаточно вяло, с большими перерывами. Остальные петухи, сидящие поблизости, вовсе молчали.

Наиболее оптимальным и удобным подход к глухарю считается во второй половине апреля по проталинам, с заблаговременным посещением тока вечером на подслухе. Лучше не полениться и прийти на ток глубокой ночью, когда глухари спят, расположиться где-нибудь поблизости и ждать. Трудность же подхода к глухарю утром, с рассветом, заключается в том, что очень не просто расслышать его песню среди голосов других птиц.

Если получилось так, что на ток вы пришли без подслуха и не застали на предполагаемом токовом участке глухарей, вы передвигаетесь по лесу в районе токовища, время от времени останавливаетесь и прислушиваетесь. Начинаясь с рассветом разноголосица мешает этому. Голоса певчих птиц, крик журавлей, бекасов и все более разгорающееся бульканье тетеревов полностью перекрывают еле доносящуюся до слуха глухариную песню, которую даже при полной ночной тишине можно уловить не более чем за двести пятьдесят — триста шагов, имея к тому же очень тонкий слух.

И вот с того места, откуда песня слышна ясно, передвигаться необходимо только под нее, соразмеряя свои шаги так, что-603

бы, остановившись, слышать заключительное колено. Не схожее ни с чем глухариное точение рождается и тонет в лесном пространстве, неподражаемые звуки околдовывают тебя, так что не замечаешь, как оно кратко: два-три прыжка успеешь совершить до токующей птицы. И все же не покидает ощущение, что звук песни словно задерживается между глухарем и человеком, подобно вальдшнепину заморающему полету, запаздывает на нескончаемо трепетный миг, и пользоваться этой тонкостью надо осторожно.

Если глухарь неожиданно замолкает, заслышав какой-либо подозрительный шорох, следует тотчас превратиться в изваяние. Слух у птицы изумительно тонкий, и малейшего шума достаточно, чтобы глухарь улетел. Но глухарь не улетает, а только тревожно вслушивается в лесную чащу. Кажется, удары твоего разгоряченного сердца передаются птице: так она настороженно подтягивается, тихонько переминается на ветке, что-то высматривает. И тут лучше всего пропустить несколько песен, дав глухарю порядком распеться. Несмотря на утомительность позы, собраться с силами и терпеливо ждать, наблюдая, как лесной властелин возвращается в сладостную отрешенность.

На глухарином току необходимо забыть об удобствах. Следует помнить: если ты хочешь от самого начала и до конца подглядеть и прослушать глухариную песню, не подшумев токующего петуха, может быть, даже увидеть подлет к нему ко-палухи и борьбу за нее двух самцов, нужно набраться невероятного терпения. Думать об удобствах в этих условиях просто непозволительно! Замереть, набраться выдержки и долгое вре-604

мя стоять, не шелохнувшись, в ледяной воде или стылom снегу, на одной ноге, с затекшей спиной, не торопиться увидеть все враз и побыстрее,— вот только несколько исключительных правил, исполнение которых нужно возвести в закон пребывания на глухаринom току. Малейшее несоблюдение хотя бы одного из них может свести насмарку и бессонную ночь, и длительный переход к току в темноте по грязной дороге, и даже, может быть, пребывание глухарей на току в ближайший день. Лишь терпение, помноженное на величайшую осторожность и знание, принесет долгожданный успех и удовлетворение от увиденного.

Принято считать, что согнать глухаря с тока в самый разгар его песни не так уж просто: порой он выдерживает один, два, а то и три выстрела, перелетая на незначительное расстояние и вскоре возобновляя пение. А если верить воспоминаниям одного старого охотника, то он как-то подранил токующего глухаря и тот даже не прекратил пения. Когда же охотник подошел к нему на близкое расстояние, глухарь, увидев его, улетел, оставив на снегу перья и капли крови.

Пришвин в своих «Незабудках» также упоминает о том, как однажды по весне свинец после выстрела попал токующему глухарю в бок и поразил сердце. Глухарь, верно, подумал, что это ударил его противник, потому что подпрыгнул и упал, и крылья его уже хлопали в агонии, но, вырывая из горла звуки любви, он все же продолжал петь...

Поистине неизбежна бывает страсть токующей птицы, когда она не на шутку распалена своим чувством!

А вообще-то песня глухаря тиха, схожа с нежным шелестом листьев, и услышать ее можно только за двести — триста шагов. Не то, что бормотанье тетерева, которое угадывается за километр — полтора, а то и за два. Так лес, должно быть, оберегает редкую красивую птицу от полного исчезновения. Легко себе представить, что бы случилось с глухарями, если бы токование их разносилось, как и у тетерева-косача, на километры!

В природе нет звуков, близко похожих на те, что издает на току глухарь. Есть что-то особенное в них, ни с чем не сравнимое. Глухарь в весеннем лесу, наполненном всеобщим пробуждающимся оживлением, и держится-то особняком. Песню он тоже начинает в пору, когда другие птицы еще спят.

Не каждый охотник расслышит эту мягко разливающуюся по ночному лесу необычную музыку. Только по-настоящему лесной человек разберет в роящейся весенней тишине странные звуки, словно капли, роняемые кем-то неведомым, что рассыпаются с ускользящим шипением. Глухарь будто силится вспомнить давно забытое, но у него это никак не получается.

А может быть, он ничего не забыл и только с восхищением повторяет давно увиденное. Ликует, насколько хватает сил, взхлеб превозносит свое древнее чувство, и так у него этого чувства много, что глухарь не боится его до последней капли расплескать. Необыкновенного задора у птицы хватает почти на полтора месяца — с конца марта и до той майской поры, когда лист на березе становится размером со старую трехкопечную монету.

Пытаться воспроизвести песню глухаря в словах, может быть, и бесполезно для человека, достаточно сведущего в этом вопросе. Возможно, со знанием дела он приблизится к идеальному изображению токующей птицы почти вплотную, но все же как передать многочисленные оттенки глухариной песни, звуки окружающего весеннего леса, его тайну?.. Лучше не полениться отправиться в чудесный весенний лес и насладиться песней таежного красавца наяву. Но даже внимательно вслушавшись и, казалось бы, хорошо запомнив чарующие глухариные трели, ты уже через какое-то время не в силах будешь их воспроизвести... Песня глухого лесного затворника неповторима!..

А вот глухарка, в отличие от самца, не обладает способностью к восторженному пению, да ей это и ни к чему. Ее незамысловатое «кот-кот, кот-кот, кот-кот» раздается лишь изредка, когда в этом возникает необходимость. Например, если нужно подзвать разбежавшихся цыплят или дать знать о себе самцу во время тока.

В одной из книг об охоте на глухарей я прочел, что раньше промышленники ловко приманивали к себе самцов во время токования, хлопая руками об одежду и подражая горловыми звуками голосу копалухи. Заслыша это, глухари, думая, что прилетела самка и зовет их своим квохтаньем, мгновенно бросали токовать и частенько подлетали к охотнику чуть ли не под самый нос.

Подобный способ с успехом использую я при осенней охоте на рябчика, подманивая его голосом самочки, похлопывая себя по бокам и время от времени неслышно перебегая с места

на место. Петушок редко когда не поддастся искушению показать себя новоявленной подруге и, как правило, становится твоим трофеем, но вот с глухарями ничего похожего я не проделывал.

Представляя себе все это в натуре, мне кажется: такой опыт должен быть крайне интересным, если к тому же не убивать доверчивую птицу, а лишь полюбоваться ее поведением вблизи. Изобразить же квохтанье глухарки, хорошо зная его и обладая при этом достаточно музыкальным слухом, думается, не составит особого труда. Заняв удобную для наблюдения позицию в укрытии, было бы, наверное, вполне вероятным увидеть самую сокровенную тайну глухариного тока — спаривание птиц...

Иной раз при подходе к токующему глухарю все складывается как нельзя удачно, и вдруг песня обрывается: глухарь приостанавливает точение без всякой на то, казалось бы, причины. Что-то обеспокоило его. Ты начинаешь лихорадочно перебирать в памяти: что же было упущено тобой, где совершена ошибка, но, к собственному недоумению, так ничего и не находишь. Глухарь перестал петь по непонятной тебе причине.

Только по прошествии нескольких лет, набравшись опыта, открыл я для себя суть такой интересной особенности токующего глухаря, когда он ни с того ни с сего прерывает песню. Глухарь, как мне кажется, просто проверяет таким образом, все ли вокруг благополучно и не подкрадывается ли к нему какой-нибудь хищник. На земле им может быть медведь, волк или лисица, в кронах деревьев — рысь и куница. А может, ему

просто хочется оценить со стороны только что им самим сотворенное и не услышанное, и он на какое-то время замирает, делая вынужденный перерыв в накопившихся за зиму душе-изъявлениях.

Насладившись же тишиной и убедившись, что все спокойно, петух сначала перелетает на другое, неподалеку стоящее дерево и, усевшись поудобнее, вновь принимается восхвалять свое древнее знание, в отличие от неприхотливых песен дроздов, зябликов и овсянок, повергающее тебя в бездонность зачаровывающей лесной тайны. Кстати, подобные перелеты глухарь совершает по несколько раз за утро, причем происходят они почему-то в последние дни апреля — начале мая. В первую половину апреля, при обилии снега и нередких заморозках, эта особенность в поведении птиц на току наблюдалась мной крайне редко.

По мнению многих охотников, глухарь, токуя на дереве, обычно всегда обращает голову на восток. При этом он начинает тэканье ближе к стволу, делает несколько шагов, останавливается перед началом боя и возвращается на прежнее место. По-видимому, это предположение справедливо скорее для начала весны и раннего утра.

Еще замечено, что с вечера и ранним утром в темноте глухари поют, сидя в полдерева, и только с рассветом рассаживаются ближе к верхушкам. Слетая же во время токования на землю, они часто подпрыгивают кверху, а иногда в сторону. На земле глухари токуют реже, и происходит это обычно в конце марта — начале апреля по насту. Может петух играть на полу и по рыхлому снегу с появившимися повсюду проталина-609

ми, когда к нему подлетает копалуха, и глухарь, прежде желающий очаровать самочку своей весенней статью, расхаживает подле нее, распушив бороду и развернув веером хвост.

С разгаром весны и прибавлением света искрометные песни глухаря все более учащаются и становятся продолжительней. Глухарь теперь совершенно безоглядно отдается им, и в эту пору как никогда удобно его скрадывать. Страсть и энергия человека, не представляющего себе жизни без весеннего выплеска тайников глухариной души, преодолевают все.

Несправедливо было бы не отметить, что весна для меня без глухариного тока как бы и не весна! Ничто из лесных событий в эту пору не производит такого сильного впечатления, как глухариный ток. Вальдшнепиная тяга, заячьи свадьбы, тетеревиные бои — сами по себе незабываемые зрелища, но они никак не сравнятся с глухариной песней. Превосходство над всем происходящим весной в лесу именно глухариного тока объясняется, по-видимому, той удивительной обстановкой, в которой совершается это неподражаемое таинство.

И действительно, что может сравниться с незабываемыми ночевками в весеннем лесу, у костра, ожиданием прилета глухарей с заходом солнца на подслухе, скрадыванием великолепной птицы по темноте?.. И потом — слияние с ней в ее гимне весне..

Глухариный ток — это, пожалуй, первая настоящая радость после долгой зимы. Это — пробуждение жизни, что спала, той силы, которая ищет выхода после порядком наскучившей поры. Происходящее заставляет тебя забыть обо всем на свете и впитывать только весну.

Бывает, к каждому человеку приходит весной такой час, когда дружная весна водой и светом как бы бросается на его жизнь, внося в нее необыкновенное смятение, и очень важно в этот миг не потерять себя. Общение с глухарем на току — это всегда встреча с вечностью, которая так необходима человеку и как ничто отрезвляет его в тревожащую для него пору. Но бывают весной и такие дни, что весь лес является тебе, как любимая женщина, к которой ты неожиданно пришел и, найдя ее, необычайно обрадовался. Тогда глухариная песня уносит твою душу в необозримые лесные дали, и ты обо всем забываешь. С тобой — твоя любовь...

Вообще, пребывание в одиночестве на глухарином току как ничто уравнивает ход мыслей и чувств, незаметно утрачиваемых в обыденной суете жизни. Оставаясь с глазу на глаз с таежным исполином, ты начинаешь иначе относиться ко всему, что доселе незаслуженно пропускал мимо. Здесь ты вдруг постигаешь, как замечательна лесная жизнь, протекающая незаметно для нас, и, поняв это, еще долгое время чувствуешь себя по-хорошему ошеломленным. На душе становится удивительно торжественно и спокойно.

Правда, при частом, из года в год повторяющемся посещении глухариных токов может возникнуть некоторая самоуверенность... Легкий подход к глухарю обычно расслабляет: тебе уже посчастливилось пережить восхитительные чувства, и ты утвердился в относительной доступности птицы. В момент скрадывания глухаря происходит много неожиданностей, и, возможно, тебе просто не однажды повезло, что и сделало ме-611

нее собранным, а это при скрадывании сторожкой птицы недопустимо.

Стоял, к примеру, конец апреля с широкими проталинами, что и обеспечило первую легкость... Сам по себе ток располагался удобно, неподалеку от деревни или лесной дороги, на каком-нибудь доступном покосе... Или глухари на току за всю весну никем не были напуганы, вели себя уверенно, и даже улавливая твое присутствие, как бы не замечали его... Причин могло быть много, и все они, при своем повторении, естественно, расхолаживали.

И вот, столкнувшись с позабытыми трудностями и не проявив должного терпения, ты упустил глухаря, то есть не подошел к нему... Может быть, только слышал, как он поет, пытался приблизиться еще в темноте, и... позорно согнал его. Взлетевший петух, конечно, увлек за собой других птиц, если они присутствовали на току. Еще даже не рассвело, а птиц на токовище нет: разочарование твое беспредельно!..

Причин к беспокойству глухаря во время песни так же много, как и причин удачного подхода к нему. К примеру, хрустящий наст, шум от которого в ночной тишине разносится очень далеко. Глухаря может увлечь за собой пролетающая мимо и квохчущая копалуха. В конце концов, птицу спугнет кто-нибудь кроме тебя, находящийся в это время на току. Таким неожиданным гостем нередко оказывается медведь или рысь, им места обитания глухарей обычно хорошо известны, и в предрассветную пору они пытаются подкрасться к токующим и от того менее внимательным птицам.

На глухарином току каждый шаг должен быть выверен.

Двигаться под песню — значит плыть в волнах своей древней памяти, ничуть не отставая и не опережая ее. Еще это отчасти судьба, и слагается она тобой с того самого момента, когда ты впервые зашел под полог необыкновенного для тебя леса.

Хорошо, если ток достался тебе в наследство, но лучше прийти к нему заслуженно: найти самому. Тогда ты рано или поздно обретишь в жизни самый верный путь, и ничего тебе на нем не помешает. Сокровенное утро надежно окутает твои неторопливые шаги, а лесная тишина обернется на какое-то время истинным другом. Весь непредсказуемый лес будет необыкновенно внимателен и покоен с тобой, если ты однажды не предашь его неизбывные тайны и, может быть, когда-нибудь преодолеешь губительное легкомыслие, которому подвергнуты многие люди. Глухарь же достоин большего.

Лесной царь зорок, и как бы он ни представлялся глух в момент возбуждения, лучше при подходе не попадаться ему на глаза. Это очень нелегко, но надо стремиться быть незамеченным, медленно растворяясь в наполненном жизнью воздухе, отсыревших ветвях очнувшихся ото сна елей, обнаженных корнях. Весенний тревожащий ветерок разносит звуки песни, и легко уйти в сторону от птицы, в самый неподходящий момент вспугнув соседнюю, которая, в свою очередь, поднимает других. Но если даже глухарь один, тебе надлежит быть не менее чутким и вдумчивым, чтобы не пропустить единственно верный миг.

Желая увидеть глухаря открытым, недопустимо ставить себя в положение безвыходности. Скрюченный, с занемевшей спиной и руками, не чувствуя уже ногами застылости талого снега,

ты должен всегда, на полшага, опережать древнюю птицу, быть чуточку предусмотрительней, выносливей, умней. Не беда, если глухарь все же обнаружит твои перемещения, главное, чтобы птица поверила тебе, не предполагая в них для себя чего-либо угрожающего.

Конечно, все это лучше проделывать без ружья: ничего, если добыча окажется недостижимой. Зато сколько наслаждения получаешь, когда глухарь чувствует свою безопасность. Он словно бы и не обращает на тебя внимания, но в то же время что-то рассказывает, умудренный лесным опытом.

А ты забываешь обо всем в такие моменты, подчас допуская одну неосторожность за другой. Сила страсти и нетерпение влекут тебя вперед, невозможно умерить разошедшееся в груди сердце, и только одного ты боишься — грохота удаляющихся крыльев. И тогда лес помогает тебе, незаметно сглаживая твои огрехи, и глухарь не улетает, и песня его продолжается, и солнце поднимается над розовеющим востоком.

Очень важно вовремя увидеть чудесного певца, чтобы избавить себя от разного рода случайностей. Всем своим учащенным и сбивчивым вниманием ты вливаешься в отливающуюся зеленой сталью выпяченную грудь, вздрагивающую под молочным клювом в такт щелчкам растопыренную бороду, возбужденно-косящий коричневатый глаз, и все ждешь, потрясенный, что вот-вот откроется в птице ее бесконечно ускользающая недосыгаемость. Глухарь же заворачивает своим выгнувшимся силуэтом на верхушке ели, перелетает на соседнюю, в возбуждении хлопая крыльями, и все в душе обрывается от боязни потерять восприятие этого лесного чуда.

Следуя за перемещающимся время от времени глухарем, каждый раз улетает и вновь крепнет твоя обрывающаяся было надежда. Ухитряясь преодолевать самые немислимые завалы, ты вдруг выбираешься на затиснутую лесом глухую поляну и чувствуешь: глухарю больше лететь некуда. Здесь, в гуще хвойного покоя, одичалости и будущего ягодного раздолья, лесной властелин с шумом опустится на пол и дозволит приблизиться к себе заходящейся от переполняющего желания копалухе. Но преисполненный возложенного на него природой долга, горделивости своей при этом до конца не утратит и будет внимателен и чуток к лесным звукам, готовый тотчас дать отпор любому сопернику, а тебя оставить в полном неведении о таком близком и восхитительном таинстве.

Обычно к этому времени снег в лесу совершенно исчезает, сохраняясь разве только в укромных ельниках да глубоких логах. Источенный весенним теплом и дождями, он еще хранит в себе утробное дыхание зимы. Но разбуженная жарким солнцем земля с каждым днем воскресает ото сна, на деревьях наливаются почки, зеленеют по опушкам хрупкие подснежники.

Тяжело в тесной груди переполненному весенней истомой сердцу, когда оно, разгораясь под глухариную песню, рвется в восторженное поднебесье и, пробушевав весь день с неумол-кающими ручьями, не в силах успокоиться. Кажется, весь воздух выпит им за торжествующий день, все песни пережиты, и даже неохватность облаков представляется для него вполне вместимой. Впору, заболев весной, позабыть обо всей земной жизни и источать, подобно зарождающемуся свету, всеобщую

радость, пока не иссякнут в тебе живительные соки и не падет на душу тихая, безответная грусть.

Но до этого еще далеко, и ты чувствуешь только восторг жизни, отправляясь тихим апрельским вечером в гости к глухарям — на подслух. Предвкушение от встречи настраивает тебя быть предельно собранным и отзывчивым на все происходящее вокруг. Сам ты от непреодолимого волнения хочешь казаться себе каким-то диковинным зверем — все ощущающим и тревожным, невидимым никому, но подмечающим каждую мелочь, готовому неизменно уstrasить и тут же благородно оттаять. А неодолимый лес, приняв твою игру и озарив на какое-то время вниманием, все же вдыхает в тебя свою правду, ненавязчиво дотрагивается разгоряченного сердца и охлаждает его. От этого прикосновения ничего не меркнет, а только открывается, и ты вкрадчиво ступаешь к ожидающему тебя току и знаешь наверняка: глухари сегодня прилетят.

Лесная поляна укромна и тиха. Окруженная темными елями и светлым березняком, она как бы приподнята к солнцу, мягко пронизана им. Все готово к прилету птиц. Не легли только легкие сумеречные тени, без которых глухари не могут прилететь сюда из своей неведомой стороны.

Появление их будет как всегда неожиданно, и к нему надо быть готовым. Не следует оставаться посреди тока, на самом виду, а лучше выбрать какое-нибудь укрытие — упавшее мшистое дерево или густую заросль хвойного молодняка у опушки. Скоро тебе надоест сосредоточенно всматриваться в чащу, и ты произвольно отвлечешься, наблюдая, как дятлы, иступленно вскрикивая над головой, перепархивают с дерева

на дерево, шуршат корой и стучат крепкими клювами. Белоснежный лунь, что-то высматривающий свысока, бесконечно кружит над лесом, изредка присаживаясь, словно отчаявшийся в чем-то человек, а длинноухие пестрые зайки, опасливо озираясь и вздрагивая, как-то однобоко выковыливают на прогретую солнышком травку, торопливо щиплют ее и тихо радуются неприхотливому заячьему счастью... Весенний лес не заставит тебя долго скучать, постепенно околдует запахами и звуками, и ты обо всем забудешь.

Перед самым заходом солнца что-то как будто шевельнется в лесу, хлопает укладкой и затихнет. Но ты знаешь: неподалеку появился кто-то живой и пока неузнаваемый. Вслушиваясь и чутко ловя каждый звук, ты ждешь подтверждения своим догадкам и, конечно, к радости обнаружишь, как прихлопывают себя по бокам присаживающиеся на верхушки елей глухари. Вскоре над лесом разнесется их редкое скриканье, поначалу даже показавшееся почему-то недовольным. Глухари осторожно пробуют перед утренней зорькой свои голоса и не спеша настраиваются на предстоящую восторженность чувств.

Подслух в преддверии этого торжества очень важен, если ты желаешь увидеть все с самого начала и до конца, знать в точности, сколько глухарей прилетело на ток и где они расселись. Кто из них основной токовик, на которого следует, в первую очередь, обратить внимание, и как к нему удобнее подойти в рассветной темноте и не вспугнуть. Да и само по себе наблюдение за такой таинственной птицей, независимо

от того, в какое время дня оно происходит, всегда доставит непередаваемое удовольствие и неизгладимые впечатления.

Когда с заходом солнца глухари подлетают на ток и рассказываются по деревьям, то первым делом они внимательно осматриваются, прислушиваются и, лишь убедившись в полном отсутствии опасности, начинают расхаживать по ветке. При этом обыкновенно делают особое движение шеей, издавая глухой кашляющий звук, наподобие хрюканья: «кухга-кухга-а...» Охотники говорят, что глухарь «зобает», и считают это за хороший признак яркого токования на утро.

Глухарь и в самом деле, наверное, радуется прилету на ток... Удобно устроившись на выбранном дереве, которым чаще других оказывается елка, он сначала как будто что-то проверяет в себе, осаживает, и выражается это у него в своеобразном хрюкающем возгласе-звуке, коим он выказывает свое доброжелательное настроение. Глухарю нравится чувствовать себя здесь хозяином, клевать пахучую хвою и всем своим существом впитывать весеннее тепло в ожидании скорого прилета глухарки.

Часто глухарь не обходится одной посадкой, а перелетает на соседнее дерево, видимо, ища наиболее подходящее место. Эти перелеты, если они не находятся в поле видения, затрудняют подсчет прилетевших на ток глухарей, и лучше, находясь на подслухе, за такими непоседливыми птицами не передвигаться. Глухари все равно далеко не перемещаются, поутру их легко услышать и, используя сумерки, под песню, подойти на минимальное расстояние. Подслух позволяет определить не отдельные присадочные деревья, а центр будущего токовища.

Бывает, что на подслух идти и не стоит, потому что иногда глухари с тока поутру не улетают, а днюют на нем. Но не всегда угадаешь, как лучше себя повести, и потому многое решает удача. А удача, как известно, сама собой в руки не дается и добывается заслуженными усилиями. Добродетель на глухарином току должна быть такой же обязательной, как и во взаимоотношениях с людьми.

В нетерпеливом предвкушении ожидаемого тока с сожалением покидаешь глухарей на несколько часов и с замиранием сердца отрешенно бредешь к избушке, не переставая думать о весне. Передвигаться с подслуха к месту ночлега надлежит очень осторожно, хотя глухари и привыкли к незначительным шумам, издаваемым ночью лосями, медведями и прочей лесной живностью. На обратном пути почти всегда случается согнать с земли двух-трех глухарок, уже приноровившихся к встрече утра. Чуть потревоженные, но сохраняющие природное благородство, птицы с громким хлопаньем взмывают в насыщенный движением воздух, чтобы, совершив круг, опуститься где-нибудь неподалеку от токовища и ждать, невзирая ни на какие помехи, желанного мига, от которого глухариный род будет жить вечно.

Глухарка так же, как и глухарь, начинает навещать ток в марте, в пору, когда самцы уже входят в период азартного токования, но держится все еще в отдалении. Подлетает она к самцу большей частью с середины апреля.

С вечера, как правило, глухарки подлетают поближе к току и рассаживаются по деревьям на окраинах какой-нибудь небольшой полянки, откуда им хорошо будет слышно утреннее

токование самца. Такое соседство доставляет им, видимо, удовольствие, и поначалу они воспринимают его довольно спокойно. Все самое важное должно решиться утром, и глухарки готовятся к этому ответственному моменту, настраивая себя на соответствующий лад.

Непосредственно на ток самки подлетают рано утром, еще до восхода солнца, садятся на нижние и средние сучья какого-либо дерева и начинают изредка тихо квохтать. Постепенно страсть их разгорается, и, наконец, они слетают с дерева и идут на голос токующего глухаря. Заметив или услышав курочку поблизости, глухарь спускается к ней на пол, гордо выгнув грудь, пританцовывает и подпрыгивает.

Прыжки эти порой бывают очень высоки и всегда вызывают недоумение. По-видимому, глухарь таким образом пытается обнаружить возможного противника и одновременно стремится его запугать. Глухарка в это время ведет себя миролюбиво, ластится к глухарю, всем своим видом давая понять: она в его власти...

Глухарка вообще очень нежная, заботливая и, мало того, самоотверженная мать. Очевидцы рассказывают, что во время лесных пожаров глухарка при приближении огня к гнезду с кладкой сооружает вокруг него вал из мусора, а на огонь машет крыльями. Если же спасти гнездо не удастся, она закрывает собой яйца и погибает вместе с ними, охваченная пламенем. Егеря не раз обнаруживали таких обуглившихся птиц, которые свободно могли избежать смерти, но не сделали этого...

К началу мая копалуха наполнит гнездо пятнисто-кремовыми яйцами и совершенно перестанет появляться на току.

Вся жизненная энергия ее уходит теперь на будущих птенцов, которых она в течение трех-четырёх недель будет терпеливо высиживать, согревая своим теплом. Если стихия пощадит немногочисленный глухариный выводок, погода с нескончаемыми холодными дождями, заморозками и пронизывающим северным ветром не окажется столь безжалостна к только что появившимся птенцам, а также не тронут их хищные звери, то к концу весны на свет появится полдюжины пушистых цыплят с черными полосками вдоль желтеньких спинок. Рассыпавшись в молодой листве, они принесут в расцветающий лес пока не замеченную никем жизнь, чтобы когда-нибудь неподражаемыми звуками своей песни возвестить приход еще одной новой весны.

Петухи в эту пору остаются одни. Какое-то время они по-прежнему прилетают на свои потаенные места, по утрам заводят уже холостые, никому не нужные песни, делая все более длинные перерывы между ними. Не дождавшись внимания глухарок, они еще в темноте опускаются на землю и в некотором недоумении бродят среди светлеющих деревьев, то и дело прислушиваясь и издавая призывное «тэк-тэк-тэк...»

Но лес хранит тишину, и слегка неудовлетворенные, глухари взлетают неуверенно, словно бы не зная, куда им лететь. Целый год отделяет теперь глухарей от будущего торжества, и они в отчаянии удаляются в самые дальние крепи, чтобы невидимо для чужих глаз пережить там болезненную линьку и возродиться к следующей весне зеленовато-коричнево-красным восторженным духом.

В пору летнего благоденствия и всеобщей разомлелости в природе скрытая мучительная сила как никогда одолевает глухаря. Что-то в его организме происходит значительное, превосмогающее прежнее, неотвоеванное пространство собственной жизни, и он забывается без памяти на все оставшееся лето. Опомниться ему суждено только под осень, узнавая теплоту ее красочного счастья.

Незаметно подобравшаяся изнутри лета и опрятно разомлевшая, осень тихо устанавливается в свое время, превращаясь постепенно в чудесное глухариное царство. Что за дело в нем неприступным соснам, мокрым кустам и озимым травам до далекого мира людей?! Что за дело самим глухарям до любознательного человека?!

Наверное, глухари — нечто большее, чем просто мечты... Они — невольные законодатели лесных настроений, чутко предугадывающие их. Глухари — это трепетная история жизни леса, его неугасающая надежда.

Поначалу глухарь всегда представляется птицей таинственной, и это недалеко от истины. В немалой степени причиной тому его резко снизившаяся в последнее время численность. Но так же верно и то, что глухарь, сохранивший седую древность своего прошлого, не изменил дикой природе: он мудро и неторопливо хранит верность ей, подпуская к себе только более сильного.

Осенью, в ясный солнечный день, лес, кажется, полон глухарями! Идешь по просеке — красная бровь то спрячется, то

покажется: петух перебегает впереди дорогу, словно черный черт, как-то по-таинственному скособочившись... Он — всюду, ему невтерпеж в такую пору оставаться на одном месте под елкой, как зимой.

А по осинам радость: лист на вкус стал — ох, как хорош! Не сравнить с сосновой иглой, опостылевшей за долгую зиму. Подправив по весне здоровье подснежником и сон-травой, отъевшись в благодатные летние дни ароматной ягодой земляники, начал лететь глухарь «на осину».

Осень даже еще не залегла в лесах, только приноравливается, как ей поудобнее это сделать, а глухарь уже на осине. Любит он на склоне лета полакомиться ее душистым листом. Лист подвял, слегка пожелтел и завернулся в трубочку — поневоле полюбишь его в эту пору, когда ягоды пропали, нет уже ни брусники, ни клюквы. Березовый лист стал словно лыко, а хвою еще не прихватил мороз — не сладка она для глухаря, не желанна. Один выход — перебираться на осину.

Сидит глухарь в самой ее верхушке и так прижмется к ветке, что будешь стоять внизу, смотреть вверх, а ни за что его не увидишь. Рано поутру глухарь обычно не прячется и сидит свободно, похрустывая листвой. Сидит, осторожно посматривает вокруг: не видать ли кого? А заметит внизу зайца или лося, озабоченно защелкает, затэкает, вытянув шею. Ничто его в эту пору особо не беспокоит, глухарь находится в добром расположении духа.

Но не всегда и не сразу посчастливится это увидеть. Зато уж если повезет, то вволю налюбуйешься незабываемыми живыми картинками из потаенной жизни сторожких и таинственных

птиц! Рассаживаясь задолго до захода солнца, глухари выбирают деревья высокие, с густой шапкой листвы. И обязательно неподалеку от весенних токовищ...

Бывает, что прямо после вечерней кормежки глухарь никуда не улетает, тут же засыпает, а поутру, перед тем как поклевать прихваченного за ночь морозцем листа, неспешно пробует горлом осенний воздух... Воздух, как и весной, роится замершими звуками и ожиданием, и так же ненавязчиво, но отчетливо пропадают в настроенной тишине время от времени срывающиеся капли... Уок-уок-уок!

Глухарь не скиркает и не точит: так, роняет в пустоту что-то по-осеннему раздумчивое и не пытается отыскать. У него есть все, чтобы не чувствовать ущерба от своего существования в преддверии зимы, и он сполна переживает эту упоительную лесную волю.

Мне нравится бывать в гостях у глухарей ранней осенней порой, как и весной открывать их повадки, слушать не менее яркие тока, но о превращении в этих птиц, при всей своей любви к ним, я почему-то не думаю. Скорее, что-то из них уже когда-то перевоплотилось в меня самого и жило покойно в предвкушении новой жизни.

Часто встречая глухаря по осени, одиноко сидящим на осине, приходила мысль об утвердившемся в нем с веками унылом равнодушии. Но на самом деле глухарь, наверное, не ощущал в себе излишнего напряжения, и всем своим диковинным поведением отодвигал усталость однообразного существования. Это был всегда не понятый человеком труже-624

ник, верно охраняющий никому не передаваемое лесное терпение.

Стоило только послеполуденному солнцу ласково озарить осиновые верхушки, как глухари дружно слетались на них, озабоченно рассаживаясь и издавая хрюкающие звуки. Большой частью это были золотисто-рыжие копалухи, глухари же располагались темными грушами неподалеку, на елках, делая это более незаметно и даже скрытно.

Осторожно передвигаясь у самой кромки леса, можно было подойти к ним очень близко, замерев, стоять, задрав голову, и разглядывать их жаркое в лучах предвечернего солнца оперение. Глухари удивительно умеют маскироваться на толстых ветвях и только при малейшей неловкости с моей стороны обнаруживали себя, тотчас перелетая на соседние деревья. Еще зеленоватая, но достаточно поредевшая листва на высоких осинах не могла надежно скрыть их от моего взгляда, и тем не менее они оставались незамеченными.

Но довольно было знать одно, что глухари здесь. Вместе с последними отголосками уходящего лета солнце поспешно ускользало за горизонт, и весь лес окутывали прохладные сумерки. Птицы мгновенно забывались в чутком сне, и я неслышно уходил в избушку, чтобы под утро, как и весной, подойти к ним в глубокой тишине и ждать такого же чудесного пробуждения.

Ночью не хотелось думать, что звезды льют мне свой прощальный свет. В вышине, в своей отрешенной веселости, были они покойны и чисты. И месяц радостно сиял начищенной желтизной. Глухари спали, было тихо, и, коченея от подби-625

рающегося осеннего холода, я был счастлив, что все птицы с весны остались целы: судьба сберегла их для будущей лесной жизни.

Позже я радовался, представляя, как они будут слетать по утрам с высоких осин, у которых еще не пожелтел лист. Как озабоченно будут кокотать перед сном невидимые в кронах ко-палухи. Как глухо будет ударять в голову сердце, когда старый мошник сорвется за спиной и унесет в манящие дали за рекой эту тайную тревогу...

А еще позже опечаленные звуки поздней осени затихали где-то под бездонным небом, и ушедший в себя лес надолго успокаивался. В такую пору и глухари как бы замирали: с ними происходило что-то непонятное, не поддающееся объяснению. Точно как и у человека, когда однажды вдруг всё хорошее кончается, но ты чувствуешь: в непроглядной темноте томится неизбывный живой дух, который выведет тебя к свету.

С первым снегом глухари мало-помалу смещаются в самые глухие места хвойных лесов: теперь они почти не встречаются в одиночку. В моховых болотах птицы держатся реже, так как клюква становится для них недоступной, а мелкий и редкий сосняк отнюдь не доставляет необходимого корма и мало защищает от холодного ветра. Обыкновенно глухари живут зимой около глухих логов, незамерзающих речек и родников, где поблизости всегда есть ель, пихта и сосна, хвоя которых составляет для птиц главное лакомство.

Еще глухарь любит пальники и гари, то есть места, обезлесенные стихийной силой природы, но в то же время не выносит вырубок — площадей, опустошенных человеком. Паловая хвоя, видимо, приятна для глухаря на вкус, напоминая своей сладостью осеннюю лиственницу, и он охотно держится в подобных местах зимой, когда ему приходится перебиваться одной жесткой хвоей.

В розовые морозные сумерки часто можно издали видеть огромных птиц, рассеявшихся на высокие ели или сосны, почти всегда порознь. Днем они больше держатся в частом ельнике на земле, но ночуют в первой половине зимы предпочтительно в снегу, когда он не уплотнился от ветров и собственного обилия. К февралю их можно застать рано утром только на деревьях. Если дует сильный ветер, птицы располагаются ближе к стволу, спрятав голову под крыло, и посередине дерева. В спокойные дни — на две трети ствола. На деревьях глухари находятся в относительно большей безопасности от хищных зверей — соболей и куниц, которые, неслышно подкрадываясь к снежным лункам, схватывают сонных птиц и тащат ближе к своим обиталищам, порой на значительные расстояния.

Зимний образ жизни глухарей крайне однообразен. Поскольку многое в природе зависит от здоровья, вольного поведения и, вероятно, от счастливой безотчетности к происходящему, то, будучи самим собой, глухарь смотрит на себя, должно быть, незамутненным взором и не видит ничего, кроме того, что есть. Ничто не мешает ему разглядеть своей нужной для людей правды, и зная, что в этом нет его заслуг, а только внутренняя работа природы, глухарь беспрерывно питается

покойно текущей родниковой водой, ворочающейся в верхушках сосен хвоей, душистым, непрекращающимся ветром, и всю зиму как будто чего-то ждет. Природе надо обязательно сочувствовать ему — она так долго трудилась для создания его обаятельной лесной души.

Невозможно представить, чтобы жизнь глухаря проходила даром... Чтобы за просто так умирало это лесное чудо: чуткая шея и голова, зоркость глаз и тревожное сердцебиение, какая-то неистребимая древняя мысль.

Глухарю каждодневно приходится переживать свою потускневшую от времени тайну и не разочаровываться в ней. Ему еще бесконечно долго следует ожидать прекрасного человека в этой безмолвной лесной стране...

В ней зимой взрослые самцы стаятся почему-то отдельно, выбирая местом ночевки какую-нибудь укромную полянку вблизи соснового бора. По множеству лунок на ней можно легко определить, как долго они предпочитали это место другому. Обычно, если место зимнего обитания подходит под условия тока, а это должны быть либо глухой покос, хорошо защищенный лесом от дорог или трасс, либо отложки от большого лога с еловыми и сосновыми гривами посередине, или же край старого мохового болота, — глухари весной тут же и токуют.

Учитывая начало установления снегового покрова, достаточного для залегания птиц под снег, количество петухов и лунок в снегу, а также месяц зимы, можно довольно точно подсчитать дни, которые глухари проводят под снегом. Так, побывав на одном из токов в конце декабря и зная, что весь

месяц, с самого начала, выдался обильным на снег, глухарей было трое, а лунок, что они оставили после себя на единственной поляне,— двадцать пять, и в каждой из них птицы проспали по две-три ночи, можно было с уверенностью заключить: за все это время каждый глухарь провел под снегом по три с лишним недели, вылетая только за тем, чтобы покормиться, и опять нырял в снег. Если глухарей не пугать в течение зимы, они будут верны одному месту до самой весны, ни разу не покидая его.

Глухарки также предпочитают находиться в зимнее время отдельно, что мне не раз приходилось наблюдать. Может, петухи отгоняют их, может, сами глухарки до весны не нуждаются в присутствии самцов, но так или иначе птицы проживают зиму обособленно. Иной раз подынешь среди нескольких ко-палух глухаря и сразу определишь в нем неопытного сеголетка, не обретшего еще знания собственной жизни... Глухарки терпят его, не испытывая при этом особого неудобства. Молодой же глухарь и не помышляет докучать успокоенному зимнему существованию самочек, ища возможность, при случае, прибиться к более взрослым самцам. Рано или поздно это происходит.

Образовав в зимней глуши лесов заметные сообщества, глухари так всю зиму и держатся неподалеку от старого петуха: по его зову поднимаются в рассветных сумерках из-под снега на кормежку и так же дружно меняют место ночевки в случае тревоги. А если, потеряв из виду взрослого глухаря, более молодые будут чувствовать себя брошенными, то старый токовик вполне сможет прожить в уединении вплоть до весны, покой-629

но переживая похожие друг на друга ночи и дни, свет и тьму, свои укромные сны и озарения. Впрочем, ближе к весне молодежь обязательно отыщет его, с почтением присоединится и станет ждать чего-то важного в своей жизни, жадно внимать и впитывать...

Глухой зимой в теплой городской квартире мне часто думалось: достаточно ли силы в глухаре, чтобы не спать однообразными зимними ночами и глядеть, как восходит луна на небе?.. Чувствует ли он в такие бесконечно тянущиеся мгновения согревающее течение жизни и времени?.. Верит ли в свое непредсказуемое будущее?

Еще меня никогда не покидало восприятие глухаря как птицы чем-то всегда неудовлетворенной. Словно он был зачарован неведомыми силами и по неизвестной причине не мог возбудить замирающего влечения к собственной жизни. Была в нем глухая, какая-то не понятая им самим надтреснутость, и это создавало в его темной душе состояние, с одной стороны, обрекающее его быть только глухарем, а с другой — порождающее дикую неутоленность маленького лесного сердца.

Оттого, что молодость своей жизни глухарь пережил очень давно, он воспринимает себя иногда все более безразлично. Необъяснимая и злая тоска вдруг наваливается на него, и он прячется поглубже в лес, не желая выносить ее напоказ. А может быть, это я сам, глядя на глухаря, вызываю в себе неизбежную печаль своего прошлого и не знаю — как вести себя дальше?! Мне кажется, что в одной своей далекой жизни я уже был глухарем — так же пел на токах и не допускал мысли, что когда-то опять приду к этим птицам уже человеком и буду

стремиться чувствовать, как они, жить и, может быть, надеяться на невозможное чудо.

Я так сроднился с этой птицей, что верю: глухарь всегда угадывает в животном уме свое далекое происхождение и инстинктивно принимает в нем участие. В лесном одиночестве, наполняющем весь окружающий мир чутким вниманием и невидимой теплотой, древней птице видится зачатие настоящей жизни.

Ей не столько хочется переживать одной эту жизнь, сколько сводить навстречу друг другу день и ночь, вбирая в себя то тепло, которое только что было светом. Постепенно внутренний мир глухаря становится неодолимым, и ему некуда девать свое большое тело. Как будто чувство объединяющего за всех счастья неприметно вливается к нему в душу, откладывая до более дальнего будущего что-то очень важное. Неведомая для большинства людей птица по-настоящему терпелива и, может быть, ожидает с ними встречи.

Зимой одиночество глухаря оголяется, и общий природный сумрак заполняет его растревоженное сердце. Все белое, торжествующее вокруг начало дарит ему дружелюбие, а он упорно молчит и не идет к нему навстречу. Только ближе к весне оживает его неустроенная зимняя душа, и глухарь становится прост и доступен. Все лучшее к этому времени поднимается в нем, и он желает видеть в себе не тьму, а жизнь.

В такие минуты ему кажется: он действительно понимает и любит ее, знает, зачем она ему отпущена, и воображает многое из того, что для него недостижимо. Даже розовеющие поутру облака, которых он никогда не достигнет, а они его не

коснутся, видятся ему как нечто дорогое и близкое. Ни к чему более волнующему и трепетному глухарь в своей жизни, наверное, не обращался, и оттого его предрассветная песня всегда звучит самозабвенно и восторженно.

Но бывает, что и в неподражаемость весеннего забытья вторгается нечто странное, какая-то вынужденная омертвелость, и тогда глухарь самым загадочным образом исчезает, словно куда-то проваливается. Его оплывшие под елями на-броды становятся еле различимы, смерзшийся по утрам под соснами помет с каждым днем все более оседает в усыпанную хвоей снежную ноздреватость, а самой птицы не видно.

При всей своей замкнутости глухарю, по-видимому, не хватает по-настоящему заболеть от нарождающейся в нем любви. И он уходит в неведомое, и неудовлетворенность его там постепенно исчезает, и глухарь однажды возвращается готовым к предстоящей необыденной жизни. В нем закипает жажда сладостного самоистязания, может быть, способного в мгновения случающейся просветленности вознести уставшую от себя птицу к звездам.

Ему ничего не стоит возродиться в необременительном для себя одиночестве и терпеливо ожидать токования, с приближением его все более возбуждаясь и оживая. И вот, пробудившись однажды гулкой апрельской ночью под переливающимися драгоценными камнями звездами и оказавшись выше любого жизнелюбца, глухарь вдруг обретает сладкое забвение в этом разломившемся весеннем сне, и любовным шепотом, поначалу неслышно и робко, первым утверждает открывающуюся лесную жизнь. Неограниченная в течение всего года

свобода на короткое время прерывается, и глухарь совершенно изменяется, становясь из успокоенного — восторженным, из величественного — неудержимым, из равнодушного — озабоченным. С приходом весны в глухаре просыпается что-то очень важное, самим им, кажется, не понятое и чудесное.

И сразу проходит накопившаяся за зиму усталость, и неожиданно становится ясно, что глухарь в этом лесном углу только старинный гость, которому остановиться больше нигде. На неопределенное время задержавшийся между верхушками елей и небом, он, переполненный жизненным восторгом и знанием, словно не готов еще отправиться в манящую бесконечность. Но и нет среди лесных обитателей никого, кто бы еще так чутко сумел дотянуться до звезд, оставаясь при этом обыкновенной глухой птицей.

Поддерживая связь времен, глухарь в момент наивысшего напряжения земли вселяет в неокрепшую душу уверенность, предназначенную обогатить ее новым жизненным желанием.

Сколько бы глухариных токов не удалось отыскать в жизни, ты никогда не забудешь первый, самый дорогой, подаривший неизгладимые впечатления. Память всегда уводит тебя именно к нему, когда многие загадки леса не были разгаданы, а в отыскании таинственных птиц тобой руководили только необъяснимое природное чутье и собственная неутомимость... Первый ток...

...Я иду по белому, залитому солнцем лесу и убеждаюсь с каждым шагом, что никто мне сегодня не помешает, никого

здесь за всю зиму не было и ничто не потревожено. Больше всего я боюсь, что кто-либо мог нарушить эту вневременную тишину, надломив первозданный голубой наст. Но тихо вокруг, и наст цел и ни единого следа не видно на нем. Только желна, большой черный дятел с красной шапкой, вольготно сорит шелухой за старыми выворотнями, в укромных тенях елей посвистывают невидимые гаички, и в насыщенном весенними запахами воздухе, помимо всего, витает ощущение некоей тайны.

Снег постепенно становится голубовато-сиреневым, а верхушки сосен сокровенно румянятся в выплывающем над лесом солнечном свете. Погасли последние звезды, туманные очертания месяца размыла в высоком небе холодная пронзительная голубизна, но воцарившаяся с ночи застылость уже не обжигает тела, не отбирает у него тепло: она растекается в воздухе студеным пахучим облачком, приятно касаясь при этом лица, губ, наполняя весенней ясностью глаза. Студеность эта несет с собой в душу какое-то тончайшее розоватое свечение, наподобие вкрадчивому весеннему прикосновению ветерка на ранней заре.

Легкий морозец приятно забирает подмокший от осыпающегося снега маскировочный халат, лыжи шелковисто поскрипывают в тишине, и тебя ни на минуту не покидает мысль, что углубляешься ты в чащу не зря, а как будто по какому-то неведомому и необъяснимому сейчас чутью, но непременно верному, которое рано или поздно выведет к глухариному току. Я стараюсь понять причины выбора именно этого пути и почему в это утро все кажется таким ясным. Словно ты

в свое время приходишь на свое место, заслужив его всеми прежними поступками и, может быть, даже просчетами. Не опережая времени и не отставая от него, тебе предоставляется право увидеть нечто такое, с чем ранее виденное оказывается несравнимым.

Но пока это только предположения, и черные еловые леса валяются на меня с обоих крутолобых речных берегов, под ними голубеют тонкой ниточкой следы норки, а где-то вверху, подставляя надутые грудки первым солнечным лучам, пронзительно посвистывают рябчики. Река петляет, даря неповторимые виды, и стена елового дремучего леса все более заваливается над головой, сходясь и переплетаясь могучими верхушками. Изредка оттуда сыплется шелуха от шишек, перепархивают клесты, длиннохвостые синицы, большие пестрые дятлы.

Хотя все здесь так необыкновенно и укомно, но все-таки находится как бы в преддверии чего-то главного, еще по-настоящему не наступившего. И ожидая с этим не наступившим встречи, я даже сомневаюсь на какое-то мгновение: может ли быть что-либо лучшее, чем то, что ты сейчас видишь? Речка должна вывести меня туда, где обитают птицы, без которых самый потаенный лес не может оставаться лесом, где из глубины времен возникает то нечто удивительное, что на долгие годы вперед дарует вкус к жизни.

Когда за одним из поворотов река выгибается длинной петлей и берега отступают пред царством света и диковинной тишины, я уже почти верю в эту необычайную открытость. До мелочей взвешенная природой воздушность линий вмиг охватывает, приподнимает над разлегшейся в форме огромного

снежного языка поляной и кружит в мягком свете ее девственных снегов.

Мне хочется закричать от неопишуемого восторга и забросить в поднебесную синеву потрепанную шапку. Хочется впитывать всеми органами чувств происходящее вокруг, вбирать не замутненную ничем светоносность и ощущать нечеловеческую свободу. Но крик вдруг встает в горле комом, и только глаза неторопливо скользят, не останавливаясь ни на чем конкретно, примечая, между тем, каждую мелочь.

Я чувствую себя всемогущим и счастливым, и время отступает куда-то, и остаются застывшие на южном склоне древние сосны, успевшие стряхнуть с раскидистых ветвей снег, не менее пушистые древние ели, не умершие в зиму, а лишь задремавшие перед радостным пробуждением весной, и более ослепительное солнце в вышине, и нежный синеватый отсвет оседающего наста меж стволов... И было еще то, чего ни за что не выразить в словах, как бы остро ты ни пережил свое слияние с этой первородной силой, тем более что главного в ней для тебя пока не открылось...

Все утро ходил я по предполагаемому току и искал на снегу неторопливые наброды глухарей с чирками их оттопыренных в возбуждении крыльев, следы разбросанного под соснами помета. Старый сосняк вперемешку с березой и елью метров на двести раскинулся у края обширного болота, чуть заваливаясь по южному склону к реке. Вокруг стволов на редколесье уже углублялись и росли вширь синеватые лунки. В них чуялась живая теплота. Сосны здесь полностью отряхнули с ветвей

снег, стараясь к весне выглядеть опрятными, молодыми. Все, казалось, было готово к прилету на ток глухарей...

Снег, наливаясь за день влагой, тяжелел и ухал оседающими полянами, вспугивая на миг озабоченных весною лесных птиц. Повсюду засоренный мелкой шелухой, старыми иголками, аккуратно надкушенными белкой еловыми веточками, он, между тем, был не тронут. Лыжи громко скребли по его ноздреватой утренней корке, обламывали с хрустом мельчайшие крошки, и было неуютно от этого шума, напряженно. Все казалось: сейчас вспугнешь ненароком притаившегося в лесу глухаря, и он унесет с собой что-то важное. То, в чем я должен разобраться, глядя на него спокойно, без помех.

К полудню, когда снег уже порядком раскис, я присел отдохнуть. Студеный воздух незаметно лиловел в бору, поднимался к небу, меж сосен меркли еле уловимые голубоватые тени. Парок изо рта, с утра ядреный, теперь на глазах рыхлел, от разгоряченного дыхания становился размытым. Во всем теле появилась липкая ломота, ноги сделались ватными.

Ошалелый от неудачи, я никак не мог успокоиться. Ни малейшего намека на присутствие здесь когда-либо глухарей не было. Что-то завершающее отсутствовало в моих расчетах, и это было странно. Ведь именно чутье привело меня сюда, и я повиновался ему, потому что оно было закономерным плодом поисков последних лет. Однажды открывшееся знание спокойно нашептало место в лесу, время и даже число... Это было необъяснимо, и тем не менее все происходило именно так.

Прихлебывая горячий чай из термоса, я вдруг обернулся. Что заставило меня это сделать, я, пожалуй, не смог бы отве-637

тить, тем более что за спиной все было голо — обширная болотина покоилась под метровой снеговой толщей. Дальний угол обследованного сосняка соединялся с ней узкой березовой пуповиной — невысокие чахлые деревья ютились совсем рядом, чуть ли не касаясь серенькими стволами друг друга. У края этой неприметной рощицы темнели в снегу глубокие витые борозды...

И сразу все внутри сначала поджалось, замерло, а затем хлынуло с торжествующим и уверовавшим наконец в себя чувством. Лыжи неуклонно понесли к заветному месту, и сердце тесно толкалось в груди, выстукивая в висках желанное «ток-ток, ток-ток, ток-ток...»

Искристый снег слепил, но не глядеть было невозможно. Весь наст поблизости был испещрен уверенными ленточками крестиков-следов, каждый величиной с добрый кулак. Следы, я заметил, ни разу не пересекались между собой. Смелые росчерки крыльев вдоль них придавали живым цепочкам некую воздушность. Каждая такая цепочка брала начало из продолговатой лунки, образующейся после того, как птица слетала в снег с дерева.

Почти на всех выходах из лунок красовались горки подсты-лых рогаляков, слагающихся из сухих хвойных жилок, а под тремя соснами, в радиусе двух-трех метров от каждой, вьелся в снег, по всей видимости недавний, жидкий глухариный помет. Он свидетельствовал о распалившейся страсти сидящего на суку самца и о нахождении на этом месте глухариного токовища. Радости моей не было предела!..

...В поселок я возвращался через заброшенную деревню,

которая не выглядела на первый взгляд нежилой. Издали, с высокого противоположного берега, она смотрелась скорее старинным селением. Серые обветренные срубы изб могли таить только теплый печной уют, чистоту широких полов и нехитрой обстановки.

Ослепительное мартовское солнце весело высвечивало редко разбросанные по склону горы дома, и я не сразу обратил внимание на то, что над крышами не поднимаются печные дымки, не твякают по дворам обезумевшие от безделья собаки. Беспричинная радость запекалась на губах талым привкусом снега, весны, молодости. Мыслей не было, не было и усталости: главное заключалось в чуть искрящемся свете, торжествующе поднимающемся над чистыми полями, и долгожданном знании, что и у меня наконец-то появился свой глухариный ток. И еще сердце мое навсегда было поражено покосившейся избой на краю деревни, в самой приметной и высокой ее точке. Так что уже не забудешь и не разлюбишь ее никогда, в какие бы дальние дали ни ушел. Увиденная отсюда, со старой заброшенной дороги, неловко выбегающей к необъятному простору, в пору ослепительного сияния снегов, она казалась символом единственного, понятного и самого близкого для меня места на земле. Места, в котором сосредоточена вся красота твоей души.

Если ты не один год посещаешь глухариные тока, все впечатления постепенно переплетаются, что-то отчасти стирает-639

ся, а в памяти остается самое яркое, дорогое... То, что отчего-то выделило именно этот день, этот ток, этого глухаря и породило твои необыкновенные чувства.

Когда я кому-нибудь рассказывал потом о поразившем меня на току, о том, что удалось увидеть именно в тот вечер или утро, я ловил себя на мысли, что это мало кого интересует. По крайней мере, меньше, чем меня. Из-за такого несоответствия рассказ получался скомканный, неинтересный. Мне самому становилось странным: где все те слова и мысли, что переживал я, сидя на току, и как мне хотелось тогда, чтобы кто-нибудь был со мной рядом и пережил все это так же, как и я?!

А потом я понял, что рассказать об увиденном, как оно этого заслуживает, можно только тому, кого любишь... И еще чтобы ты сам не был безразличен этому человеку. Если все это возможно, то тебе удастся пережить когда-то увиденное еще раз, будто ты вернулся в то утро, и глухарь пел только для тебя и любимого тобой человека, и горела на небе молочным зернышком ослепительная Полярная звезда, а рядом с ней изредка вспыхивала другая...

Я давно заметил, что удачному току всегда предшествует какое-нибудь замечательное предзнаменование: ласковая тихая погода, удивительное спокойствие и радость на душе, установившиеся с самого утра, какое-то необыкновенное оживление в природе, связанное, может быть, с пробуждением птиц, или торопливый пахучий дождик, после которого, знаешь, выглянет солнце, растают тучи и все живое вокруг засветится счастливой улыбкой... Моему удачному току сопутствовала ра-640

дуга во все небо, сменившая не на шутку разыгравшуюся непогоду. Но непродолжительно пасмурное настроение природы весной, долго она в эту пору хмуриться не в силах.

Некоторое время я еще сомневался — стоит ли идти в такую хмарь, но какое-то радостное предчувствие повлекло в дорогу. Шел сквозь непогоду, а в душе рождалась крепнувшая убежденность: все будет замечательно! Душа, несмотря ни на что, пела, и дождь начинал казаться пустяковым.

Ветер стремительно гнал свинцовые тучи на север, все быстрее очищая небо на юго-западе, дождик из холодного, пронизывающего стал оборачиваться в мелкосеющий, ласковый. Неожиданно показалось солнце и озарило теплом весенний день. Над посвежевшими полями закружили белокрылые луни. А еще выше, от одного края горизонта до другого, торжествующе и в то же время умиротворенно выгнулась огромная радуга, сияющая умытыми красками.

По мере приближения к току с обочины начали взлетать копалухи, дорога заметно подсыхала, а воздух значительно теплел, становясь мягким. Не верилось, что совсем недавно все было охвачено удручающим ненастьем. Размышляя о том, где лучше устроить подслух подлетающих на ток глухарей, я терялся в догадках и, наконец, решил остановиться в небольшом сосняке за болотом, но, почти дойдя до места, изменил решение. Опять какое-то неясное чувство, словно чья-то ненавязчивая подсказка свыше, привело на большую поляну, которая впоследствии и оказалась центром тока.

Посреди поляны стояла маленькая избушка. В ней отсутствовала печка, но имелись нары и стол. Только и хватило у

меня времени, чтобы приготовиться к полету птиц. Было ровно девять часов, когда я вдруг услышал первое всхлопывание крыльев, свойственное глухарям в момент их присадки на деревья.

А через мгновение и увидел его — огромного таежного старожилы, кажется, совсем не обремененного тяжестью своих мышц и незаметно прожитыми лесными годами. Глухарь уселся на елку метрах в семидесяти от избушки, изредка сторожко поглядывая по сторонам. Я знал, что он меня не увидит, если сидеть неподвижно.

Осмотревшись, мошник громко захлопал крыльями, как-то весь напрягся и, выгнув шею, произвел звук: «кхеэ-кхеэ-э-уоок!» Звук был скрипящий, гортанный, очень хорошо слышимый в замершем вечернем воздухе. Сам же полет птицы, исключая присадку на дерево, обычно не слышен, и как бы ты ни старался не пропустить его — всегда он доносится неожиданно, что всякий раз почему-то неприятно обескураживает.

Второй глухарь полетел минут через десять после первого. Так же громко хлопнув крыльями, он уселся на березу метрах в пятидесяти от избы, но голоса не подал. Весь вечер он сидел тихо, будто его и не было.

Примерно около десяти часов послышался полет третьего глухаря, наверное, самого мощного, потому как опустился он на дерево метрах в ста от меня, и звук от его присадки был слышен очень отчетливо. Своеобразного звука, что произнес первый глухарь, он тоже не издал и до самого утра сохранял молчание. Глухарь этот уселся где-то у края просеки, подход к нему не был затруднен, и мне все время хотелось пойти по-642

смотреть, какой он из себя. Но следовало сохранять осторожность, чтобы не распугать птиц раньше времени.

В начале одиннадцатого подлетел еще один глухарь, опустился на дерево, но не произнес ни звука. Оттого, наверное, он и показался мне угрюмым. В нем не чувствовалось обуевающей его любовной страсти, будто и на току он появился лишь по заведенной весенним порядком надобности. Вероятно, это был молодой неопытный глухарь, и переживание весны еще не захлестнуло его со всей неотвратимостью и силой.

Около одиннадцати часов послышалось котканье единственной подлетевшей глухарки. Она уселась неподалеку от избушки, вела себя сдержанно и больше не квохтала. По-видимому, была преисполнена терпеливого ожидания и трепета в предвкушении предстоящего и никак не выказывала своего пристрастия. Природа птицы требовала соблюдения установленного ритуала: первым должен призвать ее к себе охваченный чувством самец, и только тогда она может откликнуться, предложив ему себя всю без остатка.

Все глухари молчали, кроме первого... Его хорошо было видно: он сидел в трех-четырех метрах от верхушки елки, иногда неспешно прохаживался по ветке и склевывал иголки. Время от времени глухарь повторял свое «кхеэ-кхеэ-э-уоок...», и опять затихал. Часов в одиннадцать — начале двенадцатого он перелетел на другое дерево, метрах в пятидесяти от елки, а с наступлением темноты, в половине двенадцатого, начал потихоньку петь. Я подумал, что это был или самый взрослый глухарь, основной на этом току токовик, или самый страстный

петух, в нетерпеливом ожидании утра и подлета глухарки пробующий свои лесные ноты. К двенадцати часам он затих.

Я сидел на крыльце избышки, думал о жизни леса, глухарей и смотрел на небо. К майскому небу была обращена и моя душа... Она тянулась к зажигающимся звездам.

Первой, в одиннадцать, загорелась Полярная звезда. А потом, постепенно, над самой крышей избышки засветился ковш Большой Медведицы. Рядом с Полярной звездой трижды вспыхнула какая-то маленькая звездочка и потухла. Она совершила вокруг нее полный круг, но больше не появлялась.

В предночной весенний час нужно очень пристально смотреть на небо, чтобы заметить даже очень яркие звезды. Но как я ни напрягал глаза, звезд еще не было видно. Стоял тот час, что отпущен только для одной, самой главной звезды, по которой путешественники всегда определяли для себя единственно верный путь.

Дрозды вокруг смолкали, глухари засыпали, земля притихала ненадолго, чтобы через три-четыре часа вновь пробудиться, а я сидел и безотрывно смотрел на Полярную звезду. Я смотрел на нее и был уверен, что вот именно сейчас она горит для меня. Все остальное в тот миг отдалилось куда-то... Вернее, оно было со мной, но этот текущий миг с Полярной звездой, спящими глухарями, проистекающими отовсюду запахами земли пробуждал в душе мучительное и восхитительно счастливое чувство, которое сдавливало сердце и не отпускало. В нем всплывало что-то из моего прошлого, и я чувствовал себя частицей огромного мироздания, где было все так непревзойденно для человеческого мира.

Сколько раз на глухарином току обращал я свой взор к звездам, всматривался, переносился в мечтах ввысь и... не постигал до конца их зазывного свечения. Звезды всегда сопутствовали глухариному току, в ожидании глухариной песни я разговаривал с ними, думал, мечтал... И вот только в этот последний раз вдруг осознал то, чего по-настоящему хотелось бы испытать в жизни: хотелось побывать на всех этих далеких мирах и унести приобретенное там знание обратно на землю. Смотрел бы я на них потом с таким же восхищением, так же неотрывно? Да и улетев однажды к звездам, пришлось бы, наверное, остаться среди них навсегда?..

Утром глухари начали петь в четыре часа в полной темноте. С рассветом они перелетели на ближайшие деревья и сидели на расстоянии между собой с разницей семьдесят — восемьдесят метров. Двое точили очень активно, один издавал звук: «кхеэ-кхеэ, уоок! кхеэ-уоок, кхеэ-уоок, кхеэ-кхеэ, уоок-уо-ок-к!», а четвертый вообще покинул ток с глухаркой и уже больше на нем не появлялся. Необыкновенно теплое солнце лило розовато-кремовые лучи на верхушки сосен, когда я уже стоял под одним из глухарей...

Подошел я к нему быстро, со стороны спины, и глухарь меня, конечно, не видел. Петух был очень крупный, надутый от важности происходящего, крылья приспущены, хвост то складывался, то распушался необыкновенно, и когда это происходило, глухарь вытягивал шею к восходу, задираал алую бровь и неторопливо ронял колена волшебной песни... Борода его при этом топорщилась, вздрагивала, глаза на мгновение закрывались. А у самого ствола ударялись в мох рогалики его

сухого помета, и этот необычный град не вызывал никаких чувств, кроме восхищения.

Время от времени глухарь поворачивался грудью, стараясь подставить ее первому солнечному теплу, но неизменно возвращался головой на восток. Особо не разжигая себя чувствами в отсутствии самки, он, похоже, только допевал зарю. В это утро у него было все, чтобы почувствовать себя счастливым: сосны, солнце, обилие свежего корма и свобода... И ничего, что отсутствовала ловящая каждое его движение, преданная копалуха. Быть может, он уже наслаждался за долгую весну всем, что она могла подарить ему, и ничего уже не желал, предвкушая свое летнее существование в укромном ягодном раздолье...

В такие утра душу одолевает жадность к жизни, а потухающие звезды уже не замечаются. Загоревшись в душе перед самой темнотой, они как бы задремывают на неопределенное время, не напоминая о себе. Звездам, видимо, уютно чувствовать то же, что и человеку.

После удачно подсмотренного тока всегда ощущаешь приятную усталость и необъяснимое чувство удовлетворения. Понимаешь, что прикоснулся к чему-то замечательному, недоступному большинству людей, и от увиденного испытываешь незабываемое чувство. Состояние такое, будто сделал невероятное открытие, и никто об этом, кроме тебя, никогда не узнает. Благодаря увиденному переживаешь нескрываемую гордость, душа полнится необыкновенной радостью и счастьем. Ничего подобного ты уже давно не ощущал.

А потом понимаешь: все это не даровано Богом, а добыто тобой, твоей несгибаемостью, терпением и любознательностью, неугасимым желанием разбираться в окружающих явлениях природы. Вспоминая токующих глухарей и в который раз переживая незабываемые впечатления, улыбаешься про себя, все тебе кажется понятным и доступным, и ты склонен подшучивать над собой. Вот тогда, возвращаясь утренней дорогой домой, тебе обязательно и попадаются добродушные зайцы, как еще одна лесная награда за проявленную по отношению к себе и лесу неутомимость.

Зайцы совсем не замечают тебя, и ты можешь сколько угодно наблюдать за ними, пока это занятие не надоест. Косые грудятся кучкой на опушке и поначалу представляются островком неизвестно почему оставшегося грязноватого снега. Это зайчиха со своим весенним выводком, тремя зайчатами-настовиками, что появились на свет еще в марте, по снегу, и успели подрасти...

Зайчата словно облиты кофе с молоком, в отличие от матери, у которой вся спина и голова остались почти белыми. Зайчиха лежит спокойно, прижав к спине уши, и вроде бы ничего вокруг не замечает. Зайчата же ведут себя свободно: сидят столбиками, умываются, по-смешному потягиваются, но от мамы не отлучаются ни на шаг.

Даже мой резкий свист не выводит их из состояния этого блаженного покоя. Зайцы как ни в чем не бывало наслаждаются первым утренним теплом, вдыхают рождающиеся запахи и, пожалуй, ничего не ждут от этой удивительной жизни, в которой для них и так все есть: свежая травка, ласковые лучи солн-647

ца, огромный и непостижимый лес — их дом. Милым зверькам всего достаёт, и они вполне счастливы.

Я стою за пушистой елочкой, гляжу на незамысловатую заячью жизнь и радуюсь вместе с ними весне, тому, что ток прошел удачно, и тоже переживаю свое счастье. Все, что может принести с собой весна, уже выпило мое сердце, и я слился в это утро с пробудившейся ото сна землей, вдохнул полной грудью ее аромат и почувствовал себя молодым богом, готовым жить вечно.

Принято думать, что глухари не токуют и не спариваются с глухарками вечером, еще до наступления темноты, но это, оказывается, далеко не так... Случай, произошедший со мной и моим товарищем несколько лет назад, подтверждает это давно зародившееся сомнение.

Мы тогда были еще неопытными следопытами и не могли допустить какой-либо отход от давно укоренившейся среди знатоков леса истины: глухарь весной токует только рано поутру, когда ни одна птица не поет, солнце не взошло и в лесу темно. Убежденность в этом классическом заблуждении подогревали постоянные рассказы «бывалых» охотников, которые в один голос заверяли: известный всем постулат так же доподлинен, как и то, что глухари никогда не меняют места своего токовища.

Любые противоположные мнения всегда воспринимались в штыки, бурно и не без злорадства осуждались, а осмелившийся на подобные предположения — дружно изгонялся из рядов

«самых завязтых глухарятников». Его вообще серьезно не воспринимали, и сейчас, по прошествии многих лет, за которые мною было найдено несколько глухариних токов и я достаточно хорошо изучил образ жизни этой замечательной птицы, мне становится совершенно очевидно: как невероятно велика зависимость даже очень увлеченных чем-либо людей от устоявшегося мнения и как несправедливо мала тяга человека к непрекращающемуся открывательству, к более глубоким и не раз проверенным знаниям, истинность которых, в первую очередь, подтверждается бесконечными походами в лес в любую погоду, бессонными ночами у костров и в избушках, горячим желанием, несмотря ни на что, досмотреть и допонять. Почему-то всегда твердо верилось: нет ничего невозможного, если ты любишь лес, дорогу и весну, что открывают тебе чудесных глухарей, в их скрытом от глаз людей восхитительном таинстве.

А стоял тогда апрель, двадцатые числа, вечер выдался погожим, успокоенным, весна как будто улеглась на короткое время передохнуть и вместе с ней все в природе тоже замерло, переводя дух. Солнце садилось, играя лимонными мягкими отсветами. Было часов восемь... Мы лежали на раскинутой плащ-палатке в редких кустах тальника посреди просеки и ждали подлета глухарей. Открытое пространство позволяло без помех проследить это.

Довольно длительное время какой-то неясный шелестящий шум ненавязчиво доносился до нас издали, но мы почему-то не обращали на него внимания. Шум то всплывал, то затухал и не привлекал внимания, наверное, по причине того, что сливался с другими весенними звуками — пением дроздов, зябли-

ков, жаворонков, журчанием талой воды в логу, общим несмолкаемым фоном происходящих повсюду радостных перемен... Мы бы и впоследствии, должно быть, не придали ему значения, если бы шум неожиданно не приблизился и не стал явным, так что сразу осенило: ведь это токует глухарь!

Глухарей оказалась пара. Они передвигались прямо по просеке, неподалеку друг от друга, и что еще более интересно — рядом с ними находились две копалухи! Оба самца вышагивали, гордо выгнув груди и распушив хвосты, время от времени убыстряли ходьбу, вдруг превращающуюся в бег, и даже подпрыгивали. Самочки держались в непосредственной близости, готовые в любой момент удовлетворить желание взбудораженных весной сильных птиц, утробно квохтали, видимо, тоже распаяя себя, иногда в возбуждении замирали. Удивительно забавно было наблюдать за ними, не двигаясь и ничего не предпринимая. Глухари при этом не прекращали лить свои песни; солнце плавно садилось, и было еще совсем светло.

Вскоре птицы углубились в лес, где и совершилось спаривание... Глухарки изредка вскрикивали, еще более активно квохтали, а глухари мощно ударили в воздухе крыльями. Судя по всем этим звукам, там происходило что-то невероятное, но попытаться приблизиться было невозможно. Мы бы просто распугали глухарей и не досмотрели такое необычное поведение птиц на току. Обычно глухари токовали здесь, на покосе, или вокруг него, расположенном чуть южнее просеки, и происходило это, как правило, утром...

В какой-то миг нам показалось, что глухари не поделили самочек и устроили между собой драку... Одна глухарка от-650

летела в сторону, а другая уселась на невысокую сосенку и наблюдала за всем происходящим сверху. Петухи, по-видимому, сцепились ненадолго и, не желая изводить себя понапрасну, разлетелись. Один увлек за собой ближнюю ко-палуху, и вместе они покинули ток, плавно протянув вдоль опушки и скрывшись за стеной черного леса. Второй глухарь поднялся на верхушку огромной ели у края просеки и, осмотревшись, возобновил токование, но утолившая свою страсть глухарка к нему уже не подлетала. Так, с небольшими перерывами, пропел он до одиннадцати часов и в начале двенадцатого умолк. Дождавшись темноты, мы потихоньку удалились с подслуха к костру, который заранее приготовили в трехстах метрах от того места, где заснул глухарь.

Проснулся он лишь в пятом часу, как-то очень неохотно, с полчаса, протоковал и улетел. Погода с самого утра задалась пасмурная и, вполне возможно, повлияла на активность тока. Может быть, даже именно поэтому глухари и вели себя так необычно с вечера, стараясь успеть оттоковать в предчувствии ненастья. И тем не менее, они изменили своему правилу, что еще раз свидетельствует о гибкости поведения в природе и о более тщательном ее изучении.

Впоследствии мне не раз приходилось встречать на току ночью или под утро глухаря и глухарку рядом, и это подтверждало, что они уже с вечера находятся вместе. Чаще, конечно, копалухи подлетают к токующим самцам утром, в рассветных сумерках, а располагаются заблаговременно в нескольких сотнях метров от тока. Но иногда что-то подталкивает их поступать иначе, как самцов, которые порой по несколько дней под-651

ряд вообще не появляются на току, а самки в беспокойстве перелетают все утро по территории тока и, не в силах постигнуть причину отсутствия глухарей, растревоженные покидают его...

Так, постепенно, мне приоткрылась еще одна сторона жизни таинственных птиц.

Пожалуй, ничто так крепко не занимает восприятие любителей глухариной песни, как отсутствие птиц на весеннем току. Почему птицы не прилетают в отдельные дни на ток, а, прилетев с вечера, на утро все же молчат, остается самой необъяснимой и завораживающей загадкой. Мысль о том, что происходит в этот момент с глухарями и куда они исчезают, повергает знатоков в неопишное душевное расстройство. Если к тому же ты сам провел впустую две или три драгоценные ночи, так и не услышав знаменитого глухариного точения, тут поневоле расстроишься.

Только тот, кто потратил на поиск тока не один год и, несмотря на многочисленные неудачи, все же отыскал его, преодолевая бесчисленные неустроенные километры, ночевал в весеннем лесу у костра, ненадолго забывшись в беспокойной дреме, а потом, одолеваемый ночными страхами, ступил в эту пугающую темноту и простоял в ее обволакивающем холоде до самого рассвета, может понять все разочарование от того, что глухари не запели...

Вот уже проснулись первые птицы, незаметно рассеялась паутина сумерек, лес ожил, и солнце, взгромоздившись над

соснами, обдало лицо разомлелым жаром, а глухари никак не объявили себя. Разбитый и раздосадованный, продолжаешь напряженно вслушиваться в пробуждающуюся жизнь, но не слышать незабываемых глухариних звуков, будоражащих весенний воздух. Птицы или не прилетели, или отчего-то замкнулись в себе, и на душе твоей, несмотря на торжествующую вокруг весну, становится пусто.

Сначала осторожно начинаешь передвигаться по току, продолжая пристально вглядываться и вслушиваться, но вскоре уже забываешь об осмотрительности и чуть ли не бежишь, пытаясь не упустить безвозвратно ускользающее утро. Разгоряченная кровь ударяет в виски, не успеваешь перевести дух, а птичий хор становится все более оглушительным, и с тем, как он ширится, крепнет, в сердце закрадывается разочарование: что-то в твоих расчетах не уложилось в давно устоявшуюся лесную схему — ток не задался. Так почему же глухари не появились на привычном для себя месте токовища, где ты уже не раз слушал их песни?! Что побудило загадочных птиц к молчанию, тогда как все другие пернатые, не уставая, восторженно превозносили весну?!

Большинство знатоков глухариной жизни проповедуют непреложную, по их мнению, истину, что глухари токовать вне своего исконного токовища не могут. Но почему бы не предположить, что токовая территория, охватывающая порой очень значительную площадь, имеет несколько удобных для тока мест, и глухари пользуются тем или иным в зависимости от настроения, а, может быть, и каких-либо других причин, глав-653

ная из которых, вероятнее всего, вмешательство в жизнь леса людей?

В последнее время глухарей начали постоянно беспокоить, и они стали искать для себя наиболее благоприятное место для тока, поиск которого вмещался в несколько лет... Они не сразу смогли покинуть привычный, давно полюбившийся участок леса, и то значительно смещались, то вновь возвращались. Так незаметно ток передвигался в какую-нибудь сторону на один, два, а то и более километров. Время техники и человеческого вмешательства принудило глухарей вести себя для людей непривычно. Раньше и помыслить было недопустимо о том, что птицы могут по какой-либо причине покинуть ток. Это даже не подлежало обсуждению, и вот время для подобных перемен, к сожалению, пришло...

Не следует также забывать, что постоянное местонахождение тока держат один-два старых, опытных токовика, подстрелив которых человек рискует следующей весной тока не обнаружить. Молодые птицы потеряют его в отсутствие стариков и будут метаться по всей округе, пробуя токовать то там, то здесь. Из их поведения исчезнет система, приверженность своим устоявшимся с годами привычкам.

Утверждение, что глухари не поют из-за отсутствия на току глухарок, вряд ли имеет под собой серьезное основание. Глухарки подлетают на ток всегда, если еще не уселись на гнезда, и даже когда это произошло, глухари не перестают токовать какое-то время вхолостую, пока лист на березе не вырастет до размеров старой трехкопеечной монеты. Недолгое

отсутствие самок на току не в состоянии повлиять на неизбывную силу природы.

Причиной отсутствия глухарей на току может быть и непогода... Порой весенние дни бывают безликими, серыми, вроде бы даже и вовсе не весенними. Солнце пробивается поутру невесело, птицы не щебечут, во всей атмосфере угадывается неопределенное и грустное затишье. Как будто природе чего-то недостает! Это настроение, по-видимому, распространяется и на животных, в частности, глухарей, что, как и человек, подвержены влиянию ненастья. В особенности, когда глухарки уже сели на гнезда и самцы могут позволить себе расслабиться: любовная страсть птиц заметно спадает, а холодные ветреные дни только усугубляют нежелание глухарей токовать. Петухи замыкаются в себе и все больше молчат.

Правда, непогода не всегда действует на птиц столь удручающе: порой, предчувствуя ее скорое окончание, глухари не прекращают своих восторженных песен и поют в дождь, сильный ветер, а однажды я был свидетелем того, как петух токовал в обильный снегопад, причем очень активно, почти без перерывов. Снеговая завеса застилала все вокруг, так что невозможно было разглядеть что-либо в десяти шагах, но глухарь только все более учащал пение, словно боялся не успеть выговориться. А потом выглянуло солнце, в считанные минуты растопив рыхлый, какой-то ненастоящий снег, к глухарю полom прибежала копалуха, и глухарь, тотчас слетев с ели, удостоил ее своим царственным вниманием. Где-то совсем рядом произошло скрытое от чужих глаз таинство неотступно притягивающей к себе лесной жизни.

Воспринимая глухарей как очень чутких и осторожных птиц, легко предположить, что иногда они каким-то образом узнают о присутствии на току человека и не объявляют себя. Ты не спеша передвигаешься по току и вспугиваешь притаившихся птиц, недоумевая: почему они не поют, если рассвет только занимается, другие птицы не распелись, да и погода стоит самая благоприятная? Может быть, действительно что-то насторожило глухарей в твоём поведении, и они затаились, готовые вот-вот сорваться и улететь? Но не стоит, наверное, переоценивать возможности пусть даже такой незаурядной птицы, как глухарь.

Скорее всего птиц потревожило что-то другое, например появление какого-нибудь зверя... Медведь, волк или рысь — любители полакомиться глухарятиной. Им издавна известны места таких токовищ, и звери загодя отираются где-нибудь поблизости и ждут, когда птицы в порыве обуявшей их страсти утратят на время бдительность. Часто тетерева и глухари оказываются в зубах хищников, которые утоляют ими аппетит после суровой и голодной зимы.

Но трудно представить, что вспугнутые зверьми все глухари покинут ток. Они просто переместятся куда-нибудь поблизости и, успокоившись, возобновят пение. К тому же хорошо известные глухарям звери не могут быть им в лесу помехой. Медвежья, волчья и лосиная поступь — знакомые ночные звуки, к которым глухари за долгие лесные века уже давно привыкли.

Порой у охотников создается впечатление о невозможности отсутствия глухарей на току по той причине, что сами охотни-656

ки бывают на нем довольно редко. Может быть, один, два или три раза за весну, да и охота, как правило, открыта только дней десять, и в эти нечастые походы глухари, по большей части, находятся в районе тока. Вероятность их отсутствия, исходя из полутора месяцев токования при одной-двух поездках человека, сводится почти к нулю. Для того чтобы тебе не повезло и ты усомнился бы в наличии тока, следует провести на нем весь период токования глухарей во время таяния снегов.

А не может ли глухарь пропустить день-другой по той простой причине, что, как и любое живое существо, не в состоянии предаваться любви довольно-таки длительное время без передышки? Он где-нибудь затаивается и отдыхает, преисполненный неведомыми силами, что дарит ему весна. Переживает все случившееся с собой, пока вселенская страсть опять не возьмет в нем верх и не увлечет к заветному токовищу.

Глухари не поют на току каждый день потому, что устают: невозможно находиться в возбужденном состоянии месяц, а то и более, спать на один глаз, урывками, мало времени и желания уделяя питанию, и оставаться готовыми к спариванию с глухарками изо дня в день. По-видимому, те глухари, что удовлетворили сегодня свою страсть, отдыхают день или два и потом опять подлетают на ток. Может быть, они даже располагаются в районе токовища, но не участвуют в нем, преимущественно отмалчиваясь. Не раз мне приходилось сгонять именно таких «уставших» молчунов, подходя под песню к другому токующему петуху, причем вспугнутых глухарей на внешний вид нельзя было отнести к молодым.

Сколько раз встречал я и одиноких глухарок, что безуспеш-657

но перелетали все утро по территории тока, оглашая роящуюся тишину нетерпеливым котканьем. Продержавшись часов до восьми и собравшись в кучку, копалухи замирали озадаченно на соснах и вскоре в сердцах покидали ток: глухари так и не появились. Глухарки, наверное, сильно недоумевали в отсутствие глухарей и, неудовольствованные, тешили себя надеждой, что следующее утро все же принесет им желанное оплодотворение. А глухари слышали их, находясь где-то неподалеку, но не вылетали, ожидая в себе нового прилива сил, которые вдыхала в них весна.

В результате ежегодного наблюдения за поведением глухарей на токовищах я пришел еще к одному выводу: глухари не всякий год поют одинаково. В один год они токуют с азартом, каждый день, и даже иногда вечером, в другой — выглядят вялыми, а ток по нескольку дней подряд пустует. Только глухарки озабоченно квохчут, перелетая по нему в поисках самцов.

Объяснить такое поведение можно лишь способностью, как и у других животных, к особой чувствительности, с какой глухари предугадывают и переживают погоду. Вероятно, в вёсны неудачные, холодные они ведут себя неактивно, и наоборот. Незаурядные птицы незаурядно и относятся к окружающей их жизни, привнося в нее свою заманчивую тайну.

Невероятно, но факт: я всегда с трепетом относился к глухариному помету... Хвала ему! Правда, не только глухариному,

а и любому другому, что оставляют звери и птицы в лесу,— рябчиковому, тетеревиному, лосиному, заячьему и волчьему, медвежьему... Каждый из них достоин самого пристального внимания, потому что несет в себе отгадки из неведомой для человека лесной жизни, учит быть внимательным и терпеливым.

Помет лесных обитателей, как ни странно, не вызывает такого чувства неприязни или отвращения, когда мы наталкиваемся на фекалии кошек и собак, во множестве попадающихся под ногами в наших замусоренных и неустроенных дворах. В лесу нет места нечистотам, если их не принес с собой человек, и помет животных лишь дополняет всеобщую картину гармонии, представляющей собой природную суть всего сущего, единение которого, кстати, возложено небом на того же человека. Не покидает ощущение, что звери и птицы облегчаются не просто по естественной надобности, без всякого смысла, а даже с некоторым художественным вкусом и пользой.

Так, волки, чьи испражнения представляют собой серые вздутия, скрученные в отдельные сухие подушечки и чем-то напоминающие хворост, подвешивают их на кусты, чтобы не утащили жуки-навозники. Звери таким образом метят свою территорию, заботясь о наиболее длительной сохранности ее границ.

Горки рябчиковых и тетеревиных сухариков украшают лесные просеки какой-то трогательной укромностью, и завидя их перед собой, всегда почему-то останавливаешься, долго стоишь и смотришь, словно желая разгадать заложенную в

них лесом тайну. Вернее, его обаяние. Но не в силах ты постичь суть этих коричневато-золотистых холмиков, уютно громоздящихся и непонятно чем завораживающих. И все же чем больше попадается таких горок, тем радостней становится на душе: птица не перевелась, ее в достатке, но взгляд вновь возвращается к приютившимся друг с другом сухарикам, что неожиданно представляются похожими по форме скорлупками земляного ореха, загадочными ванильными палочками или ярко-желтыми комочками воздушной кукурузы. Поразительно то, что все эти приятные ассоциации вызывает обычный птичий помет!

Серовато-зеленые шарики заячьего помета встречал всякий, кому не безразличен лес. Лежат они легко, воздушно и как-то трепетно. Сила лесной жизни уже не захватывает их в свой оборот, и шарики тихи, милы и не вызывают неприятного чувства.

Неприхотливо утопают заячьи шарики в снегу, напоминая какое-то диковинное драже, и, глядя на их правильную круглую форму, недоумеваешь: зачем никому не нужному конечному продукту такое совершенство? А шарики как будто даже улыбаются, неслышно и весело переговариваясь между собой. Хорошо проходить мимо них на склоне зимы, думая о чем-нибудь простом и замечательном.

Сродни заячьему драже — аккуратные шоколадки лосиного помета. Не верится, что из такого неприглядного материала природа смогла вылепить нечто привлекательное, притягивающее взор. Темно-коричневые округлые пальчики совершенно не вызывают какие-либо неприятные ощущения, в который

раз подтверждая обаяние леса, и до такой степени напоминают конфеты, что их хочется... попробовать.

А вот Михаил Потапыч, соответственно размерам, славится в лесу своими пирогами... Они бывают огромны, пышны, словно выпечены неведомой лесной хозяйкой в русской печи и поданы неизвестно кому прямо на траву. Большею частью пироги малиновые и черничные, но попадаются и с брусникой, и с клюквой, и с ежевикой. Чаще всего они почему-то покоятся прямо на тропинках, словно зазывая путников присесть и передохнуть. И ты действительно останавливаешься, заведя мишкины произведения, и улыбаешься неизвестно чему... Крепок дух такой лесной снеди, замешанной на травах, ягодах и потаенной звериной воле!

Любой помет в лесу своеобразен, но глухариному в моем восприятии повезло почему-то больше. Глухариный помет удивляет формой в виде большого рогалика толщиной с безмятный палец взрослого человека. И еще своей загнутой вы-тянутостью, каким-то неброским изяществом, пригодным только для многообразного леса, и желанием непременно увидеть таинственную птицу. Светло-коричневые с внутренней желтизной и прозеленью рогалики будто улыбаются то там, то здесь, заывают под сказочный полог леса, но ничего не обещают: все зависит от твоей собственной любознательности и жажды открытий!

Помет глухаря действительно может быть красивым. Если по-настоящему любишь лес и не представляешь без него своей жизни, то ничего незначительного в нем для тебя не существует. Любуешься пометом, отчего-то радуясь тому, что он есть, с

жадностью охватывая взглядом, пытаешься разобрать,— сколько тут было птиц, что делали и чем питались, молодые или старые... Многое можно прочесть в лесной книге, если не терять терпения.

Глухарь неотступно манит к себе своей тайной, и очень важно в понимании образа жизни птицы,— какой помет следует считать токовым, а какой обыкновенным, бытовым. Если помет токовой,— сколько его по количеству должно присутствовать под присадочными деревьями, на которых преимущественно поют по весне глухари? То есть какова площадь его разлета во время песни, кучность? Да и вообще, чем отличается прошлогодний помет, прозимовавший под снегом, от помета нынешней весны?

Помет токовой, когда глухарь находится в любовном возбуждении, по большей части всегда жидкий, светло-желтого цвета. Таким он бывает в самый пик весны, к середине апреля, в пору подлета к токующему самцу копалухи. Повсюду еще лежит снег, самка не села на гнездо, и токовик наиболее оживлен. Он старается понравиться копалухе, ведет себя очень активно и то и дело крутится из стороны в сторону, отчего помет разлетается довольно обширно. Иной раз границы его падения достигают нескольких метров в окружности.

В самый же расцвет периода гнездования, к началу мая, когда пыл любовной страсти у самцов значительно спадает и они поют не так азартно, помет птиц вновь обретает обычную для него твердость. Повернувшись головой на розовый восток, токовик скиркает и точит уже с большими перерывами, как бы

нехотя, и в мох у самого ствола изредка тукаются сосновые колбаски. В эту пору в них можно обнаружить ягодки перезимовавшей под снегом клюквы, березовые сережки и цветочки подснежника.

Прошлогодний помет — вовсе сухой, волокнистый, в нем хорошо различимы и отделены друг от друга пряди сосны, ели и лиственницы. Они так тщательно перетерты в желудке птицы мелкими камешками, что даже под воздействием дождевой и снеговой влаги до конца не распадаются, сохраняясь в спрессованном виде год и более. И только достаточно отсырев, постепенно разваливаются на рыхлые кусочки, удобряя собой и без того удобренную лесную почву. Так, незаметно, они готовят к жизни будущие великаны-деревья, на которых когда-нибудь возвестят о приходе весны восторженные потомки сегодняшних великолепных птиц.

Думая о потаенной жизни глухаря и находясь в лесу, невозможно не обратить внимание на его помет. Если ты действительно неравнодушен к этой замечательной птице, ты замечаешь оставшиеся после нее следы повсюду: на пересечении укромных просек, по окраинам полей и опушек, под раскидистыми соснами и притаившимися елями, прямо на дороге... Обитая в каком-то одном районе, глухарь сыплет помет в самых непредсказуемых местах, тем самым постоянно напоминая о себе.

Всегда с удовлетворением отмечаешь про себя эти глухариные пометки и радостно думаешь: он живет здесь, находится сейчас где-то неподалеку и даже, быть может, видит сейчас тебя, но не улетает. Тебе приятно тешить себя мыслью, что

глухарь тоже ощущает твое присутствие и, может быть, когда-нибудь ты сможешь стать для него частью того, что его постоянно окружает. Хотя бы на одну весну. А потом он про тебя забудет и окунется в летнее забытие, в царство ароматных ягод, ручьев и жарко дышащей хвои, но это тебя ничуть не разочарует. Ты останешься так же предан ему в своем восхищении и любви и будешь терпеливо переживать, ожидая следующей встречи.

Однажды, в результате своих многолетних хождений по лесу, я поймал себя на мысли, что при виде самого обыкновенного глухариного помета во мне просыпаются самые необыкновенные мысли и желания. Например, стремление быть неутомимым и вдумчивым, потому как безрадостна жизнь, не желающая постичь. В лесу звери и птицы, на каждом шагу оставленными после себя следами, напоминают человеку о необходимости не быть равнодушным, без усталости трудиться душой в отыскании важных ответов и достижении понимания, что жизнь полна интереса и смысла.

Что-то интересное во мне самом вынуждает вглядываться в помет и не проходить мимо. Попробуй-ка разберись,— что это, когда мир и без того полон множества других, более очевидных загадок?.. Но все, что касается тебя самого, твоей привязанности и любви, необходимо разгадать в первую очередь! Ведь, может быть, это твое прошлое, к тому же очень далекое?!

И ты опускаешься на колени перед горсткой помета и с удовольствием разбираешь,— какого он цвета, из каких иголок, веточек или зернышек состоит, свежий или уже подсохший от ветра, дождей и снега, толстый или тонкий, что сви-664

детельствует о возрасте птицы. Разглядывая пристально и постепенно проникаясь увиденным, думаешь: а каким образом все перечисленное и еще неувиденное относится к тебе?! Неужели в какие-нибудь незапамятные времена был ты таежным жителем — глухарем, и так же питался хвоей, подснежником, брусникой и удобрял остатками перетертой камешками пищи и без того удобренную лесную почву?! Как давно это было и не плод ли это твоего не в меру разыгравшегося воображения?!

Нет, наверное, не плод, если ты так тонко чувствуешь эту птицу, отыскиваешь места ее обитания, кормежки и тока. Значит, близка тебе ее жизнь и тайна, которую ты стремишься разгадать. Значит, был ты в далеком прошлом великолепной птицей, и если это было наказание — оно только пошло на пользу... Ты стал более чуток к природе и ее обитателям.

Только равнодушный человек, не любящий лес, не поинтересуется пометом, не остановится и не поленится нагнуться, чтобы поподробнее разобрать скрытую от него жизнь. Отвернуть в такой миг свой нос — значит проявить бескультурие и ограниченность. Обратить же внимание — лишний раз выказать добродушие и любознательность.

И тогда сонм загадок опутает тебя с головой, и ты позабудешь свои маленькие горести и поймешь: жизнь человека неотделима от жизни леса, куда он должен вступать восторженным наблюдателем и учеником. Это уважение к лесу поведет тебя в его таинственные глубины, и ты, навсегда лишившись покоя, станешь его очарованным поклонником. После такого знакомства ты непременно переосмыслишь

свою жизнь и совершаемые тобой поступки, ты переживешь замечательное чувство — чувство радостного постижения, а за ним — непрерывное осознание созидательного труда во имя создавшей тебя Природы.

Часто я замечал, что мысль при ночевке в лесу, в ожидании тока, работает бесконечно широко, ни на чем конкретном не останавливаясь. Будто задувает в тебе непостижимый вселенский ветер, мчит в необъятные дали, и в какой-то миг они начинают казаться тебе подвластными. А зацепиться за что-то одно, пусть небольшое, но надежное ты не в силах. Мысли часто переменяются от этого, путаются, и ты чувствуешь себя способным на многое, но почему-то беспомощным... Усталый, забываешься на короткое время, а, проснувшись посреди ночи от холода, не ощущаешь в душе ничего, кроме слитности с таинственно замершим лесом и в то же время одиночества в нем. Вот когда хочется, чтобы рядом с тобой, у костра, оказался какой-нибудь добрый человек, с которым можно было бы обо всем поговорить или помолчать.

Нередко на глухарином току человек находится в той стадии переутомления, когда не в состоянии даже спать. Именно эти ночные часы и хороши для неторопливой дружеской беседы. Но иногда совсем не хочется ни о чем говорить, и ты просто сидишь на ворохе елового лапника, подбрасываешь в костер перегоревшие ветки и слушаешь предутреннюю весеннюю тишину, когда только один мохноногий сыч насупленно насвистывает себе под нос одному ему понятную мелодию.

Сердце так сладко замирает от этой затаенности весенней ночи.

Именно такими ночами, у костра, в ожидании глухариного тока, понимаешь: невозможно изменить тому, что с детства не дает покоя и чему искренне поклонялся долгие годы. Эта склонность к лесному бродяжничеству со стремлением во что бы то ни стало проникнуть в лесные тайны либо есть, либо нет. Тот, у кого она есть, предать ее никогда не сможет.

Такому человеку хорошо быть на току и одному, но лучше все-таки вдвоем. Возвратившись в двенадцатом часу с подслу-ха, можно спокойно обустроиться на ночлег, расположившись где-нибудь в трехстах метрах от задремавших глухарей. Сладок миг, когда знаешь наверняка, что птицы здесь неподалеку, и остается только немного потерпеть за приятной беседой у потрескивающего костерка.

Товарищ твой лапника на постель наломает, бересты для костра надерет, а ты водицы принесешь. Если нет поблизости реки, снега весеннего натопишь: он в эту пору пахучий, со свежим, нежно ударяющим в нос ароматом. Беседа льется неторопливым ночным ручейком, в котелке ненавязчиво побулькивает каша, и ночь вглядывается в тебя глазами зверей: то вскрикнет филином, а то провоет волчицей... До самого подъема на ток не остывает чай в кружках, и все время рисуешь себе предстоящий подход к глухарям под песню. Ночной костер в весеннем лесу вселяет в сердце охотника неизгладимые и ни с чем не сравнимые ощущения.

Бывает, ночью на току даже филин не ухнет, стоит напряженная весенняя тишина. Все вокруг замирает от подступа-667

ющего холода и одиночества, прячась в себе, не веря, что подступит рассвет. Ночь обескураживает своей нескончаемостью, словно окутывая непроницаемой промозглой шалью. Оказавшись в такую пору на току один, всегда особенно остро переживаешь свою неустроенность, думаешь, мучаешься и все никак не можешь чего-то мысленно постичь.

А порой лес всю ночь не утихает, забываясь только на час-другой, и главными ее провозвестниками становятся сычи... «Фыу-фыу-фыу» — размеренно, почти с одинаковыми интервалами разносятся их позывные, будто ветер, с такими же равными перерывами, пролетает плавно над дулом ружейного ствола и тотчас теряется. Всегда почему-то хочется подражать этому свисту, пробуя на протяжном выдохе упругий весенний воздух. Гулкая дудочка быстро настраивается на необходимый лад, и звук ее так похоже повисает над лесом, что тотчас ей откликается другая.

Чаще, особенно в глухие и черные ночи, голос подает один сыч, в светлые же — стремящиеся к скорому пробуждению сычи обычно проявляют завидную солидарность, оглашая округу всем своим скрытым сообществом. Они уныло пересвистываются до самого утра, наверное, отмечая свою территорию, а иногда как-то озабоченно, должно быть привлекая самку. Лес словно терпит их надоедающее насвистывание, и к середине ночи, уже не в силах терпеть, и остальные птицы начинают тоже пробовать голоса...

Раньше всех лишаются терпения дрозды... Они и так-то забываются в это восторженное для них время неохотно, и настырные сычи быстро выводят их из кратковременного оцепенения. Дрозды так устроены, что словно ждут любого повода

для пробуждения, чтобы вновь возвещать восторженность весенних переживаний.

А сычи настойчиво, не обращая на них внимания, перекликаются как-то вроде бы даже и не по-настоящему, по-смешному. Сразу стремишься представить себе редко встречающуюся в лесу птицу, и получается нечто насупленное, сердитое и милое. Маленький, нахмуренный сыч не может вызывать ничего, кроме улыбки, и вспоминается, как однажды в зоопарке увидел я этого таинственного лесного обитателя и с интересом рассмотрел.

Сыч был забавный, даже славный, и то и дело вращал головой, делая чуть ли не полный оборот. Выходило это у него так ловко, что весь он оживал и выглядел очень угрожающе. Сыч будто не только стремился испугать, но и пытался разглядеть встревоживший его объект. Перышки у него на голове красиво распушались, а глаза прямо вцеплялись в тебя, словно когти.

Особенно занятно реагировал он на свист, мгновенно преобразаясь и подаваясь всем своим маленьким существом вперед. Сыч от волнения даже начинал раскачиваться, будто норовил подпрыгнуть, и чуть не сваливался с ветки. В настороженном поведении птицы чувствовалась нерешительность, которую предполагала ее несвобода. В природе сычи ведут себя, конечно, более раскованно. Лес — их дом, и они, его маленькие хозяева, призваны хранить волнуемую тайну, может быть, именно весенними ночами, когда все в лесу спать не может. Сычи с завидной не-669

утомимостью поддерживают в нем необрывающуюся ниточку неудержимой жизни.

Как важно уметь сохранить ее в себе и какое глухариное раздолье нужно знать, обладая вдобавок такой душевной бескрайностью, чтобы пригласить на сокровенный глухариный ток какого-либо человека, доверяя ему эту тайну! Привести без задней мысли, может быть, даже сопроводить до токующего мошника, да еще указать его в ветвях. И, конечно, не жалеть, если глухарь будет им добыт, только переболев в себе при этом уже когда-то пережитое.

Втайне ты даже сам захочешь добыть великолепную птицу, но что-то удержит от такой доступной возможности. Переневолишь себя, сердцем убедишь, что непростительно уже убивать красоту, а маленький серп угасающей луны только поддержит тебя в этом. Изредка взглядывая на него, убедишься: лучше просто приходиться к глухарям, смотреть и благословлять их, не убивая. И так хорошо станет на душе, покойно.

Костер будет жарко потрескивать в весенней тишине, где-то прогугукает заяц и в небе проблеснет звезда. В сердце кольнет неясно пробудившееся чувство и тут же иссякнет. Только не насовсем, до раннего утра, когда в роящемся воздухе стремительно прошелестят крыльями утки и мягко протянет первый вальдшнеп...

Часа в три коснешься рукой приятеля, уютно задремавшего на оловом лапнике, и увидишь, что суконные штаны у него на боку совсем прогорели... Весело вдруг станет обоим, потому как весна до того хороша, что и не жалко их! Ведь сколько замечательного можно увидеть вдвоем в весеннем лесу, а штаны

и починить недолго. Лишь бы, не переставая, пели глухари, которых мы всю жизнь ищем, но не всегда находим.

Иногда сидишь на таком ночном привале после подслуха, смотришь в огонь и приходят не совсем веселые мысли. О том, что когда-нибудь, если ты, конечно, доживешь вдруг до старости, захочется тебе с товарищем, вспомнить молодость и отправиться на глухариный ток... Благо, глухари еще будут живы, все открытые нами тока не вырубят, и мы сможем добраться в какой-нибудь оставшийся в живых лесной уголок...

Нелегко, наверно, нам будет переживать свою последнюю весну, с грустью вспоминая самую первую... С бесконечно непознанной впереди дорогой, переполняющим грудь томлением от ее нескончаемых тягот, воспринимаемых с радостью, еще не найденными глухариными токами... Нет, лучше пока не заглядывать в будущее и не думать о прошлом, а жить настоящим. Тем, что объединяет нас сейчас, именно этой весной, у незатухающего лесного костра...

Но нет ничего страшнее, когда потухает костер дружбы. Когда исчезают свобода общения и забота друг о друге. Когда начинаешь печалиться от того, что друг перестал ездить с тобой к глухарям, и тебе, в одиночестве, будто не остается дел в лесу.

Чего ожидать теперь тебе в нем?! Ты в очередной раз спрашиваешь у леса совета и как всегда постепенно находишь что-то более глубокое, то, чего не в силах был обрести даже с другом. Знание это приходит только в одиночестве, как нечто способное более пристально взглянуть в окружающую жизнь и принять ее такой, какая она есть. Недаром разговор всегда

оделяли лишь серебром, под молчанием же подразумевали золото.

Золота этого в какой-то момент накапливается так много, что им неудержимо все-таки хочется поделиться с тем, кто бы не только выслушал, понял и принял глухариную тайну как свою, но и для тебя бы открыл новый непознанный мир. Однажды у весеннего костра мне вдруг почудилось, что таким человеком мог стать только тот, кто сам писал о лесе и глухарях, или был по-настоящему достойным.

Я вдруг сразу представил перед собой Ивана Сергеевича Соколова-Микитова в круглой охотничьей шапочке из сукна и с окладистой седой бородой. Он сидел на узловатой валежине возле костра с палочкой и почему-то в лаптях. Во всем его облике было что-то неуловимо медвежье, и глаза в узком прищуре всматривались в меня по-звериному цепко. Иван Сергеевич так и находился в моем воображении без единого слова, а я почему-то не решился его о чем-либо спросить.

И тотчас его место занял Михаил Михайлович Пришвин, с виду совсем не лесной человек. Тонкое пенсне, бородка клинышком и чуть приподнятая на лбу соломенная шляпа. Только темно-зеленый френч старого образца и кожаные высокие сапоги выдавали в нем охотника. Да еще лукавый взгляд, что невозможно было разглядеть сразу под переливающимися выпуклыми стеклышками. Михаил Михайлович загадочно улыбался, и мне показалось, что мы вмиг обо всем с ним уже переговорили, все друг в друге для себя уяснили и сделались закадычными лесными приятелями.

И с Михаилом Михайловичем и с Иваном Сергеевичем было хорошо и просто, и я поблагодарил их за то, что они так быстро отозвались на мое мысленное приглашение. Но в то же время я почувствовал потребность в человеке другого склада и уже сам попытался переместиться в гостиную дома Ивана Сергеевича Тургенева, хозяин которого восседал в старинном кресле, обитом зеленым сукном. За его спиной, на стене, конечно, красовался огромный лосиный рог, с которого свисали охотничье ружье и ягдташ. Иван Сергеевич был одет в строгий черный костюм с накрахмаленной белой сорочкой, седые волнистые волосы аккуратно зачесаны, и из-под приподнявшихся рукавов выглядывали крупные запонки. Вид не надменный, но самый что ни на есть аристократический, а взгляд холодных умных глаз мгновенно отрезвил: автору «Записок охотника» в данный момент хотелось побыть одному...

Потом попеременно возникли и Куприн, и Бунин, и Некрасов, и Аксаков с Бианки, но и из них никто не поддержал со мной беседы, хотя и не был настроен недружелюбно. Напротив, все они, правда, каждый по-своему, откликнулись на выказанное им признание и в молчании его удовлетворили. Писатели, казалось, готовы были на более тесное общение, но что-то во мне мешало этому сближению.

И тут я вдруг вспомнил про Хемингуэя... Вот кого мне хотелось бы пригласить на глухариный ток! Человека увлеченного, неутомимого и сильного, несомненно знающего толк в охоте и вине, жизни и смерти. Именно с ним мне бы хотелось больше всего провести ночь перед током, у костра, да и ему,

наверняка, было бы небезынтересно услышать глухариную песню. Ведь Хемингуэй был очень любознательным человеком и не упустил бы возможности узнать что-то новое. Он бы, конечно, загорелся предложенным ему путешествием во времени в наши уральские леса, а я бы постарался все устроить так, чтобы увиденное ему понравилось и навсегда запомнилось.

И вот мы уже лежим на раскинутой у костра плащ-палатке, рядом с Хемингуэем маленький металлический стаканчик и округлая фляжка. Он в старом армейском обмундировании, перехлестнутом тонкими ремнями, за спиной у пояса кожаная планшетка и на груди бинокль. Короткий бобрик на голове еще смоляной, и только у висков поблескивает серебро.

Хемингуэй не смотрит на меня, глаза его озабоченно опущены, но в их уголках весело играют морщинки. Он словно еще не до конца здесь, у костра, а весь в своих других поездках, мечтах, книгах... Я не мешаю ему и думаю о том, что сможет его оживить. И будет ли он откровенен со мной, как ни с кем?..

Ведь я всегда любил этого человека и писателя, с большим уважением относясь к его творчеству, и никогда бы не посоветовал ему более легкой жизни. Может быть, только чуточку удачливее, но ни в коем случае не справедливее, чем она была, потому как по глубокому убеждению самого Хемингуэя, именно эта несправедливость и выковала его должным образом.

Огонь в костре уютно потрескивает, синие язычки пламени тревожно вздрагивают в такт легкому ветерку, что незаметно раскачивает верхушки елей, и я, наконец, отваживаюсь разрядить затянувшуюся тишину...

— Можно я буду называть вас Папой?

Хемингуэй все еще не подымает глаз и, прищурившись, утвердительно кивает:

— Да, мне будет это приятно, тем более я намного старше вас и получил Нобелевскую премию, когда вы, наверное, только появились на свет?

— Я часто думал об этом совпадении, и мне было тоже приятно сознавать какую-то тайную связь с вами. Однажды, прочитав ваши самые первые рассказы и обнаружив ее через них, я уже не терял этой взаимосвязи в течение всей жизни. Многое из того, что вы написали позже, не воспринималось мной, но и в этом неудавшемся, на мой взгляд, я находил для себя нечто очень существенное. Я уже не говорю о том, что навсегда полюбили. А когда я узнал о присуждении вам Нобелевской премии в день и год моего рождения — 28 октября 1954 года, то и вовсе по-настоящему поверил в эту неразрывную ниточку между нами, зачем-то сотворенную судьбой. Мне очень приятно ее ощущать, называя вас при этом Папой... Может быть, именно поэтому я уже давно вынашиваю желание написать рассказ «Если бы я был знаком с Папой» и пригласить вас на глухариный ток...

— Ну что ж, большое спасибо за добрые слова... Я полагаю, у нас достаточно времени до выхода на ток, и у вас приготовлено для меня немало вопросов. Задавайте их, а я попытаюсь честно ответить. Мне и самому хотелось бы вспомнить, как все было, и, может быть, многое заново переосмыслить.

Я надеюсь, что вам удастся с пользой применить для себя связь, о которой вы только что говорили и если она действи-675

тельно не плод досужего воображения. Хотя лучше бы вы сами, без посторонней помощи чувствовали, понимали и учились. Живите как можно более насыщенно, всем своим существом.

— Я стараюсь, и лес с глухарями — часть этой насыщенной жизни. Однажды вы заметили о кубинской финке «Ла Вихия», что на протяжении долгого времени жизнь в ней была и продолжает быть приятной, когда вас оставляют одного, в покое. Поэтому вы непременно возвращались туда, куда бы ни уезжали. Финка была вашим очагом.

Так вот и я каждую весну возвращаюсь к глухарям, как к своей судьбе. Это мой дом, меня тянет сюда, и именно здесь я так же, как и вы, обретаю покой.

Хемингуэй на мгновение задумался и с легкой улыбкой произнес:

— Да, разумеется... А вот «Ла Вихия»... Там было все, что составляло тогда мое счастье. Я был убежден в том, что именно так и следует жить. Лучшего места, чем финка, нельзя было сыскать. Оно во многом отражало мой дух, как нельзя точно подходило к моему мироощущению, и потому мне иногда казалось, что это я сам отыскал его однажды в красивой холмистой местности, простиравшейся к юго-востоку от Гаваны. И было более чем странно, что нашла его некто иная, как Марта... Мое третье и, пожалуй, самое неудачное увлечение.

— Вы в этом полностью уверены?! Простите, но мне кажется, что ваша третья жена как никто из всех четырех помогала вам преодолевать самого себя. Хотя с остальными у вас были более теплые отношения, а с первыми двумя вам даже посчаст-

ливилось сохранить дружбу, все же никому из них не удавалось в такой степени заставить вас возвыситься над собственными страхом и тоской. Разве только делала она это без чувства признательности и любви, словно мстя за что-то.

— Отчасти вы, может быть, и правы. Брак с Мартой явился примером моих самых неразделенных отношений с женщиной. Он принес мне немало страданий, порой я был близок к отчаянию.

Верно, Марта была очень неглупой женщиной с твердым, целеустремленным характером, никогда не подлаживающейся под меня, живущей своим умом. Именно она привела финку в мое отсутствие в должный порядок и убедила в целесообразности ее приобретения. Чего-то однажды по-настоящему пожелав, она все всегда доводила до логического конца. Возможно, в какие-то моменты она оказывалась сильнее меня, и это сыграло свою роль. Мы были очень схожи и стоили друг друга, но зачастую эта ее непреклонность в достижении желаемого оборачивалась для меня холодной неприступностью и даже мстью.

Да, она мне мстила. Мстила за то, что я не уложился в успешность ее обычно беспроигрышных расчетов, хотя и вынужден был жестоко мучиться, надолго забрасывая всякую работу. Эта женщина не смогла принести мне необходимые покой и любовь. Несмотря на определенную близость, мы оставались чужими. В конце концов ей все наскучило, и она уехала.

— До тех пор, пока вы не повстречались с Мэри Уолш?

— О, до этого было еще слишком далеко.

— Так кто же вам, если позволите, была Мэри, ваша четвертая и последняя жена, та, которая оставалась с вами до самой смерти? Простите меня.

— Не стоит извиняться. Смерть всю жизнь ходила за мной по пятам, и как бы остро я ни чувствовал на себе ее дыхание, в конечном итоге все обходилось. У меня была возможность достаточно привыкнуть к такому соседству, чтобы вовсе не замечать его, но я не хотел этого. Если я и боялся чего-то, то только одного — не успеть исполнить всего задуманного, оставить однажды начатое незавершенным. Вот что меня по-настоящему беспокоило, и Мэри хорошо это понимала.

Она вошла в финку хозяйкой и, едва приехав, принялась за благоустройство дома. Я был очень признателен ей за это, поскольку успел здорово привязаться к нему, а затем и полюбить. Ведь более дорогого и постоянного пристанища у меня никогда не было. Дом казался мне старым морским кораблем, и стены его отливали белизной солнечного света, тишиной и покоем. Мэри все это чувствовала вместе со мной. Я был ей благодарен.

— Достаточно ли из этого оснований, чтобы считать: Мэри — ваша поздняя, но наконец-то разделенная и та самая единственная любовь, которую вы искали всю свою жизнь?

В этот момент зашумел ветер, плавно закачал верхушки елей, и мне показалось, что Папа с грустью опустил глаза, светлые ресницы его вздрогнули, словно далекая боль коснулась сердца. Но уже через мгновение глаза смотрели спокойно и твердо. Легкое дуновение шевелило на высоком лбу вьющиеся волосы, морщинки в уголках глаз расправились. Передо

мной сидел человек, не желающий считать себя побежденным. Он был непоколебим в знании, что всю жизнь шел по верному пути. Знание это касалось и женщин.

— Нет, я не могу этого утверждать, — ровно произнес он.— Скорее всего, Мэри явилась закономерной наградой в моих нелегких поисках, но мечта осталась неосуществимой. Я не встретил ту женщину, которую хотел видеть рядом с собой. Различал ее в каждой понравившейся мне женщине, об раз ее вставал в каждой написанной мною книге, и надежда не покидала мое сердце. С годами я приноровился к своему положению, ведь недостатка в прекрасных женщинах я ни когда не испытывал и одиночество мое не казалось таким неприкайнным.

— У вас было достаточно способов избежать его.

— Это верно. И все же я не переставал надеяться, хотя никогда и никому не открывал себя.

— Тем не менее, временами это было заметно. Иначе и быть не могло. Ведь вы большую часть своей жизни были на виду, среди людей. Многие из них хорошо изучили ваши привычки, характер. И всегда вы были им близки и понятны. Многие ваши тайны становились, таким образом, их тайнами, а кто не знал вас лично — чувствовал это в ваших книгах. Удивление от таких прикосновений к тайнам помогало людям жить и любить.

— Да... Человек никак не может забыть, что он способен любить. Но в любви все должно быть честно. И в слабости ее сила, если это любовь, если она есть. А вообще-то, счастье и радость жизни не в любви и не в деньгах, а в правде.

— Я много думал об этом.

— Если захочешь просто быть счастливым с женщиной, жизнь не позволит продолжаться этому бесконечно, опьяняя тебя без конца. Она то и дело будет подвергать тебя испытаниям.

— Значит, счастье, скорее всего, в той самой истине, которой ты достиг однажды и по-настоящему почувствовал себя человеком?

— Мне нравится, что ты так чувствуешь и думаешь. Да, счастье в правде, которой ты однажды достиг и по-настоящему почувствовал себя счастливым. Счастливым оттого, что понял возможность радостного постижения, где ты соучастник происходящего. Когда можешь сопереживать всему живому и чувствовать это каждой клеточкой своего тела и души. Правда — это наша жизнь, где ты честно ищешь себя и находишь. И потом, несмотря ни на что, развиваешь, летишь... Ты знаешь: все, во что ты веришь,— есть, и оно составляет нашу жизнь.

Правда жизни в том, вокруг чего все в нашей жизни вертится. Правда все время с нами, но мы не можем ее обрести. Нам кажется, она в труде, и мы обременяем им себя без истинного знания. Причудится тебе любовь — и ты через какое-то время не знаешь, куда от нее бежать. Мы изо всех сил жаждем дружбы, но в какой-то миг не постигаем: почему она нас так влечет...

Я вопросительно посмотрел на него, и Хемингуэй улыбнулся, так что веселые лучики разбежались от глаз по всему лицу.

— Все дело в том, что правда — это мы сами, — уже более мягко сказал он, — бережное отношение к себе и друг к другу... И еще к лесу и морю, которые гораздо старше нас и у которых нам всегда следует неутомимо учиться. Лучше пройти по такому непроторенному и близкому пути, чем повторять уже пройденный и бесконечно далекий. Он отхлебнул из фляжки, на минуту задумался и тихо проговорил:

— А все, что касается любви, вернее, что может привлекать одну женщину в каких-то мужчинах, не в силах обезопасить других от поражения на этом фронте. Втайне ей всегда хочется того, чего ты еще не достиг. Помни об этом и не создавай себе иллюзий, которые могут погубить тебя. Не давай им захлестнуть себя, стой на своем, если обрел истину, и никогда не умирай. Смерть примет тебя, только когда ты честно исполнишь свой долг перед людьми и жизнью.

— А как же та самая женщина? Твоя...

— Если тебе повезет, ее подарит судьба. Но не рассчитывай на это, посвяти себя работе.

— И все же ее все время ждешь...

— Что ж, жди и разочаровывайся, но не теряй в себе стимула к жизни, и, может, она однажды придет... Я этого так и не ощутил. И помни: боль учит не смерти, а жизни.

Костер совсем потух, и только оранжевые огоньки приглушенно вздрагивали в темноте и замирали. Весенняя ночь достигла полной глухоты, когда на какое-то время все оказывается безжизненным, немым. И тогда я произнес:

— Я не могу не доверять своему сердцу.

Он понимающе кивнул головой, но сразу ничего не сказал. Мне даже показалось, что Папа перестал думать обо всем этом. На лицо его набежала усталость.

— Кто-то пользуется любовью, накопленной до него, и не подозревает об этом; кто-то жаждет ее, не вполне представляя свои обязанности перед ней; многие и не мечтают о чувствах, что приходят лишь во сне,— тихо заговорил он.— Мне нравится созидать любовь, которая когда-нибудь найдет себе дорожку...

Если тебе не дано ее встретить, значит, любовь можно создавать для других, тем самым любя их и вместе с ними ту самую женщину... Своим любовным отношением ты созидаете единственное чувство для многих: важно быть честным к собственной жизни.

Если тебе не повезет встретить свою любовь, то ты можешь копить ее для других. В этом — твоё выражение так недостающего тебе чувства жизни. Не каждому суждено насладиться плодом предшествующих поколений. Истинная любовь — это создание условий для того, чтобы она стала более доступной для всех.

Что-то как будто упало в затухающий огонь, всхлипнуло и занялось неровным пламенем, а мы на мгновение показались друг другу отчужденными, далекими. Но только на миг возникло это отчуждение, и мне сразу представилась вся его жизнь, наполненная смыслом и действиями. Именно тем, что должен в первую очередь делать мужчина. И мне стало легко. Я подбросил в костер несколько сучьев...

— Папа, скажи, тот праздник, он все еще с тобой?

Мне вдруг стало страшно оттого, что обратился к нему на «ты», но он как будто ничего не заметил. Только нахмурился, замер и опять отхлебнул прямо из фляжки. А потом сказал:

— Праздник, который всегда с тобой,— это всё, что тебе дорого, и то, чего ты никогда не сможешь потерять.

— А чего нельзя никогда потерять?

— Наверное, твоих глухарей, отношение к ним и лесу. Желание все это сохранить и наблюдать. Это многого стоит. Поверь мне.

— Я верю.

— И это тоже хорошо. Только помни: твои убеждения на взгляд многих людей сродни ребенку, и ты должен быть готов к их восприятию жизни.

— Вернее, непониманию ее?

— Нет, ты должен сам учиться всему и ни от кого не зависеть. У каждого человека своя ступень постижения, а ты действительно можешь быть счастлив, если останешься в этом смысле ребенком. Воспринимая мир через чистоту своих помыслов, человек может достичь очень многого. Хотя бы веры в свое бессмертное дело... Человек против всего устоит, если сам себя не предаст.

— Спасибо...

— Не грусти... Все будет замечательно, если ты сам этого пожелаешь.

— Я желаю добра всем людям... Правда.

— Я верю тебе, мой мальчик. Верю и знаю, что ты все преодолеешь. До всего дойдешь. Может быть, ты узнаешь то, чего так и не постиг я.

— Папа...

— Не надо ничего говорить, все скажет за тебя твоя душа, способная творить. Я в этом уверен.

— Вы сегодня такой, каким я вас всегда себе представлял.

Он помрачнел, задумался.

— Никто не владеет ничем, пока не отдаст это другому, — сказал он и печально улыбнулся. — Утрату и поражение нужно забрать себе, удачу же и успех подарить другим... В этом — вся наша жизнь. Жизнь настоящих мужчин...

— Простите, что я заговорил об этом... Я не думал, что вы...

— Нет, все хорошо. Нужно только не потерять... нежность. Тем, кто ей служил, достаются отбросы, но не стоит отказываться от святого.

Совсем рядом несколько раз глухо прогундел сыч, и мы оба посмотрели в том направлении, настороженно прислушались. Лес забылся ненадолго, и кроме этих редких протяжных звуков откуда-то сверху изредка доносилось еще маленькое дребезжащее эхо бекасиного полета. То стремительно нарастая, то мягко удаляясь, оно ненавязчиво пронзало весеннюю темноту, и почему-то было приятно думать о крохотной птичке, не боящейся потеряться в ночной вышине.

Хемингуэй улегся поудобнее, перевернулся и дал мне знак, чтобы я ни о чем не беспокоился. Он действительно был внимателен к лесу, ко мне, и опять захотелось говорить обо всем на свете.

— Я все время вспоминаю, как вы еще мальчишкой охотились на фазанов и подстрелили самого первого. А потом до-

жидались темноты, чтобы нести его в город, потому что охота на фазанов была запрещена, и как чувствовали его тяжесть за пазухой и ощущали длинный хвост, засунутый под мышку... Из всего, что вами написано об охоте, вспоминается почему-то именно это.

— Да, все это я описал в очерке «Стрельба влет»... Там, где я когда-то застрелил этого фазана, давно появились заправочная станция и киоск для продажи горячих сосисок, а к северу, на болоте, где весной мы охотились на бекасов и зимой, когда оно замерзало, катались на коньках, теперь вырос целый квартал деревянных домишек... Человек больше не любит землю. Живущий сегодня знает, что ему хватит, а там...

Он с горечью усмехнулся.

— Если любишь охоту, приходится забираться все дальше в глушь. Вот так же, как ты к своим глухарям...

— Не знаю, почему я выбрал именно их... Может быть, за эту самую глушину, тайну... Пока отыщешь глухариный ток, пройдет не один год. Самое интересное во всем этом — поиск, когда много ходишь, наблюдаешь, думаешь и постепенно подбираешься к истине. Это своего рода спорт, которому стоит посвятить себя всецело. Без глухарей я не представляю себе лес.

— Все, что связано с охотой,— удивительно! Кому хоть раз приходилось видеть стремительный полет тетеревов и стрелять в них из обоих стволов, уже никогда этого не забудет и, не переставая, будет желать ощутить это вновь. А как притягательно следить за тем, как летают другие птицы! И слушать

шелест их крыльев, напоминающий звук разрываемого шелка... Я думаю, все они созданы для того, чтобы на них охотились. Для чего же иначе у них этот шум крыльев, который волнует больше, чем любовь? Для чего же иначе они созданы такими вкусными и для чего всего вкуснее те из них, у кого полет бесшумный, как у вальдшнепа, бекаса и стрепета?

А кто придумал стон кулика, который заменяет шум крыльев и вызывает в человеке катарсис, доступный ему с тех пор, как ружейная охота сменила соколиную? Я думаю, все они созданы для охоты, а некоторые из нас — для того, чтобы на них охотиться.

— К охоте разные люди относятся по-разному, но даже те, кто понимают ее трагизм и искусство, ценят ее всякий по-своему, очень индивидуально. Вы все больше охотились на крупных зверей — буйволов, леопардов, слонов и носорогов... Я бы, наверное, ни за что не решился на подобное. Не из-за страха, а по причине пустого уничтожения красивых и мощных зверей. Ведь насильственное убийство бесплодно, и, должно быть, есть проявление слабости, когда ты самоутверждаешь себя за счет красоты и тайны животных, которые безжалостно у них забираешь. Если ты только не защищаешь при этом себя. Или в такой большой охоте есть нечто особенное, присущее лишь ей?

— Да, все это так, но трудно отказать себе в возможности проверить свой характер на прочность... Свинство, конечно, что выбираешь для этого великолепных зверей. Магию их силы, таинственнее которой, может быть, ничего на свете и не существует.

Папа приложился к фляжке и посмотрел в огонь. Глаза его заискрились, и мне показалось, что в уголках их выступили слезы. Не нарушая молчания, он какое-то время вглядывался в играющие отблески, а потом добавил:

— Когда-то в «Зеленых холмах Африки» я написал, что настоящий охотник бродит с ружьем, пока он жив и пока на земле не перевелись звери, а настоящий писатель пишет, пока он может писать, пока есть карандаши, бумага, чернила и пока у него есть о чем писать, иначе он дурак и сам это знает... Сейчас бы я, наверное, подписался бы только под второй частью этого высказывания...

— Извините, но я думаю, что вы на самом деле были всегда очень нежны и пытались это скрыть. В этом ваша слабость. Сверхэстетическая натура становится чрезвычайно уязвимой, когда не верит или перестает верить в силу своей нежности, способности и желания постоянно любить.

Чтобы чувствовать себя полноценным мужчиной, необязательно обладать горой мышц, стоическим лицом и славой отважного охотника. Я всегда чувствовал в вас обаяние по-настоящему доброго человека, а значит, по-настоящему сильного. Вы слишком медленно обретали себя в общении со своими женщинами, потому что не были в полной мере мужчиной, но изо всех сил стремились к этому. Может быть, во всем повинна насильственная смерть вашего отца, который предпочел вашему духовно зрелому будущему свои душевные муки? Не случись с ним этого... Впрочем, вы стали бы уже совсем иным...

Опустив голову, Хемингуэй лежал, не двигаясь, а потом кивнул молча и впервые посмотрел мне в глаза. Даже при свете костра я заметил, какие они серо-голубые, мечтательные, воздушные... Кажется, таким я чувствовал его всегда, любил и знал, что он все равно преодолет в себе любые смятения и слабость.

— У вас был тяжелый период, когда вы не могли писать... Чем это вызвано? Может быть, судьба в который раз испытывала вас на прочность?

— Успешная каждодневная работа писателя над книгой не есть свидетельство того, что она будет отличной. С ним может твориться нечто необъяснимое, к столу он садится крайне редко, и родственники начинают опасаться за его душевное состояние, а писатель, оставаясь совсем один, чувствует, как он продвигается к намеченной цели, и старается любой ценой уберечь свое благотворное одиночество. В такие моменты он ощущает слитность с той неведомой природной силой, что вдыхает в него жизнь.

Да, судьба испытывает тебя на прочность, когда ты сомневаешься и ищешь... Масла в огонь подливают и те, что ничего не чувствуют и не понимают. Но так должно быть, когда писатель молчит и мучается. Может быть, именно в это самое время он создает свои лучшие страницы.

...Ей-богу, мне не на что пожаловаться в своей жизни.

Но если ты все же впадаешь в отчаянье, надо овладеть стремлениями своей души, вывести их на нужный тебе путь и использовать то, что приносит боль в своих собственных интересах. Однажды пресытившись жизнью, нужно найти в себе

силы ощутить ее прелесть вновь. Быть отважным — то же самое, что быть любящим и нежным, и почему бы не попытаться оставаться им всегда?

— А смерть?.. Ее тоже необходимо использовать в собственных интересах? Как вы справились с ней?..

— Я не мог поступить иначе, покорно ожидая мучительного конца. Я не мог больше терпеть, поскольку недуг был более чем ощутим. И физический, и духовный... Лучше было решить все одним выстрелом, чем бесконечные дни воспринимать себя вымокшим матрасом, который то и дело выносят просушиться на солнце.— Он, не мигая, смотрел на огонь. — В мире лжи совсем не просто выйти из игры, оставшись при этом целым и невредимым.

И потом, несколько помолчав, добавил:

— Люди не любят ничего слушать про смерть и ничего не хотят о ней знать... А зря. Насильственная смерть лишена тех привходящих моментов, которыми осложнена смерть от болезни, или так называемая естественная смерть, или смерть друга, или человека, которого любил или ненавидел, — но все же это смерть, это нечто такое, о чем стоит говорить, думать и, конечно, писать. Я читал много книг, в которых у автора, вместо описания смерти, получалась просто клякса, и, по-моему, причина кроется в том, что либо автор никогда близко не видел смерти, либо просто закрывал глаза на сам факт ее существования. И где уж тут обыкновенному человеку разглядеть в самоубийстве достоинство?! Люди склонны видеть в нем только слабость духа.

— Но ведь кто-то самовольно уходит из жизни именно по своему безволию?

— Кто-то, но только не тот, для кого реальная жизненная ситуация не оставила лучшего выбора...

Я сидел, не шелохнувшись, смотрел вместе с ним в затухающее пламя и думал о том, как не нужна была его гибель всем нам и сколь необходимой она явилась для самого Папы. Такая горькая утрата... Он убил себя сам! Каким же опустошенным нужно было чувствовать себя, при его силе, чтобы совершить *это* тем июльским утром?!

Где-то в стороне утробно прохоркал первый вальдшнеп, мягко прошелестел крыльями, и ночь как будто встрепенулась, в ней что-то ожило. Мы с Папой тоже оживились и стали собираться.

Когда мы оставили наш привал и направились к току, ночь объяла нас, но чувствовалось, что она не настоящая: по-весеннему короткая, живая. Я вдруг ощутил себя необычайно счастливым оттого, что рядом находится такой человек, который, даже ничего не говоря, приковывает к себе внимание. Все мысли мои были о нем, я даже забыл про глухарей. Шел с ним и пытался отгадать: о чем Папа сейчас думает?

А он молчал, но все равно приятно было ощущать его присутствие. Мне все не верилось, что я иду бок о бок с автором рассказов «В наше время» и замечательной книги «Праздник, который всегда с тобой». Мне всегда нравился в этом человеке неугасимый дух искателя приключений, которые он везде находил, чувствовал и как никто понимал. И еще очень привлекало то, как Папа никогда не пропускал мелочи, большин-690

ством не замечаемые. Он не пренебрегал ими, ценил и умел увидеть в них всю неподражаемую прелесть жизни, а я любил его за это.

Всем своим существом переживая теперь его присутствие, я думал о нем и был уверен, что на самом деле Папа не умер, хотя однажды и лишил себя жизни. И не было тогда рядом с ним ни одного человека, который бы поддержал Папу в ужасный для него час.

Чего только не происходит с охотниками в лесу! Один человек шел однажды по берегу таежной реки с ружьем, увидел рябчика и выстрелил. Рябчик упал, а вместе с ним куница, притаившаяся на растущем позади дереве, но невидимая охотнику, и скопа, только что прилетевшая в гнездо со щукой в когтях, также расположившаяся чуть поодаль. Один удачный выстрел — и вот тебе нежное боровое мясо, драгоценная шкурка, хищник в придачу, да еще и уха!

Или такое тоже бывало... Охотник на привале заметил двух летящих прямо над ним на небольшой высоте тетеревов и выстрелил дуэтом. Первый косач свалился чуть ли не к ногам охотника, прямо в лежащий открытый рюкзак, а другой угодил в кипящий на костре котелок...

Слышал я не раз и безызвестную историю о том, что будто бы вальдшнеп во время вечерней тяги иногда присаживается прямо на голову охотнику, на какую-нибудь его замысловатую кепку. В ее необычной форме, а может, и цвете, он обнаруживает для себя предполагаемую и желанную самку...

Ястреб-тетеревятник чуть ли не выцарапывает глаза ничего не подозревающему охотнику, мирно подманивающему на пищик рябка. В самый последний момент хищник понимает свою ошибку и бросается наутек, оставляя незадачливого охотника в диком изумлении. Хорошо, если ястреб не успел воспользоваться своими страшными когтями!

В меньшее удивление повергает человека и непонятно чем разъяренный горноста́й, что ни с того ни с сего вгрызается в каблук его сапога, когда охотник находится в засидке на какого-либо зверя...

Чайки, то ли от жадности, то ли от присущего им стайного инстинкта, вдруг обрушиваются всем своим скопищем на человека, когда он потрошит на берегу реки или моря пойманную рыбу. А то еще случается: налетят на тебя черной тучей обыкновенные серые вороны, раздосадованные тем, что ты подстрелил одну из них, неистово прижимают к земле, кричат и не дают выпрямиться. Готов бежать без оглядки, так молниеносно охватывает и тебя общее птичье безумие!

Всех случаев не перечить, и многие из них кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно ни рассказывал об этом «потерпевший». Но именно глухариные тока с их неведомой ночной жизнью могут подарить порой самые невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу...

Иногда в рассказах некоторых по-настоящему бывалых охотников, которых уже сейчас почти не осталось, встречаются упоминания о случаях нападения глухарей на людей во время

весенних токов. Взрослые глухари не случайно, а именно целенаправленно атакуют человека, пытаясь задеть его крыльями, грудью или ударить клювом. Они налетают совершенно безбоязненно, как будто ясно представляя свои непонятные человеку намерения. Причем действуют порой с такой решительностью, что охотник спешит в полном недоумении ретироваться. Вероятно, подобные случаи происходят от неудовлетворенного полового побуждения самцов при малом количестве на току свободных самок.

Агрессивно могут вести себя и глухарки, нередко с лету удаляющиеся охотнику в бок, спину или под колени, как это произошло однажды со мной в рассветных сумерках в начале мая... Две глухарки то и дело перелетали вокруг небольшой поляны, у края которой токовал один петух, беспрестанно квохтали и вообще казались не на шутку чем-то озабоченными, даже раздосадованными. В поведении копалух чувствовалось нескрываемое раздражение, что мог вызвать в свободных птицах, к тому же в их лесной обители, наверное, только человек...

Я стоял посередине поляны, не успев подойти к глухарю поближе, как вдруг за спиной у меня просвистело и через мгновение в ногах забилося что-то живое. Я обмер от липко обволакивающего страха, колени мои подкосились, и сосны на опушке поплыли перед глазами. Надо представить мое состояние в глухом лесу, в непробудившейся еще предрассветной тиши, когда на тебя неожиданно налетает кто-то и ты боишься представить: что последует за этим?..

Обернувшись, я увидел довольно небольшую по размерам копалуху. Быстро развернувшись, с короткого расстояния она вновь наскочила на меня, попытавшись еще и клюнуть, не один раз при этом уцепившись клювом за штаны. Злобно распушив хвост, она даже на какой-то миг повисла на них, но тотчас оборвалась и с шипением отлетела. Удивлению моему не было предела, и так, опешивший, я долго еще не мог прийти в себя, в то время как глухарь по-прежнему без остановки токовал, и звуки его песни мягко разносились над лесом.

По-видимому, копалуха испытывает те же чувства, что и самец, когда ее обделяют вниманием. Ведь была еще и вторая глухарка, возможно, старше по возрасту, опытней и потому более рассчитывающая на благосклонность петуха. А может быть, моя рассерженная копалуха злилась на меня за то, что я своим присутствием мешаю ей свободно воспользоваться вниманием токующего глухаря?.. Предположить какие-либо другие причины подобного возбуждения глухарей и глухарок на току пока не получается. Трудно представить, что глухарки, злобно наскокивая на человека, видят в нем хотя бы отдаленное подобие желанного самца.

Однажды на Пасхальном току, который я назвал так потому, что нашел его в этот светлый праздничный день, черный большой глухарь пробежал у меня за спиной, словно черт... Я даже не услышал его, скорее почувствовал и обернулся. Легким ветерком прынуло в лицо, силуэт глухаря в рассветных сумерках показался неестественно большим и как-то молниеносно пропал. Раздалось лишь еле слышное всхлопыванье крыльев да ощущение таинственного присутствия неведомой

лесной души, что вдруг напугала и заставила оглянуться. Как будто лес слегка напомнил тебе зачем-то о своей силе, и получилось это у него почти мимолетно, но с каким-то потаенным смыслом.

Помню, нечто бесовское тогда коснулось меня, я тотчас ощутил его присутствие, и все время, пока пробирался к спящим глухарям, не покидало ощущение, что кто-то неотступно наблюдает за моими действиями. Становилось и страшно, и весело от этой мысли, и я почему-то почувствовал себя счастливым. Вроде бы как тебя пропустили в невидимые ворота закрытой для других лесной обители и что-то захлопнулось за тобой навсегда. То, что ты мог когда-нибудь открыть, если бы пожелал, но само оно уже никогда бы не покинуло тебя.

Случалось, что лес дарил и просто нечто забавное, связанное с глухарями. Например, один петух, заприметивший токующего неподалеку соперника, разбежался в возбуждении к нему навстречу и, не удержавшись на скользком апрельском насте, покатился как на коньках... Подстывшая глянцева корочка по-сказочному отливала розовато-перламутровым блеском и на горизонте так загадочно чернел волшебный лес, что все увиденное воспринималось как в театре, когда занавес вдруг не вовремя раскрывается и нашему взору предстает нечто невообразимое и от этого радостное. От неожиданно охватившего счастья хочется захлопать в ладоши и, не переставая, удивляться: как пленителен бывает лес, когда ты не стремишься его покорять с ружьем или топором в руках, и лишь забываешься в нем от неопишуемого восторга!

А разве забудешь ночные зарницы в полнеба, немного пугающие, но обещающие только хорошее, доброе?! Зарницы бесшумно блещут в темноте и исчезают. Между каждой вспышкой почти одинаковый интервал, так что успеваешь на мгновение охватить взглядом всю лесную даль и глубину небес, где видятся торжественные соборы, горы величественных туч и облаков. Пока нет вспышки,— забываешь, какой блестящий восторг охватывает тебя, какой томительный мрак встает из глубин Вселенной...

Небесной тайной вспыхивают ночные зарницы: будто неведомая птица взмахнет крылом и все опять потонет в напряженной тишине. А предшествовал зарницам вселенский ветер, страшно сгибающий деревья к земле. Казалось, что надвигается непостижимо огромный сказочный великан.

Два часа ночи, вокруг стоит затаившаяся тишина, и майский воздух украдкой мягко обволакивает лицо и душу. Я сижу, скрючившись, у кромки пока невидимой просеки и жду пробуждения глухарей. Ветер не унимается, все сильнее гнет мощные стволы, неистовствует. Отчего-то становится страшно, так что хочется еще более вжаться в землю, замереть, забыться. Но восприятие не притупляется, и ты вздрагиваешь при каждом порыве ветра или огненной вспышке. Никак не можешь привыкнуть к этому восхитительному состоянию непокая ночью на глухарином току в ожидании неизведанного.

Порой это ожидание так очаровывает, что обычные вещи могут повергнуть в жуткое смятение. Как когда-то на Дальнем току, в отличие от других токовищ, действительно располо-

женном дальше всех от деревни. Ничто не предвещало какой-либо неожиданности, было тихо, и глухари еще не проснулись. Еле угадываемые сосны тоже казались уснувшими, забывшимися в своих неисповедимых желаниях. Все замерло перед скорым рассветом, и, зачарованный окружающей тишиной, я тоже на неопределенное время затаился, пытаюсь слиться с нею, соснами и робко зарождающимся светом.

И вот что-то нарушилось в этом застоявшемся ожидании. В воздухе вдруг повеяло неясной переменной, и появилась легкая тревога. Только в последний миг почувствовал я какое-то шевеление слева, у виска, и тут же его пронзила тупая боль, а в глазах померкло.

По лицу еще раз шваркнуло что-то живое, забилося у груди и пропало, внезапно плюхнувшись справа, в светлеющую в колеях просторную лужу. Это были два чирка, один из которых с лету угодил мне прямо в голову. Чирки, по-видимому, с высоты заметили поблескивающее пятно воды и наметились сесть на него, неслышно планируя вниз над дорогой. На пути одного из них, в темноте, оказался я, и чирок сам, должно быть, порядком перепугался, натолкнувшись на невидимую преграду.

Свалившись в лужу, он долго не мог успокоиться, то и дело оглашая лес трескучим покрякиваньем. А я, еще не в силах оправиться от пережитого страха, стоял, не чувствуя ног, по щиколотку в снеговой воде и улыбался сквозь произвольно выступившие слезы от комичности произошедшего. Мне вдруг стало жаль маленькую уточку, которая, наверное, перепугалась гораздо более меня, и я рассмеялся, позабыв о глухарях.

Все связанное с глухарями весной необычно, таинственно и удивительно. Это постигаешь именно ночами, когда все спят, а глухарь уже вознамерился провозгласить невидимому солнцу о нестерпимом желании любить. Чуткая птица в нетерпении предугадывает его появление задолго до всех, и только волки, барсуки и медведи встречают солнце со сдержанно-молчаливым недружелюбием. Недолгая весенняя ночь им в обрез, и они не успевают прожить ее, как им хочется, до дна.

Рыскают и бродят звери всю короткую ночь напролет и, конечно, натываются в лесу на человека, приготовившегося к встрече с дорогими его сердцу древними птицами. В своем терпеливом ожидании человек еще более, чем зверь, вкрадчив, нетороплив и первым угадывает чужое присутствие. Лось, медведь или волк, наверное, даже не гадают встретить в ночном лесу человека, но при этом все-таки не теряют бдительности.

И все же человек застигает их врасплох первым, если стоит в ожидании пробуждения глухаря не шелохнувшись, цепко всматриваясь и вслушиваясь в настороженную тишину. Хрустнет слабо ветка, пробудится на мгновение дрозд, и опять все стихнет, но ты уже знаешь: кто-то бредет в темноте мимо и, может быть, пока не замечает тебя. От такого невидимого присутствия все внутри подожметя, сладко напружинится, вот-вот готовясь сорваться в неистовом сердцебиении...

И страшно вдруг станет и до жути интересно: кто это к тебе пожаловал в гости или ты кому нечаянно перешел дорогу в своем молчаливом присутствии?! А невидимый зверь опять на-698

помнит о себе чуть слышным шорохом: вроде еще ближе подобрался он и, наверное, уже чувствует твоё напряжённое внимание. Нелегко становится в такой миг сдержать в груди разошедшееся сердце. Кажется, даже ночь дрожит над твоей головой, готовая закричать неслышанными голосами, захлопать по-сказочному мохнатыми и необъятными крыльями.

Это может быть и, конечно, был когда-то медведь, размеренно обследующий свой лесной участок. Зверь намеревался спуститься в небольшой ложок, перейти дамбу и следовать далее, навстречу дремучей лесной судьбе. Но на его пути появился я, и медведь тотчас встревожился. Он не хотел уступать, а идти напролом не решался. Ему необходимо было принять какое-то решение, и медведь остановился, мучительно раздумывая — как поступить.

Сначала он попытался обойти расположенную справа от меня мочажинку, поросшую по берегам частым березняком, но что-то у него не заладилось. Медведь вынужден был вернуться и, недовольно рывкнув, замер на какое-то время. Он не знал — что делать, а дороги бросать не желал: видно, что-то важное влекло его по ней, то, чего он по-медвежьи, неукоснительно и упрямо, себе наметил.

Постояв так немного, медведь начал перетаптываться на месте, а затем вдруг ринулся налево, вниз, по склону убегающего в глубь леса широкого распадка. По дну его неслышно струился полноводный ручей, и зверь решил его перейти. Всем весом грузного тела медведь ухнул в талую воду, но она его так обожгла, что зверь тут же выскочил обратно. Он даже взревел от непривычного для него бессилия и еще несколько

раз потом безуспешно пробовал лапой ледяные струи: вода эта медведю была явно не по нутру.

Я же стоял какой-то занемелый и отрешенный в ожидании того, что еще предпримет не на шутку раздосадованный медведь. О глухаре я уже не помышлял и только вслушивался непроизвольно в отдаленно доносящийся голос кукушки. Размеренно она провозглашала кому-то нескончаемые года, и, обрадованный ее неожиданной поддержкой, я начинал принимать их на свой счет.

А медведь между тем выбрался из лога и в который раз возвестил недовольным рыканьем о себе. Силуэт его к этому времени стал довольно отчетливо просматриваться на розово-лимонном фоне высоко взошедшей луны, и страх от ощущения близости зверя еще более увеличился. Медведь, казалось, вот-вот сметет меня одним броском, и я не знал — как мне предстоит вести себя, что делать... Сидел на корточках у края просеки, напряженно всматривался в мятущиеся очертания зверя и ждал чего-то непоправимого и, как ни странно, манящего.

Потом медведь все-таки удалился, так и не решившись выйти на меня, а я еще долго сидел под елкой, сжимая в руке небольшой охотничий нож, прислушивался к гулким ударам крови в висках и не верил, что зверь оставил попытки пройти через дамбу и больше не вернется. Ушел он, как ни странно, почти неслышно, видимо, отступив от намеченного маршрута. Медведю, наверное, было досадно отказаться в мою пользу, и у него, должно быть, испортилось настроение. У меня же еще долго стояли перед глазами его всклокоченный загривок, кудлатая голова и покатые плечи. Это была та редкая и в глубине

души остро желаемая встреча, когда неподдельный интерес и жажда знания, несмотря ни на что, перебарывают животный страх.

Однажды эта жажда знания и случай, всегда сопутствующий ей, столкнули меня на глухарином току еще с одним медведем. Он приблизился ко мне почти вплотную. Лес тогда окутывала предутренняя глухая дрема. Не было слышно ни звука. Вязкий сон не отпускал все вокруг до конца, и не верилось, что в этой мертвой тишине могут возникнуть какие-либо голоса, тем более, пение такой таинственной птицы, как глухарь. В какой-то миг показалось, что утро даже может не наступить: безжизненность воздуха притупляла восприятие, не давая воли воображению, сковывала.

Именно поэтому мягко похрустевший и тотчас растаявший где-то в глубине леса звук показался неестественным и настораживающим. Сознание все еще не могло отойти от сладкого весеннего забытья, но, тем не менее, чутье было обострено, впитывая любые шорохи. Похрустывая украдкой, кто-то неторопливо приближался к опушке, и вместе с приближением этого неведомого ночного гостя возрастало неясное напряжение.

Застоявшийся воздух стал до предела насыщенным смутной тревогой. Казалось, вот-вот что-то должно произойти, и ожидание неведомо подступающего приятно ошеломляло.

И вот на дальнем конце поляны зароились просачивающиеся сквозь ветви сумерки, плавно заколебалось и поплыло навстречу все более увеличивающееся темное пятно. Зловеще

отрешенной, мерно раскачивающейся походкой вышел на опушку крупный медведь, кажущийся в этот ранний час ядовито-черным. Пагубность его неспешной походи заключалась в том, что весь облик медведя напоминал большую мохнатую гусеницу, которая, словно не зная — зачем ей все время нужно двигаться, страшно устала от этого движения и даже успела приобрести некую необременительную для себя, но представляющуюся неприятной для других изощренность. Вот именно она и околдовала меня в медведе.

Зверь еще какое-то время не воспринимался серьезно, был нереален в своем ошеломляюще открытом появлении, как приснившийся среди ночи дивный сон, удающийся при жизни, может быть, только раз. Осторожно ступая по прошлогодней щепе и сучьям, медведь вразвалку направился к осиновой поленнице в противоположном конце деляны. Брел он к ней равнодушно, ничто особо не привлекало его внимания, и он как бы желал лишь удостовериться в ее прежнем нахождении. Мимолетом поразила мысль, что медведь почему-то не чувствует меня, а если и угадывает присутствие чужого, то не обращает внимания. Все это было удивительно.

У поленницы медведь, низко опустив голову, начал нехотя приюхиваться. Повода мордой и чуть слышно пофыркивая, он как-то неприметно и ловко развернулся, так что сразу оказался в каких-нибудь десяти — пятнадцати шагах от избушки. Вновь низко опустив голову к земле, медведь остановился и настороженно повел носом в мою сторону.

Темный мех его мягко колыхнулся, и на какое-то мгновение почудилось, будто зверь совершил прыжок. Я обмер от одного осознания возможности подобного, и в нос тут же уда-702

рил его крепкий утробный дух. Меня вдруг охватило чудное ощущение занимательной близости к звериной жизни и даже некоторой сопричастности с ней. Медведь всколыхнул во мне что-то очень глубинное, почти неизведанное. Так остро человек нуждается в таком чувстве, и как редко оно приоткрывается ему...

А медведь не уходил. Он только повернулся ко мне широким неуловимым боком, который в сумраке не было еще возможности разглядеть. Все мое внимание сосредоточилось на самом присутствии зверя, оголенной реальности происходящего. Вероятность гибельности этого присутствия витала передо мной, копошилась холодящим восхищением в душе, и сердце сладостно и робко замирало.

Медведь, кажется, что-то почуял, но был, словно усыпленный предутренней тишиной, развалист, дремуч и равнодушен. Ему незачем и некуда было спешить, все необходимое он мог без труда отыскать для себя в возвращающемся к жизни лесу. Неизбалованное обилием летних запахов восприятие зверя было ещё притуплено, оно дремало, и требовалось, по-видимому, более осязаемое раздражение, чтобы растревожить его. В эту пору медведю суждено бродить отрешенным лесным путником по глухим потаенным отрогам, изредка выбираясь вот на такие открытые поляны, и его неведомая звериная душа была загадочно темна.

Я сидел не шелохнувшись. В нескольких метрах от меня замер лесной исполин, а вокруг незаметно нарождалось многообещающее весеннее утро. Сонно роящиеся сумерки, самые

гибельные и затяжные перед тем, как уступить место открытому чистому свету, в этот час еще надежно скрывали зверя, и он не чувствовал никакой тревоги. Судьба благосклонно дарила мне лесное утро с медведем. Это казалось таким неожиданным, что я даже не успел толком ощутить своего счастья. Лишь восхитительно щемящее оцепенение, неловкое волнение в груди и сладкое забытье — ничего, кроме этого маленького кусочка лесной жизни, застигнутого мною врасплох.

Так, с обмершим и удивленным сердцем, смутно помня себя в общем потоке жизни, вбирал я душой увиденное, не зная, что становлюсь умнее и терпеливее. Вполоборота повернувшийся ко мне медведь выражал собой великую тайну загадочной лесной жизни, постепенно обретающей сейчас, весной, важное назначение. Тем более обидно было вспугнуть это открытие, не оставив ему логического завершения.

Неловко подавшись плечом к старому дверному косяку и неуловимым скрипом развернув затаившуюся тишину, я, кажется, безвозвратно обделил себя чем-то большим и нужным, напрочь сокрушив воцарившуюся гармонию. Как я позволил себе шевельнуться в эту сокровенную минуту?! Отчего не набрался воли и должного терпения в своем потаенном наблюдении? Может, это ночь, уходя, вспугнула мое сердце, в предрассветном последнем движении гулко и отчаянно толкнула его так, что волнение передалось зверю, и хлынул между деревьев серый свет, и пробудились в кронах деревьев птицы.

Медведь миг очнулся от привольного ночного покоя, размашисто скинувшись, ринулся в глухой кустарник, но не нашумел, а проскочил сквозь него, на удивление, легко.

Беспрепятственно преодолев сухие заросли, зверь угодил за ними в топкое болото и прошел его так же бесшумно, только пару раз чмокнув при этом застоявшейся тяжелой водой.

Почти не оставив после себя никаких звуков, медведь растворился в ускользящей темноте — как будто его и не было. Придя в себя, я вдруг ощутил неизъяснимую горечь, как это порой бывает после внезапно растаявшего и чем-то поллюбившегося сновидения.

Приходил ко мне и серый волк, который был хитрее и коварнее всех других. Не я почувствовал его, а он крался за мной по пятам, и когда я останавливался, пытаясь различить глухариное пощелкивание, он тоже замирал. Я обязательно заметил бы отчетливые отпечатки крупных лап в зернистом снегу, медленно передвигаясь вдоль укромной просеки, но их не было... Может быть, волк сам охотился за глухарями, и мое присутствие вызывало в нем недоумение. Волк не предпринимал ничего, что могло бы нарушить недолгий ночной покой.

Волк, наверное, злился и никак не мог постичь: что влечет человека в такой запропащий час в лес, когда только ночные звери бодрствуют в темноте, и нет им в этом равных? Волк злобился и в то же время остерегался, потому что крадущийся человек был чем-то под стать лесному зверю. Он был, пожалуй, даже опаснее его, поскольку хранил в себе еще более непостижимую для зверя тайну.

Волка мучило любопытство. Он подстраивался под окружающую тишину и мрак, и чутко вслушивался в каждый мой шаг. Зверь хотел проследить за мной до самого конца, но я

лишь пристально вглядывался в чуть светлеющее небо, так же как зверь замирал на неопределенное мгновение и, кажется, ничего более не желал. По понятиям волка, я вел себя очень странно, но оставить меня без внимания зверь отчего-то не мог.

Волк не покидал меня все утро, пока я случайно не согнал единственного в тот раз глухаря. Глухарь еще с вечера уселся на непривычном для него месте и очень испугал меня, когда неожиданно сорвался с худенькой березки. Вместе с ним в морозных ветвях растворилась надежда на хотя бы временное соприкосновение с этой до сих пор невысказанной тайной.

Я еще отрешенно постоял, врасплох застигнутый такой откровенной неудачей, и в сердцах повернул назад. Вот тогда и попались мне на глаза свежие волчьи отпечатки, тотчас за моей спиной устремившиеся в укромный отложек. Может быть, глухариный слет так напугал зверя, вывел его из оцепенения этой своеобразной охоты, а может, волк угадал мое намерение повернуть назад. Так или иначе зверь предпочел со мной не встречаться и поспешил неслышно раствориться в лесной чаще.

Неудача с глухарем сразу показалась незначительной, как только я убедился в изворотливости скрытного зверя. Воображение скоро нарисовало этого одинокого волка и его пристальное внимание, проявленное по отношению ко мне. Переживая происшедшее, я в мыслях долго не отпускал зверя от себя и все думал о том, какой он необыкновенный, дикий и мой.

Вполне возможно, что именно этот волк пришел ко мне на следующий год, когда я забылся тревожным сном у потухающего костра. Ожидание глухариного пробуждения было так утомительно в непогодливую весеннюю ночь, что вялая дремота одолела-таки меня. Я спал без сновидений и не ведал, что прямо у моего изголовья, в каких-нибудь трех-четырёх метрах, стоит хищный лесной зверь и рассматривает мое чуть белеющее лицо...

Лицо, наверное, было запалым от усталости и покойным в перебегающих по нему огненных бликах. Волк смотрел на огонь, на меня, осторожно втягивая носом непривычные для себя запахи, и не решался что-либо предпринять. Он ровно угадывал нечто знакомое и вспоминал: когда-то подобное уже тревожило его чуткое восприятие, а волк так и не постигнул его. Ему было отчего-то любопытно стоять вот так, рядом с этой неодолимой для него тайной, и волк не торопился исчезать.

Я снова ничего этого не увидел, а только угадал с рассветом по следам, которые волк оставил на краю раскисшей тропинки. Вечером их не было, я хорошо это запомнил, потому что собирал для костра хворост и, конечно, отметил бы такую важную подробность. Волк появился, как и в прошлом году, ночью, разделил ее на какое-то время со мной, но зла не причинил. Скорее, он еще раз одарил меня своим неуловимым присутствием, пытающимся в чем-то разобраться, и мне нисколько не стало от этого хуже.

Не жуть, а радостное чувство охватило меня, и я был за что-то признателен этому вкрадчивому зверю. Благодарен за

нечто очень важное, не присутствующее в обыденной человеческой жизни, что всегда неотступно влекло и отпугивало. Моих неясных устремлений, должно быть, касалась лесная душа, которая чаще всего приходила именно в облике зверей и могла быть не только медведем или волком, но и неторопливым лосем, сосредоточенным в себе барсуком и лукавой рысью.

Рысь, правда, ожидалась менее других, и, если честно, о ней даже не помышлялось. Слишком редка и осторожна была лесная кошка. Но и она порой появлялась близ глухариних токов, дабы потешить свою алчность. Кроважодно поводя своими косматыми бакенбардами, рысь наведывалась к глухарям как бы невзначай, исподтишка поглядывая по сторонам и чутко поводя мордой. Поступь ее была мягка и бесшумна, помыслы не ясны.

Человеку все это хорошо можно понять и увидеть, когда он преисполнен терпения и воли. Сидишь на глухарином подслу-хе, никому невидим, а сам все замечаешь. Пара ли дятлов затеяла брачную игру над молодыми елочками, протянул ли над головой, утробно хоркая, длинноносый вальдшнеп или пронеслись с шипением взбудораженные чем-то утки,— ничто не минует твоего встревоженного весной сердца. Но как забьется оно в груди, если вдруг заметит нечто необыкновенное, еще никогда в лесу невиданное! Так вот и вышла однажды на просеку хозяйка-рысь: я скорее почувствовал ее, нежели увидел. Словно львица, выпирая угловато перекатывающимися лопатками, она поначалу пока-708

зала из-за кустов рыжий загревок. Затем появились вздрагивающие кисточки ушей, небольшая, чуть наклоненная вперед голова и, наконец, мощные лапы. Лапы неловко, как у щенка, вываливались на тропинку, но улыбаться почему-то не хотелось: милая черта зверя может в мгновение беспощадно обернуться против человека, и, понимая это, я был весь напряжен и собран.

И все же сквозь напряжение очень хотелось заглянуть в глаза хищника. Трудно представить, что можно увидеть в них за короткое мгновение! Ведь зверь наверняка не допустит сближения и попытается тотчас уйти, как только почувствует к себе малейшее внимание. А может, он не отведет глаза, и ты успеешь обрести недостающий смысл...

Помогла мне в этом ворона, взбалмошно перелетевшая за спиной у рыси просеку. Рысь неожиданно ощерилась, обернулась, и я, не ведая, что творю, вмиг очутился на тропе и успел поднять к глазам бинокль. Так я и замер, ошарашенно обнаружив прямо перед собой зелено-золотистые пронизывающие глаза.

Они смотрели холодно, всепроникающе, но равнодушно. Стоило, кажется, протянуть руку — и я коснусь ворсистого, в крапинку, лба, а зверь не ринется на тебя и только мягко отпрянет. Словно ему будет интересно показать свою грациозность и силу, и тут же исчезнуть, будто его и не было.

Взгляд зверя как-то незаметно растворился во мне затвердевшей желтизной, охолонил бездонностью постижения и пропал. Рысь плавно повернулась рыжим боком, вытянула заднюю

ногу и еще раз поглядела в мою сторону. Но теперь мимо, как будто решив для себя все, и по-прежнему готовая, несмотря ни на что, брести своей потаенной лесной дорогой. И я ее понял, и попрощался с этой очаровательной тайной, и мне нисколько не стало грустно. Так же тихо, как ушла рысь, я почувствовал себя человеком.

Часто по ночам, в ожидании глухарей, человек этот замирал во мне от переполняющих впечатлений. Потаенные запахи, неведомые шорохи и звуки рождали в душе неизъяснимые чувства. Запашистый воздух весенней ночи душными волнами подкатывал к горлу и мешал перевести дыхание. Все вокруг ухало, шептало и бесчинствовало, так что нельзя было ничего разобрать, и я только прислушивался к биению сердца, а потом вдруг замирал от собственной настороженности.

Всегда кто-нибудь выводил меня из нее, и я с еще большим трепетом вникал в непроглядную тьму, ожидая чего-то непоправимого. Порой такое ожидание было невообразимой мукой: в расступающейся передо мной чаще нарастал какой-то лохматый ужас. Он вот-вот готов был навалиться на меня и поглотить, и тогда все звериное закипало в моей душе и я жаждал с ним встречи.

Как-то раз кто-то шумно вывалился через кустарник прямо передо мной, и я, не в силах сдерживать себя, высветил его фонариком. Зверь еще какое-то время не прекращал увлеченного продвижения, но в нескольких метрах от меня отупело застыл. К своему великому удивлению, я вдруг узнал в нем обыкновенного... барсука, этого обаятельного и неказистого зверька, неудержимого нарушителя ночного покоя.

Радостная улыбка тотчас сменила тогда мое неприятное оцепенение, и я уже с восхищением всматривался в ослепленного зверя, по-смешному замершего на месте. Барсук, помнится, зажмурился, прижав голову к земле, и так, сквозь полузакрытые веки, пытался разглядеть источник своего беспокойства. Был он похож на подслеповатого крота, и я выключил свет, чтобы барсук мог успокоиться.

Некоторое время зверь сидел тихо, никак себя не выдавая. Я вновь осветил его, желая посмотреть, чем он занят. Барсук, оказывается, перебрался немного в сторону и, почувствовав свет, вновь затих, теперь уже по-смешному выпятив круглый зад. Это был небольшой симпатичный зверек, по-видимому, возвращающийся с ночной охоты.

А я стоял не шелохнувшись и наслаждался беспомощностью зверя. Было приятно его живое присутствие. Барсук же пока никак не мог разобраться: стоит ли ему опасаться возникшей преграды или надо, не обращая внимания, продолжить свой путь. Повсему он чувствовал себя неуютно, и я, не желая ему мешать, решил подпугнуть незадачливого зверя, чуть притопнув ногой. Результат такой попытки оказался самый неожиданный...

С невероятной для него быстротой барсук перевернулся через себя и высоко подпрыгнул на месте. Коротенькие лапы его беспомощно вытянулись в воздухе, а зад задрожал и выгнулся. При этом он хрюкнул, как поросенок, и, приземлившись, издал такой душераздирающий вопль, что можно было напугаться за его потревоженный рассудок. В следующий миг было только слышно пощелкивание веток, сквозь которые барсук

улепетывал без задних ног, и недовольное пыхтение, коим не на шутку раздосадованный зверь оглашал непробудившийся лес.

И все же что-то нарушилось в нем с исчезновением барсука. То ли начали расходиться слабые сумерки, оживив линию ветвей, то ли птичьи сновидения кончились, почуяв близкий рассвет, но в лесу вдруг началось неясное копошение. Тягостное ожидание его было приятно, и я боготворил в душе лес, что еще до встречи с глухарем оделил меня таким замечательным подарком.

Благодарил за солнечную нежность весеннего восхода, за аромат березового сокоистечения и клекот дикой птицы в бледном небе... За все тревоги, радости и смятенья, принесенные весной. Еще я был признателен и себе, когда отважился соприкоснуться с тайной и не отказался от нее.

Наверное, я был просто переполнен счастьем, заслуженно доставшимся мне без завещания, но с жадностью не хранимым, вольным. Все, связанное с глухарями по весне, хотелось разделить с чужим вниманием, не обуреваемым пустой заботой. Так было предугадано мне лесной душой, которая, я верил, жива и будет вечна.

Каждый год приходит на землю новая весна, и в ожидании первых побегов свежей травы снова выходит на рыхлый снег глухарь, оставляя толстые, с палец, кресты, в нетерпении то и дело проваливаясь и оступаясь. Отсидевшись под разлапистыми еловыми ветками в метельную февральскую пору, он вы-712

бирается на размытый между деревьями проникновенный свет. Цепочки его глубоких набродов тянутся в молодой березник, будят не на шутку растревоженное весной воображение, с каждым часом приближая момент дорогого лесного причащения, когда, наконец, тебе приоткроется великое таинство жизни, наполнит до краев и успокоит.

И, переживая в который раз свою весну, я опять вспоминаю бесчисленные бессонные ночи, проведенные на ногах, и постепенно накапливающуюся усталость, сладковато-приторный, размытый возрождающимися силами земли вкус березового сока на губах, и чистоту, которую он тотчас вдыхает в расслабленные за зиму члены. Как радостно идти с рюкзаком по весенней, журчащей полноводными ручьями дороге, слушать вскрикивания чибисов и переливающиеся трели зяблика, с замиранием сердца наблюдать, как неторопливо плавают между кочками кряковые утки, направляясь, в случае опасности, к затопленным береговым деревьям, а под вечер, до головокружения вдыхая поднимающийся от земли парной дух, где-нибудь в укромной ложбинке, у елочек, разводить ярко-красный, потрескивающий душистыми сучьями костер, подвешивая над ним закопченные котелки с талой снеговой водой и отражающимися в ней, тревожно вспыхивающими звездами.

И еще вспоминаешь, как мелькают в чаще зеленые фонари будто приближающихся к тебе людей, какие-то необычные, молчаливые, но сильно ощущаемые. А потом оказывается, что это не огоньки, не глаза животных, а звезды... Облака бегут по небу, то закрывают их, то вновь открывают, и кажется в тем-713

ноте, что кто-то неведомый движется к тебе, мигает, не упускает из виду.

Холодный туман мутными слоевищами растекается над ноздрящимся снегом, и если бы не его запах и не редкое кряканье уток, проносящихся к реке, кажется, что весенняя оттепель ни с того ни с сего затерялась во временах года...

И, конечно, я не в силах забыть, как нежные звуки глухариной песни тихо шелестят в воздухе, точно плывут в легкой невидимой дымке, но на землю не спускаются — растворяются вокруг, живут во всем, переплетаются, дышат. Глухарь не спит и не поет, а будто сам молча слушает из ночи какую-то неясную лесную музыку и зачарованно замирает в предутренней темноте.

Далекое солнце мягко волнуется у линии горизонта, и небо мгновенно наполняется чарующим светом. Силой своего вдохновения оно, наверное, увлекает древнюю птицу в далекие края будущего, и потому глухарь на какое-то время забывается в сладостном оцепенении, а пробудившись, долго не может успокоиться, до самого рассвета прославляя привидевшееся ему спасение.

И я, такой же отрешенный от всего мира и в то же время слившийся с ним, забываюсь в самом сердце весны и куда-то лечу: преисполненный жизненной несправедливостью, но свободный и радостный.

ЭПИЛОГ

Эту книгу можно было писать бесконечно, потому что каждый год лес дарит что-то неповторимое. Все, кажется, узнал ты о своих любимых глухарях, но приходит еще одна весна, и ты опять открываешь что-то важное и новое. Ты все так же по-прежнему страшишься леса и между тем трепетно и несравнимо ни с чем любишь его. Несмотря ни на что стремишься понять и теряешься — нужно ли это кому-то? И отвечаешь: в первую очередь — тебе, потому что ты не можешь жить без леса, лес — твоя судьба.

Неразделимо с замечательными древними птицами несешь ты ее в себе и с восхищением доверяешь самым близким людям, постигая в глубине души: главного тебе никогда не передать, это нужно увидеть самому. В порыве откровения с удовольствием замечаешь, как загораются у слушателей глаза, вздергиваются в удивлении брови и озаряется чистой улыбкой лицо. Слушая твои рассказы про тайны леса, люди забываются от замотавшей их обыденной жизни, на какое-то время становятся самими собой и как бы возвращаются в далекое и невозвратимое детство.

Тебе хочется взять их за руку и повести по потаенным лесным тропинкам, чтобы они так же, как и ты, насладились увиденной тайной и почувствовали себя счастливыми. Лес бы тогда ласково коснулся их затерянных душ, незаметно наполнил до краев неувядающей правдой и навсегда сделал своими пленниками. А может, только очаровал на миг, длящийся одно утро или день, и отпустил до следующей встречи.

Ты же заражен этой дорогой навсегда. До помутнения страстно, так что порой готовы выступить слезы. Как это случилось последней твоей весной, когда ты пришел попрощаться с глухарями и они приоткрыли тебе еще одну маленькую загадку...

...В то утро на току их было трое, и сидели птицы очень кучно. Так же слаженно они и запели, и я не мог никак сначала разобрать эту странную песню. Скрикающие звуки сливались с точением, тут же переплетались с хрюканьем, порой напоминающим возгласы взбудораженного спросонья петуха, и от всего этого представлялось, будто поет один, какой-то невообразимо громадный и сказочный глухарь.

Начав подход к птицам под песню в неясных сумерках, я, к удивлению, замирал, когда песня продолжалась, и возобновлял скрадывание в самом ее завершении. Все казалось перепутанным, до невероятного странным, и только неожиданный взлет глухаря в каких-нибудь десяти шагах с невысокой густой ели вывел меня из замешательства. Глухарей, конечно, было несколько, может быть, даже больше, чем трое, и песни их слились воедино. Вспугнутый же мошник никуда не улетел, а, усевшись неподалеку, вскоре опять огласил лесную округу своим гортанно-металлическим «тэк-тэк, тэк-тэк...»

Раньше мне не приводилось наблюдать глухарей, сидящих так близко друг к другу, всегда у каждой птицы был свой токовой участок, который он самозабвенно защищал от чужаков. С рассветом или иногда даже с вечера к такому глухарю подлетала с нетерпеливым котканьем глухарка, и они начина-716

ли меж собой неповторимый обряд восторженного соединения. Но сейчас стоял конец апреля, пришедшего к тому же намного раньше обычного, и все глухарки, должно быть, уже сидели на гнезде. Самцы, таким образом, остались в одиночестве...

Теперь им нечего было делить между собой, и глухари постепенно сбились на одной маленькой лесной территории, чтобы не чувствовать себя такими оставленными. В них, видно, было еще достаточно силы восторгаться своей страстью и прославлять весну, и они не хотели, чтобы она уходила. Глухари пили свою неистраченную любовь так же самозабвенно, как и в разгаре весны, и пришедший к ним в гости человек, похоже, не казался им помехой.

Птицы, конечно, заметили меня, но не улетали. Попеременно подходя от одного к другому, я начал находить в этом какую-то скрытую для себя забаву. Глухари подпускали вплотную, давая возможность разглядеть их самым пристальным образом, и я был за это им благодарен.

Уже рассвело, а глухари, не прекращая, пели вокруг меня и ничего не боялись. Они будто знали наверняка: этот человек не причинит им вреда, если только немного беспокойства... И тут я решил проверить, насколько птицы мне доверяют...

Я открыто, не под песню, стал неторопливо приближаться к ним, время от времени останавливаясь и умоляя втайне поверить. Два глухаря, кажется, не обращали на меня никакого внимания, так же возбужденно, вытянув к небу шею, вздрагивали в песне всем телом, трясли бородой. А я подходил все ближе и ближе, и мне уже были хорошо видны их белые круг-717

лые пятна на предплечьях. В следующий миг я почувствовал, что пора остановиться.

Глухари притихли, выдержали неуловимую паузу, а затем, поджавшись, вытянулись в полете и, плавно взмахивая мощными крыльями, величественно потянули над лесом. В их взлете не было какого-либо напряжения или суетливости, просто они сегодня себя исчерпали. И еще показалось, только на мгновение: глухари мне на прощание помахали...

Не первый год приходил я на этот ток, и птицы, возможно, меня узнали. Мне вдруг стало до боли жалко, что весна опять уходит и вместе с ней растворяется в душе дальняя дорога, и черная ночь с костром, и вселенский ветер, принесший на своих плечах беззвучные зарницы во все небо. И, конечно, это незабываемое глухариное утро, и понимание, что оно рано или поздно придет вновь, и нужно сделать все, чтобы радостно его встретить.

Слезы выступили у меня на глазах, когда я смотрел вслед удаляющимся глухарям, будто зная, что уже никогда их не увижу. И тогда я тоже помахал им, а потом, приложив пальцы обеих рук к губам, подарил лесу воздушный поцелуй, как бы восклицая: «Здравствуй и прощай, моя неизбывная лесная душа, любовь моя, глухарь! До скорой встречи, до будущей весны!»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Листопад	7
Любовь моя, глухарь	567

Борис ПЬЯНКОВ

ЛИСТОПАД

Сдано в набор 16.02.09. Подписано в печать 30.06.09.

Формат 60×70¹/₁₆. Бумага ВХИ. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,1. Тираж 500 экз. Заказ № 270.

ОАО «Издательско-полиграфический комплекс «Звезда». 614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.